

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Ю.Н. Назаркин

О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ БУДНЯХ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО “МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ”
2011

УДК 327
ББК 66.49
Н19

Редакционный совет:

Торкунов А.В. (председатель),
Воробьев В.П. (заместитель председателя),
Федотов А.Л., Серегин А.В., Мелехов А.И., Дубинин Ю.А.,
Долгов В.И., Астахов Е.М., Ручкин Г.Р.

Назаркин Ю.К.

Н19 О дипломатических буднях и другие истории / Ю.К. Назаркин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — М : МГИМО-Университет, 2011. — 320 с.: 24 с. илл. — (Серия «Воспоминания дипломата».)

ISBN 978-5-9228-0735-7

Автор книги, профессиональный дипломат, прошедший от референта до посла, рассказывает о тех событиях, в которых он принимал участие в течение сорока лет своей профессиональной жизни. Сначала это были увлекательные приключения в Африке. Потом — многосторонняя дипломатия, международные переговоры. Но независимо от сферы деятельности, рассказ сопровождается любопытными, порой курьезными, деталями и яркими зарисовками. Этот подход не изменяет автору и в рассказе о переговорах об ограничении стратегических вооружений (Договор СНВ-1), которые он вел в качестве руководителя делегации. С болью пишет автор о сложном периоде, который начался с распадом Советского Союза. «Смутное время» — так называет он этот заключительный период своей работы в МИДе, а потом в Совете безопасности РФ. Завершается книга рассказами о происшествиях после выхода в отставку и короткими новеллами-воспоминаниями о некоторых забавных случаях. Живой, яркий язык и занимательная, ироничная манера изложения привлекут широкий круг читателей.

Автор приносит свою глубокую благодарность Ректору МГИМО, Председателю Ассоциации выпускников МГИМО А.В. Торкунову за помощь и поддержку в публикации этой книги. Он выражает свою признательность также ответственному секретарю Совета Ассоциации швейцарских выпускников МГИМО С.И. Косенко за его содействие в публикации.

УДК 327
ББК 66.49

ISBN 978-5-9228-0735-7

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2011

Предисловие

Издательство МГИМО осуществляет проект «Воспоминания дипломата». Книги этой серии — вклад не только в историю дипломатии, но и в общую историю нашего Отечества. Авторы этих воспоминаний рассказывают о своей профессиональной деятельности.

Предлагаемая Вашему вниманию книга Чрезвычайного и Полномочного Посла Ю.К. Назаркина не претендует на историческую фундаментальность. Наоборот, ее заголовок подчеркнуто приземленный — «О дипломатических буднях...». И, действительно, автор рассказывает о своей профессиональной жизни именно с точки зрения будней — с их деталями, иной раз бытовыми подробностями, забавными штрихами. Но так или иначе они связаны и с международными делами, и с актуальной на тот момент обстановкой в нашем государстве.

За сорок лет дипломатической работы автору пришлось быть сопричастным ко многим важным событиям. Ю.К. Назаркин руководил советской делегацией на заключительном этапе переговоров с США, завершившихся заключением Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), прослужившего отведенные ему пятнадцать лет (1994–2009 гг.) и передавшего эстафету новому Договору по СНВ, который вступил в силу в феврале 2011 года. Он был у истоков переговоров по запрещению химического оружия и представлял нашу страну на Конференции по разоружению.

Свой богатый опыт автор излагает в виде отдельных зарисовок, конкретных деталей, размышлений. В настоящее время Ю.К. Назаркин — профессор Женевской школы дипломатии и международных отношений и в этом качестве активно содействует развитию сотрудничества названного учебного заведения с МГИМО-Университетом. Одновременно он возглавляет Совет Ассоциации выпускников МГИМО в Швейцарии.

Предлагаемая читателям книга Ю.К. Назаркина содержит не только много интересного познавательного материала, но и побуждает к раздумьям о нашей быстротекущей жизни. Написана она в живой и занимательной манере.

*А.В. ТОРКУНОВ
Ректор МГИМО(У) МИД России
Действительный член Российской
академии наук
Чрезвычайный и Полномочный Посол*

*Зачем выдумывать, «сочинять»?
Нужно честно день за днем записывать
истинное содержание прожитого
без мудрствований, а кому удастся —
с мудрствованиями.*

*Пусть пишут дневники все:
служащие, рабочие, писатели,
малограмотные, мужчины, женщины, дети —
вот клад для будущего!*

Юрий Олеша

*Пишешь, пишешь, а для чего пишешь —
неизвестно.*

Михаил Зоценко

От автора

В моем книжном шкафу много всевозможных воспоминаний различных (бывших, разумеется) президентов, министров, послов, военачальников, разведчиков, контрразведчиков, актрис, чиновников и т.д. Считается, что их пишут те, кому есть что вспомнить и что будет интересно не только родственникам и близким друзьям автора. А есть ли у меня что поведать читателям? Сомнения одолевали меня до тех пор, пока я не наткнулся на совет Юрия Карловича Олеше, приведенный в эпиграфе.

К тому же с годами возникает, а потом усиливается ощущение уходящего времени. И если нельзя его остановить, то можно, по крайней мере, пропустить через встроенный в память аппарат Люмбера сохранившиеся кадры. Это доставляет некое печальное удовольствие.

Закончив Институт международных отношений, я сорок лет прослужил своему государству в сфере этих отношений. Служил я и Советскому Союзу, и постсоветской России. Считал и считаю, что независимо от политического строя и идеологической окраски моя страна всегда будет моей страной.

Мне приходилось в различных качествах соприкасаться с некоторыми международными событиями. Но рассказывать я собираюсь не о них, а о тех, часто мелких и будничных, но порой довольно интересных деталях, которые им сопутствуют. Они, как мне кажется, хотя и не передают суть этих событий, но могут дать почувствовать их аромат.

Итак, перелистываю страницы жизни... Они, естественно, разные. По-моему, есть кое-что забавное. Но чем дальше в лес, тем меньше забавного и больше занудно-профессионального. Такова жизнь. Но, может быть, и эти страницы заинтересуют кого-нибудь (верю Ю. Олеше — см. первый эпиграф). Да и вообще, не для забавы же читающей публики я пишу. А для чего? Сам не знаю (см. вто-

рой эпиграф — М. Зощенко). Остается полагаться на умение читателя читать тексты выборочно, пропуская то, что ему неинтересно.

Конечно, время накладывает свой отпечаток на то, что зафиксировала память. Дневника я, к сожалению, никогда не вел. Может быть, из-за привитой с юных лет привычки к режиму секретности, а, скорее всего, от лени. Правда, у меня сохранились отдельные статьи, очерки, зарисовки, которые делались вскоре после событий.

По этой причине я не уверен, что имею право называть эту книгу воспоминаниями. Скорее это сочинение, основанное на воспоминаниях. Но во всяком случае перед вами, конечно, не вымысел, а попытка рассказать о дипломатических буднях и о некоторых других жизненных явлениях, по возможности, правдиво и откровенно.

Как вы увидите, я избегаю традиционной схемы «детство — отрочество — юность — выход на пенсию» и начинаю с таинственно-интригующего. А дело было так...

Глава первая

Вся жизнь впереди

Таинственное начало и немного об Alma Mater

20 августа 1956 года по Тверскому бульвару от Пушкинской площади к Никитским воротам шел молодой человек. Неумело завязанный галстук выдавал в нем вчерашнего студента, еще не привыкшего к униформе госслужащего, а загорелое лицо наводило на мысль о том, что он только что завершил свои каникулы.

Память прокручивает кинокадры, и смотришь на них как бы со стороны. Во всяком случае, сквозь полувекую призму, а это почти что со стороны.

Да, действительно, это я, вчерашний студент МГИМО, иду по Тверскому бульвару. Солнышко светит, птички поют. А в душе у меня играет оптимистическая музыка: дескать, вся жизнь впереди, надейся и жди (этой песни тогда, кажется, еще не было, но нечто похожее у меня в ушах звучало). Одним словом, молодость, и, действительно, вся жизнь впереди, и это прекрасно.

А направляюсь я к дому №16 по Гоголевскому бульвару. Именно туда получил я назначение от распределительной комиссии. Что за учреждение находится в этом таинственном доме без вывески и что я там буду делать, мне абсолютно неизвестно. Знаю я лишь то, что направляюсь на работу в «в/ч №15618». Конечно, перед каникулами я уже был в доме №16. Заполнил многостраничную анкету, сдал дюжину фотографий 9х12 и побеседовал с двумя кадровиками, один из которых, видимо, был начальником, так как держался более сановито. «Посмотрело» меня и начальство этой в/ч, для чего меня провели в комнату, где сидело человек пять солидных товарищей, которые задавали мне какие-то малозначащие, по моему мнению, вопросы. Никакой ясности в отношении моей будущей деятельности это, однако, не добавило.

С трудом отворив массивную дверь старинного двухэтажного особняка, вхожу в помещение в/ч №15618. Стоит вахтер в форме с синими погонами.

Скоро я узнаю, что за таинственным номером воинской части скрывается вполне мирное название — Комитет информации, которое, тем не менее, было засекречено и фигурировало только в документах с грифом «секретно» и «сов.секретно». Почему? Этот вопрос должен естественно возникать у каждого нормального человека. Даже если в этом учреждении были какие-то страшные секреты, почему его название должно быть секретным? Наверное, тем, кто не жил в те времена в Советском Союзе, трудно это понять. Но если сообщения ТАСС с изложением статей западных газет и журналов имели гриф «секретно» или «сов. секретно», то почему бы не засекретить и название той конторы, куда все эти и другие грифованные бумаги приходили?

В общем, оказался я в весьма любопытном заведении и пробыл там два с половиной года до его ликвидации. А краткая история его такова.

В 1947 г. все разведывательные службы Советского Союза были объединены в одну большую организацию — Комитет информации при Совете Министров СССР, возглавлявшийся В.М. Молотовым. Видимо, Сталин, доверявший до этого лишь своему собственному чутью, которое все-таки его подвело в 1941 г., хотел поставить на более прочную основу анализ информации. Возможно, подтолкнуло его к этому и создание американцами большого ведомства — ЦРУ, которое должно было, помимо ведения политической разведки и осуществления спецопераций, координировать деятельность других разведслужб США. Как бы то ни было в 1947 г. возник советский «Большой комитет».

Но что-то в этом монстре не заладилось, и просуществовал он в первоначальном виде недолго — до 1949 г., когда военная разведка вернулась в Генштаб. А в 1951 г. то же произошло и с политической разведкой, которая вновь стала частью МГБ, впоследствии — КГБ. Осталось информационно-аналитическое подразделение, которое под названием «Комитет информации при МИД СССР» (КИ) оказалось в ведении МИДа.

КИ, или Малый комитет, куда я попал, унаследовал от Большого комитета методологию и основательный подход к делу. Я еще застал подготовку серьезных аналитических записок, рассылавшихся высшему политическому руководству страны. Еще готовился еженедельный обзор важнейших международных событий. Он направлялся самому широкому кругу адресатов — членам и кандидатам в члены Политбюро и руководству ключевых министерств. Это на-

зывалось: «по Большой разметке». После того, как в подвале, где находилась множительная техника (гектографы), изготовлялось нужное количество копий, все они переносились, разумеется, с соблюдением всевозможных требований секретного делопроизводства, на второй этаж в Главный кабинет, где на огромном столе для совещаний производилась раскладка многостраничного материала по экземплярам. Молодые аналитики хороводом ходили вокруг стола, раскладывая гигантский пасьянс, а старшие товарищи потом проверяли, чтобы каждый экземпляр имел нужное количество страниц.

Этот огромный кабинет предназначался для высшего начальства, но большую часть времени он пустовал, так как начальство предпочитало вызывать менее высокое начальство КИ к себе на Смоленскую площадь. Наверное, в далекие дореволюционные времена, когда особняк использовался по своему прямому назначению, здесь была танцевальная зала. Высокий потолок, прекрасный паркет, хрустальные люстры...Воображение рисовало первый бал Наташи Ростовой. В дальнейшем этот зал разгородили на несколько кабинетов, в одном из которых поместилась африканская группа, где я проработал несколько лет.

Каждый новобранец КИ попадал, прежде всего, в так называемую учетную группу, где в течение двух-трех недель проходил стажировку. Дело это было нудное, но полезное, так как позволяло постичь механизм обработки и хранения поступавшей информации.

Начальство расписывало приходившие по различным каналам документы исполнителям, т.е. рядовым сотрудникам, ведавшим определенными направлениями. Исполнители должны были прочитывать эти документы и проставлять на них индексы в соответствии с утвержденным тематическим реестром. После того как эти материалы проходили всех исполнителей, занимавшихся соответствующими проблемами, они поступали в учетную группу, где ее штатные работники и временные стажеры заносили краткое содержание в учетные карточки, которые помещались в тематический каталог. Ключом к поиску нужных материалов служили упомянутые индексы. Уже после стажировки, во время работы в более творческом подразделении, я вполне оценил эти каталоги, так как с их помощью можно было довольно быстро набрать материалы, необходимые для подготовки какой-либо справки или иного опуса.

Конечно, сопоставление данных из различных источников позволяло отсеивать ненадежную информацию и определять предна-

меренную дезинформацию. На основе просеянного делались обобщения, заключения и рекомендации.

Впоследствии, когда я стал работать в оперативных подразделениях МИДа, я столкнулся с прямо противоположным подходом. Там основанием для рекомендаций была весьма узкая информация — обычно это были сообщения из посольств. Материалы из других ведомств становились известны только начальству. Поэтому если инициатива исходила не сверху, а шла снизу, то под предложение подгонялись доступные аргументы. Правда, если это предложение получало ход, то оно подвергалось довольно тщательному согласованию сначала внутри Министерства, а потом и с «заинтересованными ведомствами». В случае с военно-политическими вопросами это были Оборонный отдел ЦК, Военно-промышленная комиссия (ВПК) Президиума Совмина, Министерство обороны и КГБ.

Бесценные клады таились в библиотеке Комитета информации. Там были книги и журналы, которые в обычных библиотеках и из спецхрана далеко не каждому были доступны. Запомнились мне публиковавшиеся в журнале «Лайф» очерки бывшего генерала НКВД Орлова, представлявшего свое ведомство в Испании во время гражданской войны и предпочтшего гибели в отечественной мясорубке 1937–1938 годов бегство в США. Из книги другого разведчика-перебежчика Петрова, оставшегося в Австралии в начале 50-х годов, я с интересом узнал, что некоторые из моих мгимовских наставников были в свое время его коллегами по ГБ.

Любопытно то, что всю эту «страшную» по тем временам литературу можно было совершенно бесконтрольно читать, никак не оправдывая свой интерес «служебной необходимостью». Конечно, уже началась «оттепель», но все-таки из-за листка ТАССа, кем-то оброненного в коридоре, было проведено строгое расследование с надлежащими оргвыводами.

В составе Малого комитета МИДу досталась публика в погонах самых различных оттенков — гебешных, армейских, военно-морских и т.д. (форму, впрочем, никто не носил). Ее стали разбавлять выпускниками МГИМО и возвращавшимися из-за границы дипломатами. Сначала им присваивали воинские звания, а потом перестали (я попал в Комитет тогда, когда новобранцев принимали только в штатском качестве). Однако до ликвидации Комитета в 1958 г. должности назывались не по-мидовски: вместо атташе, секретарей и советников были референты, пом. нач. отделов, старшие

пом. нач. отделов и т.д. Кажется, были и оперуполномоченные. Впрочем, я не успел пойти дальше референта.

Верховным главой КИ был зам. министра иностранных дел — А.А. Громыко до назначения его министром вместо Дм. Шепилова в 1957 г., а после — В.А. Зорин.

Практически работой Комитета руководил заместитель председателя КИ Иван Иванович Тугаринов. По младости лет мне не доводилось непосредственно общаться с ним в рабочем процессе. Но, думаю, человек он был выдающийся уже потому, что сумел подобрать умнейших людей в руководство Комитета и вместе с ними создать исключительно творческую обстановку, которая позволяла вести аналитическую работу, не сковывавшуюся идеологическими шорами.

Состав людей, работавших в КИ, был чрезвычайно разнообразным. К тому времени, когда я попал туда, там уже была довольно значительная группа выпускников МГИМО различных годов выпуска. Но были и экземпляры с гораздо более богатым прошлым.

Работали в КИ несколько человек, окруженных легендарным ореолом работы «нелегалами». Про одного моего тогдашнего коллегу рассказывали, что он, будучи в конце тридцатых вызванным в Москву из зарубежной нелегальной командировки, быстро смекнул, чем дело пахнет, и скрылся в забайкальской тайге, где в гражданскую партизанил вместе с А.А. Фадеевым. Пересидев в глухих углах время, когда Ежов, а потом Берия выкашивали бесценные кадры советской разведки, он с начала войны объявился в Москве и благополучно проработал все военные годы по специальности за рубежом.

В телефонном списке среди вполне советских фамилий значился некий Джим Элиот. Как выяснилось, это был Гай Бёрджес¹. Он находился на положении консультанта, но был явно не у дел. Импозантный, прекрасно одетый, он в то же время производил впечатление опустившегося человека. Этому впечатлению сильно способствовало то, что он постоянно находился под хмельком. В обеденное время он неизменно направлялся в закускую при ресторане «Прага» (так называемый «стояк», где выпивали и закусывали на скорую руку, стоя у высоких столиков), брал дозу коньяка и бокал шампанского на закуску. Был он ка-

¹ Гай Бёрджес — один из легендарной «кембриджской четверки», впоследствии оказавшейся пятеркой. В эту сеть английских нелегалов входили, помимо Бёрджеса, Ким Филби, Дональд Маклин, Энтони Блант и Джон Корнросс.

ким-то отстраненным, видимо, глубоко переживая свое положение изгнанника².

«Великолепная кембриджская пятерка» была в свое время завербована на своих прокоммунистических симпатиях. Наверное, они были идеологическими романтиками и стали работать на советскую разведку из высших побуждений. Честь и хвала советской разведке и ее замечательным агентам. Понимая все это, я тем не менее, не мог отделаться от неприятной мысли, что Гай Бёрджес-то в сущности — предатель. Пусть для него коммунистические идеалы превыше всего, но свою страну — Великобританию — он ведь предал. Наверное, такое двойственное чувство возникало не только у меня. Не исключаю, что эта же мысль посещала и самого Бёрджеса.

Окунувшись в совершенно новый для меня мир фактов и мыслей, за обсуждение которых совсем недавно можно было запросто вылететь и из комсомола и из института, я впал в состояние эйфории. Казалось, передо мной открывались совершенно необозримые интеллектуальные горизонты.

События и факты здесь оценивались сугубо прагматически, без помощи дающей на все ответы марксистско-ленинской теории. Молодые читатели, если на глаза им попадет эта книга, скорее всего, не поймут моего ошеломления. Но ведь в те времена нас в институте готовили к тому, чтобы в нашей будущей работе мы исходили из главного критерия — классовой борьбы, а все то, что происходит в мире, рассматривали как подтверждение единственно правильной теории, которая правильна, потому что верна. Конечно, марксизм-ленинизм — не такая уж глупая теория как ее потом стали представлять разные ниспровергатели. Однако презрительно-снисходительное отношение ко всем другим теориям и подходам, особенно к «ползучему эмпиризму», которым сопровождалось преподавание марксизма-ленинизма, по-моему, наносило вред развитию умственных способностей подрастающего поколения.

Думаю, что для всех нас, «бывших людей» КИ, опыт работы там был бесценным.

Благодарен судьбе за то, что моими непосредственными начальниками и учителями стали Алексей Ефремович Нестеренко, Лев Исакович Менделевич, Георгий Маркович Корниенко. При всей

² Очень интересные и точные воспоминания о Комитете информации, в частности, о Гае Бёрджесе, опубликовал Б.И. Ильичев в журнале «Международная жизнь» № 1. 1992. С. 119-123.

их непохожести друг на друга это были люди, которых объединяли ум, широкий кругозор, государственное мышление, критическое отношение к анализируемому, потрясающая работоспособность. В дальнейшем они заняли видное положение в МИДе. Но ни А.Е. Нестеренко, ни Л.И. Менделевич, хотя они и стали послами и занимали руководящие должности, не были востребованы в полной мере.

Больше всего мне довелось работать с А.Е. Нестеренко. Это было увлекательнейшее занятие. Давая какое-нибудь поручение, Ефремыч, как его за глаза называли подчиненные, сначала четко формулировал задание, а потом, после некоторых раздумий, начинал набрасывать мысли и ставить вопросы, всячески провоцируя при этом исполнителя к ответной реакции. Происходило то, что, как я потом узнал, американцы называют brainstorming. Получивший таким образом подзарядку исполнитель готовил бумагу и направлял ее Нестеренко, будучи в полной уверенности, что коль скоро столько замечательных мыслей было высказано при обсуждении задания, и все они украсили бумагу, результат получился блестящий. Вскоре получаешь ее обратно без всякой правки, но с огромным количеством вопросительных знаков на полях. Идешь к А.Е. и получаешь расшифровку каждого вопроса. Он умел подвергать сомнению, причем совершенно обоснованному, самые, казалось бы, железобетонные факты и оценки. После такого разбора начиналась уже настоящая работа над бумагой.

Однажды, это было в начале 1959 г., А.Е. Нестеренко вызвал меня и, порассуждав о месте африканской политики СССР в его глобальной политике, предложил мне подумать о возможности выступления Советского Союза с декларацией о колониализме, вернее о его ликвидации. В результате очень интересных дискуссий и написания нескольких вариантов бумаг на свет появилась записка на имя министра с обоснованием этой инициативы и тезисы предлагаемой декларации. Записка была одобрена заместителем министра В.А. Зориным, который тогда курировал наше подразделение, и направлена А.А. Громыко. Тот по достоинству оценил замысел, но распорядился отложить выступление с декларацией до следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН — в 1960 г. Надо сказать, что в бытность Громыко министром на каждой сессии Советский Союз выступал с «главной инициативой». Отложил он декларацию о колониализме, видимо, потому, что на 1959 г. у него уже были виды на какую-то другую «главную инициативу». На сле-

дующий год декларация была подготовлена, выдвинута и, по-моему, сыграла свою политическую роль.

Вскоре А.Е. Нестеренко уехал послом в Пакистан, а оттуда — в Нью-Йорк заместителем Генерального секретаря ООН. Его карьера шла по восходящей. При этом он сохранял критичность и неординарность оценок, независимость взглядов. Говорят, что эта его независимость и отсутствие стремления «попасть в струю» с мнением министра и изменила в конце концов отношение к нему последнего. Вообще-то А.А. Громыко умел ценить умных и талантливых людей. Но в окружении министра были люди, которых не устраивали блестящие соперники. После Нью-Йорка А.Е. Нестеренко был задвинут на роли, явно не соответствовавшие его уму и кругозору.

В дальнейшем я не раз общался с Алексеем Ефремовичем, пересекаясь с ним на различных международных перекрестках. Помимо взаимной симпатии, объединяла нас и любовь к теннису. Последний раз я встретил его в Москве незадолго до его смерти. Он уже был несколько лет в отставке, после его возвращения из Ирландии, где он был послом и где сильно пострадал в автомобильной катастрофе. Как всегда элегантен и подтянут, он совсем не походил на пенсионера. На мой протокольный вопрос, как он поживает, Алексей Ефремович со своей обычной иронией и нетривиальностью ответил:

— Видите ли, Юра, трудно перейти от иллюзии о своей необходимости к мысли о том, что ты не нужен. Я уже прошел эту полосу и сейчас живу спокойно.

Впоследствии я особенно оценил это мудрое высказывание, когда тоже прошел эту полосу. Но в то время до нее еще было много интересного.

Проработав какое-то время в КИ, я, однако, стал ощущать состояние некоей надломленности и неудовлетворенности моих старших коллег. Стали доходить до меня и слухи о грядущей реорганизации или ликвидации Комитета.

А все дело было в том, что продукция Комитета становилась попросту не нужна. Новое руководство страны не нуждалось в ней, так как доверяло больше не информации, а своему собственному замечательному чутью. Наступали времена, которые впоследствии получили название эпохи волюнтаризма. Для волюнтаристских решений не нужна была тщательно выверенная и проанализированная информация. Поэтому закономерным стала ликвидация

Комитета информации и создание на его обломках Управления внешнеполитической информации (УВИ) МИДа. Главной функцией этого управления стала подготовка не информации, а речей для Хрущева, Брежнева (он был тогда Председателем Президиума Верховного Совета СССР) и других больших начальников.

Речей тогда произносилось и, соответственно, готовилось огромное количество. После упразднения КИ и создания УВИ я оказался в отделе Ближнего Востока и Африки этого управления и занимался подготовкой выступлений, связанных с этими регионами. Едет глава какого-нибудь государства к нам, пожалуйста — несколько проектов выступлений для наших руководителей. Отправляется в Африку или на Ближний Восток наша высокая правительственная делегация — то же самое.

Как известно, Хрущев очень любил украшать свои речи пословицами и поговорками. Поэтому требовалось найти для каждого опуса один-два фольклорных перла. Приходилось выискивать по разным источникам народную мудрость арабских и африканских народов. На арабском направлении работали квалифицированные арабисты (В. Поляков, Ю. Грядунов, которые стали потом послами, и др.), а я стал специализироваться на африканской тематике, благо африканистов тогда в УВИ не было.

Поиск подходящих пословиц занимал много времени, да и сами эти пословицы казались мне не очень выразительными. Я решил рационализировать процесс и заодно помочь угнетенным народам обогатить их фольклор. Иными словами, стал нагло сочинять пословицы, придавая им «африканский колёр». Несколько проектов выступлений с моими перлами прошли все начальственные кордоны и были представлены их потенциальным озвучивателям. До сих пор помню одно из моих изобретений. По какому-то очередному африканскому поводу Хрущеву предлагалось пригвоздить империализм-колониализм к позорному столбу, сказав примерно следующее: «Как говорят в Африке, в горсти песка не спрячешь слона. Так империалистам и колонизаторам не спрятать от народов мира правды...» и т.д. Размышляя сейчас над этой пословицей, я думаю, что лучше было бы или горсть песка заменить на пучок травы, или слона на верблюда. Тогда пословица лучше отразила бы географическую реальность. Но ничего, прошла и так...

Поскольку Хрущев часто отходил от заготовленных текстов, не уверен, что все мои шедевры вошли в сокровищницу африканского

фольклора, Тем не менее, мои творческие изыски оживляли в общем-то нудный спичрайтерский процесс.

В то время стали появляться различные сборнички пословиц и поговорок слаборазвитых (впоследствии переименованных в развивающихся) народов, Подозреваю, что их составители тоже не пренебрегали собственной фантазией. Пойди, проверь. А недавно я прочитал где-то, что треть всех русских народных пословиц, содержащихся в словаре В. Даля, сочинены автором. Оказывается, не я первый открыл этот источник обогащения фольклора.

Вскоре и название управления поправили: УВИ превратилось в УОМП — Управление общих международных проблем.

Те, кто не остался в МИДе, ушли в основном в КГБ. Некоторые из них выросли в крупных разведчиков, как например, мой однокурсник Володя Казаков.

Немало из тех, кто остался в МИДе, тоже пошли сильно вверх. Помимо уже упомянутых А.Е. Нестеренко, Л.И. Менделевича и Г.М. Корниенко, вышел на большую государственную орбиту В.М. Фалин. Стал заместителем министра иностранных дел Виктор Карпов.

В КИ не ощущалось профессиональной кастовости (военные — гебешники — дипломаты), но оказавшиеся там выпускники МГИМО и Института востоковедения, который в 1954 г. влился в МГИМО в качестве восточного факультета (было нас в КИ несколько десятков) в общем держались в кучке. Все-таки мы были там самыми молодыми (с учетом того, что первый выпуск МГИМО состоялся в 1948 г., всем нам было в то время не более тридцати). Видимо, здесь уместно вспомнить и об институте.

Идея поступить в МГИМО озарила меня в девятом классе. Я явно тяготел к гуманитарным предметам и подумывал поступить либо на истфак, либо юрфак МГУ. И вдруг читаю в «Огоньке» интервью с первокурсником МГИМО Вениамином Вейсом, где он толково объясняет свой выбор. Мол, гуманитарные предметы, плюс язык. Вот это, думаю, да! Вот что мне нужно³.

В те времена МГИМО отнюдь не был столь престижным и «блатным», каким он стал позднее. В начале пятидесятых мо-

³ Впоследствии В. Вейс работал в МИДе, в частности, был помощником у замминистра В.С. Семенова, когда тот руководил в Женеве делегацией по стратегическим вооружениям. Я искал повода рассказать ему о его роли в моей жизни. Но, увы, так и не получилось.

лодежь стремилась, прежде всего, в технические вузы. Мехмат МГУ, Физтех, Бауманский, Энергетический — вот куда шел абитуриент в первую очередь. В МГИМО конкурс был значительно ниже. А для медалистов, к которым принадлежал и я, его вообще не было.

Конечно, и в то время в институте учились «дети», но это были единицы, причем в основном среди девочек, поступление которых ограничивалось десятипроцентной квотой. Существовали небольшие квоты для национальных республик, в рамках которых прием производился вне конкурса. Для них было достаточно рекомендации от каких-то своих республиканских инстанций (как и на каких основаниях эти рекомендации выдавались, я не знаю, но уровень этих студентов был, как правило, весьма невысок). Были привилегии при приеме для демобилизованных из армии. Но основную массу студентов составляли либо те, кто проходил по конкурсу, либо медалисты.

Понятное дело, недобора в МГИМО не случалось, однако руководство института принимало меры для привлечения большего числа конкурсантов. Проводились «дни открытых дверей», студенты МГИМО направлялись в свои бывшие школы, чтобы своими рассказами об институте возбудить к нему интерес. В порядке выполнения этой миссии и я, уже будучи студентом, выступал перед десятиклассниками моей 135-й московской школы. Двое из них поступили в МГИМО. Один из этих моих «крестников» после МГИМО успешно работал в МИДе. А второй, еще будучи студентом, не только стал одним из «героев» опубликованного в «Комсомолке» фельетона С. Нариньяни «Плесень», но и получил крупный тюремный срок за соучастие в убийстве.

Очень хорошо помню день, когда я впервые перешагнул порог Старого Дома у Москвы-реки, чтобы сдать документы в приемную комиссию. Конечно, я очень волновался. Примут ли? А если примут, смогу ли я соответствовать тем высочайшим требованиям, которые, наверняка, предъявляются к студентам этой кузницы дипломатов? Секретарь приемной комиссии Белецкая, мрачный и суровый товарищ, прочитав мою автобиографию (родился, учился в таких-то школах, поступил в пионеры, а потом в комсомол и, наконец, закончил школу с серебряной медалью — все эти интересные факты были изложены на нескольких страницах) и анкету (на стороне белых в Гражданскую войну не сражался и на оккупированной территории во время Отечественной войны не находился)

и, подозрительно оглядев меня, назначила даты собеседования в приемной комиссии и экзамена по языку.

Собеседование в приемной комиссии не отложилось в памяти. Видимо, все было настолько банально, что память ни за что не зацепилась. Гладко прошел и экзамен, и вскоре я обнаружил себя в списке принятых.

Итак, я студент МГИМО. Нас триста человек на курсе — историки, юристы и экономисты. Мы молоды, беззаботны и оптимистичны. А заботы приходят всего лишь два раза в году — сессии! Но ведь до сессии далеко, а потому живи в свое удовольствие. Конечно, лекции, семинары и языковые занятия несколько мешают, но к ним можно привыкнуть.

Правда, лекторы у нас были хорошие и даже блестящие. Тарле, Любимов, Дурденевский, Крылов — это были имена. Но и среди менее именитых преподавателей были очень интересные люди. Я очень любил лекции Дюшена, который читал зарубежную литературу. Он говорил, что считает своей целью пробудить интерес к своему предмету, а не сделать из нас специалистов-литературоведов. Эта исходная позиция позволяла ему избегать «классового анализа», что по тем идеологизированным временам было небезопасно. Он просто рассказывал нам о творчестве западных писателей и поэтов (особенно он любил и знал французов), сопровождая свои рассказы обильным пересказыванием и цитированием наиболее интересных — и часто пикантных — пассажей. Наш курс был последним, которому посчастливилось слушать его лекции. Его все-таки «ушли», видимо, сочтя его лекции аполитичными.

Дюшен был самым либеральным преподавателем в институте. На экзаменах он ставил в основном пятерки, редко четверки. Sensацией стала двойка, которую он поставил студенту нашего курса Беранже. А дело было в том, что мой сокурсник ничего не мог рассказать на экзамене о ...французском поэте Беранже. «Из простого любопытства вы могли бы поинтересоваться, что написал наш с вами соотечественник, да и, черт побери, ваш однофамилец, наконец!» — так прокомментировал Дюшен этот экстраординарный неуд.

Не могу не вспомнить добрым словом двух совершенно блестящих молодых преподавателей — С.М. Меншикова и Э.П. Плетнева. Оба закончили наш же институт, аспирантуру и вели курс международных экономических отношений. Внешне полная противоположность другу другу (Плетнев — «Рыжий», Меншиков —

«Светлейший», так мы их между собой звали), оба были великолепными лекторами и блестящими эрудитами.

Были, конечно, и преподаватели, в том числе именитые, в лекциях которых была зашоренность, чувствовался испуг. Ну, от скучных лекций испытанные средства — «морской бой», «балда», чтение художественной литературы.

На семинарах — сложнее. Семинары были по истории марксизма-ленинизма, политэкономии, диамату и истмату. К сожалению, все эти предметы преподносились в такой форме, которая исключала дискуссию. Все, что было написано классиками марксизма-ленинизма, считалось не подлежащей обсуждению истиной в последней инстанции. А вопросы-то возникали. Уже тогда гиперболизированный «классовый подход» вызывал у меня (и не только у меня, но и некоторых моих институтских друзей) серьезные сомнения. Помню, на семинаре по истмату (тема — партийность в искусстве) я стал приставать к руководителю семинара, требуя объяснить, в чем выражается классовость в Венере Милосской. Он грустно смотрел на меня (умный был человек и наверняка понимал ахинейность того, что вынужден был внушать молодому поколению) и вяло советовал повнимательнее и поглубже поизучать первоисточники марксизма-ленинизма.

Нет, нет, я отнюдь не хочу сказать, что все то время, которое мы потратили на изучение марксистско-ленинских дисциплин, было абсолютно потеряно с точки зрения познания мира и развития интеллекта. Я, например, с большим интересом проштудировал «Капитал» и «Материализм и эмпириокритицизм». «Капитал» произвел на меня впечатление своей обстоятельностью и логичностью. В «Материализме...», несмотря на безапелляционность и агрессивную полемичность Ленина, была возможность хотя бы немного узнать о взглядах его оппонентов. Вполне разумной мне показалась позиция агностиков: в самом деле, как нельзя доказать, что Бог есть, так нельзя доказать, что его нет. И то, и другое — вопрос веры. Атеизм ведь — это никак научно не подтвержденная вера в то, что Бога нет. А то, что агностики, по выражению Ленина, «льют воду на мельницу поповщины и мракобесия», я решительно отверг, но, правда, не стал заявлять об этом на семинаре.

И хотя я в общем не лез на рожон, видимо, моя «аполитичность» не оставалась незамеченной. Во всяком случае, несмотря на мою хорошую успеваемость и вполне пристойное поведение, меня не выдвигали в комсомольские органы. Один раз случайно

выбрали в факультетское бюро, но только для того, чтобы я занялся там «спортивным сектором». Но поскольку я на этом посту не проявил политического рвения, хотя и принимал личное участие во всевозможных внутриинститутских спортивных состязаниях (помимо моего основного вида — спортивной гимнастики, лыжи, самбо, легкая атлетика и т.д.), меня потом больше уже никуда не выбирали.

Ну, а языковая подготовка была, конечно, святым делом. Ее необходимость понимали, по-моему, даже самые безалаберные студенты. Впервые я получил возможность проверить свою языковую подготовку в 1961 г., когда работал в МИДе, в Африканском отделе, и был направлен в свою первую командировку в Танганьiku⁴. Об этом — в следующей главе.

Ну, и еще несколько штрихов, без которых мгимовский колорит первой половины пятидесятых был бы неполным.

В институте была парикмахерская, где работало несколько мастеров, а главным и, несомненно, самым колоритным был Григорий Абрамович. На стене были развешаны его дипломы и награды, которые он получил в различных конкурсах. Предметом его особой гордости была грамота, удостоверявшая его триумф на международном конкурсе в Берлине в 1927 г., где он представил сделанную из волос картину. Григорий Абрамович с гордостью рассказывал, что благодаря своим «волосыным» шедеврам он был упомянут, правда, безымянно, в «Золотом теленке» Ильфа и Петрова. Помните эпизод, когда Остап в поисках краски для изменения цвета «Антилопы Гну» сталкивается с «художником», который создает портреты из овса? «Все это чепуха по сравнению с тем, что я видел в Москве, — говорит ему Остап. — Там один художник сделал картину из волос». Так вот, Григорий Абрамович утверждал, что имелся в виду именно он, так как Илья Ильф, приходясь ему дальним родственником, знал о его картинах.

Все институтские пижоны стриглись только у Григория Абрамовича. И только узкая кучка снобов-суперпижонов, хотя и признавали его мастерство, говорили, что он «устарел и закоснел». Поэтому они стригли друг друга по одним им ведомым «забугорным» образцам.

Сухонький, элегантный Григорий Абрамович, в бедоснежном халате и с неизменной «бабочкой», виртуозно шелкая ножницами,

⁴ В 1964 г. Танганьика объединилась с Занзибаром и стала Танзанией.

любил поговорить. Когда я впоследствии читал Шолома Алейхема, у меня неизбежно всплывал в памяти Григорий Абрамович — тот же юмор и те же интонации. «Что вы хотите, — говорил, например, Григорий Абрамович, — меня студенты часто спрашивают, не знаю ли я средства от полысения. Если бы я таки знал эти средства, я бы стриг не ваши головы, а купоны».

Другая любопытная личность — Юрий Алексеевич, подпольная кличка «Череп» (из-за полной и абсолютной лысины), — заведующий лингафонным кабинетом. Обладая необходимой технической базой в виде редких в ту пору магнитофонов, он, как знаменитый Колбасьев, создал обширную коллекцию западной джазовой музыки. Вокруг него группировались институтские любители джаза, для которых он иногда устраивал в лингафонном кабинете «звкрытые» прослушивания своей коллекции.

Не знаю почему, но в институте, несмотря на общесоюзное табу на «музыку толстых», джаз в общем не преследовался. Редкий «вечер отдыха» в институте обходился без джаза Лаци Олаха. Вот, слегка подзаправившись «тремя топориками»⁵ (впрочем — кто чем), входим в зал №1. Джаз Лаци Олаха еще только разминается на какой-то нейтральной мелодии, но атмосфера уже праздничная. Блеск глаз приглашенных инъязовских девушек затмевает свет люстр. Ах, впереди столько увлекательного! Но вот разминка закончена и: «Бесаме, бесаме муча...». И задвигались, и затенцевали мгмиовские гусары, страстно прижимая к себе томных красавиц света и полу-света. «Войдем с тобою в ресторана зал, нальем вина искрящийся бокал...». Танцуют все! Впрочем, нет, не все танцуют. Настоящие меломаны — поклонники джаза собираются у эстрады, где располагаются музыканты, и вкушают запретный джазовый плод, поедая глазами своего кумира Лаци, который священнодействует на ударных. Его брейки вызывают общий восторг и бурные овации настоящих ценителей. Апофеоз, это — «Сан-Луи» и «Караван». На вопросы знатоков, какая интерпретация «Каравана» ему больше нравится — эллингтоновская или рознеровская, — Маэстро снисходительно отвечал: «Моя собственная».

В институте я сильно налегал на спорт, занимался спортивной гимнастикой. Больших успехов у меня не было, но тренировки, спортивные сборы, соревнования доставляли большое удовольствие.

⁵ Портвейн «777».

А главный кайф — от состояния хорошей спортивной формы. К сожалению, из-за перетренировок ее трудно бывало сохранить ко дню соревнований. Это как с алкоголем: выпил — хорошо, и, кажется, что если еще выпьешь, будет еще лучше. Жизненный опыт показал, что это не так.

Воспоминания ведут, ведут... Трудно остановиться. Но все-таки еще один штрих.

Как гром среди ясного неба — смерть Сталина. В институте — траурный митинг. С трибуны выступают преподаватели и общественные деятели. Настроение, само собой, похоронное. А говорят с трибуны, естественно, слова печальные, но иной раз переходящие в кликушество. Причем, просматривается явное стремление перещегоолять друг друга в проявлении своего безмерного горя. Одна студентка — комсомольская деятельница, сказав несколько слов в микрофон, зарыдала (возможно, искренне). Рекорд побил институтский директор Иван Иванович Лобанов: он от сильного волнения оговорился, сказав «...Товарищ Сталин привел нашу страну к победе... фашизма» (наверное, он хотел сказать «над фашизмом»). Кто-то не заметил, многие сделали вид, что не заметили, а кое-то прыснул. И вот прыснувшие стоят, прекрасно понимая всю неуместность, более того — преступность и опасность такого легкомысленного поведения, но не могут сдержаться от внутреннего хохота, хотя и стараются подавить его внешние проявления. Хорошо, что этот инцидент произошел в самом конце митинга, а то бы быть беде. Толпа повалила на выход, и мы все отправились по установленному маршруту, который должен был привести в Дом Союзов, но этого, как будет видно ниже, не случилось.

Впервые в жизни испытал я сильнейший страх перед стихией толпы на Трубной площади и с тех пор стараюсь избегать массовых сборищ, по каким бы поводам они ни происходили. Из нас, по счастью, никто не пострадал. Наша академическая группа держалась вместе, и когда началась главная давиловка, составили прочное каре, крепко взяв друг друга под руки, а внутри каре были наши девочки. «Доплыв» в таком виде от Трубной до Пушкинской улицы, естественно, не повернули к Дому Союзов, а пробились на волю и были таковы. В памяти сохранились грузовики, куда грузили тела раздавленных и, заодно, большое количество галош, потерянных, видимо, в давке теми, кому повезло больше тех, кого грузили в тот же грузовик.

Ну, а теперь перехожу к наиболее значительному событию из жизни нашего курса. А произошло оно в 1954 г., когда мы закончили четвертый год обучения. Какие-то туманные слухи о грядущем разгоне института ходили, конечно, но молодой оптимизм, усугубленный каникулярным легкомыслием, не хотел их воспринимать всерьез. А зря. Ведь уже с 1952 г. стали ощущаться трудности с распределением выпускников. «Железный занавес» становился все более «железным», а те минимальные потребности в международниках, которые существовали, уже были удовлетворены. Совсем плохо получилось с выпуском 1954 г. И тогда наверху было принято решение сократить институт на две трети, оставив по сто человек на курсе, слив все три факультета в один — международный западный (такое же сокращение было произведено и в Институте востоковедения, остатки которого влились в МГИМО в качестве восточного факультета).

Специальная комиссия, работавшая в сверхсекретном режиме, отобрала с каждого курса по сто человек для продолжения учебы (видимо, главным критерием отбора была «общественная активность», т.е. участие в комсомольско-партийных органах), а остальным было объявлено, что они вольны перейти в любой другой вуз.

И вот приходят нам повестки явиться в институт такого-то числа августа во столько-то часов ноль-ноль минут. Не помню, как была сформулирована цель вызова, но я воспринял эту повестку как Билли Бонс черную метку. И, увы, не ошибся.

В назначенный день и час мы собираемся в актовом зале и выслушиваем суровый приговор. Он относится к двум третям курса. А в коридоре уже вывешены списки отчисляемых. Ба, и моя фамилия среди них. Ай-ай-ай! Вот так номер! А ведь я почти что круглый отличник: всего две четверки за все четыре курса. Видать, общественная активность была недостаточной, аполитичность подвела. Топчутся оторопело двести незадачливых отчисленных в коридорах института, никто не спешит бежать устраиваться в другой институт. И вдруг как разряд тока прошелестел призыв: «Айда, ребята, на пустырь». Не знаю, кто был инициатором, но, несомненно, призыв был велением времени.

Итак, двинулась мы туда, где сейчас находится бассейн «Чайка», а в то время был пустырь, заваленный горами битого кирпича и прочего мусора. Наиболее высокая из этих груд немедленно превратилась в трибуну стихийного митинга. Я в своей жизни поучаствовал в бесчисленном количестве различных собраний,

но я не помню ни одного другого столь же организованного и целенаправленного, как тот наш митинг. Ораторы не рвали на себе волосы и не тратили время на проклятия в адрес тех, кто затеял ви-висекцию. Стремительно пройдя стадию «Кто виноват?», митингующие сосредоточились на «Что делать?».

Очень скоро было выработано общее мнение о необходимости обращения к руководящим товарищам с письмом, где говорилось бы о неоправданности (с государственной точки зрения, разумеется) сокращения нашего — четвертого курса, за год до окончания института. Для подготовки такого письма и его вручения адресатам был сформирован инициативный комитет, который немедленно — тут же на пустыре — приступил к делу. Письмо получилось кратким, но, по-моему, очень убедительным. Насколько я помню, его постарались довести до секретариатов самых больших начальников, а также главных редакторов газеты «Правда» и журнала «Большевик» (как же можно без «письма в редакцию?»). Вручение производилось, естественно, по доступным каналам, т.е. через кого-то, кто имеет доступ в секретариат, к помощнику и т.д. высокого лица.

Память может подвести, и я боюсь ошибиться, назвав не те имена или забыв упомянуть кого-либо из героев. Но и зачинщики нашего стихийного митинга, и ходоки по инстанциям, несомненно, залуживают памятника хотя бы в наших сердцах.

Не знаю, что в конечном счете сработало, но только скоро стало известно, что «вопрос решается», и первого сентября учебный год не начнется. А недели через две нас вновь собрали и объявили, что наш курс остается в прежнем составе, но для преодоления трудностей с распределением нам добавляется еще один год, в течение которого мы будем, во-первых, продолжать совершенствовать иностранные языки, а, во-вторых, нам преподадут несколько педагогических дисциплин, чтобы можно было использовать нас и на педагогическом поприще в случае трудностей с устройством по первой специальности.

И мы все — бывшие историки, юристы и экономисты — воссоединились и стали «западниками».

На первом же комсомольском собрании нашего, теперь уже пятого курса, на котором предстояло избрать бюро, были забаллотированы те записные комсомольские активисты, которые были предложены парткомом. Вместо них были избраны те, кто входил в «инициативный комитет» и активно отстаивал наше право на завершении мгимовского образования. То же самое повторилось

и в следующем учебном году. Разумеется, выборам в бюро предшествовала большая подготовительная работа, проводившаяся достаточно конспиративно. В ходе ее согласовывались и распространялись среди надежных студентов списки желательных кандидатов. И, надо сказать, проколов не было. Так что два наших последних года в институте прошли под знаменем политической борьбы за правое дело.

Конечно, столь важные события не могли не найти отражения в студенческом фольклоре. В песне нашего курса, написанной Сашей Ефремовым, были и такие слова:

*Скорый поезд, как ласточка, мчится,
Пронсясь мимо зданий вокзалов.
Говорят, что шесть лет нам учится,
А мне кажется, этого мало.*

*...Я пока еще международник,
А что будет потом, неизвестно.*

Впрочем, мне не приходилось слышать, чтобы кому-нибудь из двухсот двадцати выпускников нашего курса пригодились педагогические знания. Уже в 1955 г. Хрущев начал ездить по заграницам, «железный занавес» слегка приподнялся, и стала возрастать потребность в международниках. А потому, получив в 1956 г. дипломы по специальности «Специалист по международным отношениям стран Запада и преподаватель английского (французского, немецкого, испанского) языка», выпуск наш, хотя и не без некоторых трудностей, распределился по первой специальности. Так субъективные интересы отчисленных студентов, отстаивших свое право закончить МГИМО, совпали с объективным развитием страны и мира в целом.

А ведь если бы каждого отчисленного уведомили повесткой об отчислении, не собирая всех бедолаг в одно место в одно и то же время, совсем по-другому могла сложиться судьба каждого из нас. Все-таки, как ни говорите, а история при всей своей закономерности зависит от случайностей

Однако три младших курса все-таки пострадали, хотя по нашему примеру тоже пытались бороться. Отчисленные с них перешли в самые разные институты, но впоследствии я многих из них встречал на различных международных направлениях. Та языковая подготовка, которую они успели получить в МГИМО, была востребована

в сочетании с новой специальностью (юридической, экономической, финансовой, даже геологической и т.д.).

А со мной по окончании института произошло вот что.

Сначала меня распределили в Советский комитет защиты мира. Я отправился на Кропоткинскую, 10 и даже с кем-то побеседовал там, но борьба за мир показалась мне таким унылым (хотя, конечно, и очень благородным) делом, что я, набравшись наглости, отклонил предложение присоединиться к этой борьбе (по крайней мере, под знаменами СКЗМ). Распределительная комиссия проявила толерантность и направила меня в ТАСС. Я с интересом отнесся к этому предложению, но мое холостое положение не совпало с требованиями работодателя (речь шла о выезде за границу при обязательном условии женитьбы, для которой я в то время еще не созрел). Естественно, когда мне было сделано третье предложение, я не мог его отклонить, при всей его туманности. На этот раз мне предлагалось поступить в распоряжение таинственной в/ч №15618, чтобы заниматься там «работой по специальности» (эта информация была единственной, которую предоставила мне распределительная комиссия). Так я оказался перед дверью дома 16 по Гоголевскому бульвару, с чего я и начал рассказ о «таинственном начале».

Но пора вернуться в хронологические рамки повествования. Следующим моим профессиональным этапом, вслед за «аналитической работой по специальности», стала Африка.

Мое открытие Африки

Занимаясь в УВИ африканской тематикой, я, естественно, завел контакты с коллегами в только что созданном в МИДе африканском отделе (до конца 50-х годов африканские страны входили в ведение Ближневосточного отдела). Африканским отделом заведовал Алексей Алексеевич Шведов, очень интересный, умный и увлеченный своим делом человек. Однажды после очередного совместного труда он предложил мне перейти работать к нему. Мне к тому времени порядком поднадоело сочинять проекты выступлений и африканские пословицы к ним. К тому же А.Е. Нестеренко уже уехал в Пакистан, а с его преемником работать было далеко не так интересно. Я согласился на переход.

В африканском отделе я оказался вначале в «эфиопской референтуре», т.е. в группе, которая ведала нашими отношениями

с Эфиопией. Эта страна была первым и долгие годы единственным африканским государством, с которым Россия установила, задолго до 1917 г., дипломатические отношения и учредила там посольство. Еще в XIX веке Россия, по просьбе эфиопского императора, направила на его охрану крупное казачье соединение, которое оставалось там много лет. Утверждают, что в результате этого население Аддис-Абебы сильно посветлело кожей. Так это или не так, не знаю, я там не был, но несомненно то, что отношения между двумя странами были весьма теплыми. Отношения эти продолжались и в советские времена, и текли они по хорошо накатанным рельсам. А потому работа МИДа на эфиопском направлении была сугубо рутинной. В значительной мере она сводилась к «толкаческим» функциям. Это значит, что надо было «пробивать» через ведомства реакцию, желательно, конечно, положительную, на те запросы и предложения, которые, в основном по просьбе эфиопской стороны, выдвигало наше посольство в Аддис-Абебе.

Скажем, посольство предлагает направить в нашу больницу в Эфиопии партию медикаментов, а Министерство здравоохранения тянет с ответом. Или — прием на учебу в наши вузы эфиопских студентов. Или — направление в Эфиопию в помощь братскому эфиопскому народу, давшему России Пушкина, специалистов-ветеринаров. И так далее, и тому подобное. Все это надо было контролировать, своевременно докладывать начальству о прохождении заявок и принимаемых (или не принимаемых) ведомствами решениях, подталкивать, и т.д.

Надо сказать, что и другие страноведческие группы отдела в значительной степени занимались примерно тем же. Правда, их жизнь разнообразили время от времени скандальные ситуации, связанные отчасти с злопыхательством западной пропаганды, а отчасти с нашей собственной дуростью. То, скажем, на весь мир западные СМИ злорадно раструбят, что Советский Союз поставляет в Гвинею снегоочистители, а то с удовольствием расскажут, что Советский Союз построил железную дорогу в Гане, а термиты тут же сожрали деревянные шпалы, поскольку поставщики, не зная местных условий, не пропитали деревяшки ядовитым составом. Со шпалами, действительно, был такой грех, а что касается снегоочистителей, то, построив аэродром «под ключ», поставщики включили в комплект оборудования и бульдозеры для расчистки поля, а в типовой инструкции было написано, что эти бульдозеры годятся и для снегоуборки. Конечно, это последнее обстоятельство

было очень красочно, хотя и не очень добросовестно, обыграно западными гиенами пера.

Совсем громкий скандал произошел в Гвинее. А, надо сказать, мы поначалу очень задружились с ее президентом Секу Туре. Гвинея стала первым государством в тропической Африке, получившим независимость. Произошло это, если не ошибаюсь, в 1957 г. Франция, которой Гвинея раньше принадлежала в качестве колонии, настолько обиделась на нее, что даже перестала поставлять ей рисовую соломку, в которой из Гвинеи вывозились маленькие бананчики. В иной же другой упаковке это деликатесное чудо не переносило транспортировки. Лишившись этого лакомства, безутешные французские гурманы, наверное, начали готовить свержение правительства (французского или гвинейского — неясно). Союзники Франции, видимо, в порядке натовской солидарности не спешили влезать в Гвинею, хотя там помимо бананчиков есть и другие интересные вещи, например, бокситы. Ну, тут мы и подсуетились.

Наш советник-посланник в Каире Герасимов был срочно назначен послом в Гвинее и, вместе с группой первопроходцев отправился в Конакри. Поскольку авиакомпания «Эр-Франс», следуя политике своего правительства, приостановила в порядке бойкота полеты в Конакри, авиационная связь с первенцем африканской тропической независимости была прервана. Поэтому свой путь группа Герасимова вынуждена была совершить наземным транспортом, в том числе на джипе через тропические леса. Отчет о своем путешествии, который Герасимов прислал в Москву, читался как захватывающий авантюрный роман. За объективными сложностями (поломка джипа, поиски бензина и т.д.) угадывались, конечно, происки колонизаторов.

Герасимов недолго пробыл в Гвинее. Из-за какой-то тропической болезни он вскоре отбыл в умеренные широты. Его заменил Дегтярь. При нем-то и разгорелся скандал.

К тому времени американцы спохватились, что их основной противник в холодной войне слишком уж распоясался в Гвинее и стали крепко копать под него. В частности, им удалось записать разговоры, которые Дегтярь вел в посольстве со своими сотрудниками. А в этих беседах в выражениях не стеснялись. Гвинейские товарищи и лично товарищ Секу Туре, несмотря на их намерение строить в стране социализм, получали очень неуважительные характеристики и эпитеты. Эти записи были переданы нашими кон-

курентами гвинейскому лидеру. Одновременно в западной печати появились сообщения, из которых было видно, в какой мере советские специалисты, работавшие в Гвинее на стройках социализма, не уважают Секу Туре и весь гвинейский народ. Приводился, в частности, факт, когда советский сварщик, за неимением под рукой куска медной проволоки, использовал вместо нее медную гвинейскую монетку, на которой был изображен великий вождь гвинейского народа.

Секу Туре был в полном бешенстве. Сгоряча хотел было разорвать отношения с Советским Союзом. В Конакри был послан великий специалист по улаживанию подобных скандалов А.И. Микоян.

Свидетели беседы Микояна с Дегтярем говорили, что Микоян в этой беседе практически не использовал нематерных слов, которые, будучи произнесенными с густым армянским акцентом, звучали особенно зловеще.

В общем до разрыва отношений дело не дошло, но Дегтярь был срочно выгнан из Гвинеи, МИДа, партии, т.е. отовсюду, откуда его можно было выгнать. После длительных мытарств он нашел себе пристанище в только что созданном в Москве Институте Африки в качестве младшего научного сотрудника.

Вот какие интересные истории случались в странах, только что обретших независимость. На эфиопском же направлении и таких событий, хотя и прискорбных, но вносящих оживление в рутину, не было, и я сильно загрустил.

Чтобы отвлечься от мидовской рутины, начал пописывать в разные газеты и журналы. Началось с того, что мой однокурсник Саша Кривопапов, работавший в то время в «Комсомолке», попросил меня написать критическую заметку о некрасивом поведении бывшего чехословацкого обувного фабриканта Бати, эмигрировавшего в Бразилию. В качестве основы надо было взять статью, появившуюся на эту тему в коммунистической газете ЧССР «Руде Право» (а я в институте учил чешский язык). Результатом стал международный фельетон «А что сказал бы Швейк?», пригвоздивший распоясавшегося Батю к позорному столбу. Не знаю, как он на это реагировал, но для меня гораздо более важным результатом стало то, что мы с Сашей сдружились на всю жизнь. Спасибо тебе, Батя, за твое неправильное поведение по отношению к своей исторической родине.

Ну, а потом меня потянуло и к африканской тематике, раз уж я ей занимался. Жертвами моих журналистских потуг стали многие

органы советской печати, в том числе и только что созданный еженедельник «За рубежом». Главному редактору еженедельника Даниилу Краминову, видимо, приглянулись мои писания, и он предложил перейти к нему обозревателем по африканским странам. Зарплата более чем в два раза выше моей мидовской, перспектива поездок спец и собкором в африканские страны, а главное — творчество, творчество, творчество!

Но вот беда: А.А. Шведов категорически отказался дать согласие на перевод. Оставался выход — увольнение из МИДа по собственному желанию. Я был готов и на это. Но Шведов, как опытный дипломат, действовал не только кнутом, но и пряником.

— Не стройте иллюзий в отношении свободы творчества в журналистике, — говорил он мне (и был, конечно, прав). — Вы видели хоть проблеск свежей мысли в статьях, которые у нас публикуются? (возразить против этого тоже было трудно). Что вы найдете в журналистике? А в МИДе у вас в ранце — посольский жезл. Если же вы любите писать статьи, то кто вам запрещает это делать, оставаясь в МИДе?

Но главное, чем он меня убедил, было его предложение перейти из эфиопской референтуры на новое направление, которое он намеревался создать, — колониальное. На нем предстояло изучать обстановку в оставшихся колониях, готовить предложения о советской политике под углом зрения установления дипломатических отношений в будущем, когда эти колонии получат независимость. И никакой «толкаческой» работы, так как проталкивать было пока нечего.

В общем я остался в МИДе. Не знаю, как сложилась бы моя журналистская судьба, но я не раз с большой благодарностью вспоминал Алексея Алексеевича за то, что он удержал меня в МИДе. На своей мидовской стезе мне пришлось в дальнейшем заниматься очень интересными делами.

Колониальная референтура, в которой я первоначально оказался в единственном числе, ведала Танганьикой, Кенией, Угандой, Занзибаром, Северной Родезией, Южной Родезией, Ньясалендом, Мозамбиком и Анголой. Вскоре ко мне присоединился мой однокашник и друг Юрий Юкалов. Он только что вернулся из Судана, где сразу после окончания института проработал пять лет в посольстве. Африку, во всяком случае восточную ее часть, он знал прекрасно, причем не только по бумагам, как я, но видел ее своими глазами. В его функции, когда он работал в посольстве, входило

поддержание связей с политическими деятелями колониальных стран. Те фигуры, которых я знал только по именам, для него были живыми людьми, каждый со своими достоинствами и слабостями.

Юрий на всю жизнь остался верен Африке. Впоследствии он работал в Кении, был послом в Танзании и Зимбабве. В промежутках между командировками заведовал африканским отделом, а потом и управлением, отвечая за отношения Советского Союза со всеми африканскими странами.

В то время моё знакомство с Африкой ограничивалось в основном знанием экзотических названий африканских колоний, оставшихся в памяти от детского коллекционирования марок. Ньясаленд, Родезия, Эритрея, Танганьика... Кстати, Танганьика или Танганайка?

Такой вопрос возник, когда мне было предложено подготовить материалы к поездке правительственной делегации на празднование независимости этой страны. В литературе на русском языке того времени встречались оба варианта. Возникали и другие лингвистические вопросы: например, как перевести «кешью», одну из основных статей экспорта страны... Сейчас-то, конечно, ясно: это кешью. А тогда этих орешков и в глаза никто у нас не видел. Что это — местное название арахиса или что-либо иное?

После консультаций с Институтом Африки было решено назвать страну Танганьикой, а орех — кешью. Написаны всевозможные справки, подготовлен проект записки в ЦК.

Остается сформировать правительственную делегацию. Проблема эта разрешается просто: первый замминистра иностранных дел В.В. Кузнецов подходит на одном из приемов к своему давнишнему приятелю Вячеславу Петровичу Елютину — министру высшего и среднего специального образования — и предлагает ему съездить в неведомую Танганьику. Тот соглашается. А меня придают ему в качестве секретаря-переводчика.

Это моя первая командировка. Хотя мне уже 29 лет, до этого я не только не выезжал за границу, но и в пределах границ не имел возможности разговаривать на английском языке с иностранцами. Железный занавес... Главный вопрос, который интересует секретаря-переводчика, — поймет ли он то, что будут говорить англоязычные иностранные граждане, и поймут ли они его английский, приобретенный в МГИМО от отечественных преподавателей, обучавших его языку, на котором много лет назад писали Диккенс, Голсуорси и Джером Кей Джером.

Суров был декабрь 1961 года в Москве. Хорошо помню это потому, что, готовясь к пребыванию на экваторе в температурном режиме между +30 — +40 по Цельсию, все-таки вынужден был надеть теплое пальто и меховую шапку.

И вот, после пересадок в Праге и Риме, а также после непродолжительной остановки в Хартуме мы, наконец, совершаем посадку в аэропорту Дар-эс-Салама. Я шагаю из самолета на трап и чувствую себя входящим в парилку. Мой костюм добротного московского пошива становится на несколько килограммов тяжелее от влаги, ратиновое пальто оттягивает руку, уши заложены после посадки, а мне сейчас придется, наконец, узнать, насколько мой замороженный английский соответствует международным стандартам.

К нам подходит маленький чернокожий человек, я узнаю его (видел в Москве фото), это министр Кавава, правая рука премьер-министра Ньерере, он встречает высокую советскую делегацию, меня бьет нервная дрожь. Но тут подлетает мой спаситель. Он в малиновой феске, белой жилетке, черных портах и босиком (как я потом узнал, такова была униформа официантов в тогдашней Танганьике), у него в руках поднос, уставленный напитками. Я беру что-то желтоватое, делаю несколько крупных глотков (это оказывается виски), и начинаю прекрасно понимать, и что говорит министр Кавава и что ему отвечает Вячеслав Петрович, и что, оказывается, я способствую их диалогу. Конечно, содержание такого рода протокольных бесед не требует от переводчика высокого класса, но важно переступить психологический барьер. С тех пор я уверовал в высокие целебные качества шотландского напитка, хотя над совершенствованием своего английского пришлось еще много поработать.

Кстати, в ту же первую командировку мне не раз приходилось выслушивать от англичан комплименты: «Вы хорошо говорите по-английски. Где вы его изучали?». Я, конечно, раздуваясь от гордости, отвечал, что в Москве есть такой замечательный институт — МГИМО и там-то я и выучил английский. По прошествии какого-то числа лет, когда я научился более или менее сносно изъясняться на космополитизированном английском, такие комплименты прекратились. Вряд ли я стал говорить хуже. Скорее всего англичане перестали воспринимать мой английский как экзотику, а стали рассматривать его просто как нормальное средство общения. И тогда я понял, что, когда англичанин говорит тебе, что ты хорошо знаешь его язык, он, скорее всего, проявляет некую лицемерно-снисходительную вежливость по отношению к иностранцу, к тому же из

Советского Союза, где по улицам ходят медведи, который, смотрите-ка, говорит как забавно. Will you be so kind as... Да еще при этом лингафонные tune one — tune two! Обхохочешься. Наверное, и мы умилились бы, если бы в переполненном вагоне московского метро, наступив на чью-либо ногу, услышали: «Милостивый государь, не будете ли вы столь любезны (tune вверх), чтобы снять свою стопочтенную стопу с моей многострадальной ноги?(tune вниз)».

Впоследствии я с большим интересом прочитал у Бернарда Шоу: «Если вы изучаете английский перед поездкой в Англию и хотите, чтобы вас понимали, не пытайтесь правильно говорить по-английски, ибо в этом случае вас не поймут... Если вы скажете: “Не будете ли вы, сэр, так добры, чтобы указать мне дорогу к вокзалу Черринг-Кросс?” и при этом четко произнесете все гласные и согласные звуки, вас не поймут. Но если вы заорете: “Пожалста! Черринг-Кросс! Пройти!” у вас не будет трудностей и вы можете сократить путь». Какая жалость, что это мудрое замечание было мне неизвестно во время учебы в институте. Очень интересно, как отнеслись бы к нему мои преподаватели английского языка.

Впрочем, не буду отвлекаться. Здесь же в аэропорту нам представили мистера Сибрука., англичанина, служившего в местной полиции. Он должен был опекать советскую делегацию, оказывая ей всевозможную помощь и содействие. В дальнейшем Сибрук дирижировал всеми нашими встречами, организовывал их, когда В.П. Елютин выражал пожелание, отклонившись от официальной программы, с кем-то увидеться, и, конечно, контролировал все наши контакты и перемещения. Поскольку никаких тайных дел у нас, разумеется, не предполагалось, его контроль не мешал. Напротив, помощь его была исключительно полезной и эффективной.

В виду обилия гостей и нехватки мест в отелях часть делегаций была размещена в резиденциях — домах, арендованных властями на время празднеств у «частного сектора», т.е. у англичан и богатых индусов, сохранявших тогда еще недвижимость. Наша делегация оказалась в уютном двухэтажном домике, разделенном на четыре просторные квартиры. Нам отводилась квартира на втором этаже. Прислуживал нам там симпатичный boy по имени Эдвард. Однажды он вручил мне заявление и просил передать его Его Превосходительству. Эдвард просил предоставить ему стипендию в одном из вузов Советского Союза для приобретения специальности инженера. Хотя у Эдварда среднее образование было далеко не полным, Елютин обещал ему помочь, и слово свое впоследствии сдержал.

Как мне впоследствии говорил Вячеслав Петрович, Эдвард, закончив в Москве подготовительные курсы, успешно продолжал образование в университете имени Патриса Лумумбы.

Рядом с нашей квартирой, на том же этаже помещался вице-президент Либерии.

В один из вечеров со мной произошел конфуз. Программа наша была исключительно насыщенной. И без того плотная официальная программа дополнялась инициативами Вячеслава Петровича, который хотел повстречаться с как можно более широким кругом людей, услышать и увидеть столько, сколько не всегда позволяли наши физические возможности и естественная продолжительность суток. И вот однажды, вернувшись с какой-то встречи, мы наскоро переоделись в темные вечерние костюмы и отправились на очередной парадный обед. Второпях я захлопнул дверь, забыв взять с собой ключ от нашей квартиры. Возвращаемся после обеда домой, я шарю по карманам, ключа нет. Вячеслав Петрович с неудовольствием, хотя и с некоторым интересом смотрит на меня: как, мол, этот молодой человек будет выходить из положения? Действительно, как выходить? Единственный путь проникнуть внутрь — через окно, если удастся его открыть. А достичь окна можно через балкон, если смогу на него забраться. Водосточная труба, как назло, проходит вдалеке от нашего балкона, со стороны балкона либерийского. Там светится огонек. Другого выхода нет.

Я снимаю вечерний пиджак и галстук, прошу Вячеслава Петровича подержать мое дипломатическое обмундирование и под звон тропических цикад начинаю карабкаться по трубе. Мое появление на балконе вице-президента вызывает у него удивление, но не панику. Объясняю ему ситуацию, извиняюсь и перелезаю на наш балкон. Полдела сделано, но как открыть окно? По счастью и по той же причине спешки оказывается, что, забыв ключ, я также забыл запереть окно. Дальше — элементарно. Приглашаю Вячеслава Петровича подняться и, пока он в пути, быстро наливаю ему и себе виски. Одержана еще одна дипломатическая победа.

Вообще, надо сказать, Вячеслав Петрович относился к молодому дипломату, не освободившемуся еще от молодежного разгильдяйства, т.е. ко мне, очень по-доброму, иногда давая мне отеческие советы. Так, однажды он мне говорит:

— Вот вы, Юрий Константинович, молодой человек, а я в два раза старше вас. Но почему-то вам не приходит в голову, когда мы

садимся в машину, открыть мне дверь. Я, например, никогда не считаю зазорным открыть дверь Никите Сергеевичу, когда представляется такая возможность.

Действительно, эта мысль мне никогда не приходила в голову. Сказывалось, видимо, отсутствие опыта общения с начальством. Я смутился, пробормотав что-то вроде:

— Да вы такой крепкий спортивный мужчина, что я как-то не подумал...

Следующий раз, при посадке в автомобиль, я ринулся открывать дверь нашего «мерседеса» перед носом Вячеслава Петровича, но сделал это так неловко, что едва не завалил его.

— Да ладно, садитесь уж, я сам как-нибудь, — махнул он рукой.

Так набирался дипломатический опыт.

Скоро, однако, и у Вячеслава Петровича случился неприятный прокол, от которого я его предостерегал, но не был услышан.

Как я уже упоминал, мой министр был чрезвычайно любознательным и старался увидеть и услышать как можно больше. Это очень хорошее качество побудило его предпринять поездку в глубь страны, посмотреть, как живет народ «в глубинке». А, надо сказать, что вечером того дня, на который была намечена поездка, в Дар-эс-Саламе министр образования Камбона давал обед в честь своего советского коллеги. Поездка была очень интересной, Вячеслав Петрович увлекся осмотром «глубинки» и, несмотря на наши с Сибруком напоминания о необходимости вернуться вовремя к обеду, требовал ехать дальше и дальше. Когда же стало очевидно и ему, что мы сильно опаздываем на обед, стал утешать себя тем, что, мол, Камбона хороший умный мужик, что же, он не поймет что ли...

В результате на обед мы опоздали на полтора часа. Камбона и приглашенные им гости сидели кислые, хмуро потягивая аперитивные дринки. Возбужденные рассказы Вячеслава Петровича о том, какую замечательную страну мы видели, как-то сгладили неловкость, и обед закончился, в общем, благополучно.

По заранее утвержденной программе на следующий день Елютин давал ответный обед Камбоне. Приглашенные собрались довольно быстро, а главного гостя не было. Не было через полчаса, не было через час. Несколько раз я бегал звонить в правительственную канцелярию, и каждый раз получал ответ: «Господин министр выехал на обед к Его Превосходительству Елютину». Приехал Камбона ровно через столько же времени, на сколько опоз-

дали мы накануне. Так нам был дан урок дипломатической вежливости.

Кстати о нашей поездке «в глубинку». О ней стоит рассказать особо.

Не зря, конечно, Хемингуэй был в свое время очарован Восточной Африкой. «Зеленые холмы Африки», «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «Снега Килиманджаро» я отношу к его шедеврам, на которые его вдохновил этот волшебный край. Позже, когда я вернусь в Восточную Африку на более длительное время и смогу попутешествовать по ней, я в полной мере оценю ее красоту и очарование. Но и за однодневную вылазку из Дар-эс-Салама нам удалось тогда соприкоснуться с новым для нас миром. О красотах я расскажу позже, а сейчас — о забавной ситуации, в которой мы оказались в процессе «общения с народом».

Вознамерившись поближе познакомиться со страной, Елютин условился с двумя чехословацкими представителями, симпатичными ребятами (имен их, к сожалению, не помню, а про себя я называл их «Ганзелкой и Зикмундом»⁶), совершить совместную поездку. Мы погрузились в две автомашины и в сопровождении мистера Сибрука отправились в путешествие («сафари»). Сначала ехали по асфальтированной дороге, узкой, но вполне приличной, потом свернули на проселочную латеритную (красный глинозем) и, наконец, достигли какой-то деревушки. Стоят хижины из хвороста, бегают куры и прочая сельская живность, сопливые ребяташки колупаются в грязи. В общем — глубинка. Мистер Сибрук привозит нас на какую-то площадку с навесом, просит подождать и уходит. Возвращается он с несколькими аборигенами, замотанными в грязные накидки и говорит:

— Это местный вождь со старейшинами.

Начинается долгий разговор о жизни под игом колониализма, о светлом независимом будущем, о большой стране, которая называется Советский Союз. Я перевожу на английский, а мистер Сибрук толмачит на местный. Обратного перевода почти не приходится делать, так как вождь в основном молчит. Правда, взрыв его эмоций вызывают значки с изображением первого искусственного спутника Земли, которые Елютин преподносит вождю.

⁶ Чехословацкие путешественники, совершившие в конце 40-х годов путешествие по Африке на автомашине «Татра» и опубликовавшие потом очень интересную книгу о своем путешествии.

Постепенно вокруг собираются жители деревни и с интересом на нас смотрят. Вождь говорит, что сейчас, пока мы беседуем, женщины варят тапиоку с маниокой, и он, вождь племени мумба-юмба, просит нас отведать их пищи. Санитарные условия африканской деревни не стимулируют аппетита у непривычного человека, даже если речь пошла бы о еде менее экзотической, чем кипящая в местных котлах. Ссылаясь на то, что нам пора ехать, так как в Дар-эс-Саламе нас ждет Большой Вождь Оскар Камбона, В.П. Елютин мягко отклоняет любезное приглашение.

Не похоже, что имя министра образования Танганьики знакомо вождю, но, тем не менее, он, под нажимом Сибрука, нехотя соглашается. В качестве компромисса он просит оказать честь жителям его деревни, которые хотели бы пожать руку посланцу великой страны.

И тут началось. Несколько сотен аборигенов, выстроившись в очередь, потянулись к нам с рукопожатиями, а некоторые пытались еще изобразить нечто вроде объятий. Сама по себе процедура столь массового физического контакта с незнакомыми людьми не очень-то приятна. Если же добавить к этому, что на лицах и слегка прикрытых рубищами телах многих были какие-то коросты, шрамы и язвы, вызывавшие мысль о проказе и прочих неприятных болезнях, распространенных в этих местах, то легко можно представить себе всю тяжесть испытания, выпавшего на долю посланцев великой страны и ее верного союзника Чехословакии. Мы пожимали руки, а люди все шли и шли. Уклонившись в очередной раз от объятий с одноногим человеком с дыркой вместо носа, я понял, что, побратавшись с нами, люди вновь вставали в очередь и, таким образом, процесс становился бесконечным.

Положение спас Сибрук. Он, наконец, что-то сказал вождю, тот поднял руки и прекратил церемонию. На прощание, обняв нас, вождь пригласил почаще приезжать в его деревню. Он сказал, что те священные амулеты, которые Великий Белый Бвана⁷ подарил ему, будут теперь надежно охранять его и всех жителей деревни от злых духов.

Оказавшись в машине, Вячеслав Петрович первым делом достал фляжку со спиртом, которую он предусмотрительно припас в медицинских целях, и мы тщательно протерли руки, а также приняли профилактическую дозу внутрь. Никто не заболел.

⁷ Бвана — господин (на суахили).

Вспоминая сами празднества независимости, могу сказать, что англичане очень достойно уходили из своего владения⁸. Их уход не выглядел изгнанием ненавистных колонизаторов. Мудрые учителя, научившие черных ребятишек уму-разуму, наставляют их на самостоятельный путь, оставляя еще на некоторое время под своим присмотром. И принц-консорт Филипп Эдинбургский, представлявший королеву, и генерал-губернатор Сэр Ричард Тёрнбул, и другие высокие официальные лица Великобритании держались величественно и в то же время демократично, торжественно и одновременно раскованно. Прелесть! Настоящие джентльмены.

Прозвучали нужные слова, прогремел салют, прошли парадным маршем отряды английских солдат и местных, теперь уже почти независимых аскари⁹, и Танганьика превратилась из подопечной территории в члена Британского Содружества Наций.

Передо мной фото первого правительства независимой Танганьики 1961 года. Девять африканцев, двое белых и один индус.

Премьер-министр Джулиус Ньерере, 39 лет, личность весьма примечательная и, я бы сказал, в известном смысле выдающаяся. Сын вождя одного из многочисленных танганьикских племен. Закончил Эдинбургский университет, учительствовал в родной деревне, пока не занялся политикой (возглавил партию ТАНУ — Африканский национальный союз Танганьики). Умные и грустные глаза. В них нет торжества победителя, дорвавшегося до власти. Похоже, он понимает всю тяжесть того бремени, которое досталось на его долю. Потом, после выхода Танганьики из Британского Содружества, он станет президентом Танганьики, а в 1964 г., после объединения Танганьики и Занзибара, — президентом Танзании¹⁰. Будет упорно строить «уджамаа» — африканский социализм, видимо, искренне желая сделать свой народ счастливым. Убедившись в тупиковости этого пути, публично об этом объявит, добровольно уйдет в отставку и уедет в родную деревушку, где проживет в тиши еще несколько лет, переживая в одиночестве свои ошибки и заблуждения. Немного найдется не только в Африке, но и во всем мире таких честных лидеров.

⁸ Танганьика была подопечной территорией Великобритании, мандат на управление которой она получила по Версальскому договору 1919 г., лишившему Германию ее колоний, в т.ч. в Восточной Африке.

⁹ Так назывались солдаты танганьикских воинских подразделений (аскари на суахили значит солдат).

¹⁰ Название Танзании — производное от Танганьики и Занзибара.

Кстати говоря, приехав в Дар-эс-Салам через девятнадцать лет — в 1980 г., я был поражен разрухой и запустением, постигшим этот симпатичный городок. Грязь, вечером полная темнота даже в центральной части, обшарпанные, давно не ремонтировавшиеся дома. Единственное «достижение» состояло в том, что отель «Нью-Африка», построенный еще немцами в XIX веке, когда Танганьика была колонией Германии, был разрушен, как символ колониализма, и на его месте с помощью израильтян был построен отель «Ухуру»¹¹. Старый отель был красивым двухэтажным зданием из белого камня, с толстыми стенами, которые не прогревались за день тропической жары. Рассказывали, что стены были настолько толсты, что их долго не могли разрушить. И только какие-то сверхмощные тротиловые заряды, доставленные из Израиля, покончили с «символом колониализма». Обращенное фасадом к океану, здание, благодаря разумно сделанной системе естественной вентиляции, освежалось бризом и не нуждалось в кондиционировании воздуха. Новое же здание напоминало пластмассовую коробку, где гудели кондиционеры, создавая холод вблизи от себя и не охлаждая нагревавшийся от раскаленных стен воздух на некотором отдалении.

Разрушение символов прошлого... Слава Богу, у нас в свое время не додумались разрушить Зимний дворец как символ царизма. Правда, других символов было порушено немало. «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...». Да, ломать — не строить.

Нет, не зря Ньерере разочаровался в том пути, которым он вел страну.

А вот Оскар Камбона, 33 года. Это совсем другой человек, что видно и по фотографии. В глазах — задор азартного игрока. Пока он всего лишь министр образования, но скоро станет министром внутренних дел и Генеральным секретарем ТАНУ, т.е. вторым лицом в государстве. Умный, властный, честолюбивый, он попытается свергнуть Ньерере. Но скромный маленький учитель, мвалиму¹², как его называли танганьикцы, сумеет раскрыть этот заговор, и Камбоне придется бежать из страны.

С Камбоной мне еще придется встретиться лет через десять в Женеве, когда он уже был в изгнании. Приехав на очередную сессию Комитета по разоружению, я остановился в отеле «Мон-Блан».

¹¹ Ухуру — независимость (на суахили).

¹² Мвалиму — учитель (на суахили).

Столкнулся с ним в гостиничном коридоре лоб в лоб. Я слышал о том, что он и в изгнании продолжает плести нити заговора против Ньерере. Хотя я и был уже далек от африканских дел, мне, официальному лицу, заговорщик был ни к чему. Я отвел глаза и прошел мимо. Не повел бровью и Камбона.

В том же отеле находился мой коллега по делегации, а в прошлом и коллега по посольству в Дар-эс-Саламе В.А. Устинов. Он оказался в еще более пикантной ситуации, так как собирался ехать послom в Танзанию и ждал агремана.

Через несколько дней, выйдя из отеля, чтобы ехать на заседание, я наблюдал, как Камбона укладывал вещички в такси. Он сел в машину, подмигнул мне, сделал ручкой и уехал.

Вернемся, однако, к празднествам независимости.

Из внепрограммных встреч мне запомнилась встреча с Джомо Кеньяттой. Он был тогда председателем партии «Африканский национальный конгресс Кении» (КАНУ) и потенциальным президентом будущей независимой Кении. В свое время его имя было связано с восстанием «мау-мау». Это была продолжавшаяся несколько лет партизанская война против англичан в Кении. Отсидев несколько лет в английской тюрьме и, видимо, пройдя там «перевоспитание», он был освобожден и возглавил КАНУ. Имя его было очень популярно в Африке.

Кеньятта, вместе со своей свитой и охраной, расположился в отеле «Аквариум». Расположенный ближе к африканским кварталам города, отель не отличался фешенебельностью (все «белые» отели были на океанском берегу — «Нью-Африка», «Си Вью», «Палм Бич»). Лифта там не было, и, я помню, на третий этаж к Кеньятте мы пробирались по узкой лестнице, по обе стороны которой сидели черные люди в живописных лохмотьях. Как нам потом пояснил Кеньятта, это была его добровольная охрана, готовая закрыть своими телами от непрошенных гостей своего вождя и учителя.

В комнате, куда нас препроводили встретившие внизу адъютанты, помимо Кеньятты, был его соратник и заместитель по партии Огинга-Одинга. В дальнейшем, когда Кеньятта станет президентом, у Огинги-Одинги развернется борьба за влияние на Кеньятту с Томом Мбойя (считалось, что Огинга старался тянуть Кеньятту к Китаю и Советскому Союзу, а Мбойя был проводником американского влияния). Эта борьба закончится убийством Огинги при темных обстоятельствах. Впоследствии был угроблен и Том Мбойя.

Беседа проходила двое на двое (я выполнял роль переводчика). Но прежде чем она началась и даже до того, как мы приблизились к Кеньятте, чтобы поздороваться, Огинга-Одинга выскочил вперед и стал махать на нас конским хвостом, привязанным к короткой деревянной рукоятке, бормоча что-то себе под нос. Помахав и отогнав таким образом злых духов, которые мы могли принести с собой, проводник марксистских взглядов отошел в сторону и допустил нас к вождю.

Беседа, состоявшая из набора банальностей, не очень запомнилась. Главное, что осталось в памяти, — сама личность Кеньятты. Это был несомненный лидер, от которого исходила магнетическая сила. Лидер волевой и, как сейчас говорят, харизматический. Огинга же Одинга со своими замашками сельского шамана производил впечатление человека сильно дремучего и чересчур экзотического.

Кеньятта во время встречи оставался невозмутимым и, я бы сказал, величественным. Запомнились два момента оживления с его стороны. Первый раз он оживился, вспоминая три месяца, проведенные в начале 30-х годов в Москве на курсах в школе Коминтерна. А второй раз — когда Елютин вручал ему дары (какие-то пропагандистские книжки и водку). Глаза вождя явственно заблестели (видимо, он предвкушал чтение подаренной ему марксистской литературы).

Главной миссией поездки Елютина в Танганьiku было установление дипломатических отношений между Советским Союзом и этой новой независимой страной. Напутствуя меня перед командировкой, А.А. Шведов особо подчеркивал, чтобы я следил за тем, чтобы танганьикская сторона четко и недвусмысленно дала свое согласие на установление дипломатических отношений. Это наше предложение было изложено в приветственном послании Хрущева, которое Елютин вручил Ньерере при первой встрече. Осталось получить реакцию другой стороны.

Наш прощальный визит к Ньерере был назначен на день накануне нашего отъезда. Еще в Москве был заготовлен проект совместного коммюнике, в котором предлагалось сказать, что две страны устанавливают между собой дипломатические отношения и в этой связи выражают глубокое удовлетворение. Проект был передан Ньерере при первой встрече вместе с посланием Хрущева.

И вот мы сидим в приемной Ньерере, чтобы сказать ему good bye и получить согласие на публикацию совместного коммюнике.

В приемную выходит помощник Ньерере английский полковник Роджерс и передает нам письмо, подписанное Ньерере на имя Советского правительства. Почему полковник? Не знаю, так все его называли. Это был высокий жилистый англосакс, с моноклем, одетый, как и все англичане, служившие в колониальной администрации, в белую рубашку с короткими рукавами и без галстука, длинные белые шорты и белые же гетры, подвернутые у колен. Таков был колониальный стиль. Для тропического климата очень практичный, надо сказать. Если генерал-губернатор Тёрнбул официально представлял английскую королеву, пока Танганьика не вышла из Содружества, то Роджерс практически управлял правительством Танганьики, формально находясь у него на службе.

Читаем письмо, врученное нам Роджерсом. В нем много вежливых витиеватостей, изысканных английских оборотов с выражением признательности, вечной дружбы и т.д., но нигде прямо не говорится о согласии правительства Танганьики установить дипломатические отношения с Советским Союзом.

Дождавшись, когда мы закончим знакомиться с письмом, Роджерс говорит, что Ньерере просит передать советскому представителю его благодарность за приезд в Танганьику и желает счастливого пути. Дескать, аудиенция закончена. Ну, тут Вячеслав Петрович и показал, что он достойно представляет великую державу. Оставаясь в строго дипломатических рамках, т.е. не переходя на мат, он поставил вопрос так: устанавливает ли Танганьика дипломатические отношения с Советским Союзом или нет? Он должен лично доложить о результатах своей миссии Никите Сергеевичу. А для этого ему необходимо немедленно увидеться с г-ном Ньерере. Я думаю, Роджерсу и без моего перевода было бы понятно, что говорил советский представитель. Он сказал, что выяснит, не сможет ли премьер-министр уделить советскому министру несколько минут. Конечно, премьер-министр смог.

Джулиус Ньерере встретил нас в кабинете своей застенчивой улыбки. После нескольких приветственно-протокольных слов Елютин взял быка за рога, прямо спросив премьера, согласен ли он на опубликование совместного коммюнике, проект которого ему был передан. Ньерере вопросительно посмотрел на Роджерса. Тот ответил в том смысле, что вы, мол, в своем письме на имя советского правительства соответствующим образом отреагировали на содержание советского проекта коммюнике, поэтому вопрос исчерпан, и необходимости в опубликовании коммюнике не возникнет.

кает. Покивав головой, Ньерере виновато посмотрел на нас: видите, мол, что говорят старшие, что я могу поделаться?

Тогда Елютин достал заранее заготовленный проект выступления и зачитал его. В нем говорилось, что он будет рад доложить советскому руководству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву об установлении дипломатических отношений между нашими странами. Ньерере покивал головой и сказал, что он тоже удовлетворен установлением дипломатических отношений между Танганьикой и великим Советским Союзом и надеется на скорое прибытие советского посольства. Таким образом, дипломатические отношения были установлены, хотя это и не было зафиксировано на бумаге. В тот же день я оповестил об установлении отношений находившихся в Дар-эс-Саламе журналистов, в том числе корреспондента «Известий» Н. Хохдова. Этот факт был доведен до сведения и других советских журналистов во время нашей остановки в Лондоне по дороге в Москву.

В конце аудиенции я попросил Ньерере поставить автограф на клястере с серией почтовых марок, выпущенной в ознаменование независимости, с гашением 9 декабря 1961 г. — в день ее провозглашения (на этот счет меня проинструктировал Шведов, страстный коллекционер). Заодно Ньерере расписался на своей фотографии, которую я припас для этой цели.

Марки я преподнес Шведову, а фотографию оставил себе. Шведов, страстный филателист, был рад маркам, но не доволен отсутствием письменной договоренности об установлении отношений. Чтобы закрепить устную договоренность на практике, было срочно проведено решение Политбюро об открытии посольства в Танганьике и о направлении туда передовой группы в составе трех человек.

В Катанге был убит Патрис Лумумба

Группа наша состояла из советника Вячеслава Устинова, первого секретаря (он же секретарь нашей партиячейки) Михаила Амирджанова и третьего секретаря — автора этих строк. Устинов до прибытия посла должен был быть временным поверенным. Соответственно, он возглавлял нашу группу. Визы были запрошены через наше посольство в Лондоне. В середине января мы получили английские визы и вылетели в Лондон, чтобы «пробивать» там танганьикские визы.

«Пробивание» продолжалось две недели и состояло в том, что Устинов посетил офис Верховного комиссара (так назывались посольства стран-членов Британского Содружества в Лондоне), представился в качестве временного поверенного в делах Советского Союза в Танганьике и запросил визы на нас троих. Все две недели мы гуляли по городу, посещали кинотеатры, музеи и рестораны, то есть жили в свое полное удовольствие. Считалось, что наша группа самым фактом своего пребывания в Лондоне должна была показать серьезность намерений Советского правительства в отношении Танганьики и, соответственно, необходимость скорейшей выдачи нам виз на въезд туда. Не уверен, что этот факт как-то повлиял на выдачу виз, но то, что он доставил нам великолепную возможность познакомиться с чудеснейшим городом, это точно. И Лондон, и его жители очаровали меня. С тех пор я сохранил самые лучшие впечатления об англичанах. Я и до сих пор считаю их очень воспитанными, благожелательными и приятными для общения людьми. Хотя впоследствии, конечно, встречались и крупные исключения.

Раскроешь, например, карту, чтобы сориентироваться в незнакомом городе, тут же к тебе подойдет прохожий и осведомится, не может ли он помочь сэру. А если на переходе ступишь хотя бы одной ногой на «зебру», все водители останавливают свои машины и терпеливо ждут, когда ты согласишься принять решение о направлении своего дальнейшего движения. Или вот история с моей шляпой.

Когда, получив танганьикские визы, мы отправлялись в аэропорт, чтобы лететь в Дар-эс-Салам, я решил избавиться от своей велюровой шляпы в виду ее полной неуместности в тропиках и оставил ее в отеле. Я уже пристегнул ремни безопасности в авиалайнере компании ВОАС, когда главный стюард вручил мне аккуратно упакованную круглую коробку, пояснив, что ее просили передать мне из отеля, где я останавливался. Конечно, в коробке была моя шляпа. Опасаясь, что если я оставлю ее в самолете, она меня настигнет и в Дар-эс-Саламе, я вынес коробку со шляпой во время остановки в Хартуме и надежно поместил ее в урну для мусора. Представляю, как удивились местные уборщики, обнаружив диковинный головной убор.

В Дар-эс-Саламе наша маленькая группа остановилась в отеле «Твига». Он был недавно построен и был единственным в городе, где были кондиционеры. Надо сказать, англичане приспособлива-

лись к местному климату и не баловали себя такими вредными вещами, как искусственное охлаждение воздуха. Но сразу адаптироваться, после московской зимы, к тропическому климату (сорокоградусная жара при почти стопроцентной влажности) было трудно.

В первое же утро я был разбужен в шесть утра чернокожим боем, который, шлепая босыми ногами по полу, вкатил в номер столик на колесиках с кофе, чаем, сливками и печеньем, а также свежим номером местной газеты «Танганьика стандарт». Как я потом имел возможность убедиться, эта традиция — подавать тебе в постель крепкий кофе или чай, на выбор, была установлена англичанами во всех «белых» отелях Восточной Африки. Сначала традиция эта — пить и есть до умывания и зарядки — показалась мне дикой. Но потом, когда я по совету одного из моих английских знакомых отказался от кондиционера, то вполне оценил возможность прийти в себя с помощью крепчайшего кофе или не менее крепкого чая после тропической ночи, когда температура воздуха спадала лишь незначительно, а влажность оставалась по-прежнему под сто процентов.

Вообще я получил довольно много полезных советов от местных англичан. Оказалось, что в тропиках для поддержания физической бодрости рекомендуется есть больше соленого, чтобы компенсировать выпаривание соли из организма. К сожалению, в изобилии досаливая свою пищу, я настолько привык к соленому, что полностью избавиться от этой привычки не смог и до сих пор. Но, конечно, самый ценный совет заключался в том, чтобы в целях дезинфекции утром натощак выпить грамм 30—50 неразбавленного виски (особенно если предстоит питаться в сомнительных местах). Благодаря этой профилактике ни одна зараза ко мне не пристала.

Главная задача нашей группы состояла в поиске подходящего здания для посольства. Еще во время празднования независимости к нам обратился глава посреднической фирмы «Ратанси и сын» с несколькими предложениями покупки или аренды зданий. Собственно, вся эта фирма состояла из пожилого индуса по имени Ратанси и его взрослого сына. Мы посмотрели предложенные варианты и остановились на одном, по нашему мнению, единственном приемлемом. Подробная документация была доставлена в Москву, и выбранный мною под руководством Елютина вариант не был отвергнут. Однако передовой группе было предписано изучить и другие возможные варианты.

И хотя группа охватила все посреднические фирмы (самой крупной из них была «Ратанси и сын», каждая из остальных не насчитывала в своем составе более одного человека), вскоре выяснилось, что все маклеры оперируют одними и теми же вариантами. В конечном счете группа предложила в Москву остановиться на том, самом первом варианте, который был предложен еще делегацией, вернувшейся с праздника независимости. Поскольку владелец здания — богатый индус — с пессимизмом смотрел на перспективу своего дальнейшего пребывания в независимой Танганьике, он хотел продать свою недвижимость и запрашивал относительно небольшую сумму. Поэтому Москве было предложено это здание купить.

Москва, однако, рассудила иначе и дала согласие лишь на аренду. В результате за пять лет была выплачена вся та сумма, которая требовалась на приобретение здания в полную собственность. После этого аренда продолжалась еще лет десять, пока, наконец, здание не было куплено, разумеется, за сумму, намного превышавшую и первоначально запрошенную, и выплаченную за многолетнюю аренду.

Шел я как-то по торговой улочке Дар-эс-Салама, мне навстречу белый паренек. Здоровается со мной. Спрашивает, не может ли чем-нибудь помочь. Спасибо, говорю. Я уже, мол, здесь освоился.

— А вы, наверное, посольство приехали открывать?

— Ну да.

— А помещение еще не нашли?

— Нет еще.

— Так я вам помогу. Я же маклер, меня зовут Рой.

— А офис у вас где?

— Вот он мой офис, — и вытаскивает из кармана замусоленную записную книжку.

В общем показал он нам несколько вилл. Они не подошли, но с Роем мы подружились.

Приехал Рой из Северной Ирландии год назад в надежде если не разбогатеть, так подзаработать денег и мир посмотреть. Он не был оригинален: так поступали многие молодые люди Великобритании, где по традиции наследство оставлялось только старшему сыну. Младшие же обычно отправлялись *overseas* (за море) в поисках своих жизненных путей. Они становились земледельцами («белыми поселенцами»), профессиональными охотниками, открывали какой-нибудь бизнес и в любом случае не бедствовали. Но времена для этого уже прошли. Рой сильно опоздал. Жил он с женой на окраине Дар-эс-Салама, где его жена выращивала кур на прода-

жу, а он перебивался разного рода посредничеством. Помимо недвижимости он предлагал свое посредничество в приобретении мебели, поставках продуктов прямо с ферм и т.д.

У Роя дела шли не очень хорошо. Хотя по природе он был оптимистом, жалобы на местные порядки все чаще становились темой наших бесед. Надвигающаяся африканизация все меньше оставляла ему шансов на выплывание.

Однажды, когда я вернулся в посольство с какой-то служебной встречи, дежурный вручил мне записку от Роя.

«Дорогой Юрий, заезжал в посольство, чтобы попрощаться с тобой, но, к сожалению, не застал. Уезжаю на юг, где пока еще земля не горит под ногами белого человека. Побуду в Южной Родезии, а там посмотрю. Может быть, встретимся с тобой на каком-нибудь перекрестке. Приезжай послом в Южную Африку».

В Южную Африку я не попал, а с Роем мне пришлось вновь столкнуться в Австралии. В январе 1986 г. я приехал туда, чтобы разъяснить заявление М.С. Горбачева о ядерном разоружении. Помимо встреч в МИДе и других учреждениях, было у меня выступление и по местному телевидению. После раздается звонок в посольство:

— Юрий, здорово, старина, это Рой.

Встретиться, к сожалению, не удалось, ограничились телефонным разговором. Потрепала жизнь неунывающего ирландца. Из Южной Родезии перебрался он вскоре в ЮАР. Там ему вроде бы удалось зацепиться. Открыл авторемонтную мастерскую. Во время одной из демонстраций против апартеида ее сожгли. Пошел работать в фирму по продаже автомобилей. А там уже накатывала волна черного шовинизма. Со многими другими белыми южноафриканцами перебрался в Австралию. Здесь работает тут то там.

Рассказываю о Рое потому, что его история очень типична для многих белых жителей Африки. Но вернемся в Дар-эс-Салам.

Почему-то в Москве считалось, что нам ни в коем случае нельзя пользоваться банком для перевода денег в Дар-эс-Салам. Поэтому нам была выдана наличность, частично в английских фунтах, частично в американских долларах. Сейчас уже не помню точную цифру, но это была очень крупная сумма. Она включала в себя нашу трехмесячную зарплату, стоимость проживания в отеле и, в дальнейшем, аренды более стабильного жилья, цену автомобиля, который предстояло приобрести, различные транспортные

и протокольные расходы и т.д. и т.п. Ни в какие карманы выданные нам (а точнее — мне как казначею) пухлые пачки банкнот, конечно, не помещались. Пока не было снято здание для посольства и куплен сейф, оставлять деньги было негде. Поэтому первым моим приобретением в Дар-эс-Саламе была скромная папочка из кожаменителя на ремешке, на манер нынешних мужских сумочек (кажется, они называются «барсетками»), только побольше, в которую я поместил свои многочисленные тысячи и носил постоянно на руке. Ночью папочка хранилась у меня под подушкой.

В то время независимая жизнь еще не подорвала нравственные устои местного населения, воспитанного колонизаторами в уважении к частной и личной собственности. Поэтому покушений на мою папочку не наблюдалось. Да и кто мог предположить, что под ее скромной оболочкой хранятся несметные богатства, которые любой нормальный человек держит в надежном банке? Это уж несколько позже, когда свобода в Танганьике начала восприниматься как осознанная необходимость, начались хулиганства, воровство и грабежи. Но к тому времени в посольстве уже был оборудован сейф. В те же ранние непуганые времена острая ситуация с нашей казной возникла только однажды, когда я, отправившись поплавать в Индийский океан, оставил папочку на попечение моих коллег, нежившихся на пляже. Начавшийся прилив заставил их срочно эвакуироваться повыше. Забрав свои бесценные шорты, они, не сроднившиеся с моей папочкой, не сразу вспомнили о том, что в ней хранилась и их будущая зарплата. В результате папочка немного подмокла, но, по счастью, все-таки не была унесена в морскую пучину.

Группа наша находилась в Дар-эс-Саламе без связи с Центром. К телефону прибегать не рекомендовалось («чтобы не подслушали»). Время от времени Устинов отправлялся в Аддис-Абебу, где находилось ближайшее советское посольство (несколько часов лету от Дар-эс-Салама) и оттуда сношался с Москвой, отсылая свои донесения и получая инструкции.

В отсутствие начальника его подчиненные, естественно, позволяли себе небольшие отступления от трудовой дисциплины, проводя время в основном на пляже. И вот однажды, когда мы с Михаилом уже собирались повесить на дверь гостиничного номера табличку с надписью «Office is closed», в дверном проеме появился чернокожий посетитель. Михаил говорит мне:

— Вот еще нелегкая принесла этого дудака. Давай по скорому отошлем его и поедем на пляж.

— Тогда пришелец говорит на хорошем русском языке:

— Товарищи, мы можем вести беседу по-русски. Я учился в Советском Союзе, а сейчас вхожу в руководство партии «Афро Ширази» на Занзибаре. Меня зовут Ханга¹³.

Эта партия была основной партией африканского большинства острова и соперничала с Националистической партией, которая представляла арабское меньшинство острова. После получения Занзибаром независимости в 1963 г. она станет правящей, Ханга станет премьер-министром Занзибара и трагически погибнет в результате междоусобного переворота. А тогда, в 1962 г. Ханга прибыл в Дар-эс-Салам, чтобы договориться с советскими товарищами о помощи его партии, не зная, что товарищи торопятся на пляж. Неловкость, однако, вскоре была заглажена с помощью душевной беседы и угощения российскими деликатесами. Большим помочь мы, к сожалению, не могли из-за отсутствия регулярной связи с Москвой.

Между прочим, в Африке я отметил свое тридцатилетие. Оно хорошо запомнилось, наверное, благодаря необычности ситуации. Мы все еще жили тогда в отеле, причем Устинов в тот день был в Аддис-Абебе. Вернувшись с Михаилом с юбилейного ужина, я предложил ему продолжить празднование. Произнеся оригинальный тост («Ну, за все хорошее, и еще раз поздравляю»), он отправился спать, а я остался наедине со слегка початой бутылкой виски. Чтобы была хоть какая-то компания, я сел у себя в номере перед зеркалом, поставил бутылку, стакан и положил блокнот с ручкой, приготовившись не только выпивать, но и размышлять и, более того, фиксировать эти размышления на бумаге.

Дело происходило так. Я наливал виски, чокался со своим отражением в зеркале, прихлебывал напиток, в голову, конечно, тут же приходила какая-то удачнейшая мысль, и я ее записывал. Долго потом хранил я эти записи, пока они куда-то не исчезли, как все исчезает в этой жизни. Впрочем, не думаю, что человечество потеряло кладезь мудрости. Сначала текст шел вполне разборчивый, но постепенно, по мере опорожнения бутылки, строчки начинали разбегаться в разные стороны, а кириллица приобретала иероглифические очертания (видимо, самые мудрые мысли пришли как

¹³ Живя в Советском Союзе, Ханга познакомился с дочерью американских иммигрантов, приехавших в Советский Союз до Второй мировой войны. Они поженились, и у них родилась Леночка, ставшая журналисткой и телеведущей Еленой Ханга. Но об этом я узнал, конечно, значительно позже.

раз на эту не поддающуюся расшифровке часть). Но хорошо помню почти физическое ощущение бега времени (не в смысле минут или часов, а в смысле утекания жизни вообще). Наверное, это ощущение посетило меня тогда впервые, потому и запомнилось.

В то время наши перемещения в пространстве осуществлялись с помощью арендованного нами автомобиля «Пежо 303» (между прочим, прекрасная была модель!). Вскоре, однако, наш автопарк увеличился за счет приобретенного нами «Опеля Рекорда», который стал официальным средством транспорта временного поверенного. Для управления им был нанят местный водитель (не было секретом то, что основную свою зарплату он получал в местном МВД). Имя его было Wazigi, но, поскольку его английское произношение четкостью не отличалось, оно было воспринято нами как Базиль. Он хорошо водил машину, выполнял роль посыльного, проводника (в поездках по стране) и переводчика (с английского на суахили и обратно).

Однажды, готовясь к встрече Устинова из очередной поездки в Аддис-Абебу, мы предложили Базилю приветствовать русского бвану на русском языке. Латинскими буквами написали ему текст, он его добросовестно выучил и несколько раз прорепетировал с нами. Базиль оказался неплохим лингвистом. Встретив Устинова в аэропорту, он, к нашему большому удовольствию, довольно разборчиво выговорил всю ту ненормативную лексику, из которой состоял текст.

В таких небольших развлечениях катилось время. И вот наступил большой день — приезд посла, Андрея Михайловича Тимощенко. До этого назначения он был советником-посланником, т.е. заместителем посла, в Бонне. К его приезду уже было не только арендовано, но и приведено в божеский вид здание посольства. Вместе с послом прибыли шифровальщик, шофер Вася и его жена Маша, которая была оформлена уборщицей. Посольство приобрело вполне респектабельные очертания.

Вскоре из Москвы два дипкурьера привезли таинственные брезентовые тюки, в которых находились шифры и прочие причиндалы для шифрсвязи.

В то время система телеграфного общения с Центром была исключительно примитивной. После того как шифровальщик превратит очередную телеграмму в колонки цифр, шифровка вручалась Базилю, и он отвозил ее на телеграф. Когда же приходила каблограмма из Москвы, ее привозил с телеграфа в посольство босоногий гонец на велосипеде. Ему вручалась небольшая мзда за

то, что он не потерял по дороге драгоценные московские инструкции, и шифровальщик переводил цифры в слова.

Естественно, шифровальную комнату полагалось охранять круглосуточно. В отсутствие специальной охраны эта функция во внерабочее время осуществлялась средним и младшим дипсоставом посольства, т.е. Михаилом и мной. Один дежурил по окончании рабочего дня до полуночи, а другой — с полуночи до начала следующего рабочего дня (мы чередовались). Шифровальные таблицы хранились в сейфе. Рядом стояла большая бутылка с бензином, и лежал коробок спичек. Инструкция предписывала в случае опасности захвата посольства злоумышленниками, распахнуть сейф, облить шифры бензином и поджечь. Сейф опечатывался, но не запирался, чтобы во время опасности не тратить время на поиск ключа и на попадание трясущимися руками ключом в замочную скважину. Дежуря, я мысленно видел себя Грибоедовым, терзаемого толпой диких аборигенов, которых направляет коварная рука полковника Роджерса.

На моей памяти ЧП возникло один раз, когда дежуривший ночью Михаил поднял по тревоге весь наличный состав посольства во главе с послом. Часа в два ночи он обнаружил во дворе посольства (его территория в то время не охранялась за неимением охранников) постороннюю автомашину. Позвонили в полицию. Заспанный полицейский, взглянув на номер, сказал, что оснований для беспокойства нет, так как машина принадлежит мистеру такому-то, который дискретно посещает жену мистера такого-то, который живет неподалеку, а в настоящее время находится в отъезде. Был дан отбой. Автомашина исчезла с первыми лучами восходящего солнца.

На следующее утро посол распорядился нанять охрану из местного населения. Проблемы с этим не было, так как целый день посольство осаждали страждущие работы безработные. Я снял на время плакат «Апана кази», что на суахили означало отсутствие рабочих мест, и подобрал для представления руководству кандидатуры. Один из двух нанятых охранников по имени Том оказался не очень удачным выбором, так как по ночам устраивал в своей сторожке что-то, явно не соответствующее задаче охраны посольства. С ним пришлось вскоре расстаться. А другой, по имени Фред, прижился и, помимо охраны, стал выполнять функции дворника, садовника и прачки. У него была большая семья — две жены и двенадцать детей. Всех их надо было кормить. Фред был небольшой сумрачный

мужичонка, лет сорока. Я никогда не видел, чтобы он улыбался. Он был весь какой-то придавленный жизнью. Каково же было мое удивление, когда однажды я застал его хохочущим. После большой стирки он развесил белье на веревке, протянутой через весь посольский двор, а веревка не выдержала, лопнула и свежевывстиранное белье упало на пыльную землю. Глядя на этот еще один удар судьбы, Фред заливался гомерическим хохотом. Или чувство юмора у него было прекрасное, или нервы у бедняги не выдержали.

Между тем деятельность посольства набирала обороты. По внутреннему распределению обязанностей в мои функции входило изучение партий и неправительственных организаций Танганьики, отправка на обучение в Советский Союз студентов и поддержание связей с представителями национально-освободительных организаций колониальных стран, которые либо имели свои постоянные представительства в Дар-эс-Саламе, либо наезжали туда время от времени.

Партия была всего одна — ТАНУ, понятно, что это была правящая партия, а из неправительственных организаций было лишь несколько небольших профсоюзов. Так что первая задача больших хлопот не доставляла. Подбор и отправка студентов было значительно более хлопотным делом.

В.П. Елютин, пообещав в декабре предоставить Танганьике несколько сот стипендий, свое слово сдержал. В Дар-эс-Салам прибыл его представитель для отбора студентов. К сожалению, его выездные документы оформлялись очень долго, и он прибыл уже после того, как англичане и американцы отобрали наиболее подготовленных ребят. Конечно, в претендентах нехватки не было, но образовательный уровень у большинства, даже с чисто формальной точки зрения — по числу законченных классов, оставлял желать много лучшего. Тем не менее, несколько сот танганьикцев были отправлены в Москву, где временно пополнили африканское население Советского Союза.

Мои функции на ниве образования, хотя и были чисто организационными, занимали много времени. Надо было поддерживать постоянные контакты с местным Министерством образования, организовывать встречи абитуриентов с представителем Елютина, переводить ему, приобретать авиабилеты и т.д. и т.п.

Более интересной была работа с представителями партий и организаций колониальных территорий. Она заключалась в том, что я с ними встречался, разговаривал о том, о сем, они жаловались на

интриги конкурирующих организаций и просили советской помощи — в основном денег, оружия, приема на учебу своих функционеров. Моя роль заключалась в том, что я, сопоставляя разные, часто противоречивые показания моих собеседников, составлял аналитические справки о положении в той или иной колонии, о политических партиях, организациях и лидерах, их политических ориентациях и борьбе между собой. Сочинял рекомендации о наших шагах и отдавал все это послу. Бумаги мои накапливались в канцелярии в ожидании диппочты, которая приходила крайне редко. Уже вернувшись в Москву, я находил свои сочинения в приходившей из Дар-эс-Салама почте. Как свет погасшей звезды.

Собственно, в мою бытность в посольстве дипкурьеры приезжали только один раз. Их приезд хорошо запомнился еще и потому, что в первую же ночь их обокрали. Хорошо расслабившись после полного опасностей пути, они крепко заснули в отведенной им в посольстве комнате, оставив открытым окно (здание еще не было оборудовано кондиционерами). Проснувшись под утро (вот что значит профессиональная бдительность!), один из дипов увидел проскользнувшего через окно постороннего человека. Пока дипкурьер («курок аж палец свел») выпутывался из противомоскитной сетки, свисавшей пологом над его кроватью, вориска выскользнул обратно, прихватив с собой подвернувшиеся под руку брюки одного из дипкурьеров, и был таков. По счастью, в карманах брюк была лишь одна зажигалка, а табельное оружие находилось под подушкой. Полиция была информирована об инциденте, но никаких последствий это наше обращение к правоохранительным органам, естественно, не имело.

А что же наш сторож Том? Как он мог допустить? А он или был в сговоре, или действительно ничего не видел и не слышал, будучи сильно занят в своей сторожке с очередной подружкой. Случай этот стал последней каплей, переполнившей чашу терпения и побудившей посольство расстаться с жизнелюбивым стражем.

Из встреч с подпольщиками мне особенно запомнилась одна — с кенийским партизаном из движения «мау-мау». В этом движении принимали участие крестьяне самого крупного кенийского племени кикуйю¹⁴, которые убивали других кикуйю, сотрудничавших с белыми поселенцами и колониальной администрацией. Были

¹⁴ Кикуйю составляли 1 миллион чел., т.е. 20 процентов африканского населения Кении 50-х годов.

жертвы и среди белых поселенцев. Движение вспыхнуло в 1952 г. и к 1956 г. было в основном подавлено англичанами. Остатки партизан, спасаясь от карателей, ушли далеко в непроходимые тропические леса и там затаились. Мой очередной посетитель был как раз оттуда. Это был высокий стройный парень с потрепанным саквояжиком в руке. Отдышавшись в приемной посольства после дороги (жители глубинных районов не приспособлены к очень влажному климату побережья), он рассказал, что нелегально прибыл из лесов Кении, чтобы рассказать советским представителям о бедственном положении народа кикуйю, полагая, что, узнав об этом положении, они помогут этому народу, прежде всего оружием.

— Только посмотрите, чем нам приходится воевать, — сказал он и достал из своего саквояжика нечто, состоящее из металлической трубки, прикрученной проволокой к деревянному ложу.

Мой официальный статус, конечно, никак не соответствовал просьбе об оказании помощи оружием партизанам «мау-мау». В конце концов мне удалось распрощаться с партизаном.

Довольно много приходилось мне общаться и с представителями соперничавших между собой партий Занзибара — «Афро-Ширази» и Националистической партии. Я им пытался объяснять, что нужно жить в мире друг с другом, чтобы совместными усилиями скорее покончить с колониализмом. Но убедить их в этом было невозможно. Жизнь моих знакомых окончилась трагически: они перебили друг друга в междоусобной борьбе за власть.

Первое время сотрудники посольства получали зарплату на временной основе, размер которой требовалось со временем уточнить и подвести под этот размер логическое обоснование. С этой целью из Москвы была прислана соответствующая инструкция с так называемым «финансовым набором». Руководствуясь этим набором, требовалось указать, сколько стоят в Дар-эс-Саламе одежда, продукты питания и услуги, необходимые для проживания там советского дипломата. Заняться этим делом посол поручил мне.

Изучив «финансовый набор», я узнал, что он был утвержден в 1928 г. в качестве общей инструкции для всех посольств, без какого-либо учета особенностей стран пребывания (в то время посольств было совсем немного и располагались они в странах, особенности у которых, конечно, были, но, по меркам того времени, поддавались финансовому усреднению). Поэтому мне предстояло выяснить стоимость различных предметов, необходимых для жизнедеятельности, включая шубы с меховым воротником (одна

на три года) и шапки-ушанки (одна на три года), демисезонного пальто (одно на два года), мытья в бане (раз в неделю), и т.д.

С шубой, шапкой и пальто вопрос решился просто. Я пошел в одеждуную лавку и объяснил хозяйину-индусу, что, возможно, мне придется поехать в Москву в разгар московской зимы и мне потребуются теплые вещи. Описав эти вещи (сукно, ватин, барашковый воротник и т.д.), попросил выяснить, сколько все это будет стоить. Хозяин, который, конечно, ни малейшего понятия не имел, что такое шуба, тем не менее, в предвкушении барыша, с большим вниманием отнесся к моему вопросу («Да, да, понимаю. Сибирь, мороз, медведь, водка...»). Он предложил выписать компоненты из Новой Зеландии («там самое лучшее качество») и построить нужные мне предметы здесь, в его пошивочной мастерской.

Через несколько дней я получил все необходимые выкладки с подтверждающей их документацией. Шуба, пальто и меховая шапка составили больше половины всей стоимости жизни советского дипломата в тропическом городе Дар-эс-Саламе.

Сложнее дело было с баней. Мои попытки найти какую-нибудь заваливающую сауну успехом не увенчались. Пришлось представить в Москву стоимость членства в частном клубе, где после игры в теннис можно было помыться в душе.

В «финансовом наборе» были и еще любопытные статьи, дававшие представление о советском дипломате конца 20-х годов. Оказывается, ему полагалось бриться в городской парикмахерской, но только три раза в неделю. Или у советского дипломата тогда волосы медленнее росли, или легкая небритость была частью имиджа рабоче-крестьянского представителя.

На основании полученной таким образом величины стоимости жизни валютно-финансовое управление МИДа приняло шкалу зарплаты для сотрудников посольства.

Вскоре, однако, «финансовый набор», по которому исчислялась зарплата для совпосольств, был отменен. Думаю, что данные о стоимости шубы в тропиках, где температура даже ночью не бывает ниже +27/+28 градусов по Цельсию, внесли свой вклад в осознание идиотизма существовавшей методологии. Как зарплата стала исчисляться потом, я не знаю. По-моему, все стало зависеть от «пробивной силы» посла. Впрочем, по каким бы критериям зарплата советских дипломатов ни исчислялась, она всегда была в несколько раз ниже зарплат их западных (и не только западных) коллег.

В Танганьике я провел не очень много времени — около года (о причине моего досрочного отъезда — ниже). Относительная краткость пребывания (обычный срок командировки — три-четыре года) не способствовала широкому ознакомлению со страной, но, я думаю, позволила сохранить свежесть восприятия увиденного.

Прежде всего: что такое Дар-эс-Салам? В 1962 году это был городок с тремя четко различимыми частями: «белый» район, индийские торговые улочки и африканские кварталы.

«Белый» район — это, прежде всего, белокаменный дворец генерал-губернатора, другие административные здания, несколько отелей, офисы крупнейших компаний. Все это — на побережье, где из-за бриза дышится полегче. Наконец, это порт.

Порт большой. И не удивительно. Через него проходит (во всяком случае в 1962 г. проходила) почти вся внешняя торговля страны. Есть и пассажирский причал.

Изредка сюда заходят¹⁵ круизные лайнеры. К приходу такого лайнера к причалу собираются торговцы всякого рода сувенирами. Больше всего изделий из черного эбенового дерева. Огромное количество масок, сделанных под ритуальные. Они выглядят очень экзотично, и невзыскательные туристы — а их, конечно, большинство — набирают их в большом количестве. Есть изделия, сделанные более искусно, но, так сказать, по типовым проектам. Это старик с посохом, африканская женщина, несущая на голове кувшин, фигурки различных африканских животных, и т.д. Все это в общем дешежка. Но среди этого туристического ширпотреба можно найти действительно великолепные вещи, хотя стоят они во много раз дороже. Для этого нужно искать *маконде*.

Маконде — это племя, обитающее на юге Танзании и в северной части Мозамбика. Оно славится — и по праву — своим искусством резьбы по дереву. Я видел два типа их изделий.

Во-первых, это *уджамаа*. Перевести это слово можно как «большая семья». Резчик берет толстый ствол черного эбенового дерева и превращает его в огромное количество соединенных в единое целое фигурок — старцев, взрослых мужчин и женщин, детей. Они держат друг друга за руки, обнимаются, стоят друг у друга на пле-

¹⁵ Я пишу в настоящем времени, хотя имею в виду, разумеется, то время, когда я жил в Дар-эс-Саламе, — 1962 г.

чах, лезут все выше и выше. Изготовление этих уджамаа требует, конечно, большого труда и искусства. Это, так сказать, реалистическое направление в творчестве маконде.

Но есть и направление, которое отражает не реальных людей, зверей и т.д., а скорее каких-то духов, какие-то видения, которые могут пригрезиться человеку с фантазией в темном тропическом лесу, особенно если он пожевал при этом каких-нибудь глюциогенных мухоморчиков.

Мне говорили, что Л.М. Ильичев, в свою бытность заместителем министра иностранных дел, курировавшим африканские дела, в результате своего визита в Танзанию вывез уникальные произведения маконде. А известно, что он был большим ценителем абстрактного искусства, создавшим свою великолепную коллекцию картин и скульптур в то время, когда он в качестве секретаря ЦК КПСС по идеологии боролся с проявлениями абстракционизма в советском искусстве.

Очень дорогие сувениры — резные изделия из слоновой кости, особенно если они сделаны из целого бивня. Если будете покупать, следите, чтобы изделия были снабжены регистрационными номерами, свидетельствующими, что они вырезаны не из браконьерской кости. Вам выдается бумага с соответствующим номером, и он же наносится краской на изделие. Без номера таможня может отобрать сувенир.

А вот — живопись. Это так называемая школа пото-пото. Она была создана западными миссионерами в долине реки Конго. По сути дела, это африканский примитивизм. Картинки обычно рисуются на черном, красном или зеленом фоне и изображают силуэты танцующих фигур, пейзажи, охоту и т.д. Не берусь оценивать художественные достоинства, но как декоративная экзотика пото-пото вполне может украсить стены московской квартиры.

Помимо пото-пото можно найти интересные картинки, сделанные из крылышек тропических бабочек. Богатство цветов необыкновенно, но... бабочек жалко.

А вот кого уж совсем жалко, так это попугайчиков. К прибытию лайнера в порт на продажу привозят (во всяком случае привозили) большое количество разноцветных птичек. Туристы их охотно раскупают, не зная, что перед продажей их покормили зерном, смешанным с толченым стеклом. Попугайчики на следующий деньдохнут, и, по замыслу хитроумных продавцов, туристы должны купить новых птичек. Наверное, некоторые покупают. Так поддерживается

спрос. Сведения об этом я почерпнул из местной английской газеты «Танганьика стандарт».

Если от порта поехать по Оушн роуд, т. е. вдоль берега океана, на север, вскоре слева увидишь Палм Бич отель, справа — Си Вью отель, немного дальше слева — российское посольство, а сразу же за поворотом попадаешь в район вилл. Не знаю, не знаю, в каком они сейчас виде, а в начале 60-х годов это был райский уголок. Часть вилл была куплена иностранными посольствами под резиденции послов. Чудесная вилла у посла КНР — прямо на берегу океана. Хорошо ее помню по вечерам советско-китайской дружбы (дружба давала трещины, и их надо было как-то подштукатуривать). У многих других послов — тоже неплохие резиденции. Была там вилла и советского посла (возможно, она и сейчас служит российской дипломатии), но она более чем скромна (экономия валюты — советско-российский налогоплательщик может не беспокоиться).

Если от порта пройти на запад, сразу за памятником Аскар¹⁶ попадаешь на улочки с сильным индийским колоритом. Лавочки такие, лавочки сякие. И густой запах восточных специй. Не знаю, как там сейчас, поскольку многие индийцы вынуждены были под давлением африканизации покинуть Танзанию, а в 1962 году здесь можно было купить все, что нужно для жизни, путешествий и прочих развлечений в Африке. А то, что нельзя было купить, можно было заказать из Лондона или иного подходящего места.

За индийскими улочками начинался африканский район. Ничего интересного там не было: одноэтажные домишки, лишенные какого-либо колорита, убогие лавчонки и пивные. Мне приходилось там бывать, когда я посещал различные мероприятия, организовывавшиеся партией ТАНУ, а также когда встречался с партийными и профсоюзными функционерами. В то время африканцы чувствовали себя стесненно в «белых» ресторанах (хотя официального запрета не было и до независимости) и предпочитали забегаловки в «своем» районе.

Километрах в шестидесяти к северу от Дар-эс-Салама находится Багамойо. Сразу и не определишь, что это — большая деревня или маленький городок. Стоят глинобитные хижины. Растут коко-

¹⁶ Аскар¹⁶ — солдат (суахили). Памятник Аскар¹⁶ — это памятник неизвестному солдату, поставленный англичанами в честь солдат, которые погибли в Первой мировой войне, сражаясь на их стороне против Германии.

совые пальмы. Через дорогу с громким кудактаньем перебегают куры. Наверное, это все-таки деревня. Но вот появляется белоснежный замок с зубчатыми башенками. Это — бома (крепость). Она была выстроена в конце XIX века, когда Багамоио был административным центром Германской Восточной Африки. В замке была резиденция немецкого губернатора. Значит, это все-таки город.

Когда-то Багамоио был основным портом на побережье. Здесь оставили следы все завоеватели Восточной Африки.

Первыми в Восточную Африку проникли португальцы (еще в XV1 веке), а за ними — арабы. В нескольких километрах от Багамоио сохранились развалины арабских мечетей. В пальмовой роще разбросаны сложенные из серого мрачного камня остатки стен, арок, усыпальниц. А в самом городе сохранился старый форт. От него начинается дорога на запад. По ней в глубь континента отправлялись караваны, груженные заморскими товарами — стеклянными бусами, наконечниками для стрел, ножами, топорами, «огненной водой». Обрато они возвращались со слоновой костью, черепаховыми панцирями, пальмовым маслом, рогом носорогов, высоко ценившимся на Востоке за свои качества афродизиака.

А был и еще «товар», за которым снаряжались специальные, вооруженные до зубов экспедиции, — рабы. Возникновение и расцвет Багамоио связаны прежде всего с работорговлей. Через него арабы и португальцы вывозили черных рабов. В Багамоио сохранилась крепость-тюрьма, где держали рабов перед отправкой за океан. Мрачное сооружение, ничего не скажешь. «Место, где прощаются с последней надеждой» — вот что в переводе с суахили означает Багамоио.

В окрестностях Багамоио сохранилась «хижина Ливингстона». Отсюда Ливингстон отправился в 1873 г. в свое путешествие, ставшее последним. Это небольшой домик, в котором (по крайней мере, так было в 1962 г., когда я там побывал) жило какое-то африканское семейство. Это не музей. Музей Ливингстона находится совсем в другом месте — в Уджиджи, на берегу озера Танганьика, там, где произошла историческая встреча Дэвида Ливингстона с Генри Мортонoм Стэнли (там мне, к сожалению, в отличие от Ливингстона и Стэнли, побывать не удалось).

Как известно, великий путешественник и исследователь Африки Ливингстон однажды, во время очередного своего путешествия в глубь континента пропал. Иными словами, никто о нем ничего длительное время не слышал. Собственно говоря, ничего удиви-

тельного в этом, наверное, не было. Ведь там, где он путешествовал, ни телефонной, ни телеграфной связи не было. Тем не менее, его длительное отсутствие дало основания американской газете «New York Herald» отправить английского журналиста Стэнли в Африку с командировочным предписанием, в котором была всего одна фраза: «Найти Ливингстона».

В конце концов Стэнли нашел Ливингстона и произнес свою знаменитую фразу: «Doctor Livingstone, I presume?»¹⁷. Представляете, где-то в самой глубине тропической Африки, где гарантированно не может быть другого белокожего, кроме Ливингстона, Стэнли видит белого человека. Но он не знаком с Ливингстоном. Как в этих условиях один английский джентльмен может обратиться к другому английскому джентльмену, которому он не представлен? Очевидно, только так: Doctor Livingstone, I presume? Эта фраза прочно вошла во все словари крылатых фраз и цитат на английском языке.

В 1962 г. совсем немного советских делегаций посещало Танганьики. Точнее, делегаций как таковых совсем не было. Но отдельные интересующиеся индивидуумы заглядывали. Мне запомнился Иван Иванович Потехин. Он был основателем и первым директором института Африки Академии Наук СССР. Запомнился мне он тем, что был подлинным энтузиастом изучения Африки. В отличие от своих преемников на посту директора института, которые все были политологами и разоблачителями колониализма, он был в первую очередь этнографом и лингвистом. Приехал он в Танганьики, чтобы пожить пару месяцев в глубинной деревушке, в хижине, которую ему на время уступил местный вождь. Цель поездки — изучение нюансов местного наречия и быта аборигенов.

Багаж у Ивана Ивановича был невелик — рюкзак и пара ручных сумок. Фотоаппарат, магнитофон, блокноты. Как же он будет питаться? Только тем, что едят местные жители. Правда, его меню будет несколько отличаться, по крайней мере первое время, пока не иссякнет запас: перед каждой трапезой для дезинфекции и профилактики он будет выпивать глоток-другой неразбавленного виски. Потом организм привыкнет к местной пище, адаптируется, да и виски кончится. Можно будет полностью перейти на местную диету.

¹⁷ Доктор Ливингстон, я полагаю?

Оказалось, что таких познавательных поездок И.И. Потехин совершил немало, и опыт у него был, видимо, достаточный. И вообще изучение Африки было семейной традицией Потехиных. Перед командировкой в Танганьiku я прошел ускоренный курс суахили у преподававшей в МИДе дочери Ивана Ивановича, Натальи Ивановны Потехиной.

Курс продолжался не больше двух месяцев, и приобретенные знания не были обширными. В Дар-эс-Саламе, стремясь пополнить их, я как-то спросил знакомого англичанина, не порекомендует ли он мне какое-нибудь пособие. Ответ англичанина был шутив, но весьма практичен:

— Язык суахили очень прост. Нужно знать примерно сто слов и выражений. Подай, убери, пошел прочь.

— Но с таким набором слов я вряд ли пойму, что мне может сказать собеседник.

— А зачем вам его понимать? — удивился англичанин.

Не будучи удовлетворен полученной информацией, я при случае задал тот же вопрос другому англичанину — профессиональному лингвисту. При этом я сослался на то, что мне приходилось слышать мнения о простоте суахили. Его рассуждения выглядели примерно так:

— Характер языка определяется характером жизни людей, которых обслуживает этот язык. Если жизнь примитивна, то и язык примитивен. Впрочем, о примитивности и языка, и жизни нельзя судить с точки зрения другой цивилизации. С точки зрения европейцев африканские языки могут казаться примитивными, потому что они не передают многих понятий, существующих в европейской цивилизации. А, с другой стороны, в африканских языках есть такие слова и выражения, которые при переводе на английский язык требуют объяснений, поскольку эти слова передают нюансы, присущие местному образу жизни. Например, в языке племени... (здесь мой собеседник назвал одно из 120 танганьикских племен, я его, к сожалению, не запомнил), занимающегося в основном охотой, существует столько слов и выражений, относящихся к диким животным и охоте на них, что европейцам и не снилось.

Я согласился.

Как бы то ни было, знания, полученные от Натальи Ивановны и усугубленные разговорником English-Suahili-English, позволяли не ощущать полной беспомощности при контактах с танганьикцами, не знавшими английского. В городе таких ситуаций в общем не

возникало, но при поездках по стране они случались. А поездки — сафари¹⁸ — были замечательные.

*«Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
изысканный бродит жираф».*

Гумилев оставил поэтические описания многих африканских животных — леопарда, гиены, носорога, гиппопотама и др. Но жирафу повезло больше всего. Да он и на самом деле изысканно красив:

*Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.*

*Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.*

Хорошо понимаю того, кто, увидев жирафа впервые, воскликнул: «Не может быть!». Особенно эти создания прелестны в естественных условиях — в саванне. В зоопарке жирафы очень многое теряют. Осанка у них в неволе другая что ли, не знаю. С другой стороны, и восточноафриканские пейзажи без жирафов, «цветных парусов», как-то скучнее выглядят. В своих странствиях по восточноафриканской саванне я в полной мере оценил стихи Гумилева.

Из моих восточноафриканских сафари мне больше всего запомнилась поездка на север — к подножью Килиманджаро, в города Моши и Аруша, и, конечно, посещение кратера Нгоронгоро.

Первый раз я увидел Килиманджаро, еще когда летел в Дар-эс-Салам. Командир корабля объявил, что самолет приближается к знаменитой горе, пассажиры бросились к иллюминаторам, и пятидесятиметровая красавица, увенчанная белоснежной шапкой, торжественно проплыла под крылом самолета.

Ну, да, конечно, Килиманджаро — это самая высокая гора в Африке. И то, что ее вершина, несмотря на тропическое местоположение горы, круглый год покрыта снегом и льдом, замечательно. Но главное не в этом. Килиманджаро — это символ Восточной

¹⁸ Сафари — путешествие (суахили). Вошло в английский язык как «экспедиция для осмотра природных достопримечательностей или охоты».

Африки, окруженный романтическим ореолом и обожествляемый местными жителями. Обитель богов, в общем.

В 1848 г. немецкий путешественник Ребман, побывав в районе Килиманджаро, с удивлением обнаружил на горе снежную вершину. Сообщение его о своем открытии были встречены в Германии градом насмешек. Представляю себе, как потешались степенные бюргеры, за кружкой пива обсуждавшие сообщения об открытии Ребмана. Как же так, в Африке, на экваторе, где от жары и жить-то трудно, снежная гора? Сколько же шнапса выдул этот Ребман, чтобы увидеть там снег? Однако более поздние путешественники подтвердили его открытие. Более того, они обнаружили неподалеку и другую снежную вершину. Впоследствии она была названа горой Кения. Она немного пониже Килиманджаро, но тоже покрыта снегом.

В Африке всего две снежные вершины. Согласно легенде, королева Виктория, заполучив при разделе Восточной Африки обе снежные горы, согласилась потом уступить Килиманджаро своему германскому родственнику, чтобы он не расстраивался. Впрочем, в конечном счете — после Первой мировой войны — Килиманджаро вернулась в собственность британской короны, но уже на территории Танганьики.

Должен сказать, что и с земли Килиманджаро выглядит впечатляюще. Наверное, этому в значительной степени способствует настрой на чудо. Но все равно красиво, ничего не скажешь. Собственно говоря, гора двухголовая — она состоит из двух вершин — Кибо (5800 м) и Мавензи (5000 м). Полюбоваться Килиманджаро можно с любой точки городка Моши, который лежит в ее предгорье. Практически все, что в этом городке существует, — торговые фирмы, транспортные компании, бары, кооперативные союзы и т.д. — названы именем горы, в различных сочетаниях.

Наверное, единственным исключением в то время, когда я оказался в Моши, в названии которого не фигурировало Килиманджаро, был отель имени Ливингстона. Он был построен недавно, и его владельцы, видимо, решили проявить оригинальность. В нем я и остановился.

С этим отелем или, вернее, с его рестораном у меня связан один забавный эпизод. Стремившись познать все новое, я заказал на закуску артишок. Что это такое, я понятия не имел: не только не ел, но и не видел этого плода. И вот передо мной тарелка с небольшим кочанчиком. Я беру вилку и нож и начинаю примериваться, чего

тут отхватить. И в это время у меня над ухом шопот: «Я вам не советую разрезать его, сэр. Лучше отщипывайте по листочку». Это мажордом, или старший официант, стоявший у меня за спиной, заметив мое легкомысленное намерение, пришел мне на помощь. И, выполнив свою миссию, отпрянул, снова встав по стойке смирно. Я, следуя его совету, стал отщипывать мясистые лепесточки, макать их в соус и выедать мякоть (ничего особенно вкусного я, кстати, не нашел). А потом, любопытства ради ковырнул серединку. И хорошо сделал, что ковырнул только слегка: оттуда полез пух, как будто внутрь были запрессованы сотни одуванчиков. Да уж, лучше это было в рот не отправлять. Много позже, оказавшись в Европе, я продолжил исследование артишоков. Но там то ли артишоки были другие, то ли их готовили по-другому, но есть их можно было безбоязненно, не опасаясь наестся пуха.

Помимо этого эпизода, запомнилось посещение кофейной плантации на нижних склонах Килиманджаро, принадлежавшей «Туземному кооперативному союзу Килиманджаро». Первый раз видел, как растет кофе. Зеленые кусты, напоминавшие подмосковный орешник, с мелкими листочками, и на них красные ягодки. В этих ягодках — кофейные зерна.

От Моши рукой подать до Аруши. Городок крошечный, хотя и административный центр (в 1962 г. там насчитывалось немногим более 5000 человек; для сравнения — в Моши более 10000). Считается, что Аруша находится ровно на полпути между Каиром и Кейптауном, т.е. между севером и югом Африки. Для меня Аруша памятна тем, что там я в первый (и единственный) раз в Африке почувствовал холод (одет-то я был в шорты и рубашку с короткими рукавами, в Аруше пришлось купить свитер). Сказалось то, что Аруша находится на высоте 1300 м над уровнем моря (предгорье горы Меру).

Отель «Нью Аруша». Старый, респектабельный. На стенах и на полу — охотничьи трофеи. В гостиной топится камин. Хорошо посидеть на экваторе в удобном кресле напротив горящего камина со стаканом виски в руке. Хозяин отеля, белый поселенец, очень недоволен новыми порядками. Собственно порядки пока старые, но он предвидит их изменение не в лучшую для себя сторону. «Раю для белого человека» приходит конец. Африканизация... Продать отель? Но цены на недвижимость сильно упали, боятся национализации, да и куда деваться из обжитых мест? На юге Африки тоже неспокойно, вот-вот загорится... Позже,

находясь в Дар-эс-Саламе, я прочитал в местных газетах, что хозяин отеля «Нью Аруша» отказался предоставить номера президенту Гвинеи Секу Туре, совершавшему ознакомительную поездку по стране во время государственного визита в Танганьiku. Хозяин сослался на то, что все номера были ранее забронированы для съезда какой-то охотничьей ассоциации, высказав при этом несколько неуважительных слов в адрес как высокого гостя, так и всего черного африканского населения (*если верить сообщению местной печати, он сказал: «При мне ни одна черная обезьяна не переступит порога моего отеля»*). Он был объявлен нежелательной персоной и выслан из страны.

Еду из Аруши в заповедник Нгоронгоро. Для этого арендуется лендровер с водителем (он же — проводник, т.е. он знает, где и что посмотреть и какие предосторожности при этом соблюдать). Час-другой едем по вполне приличной асфальтированной дороге, забираемся по серпантину на склон. Это стенки давно потухшего вулкана. Вот последний виток серпантина, лендровер наверху, и перед глазами совершенно фантастическая картина — внутренность гигантского кратера. В диаметре он 20—22 км, площадь дна — 400 квадратных километров. Внизу крошечные фигурки пасущихся зебр, антилоп, газелей, буффало. Такое впечатление, что перед тобой гигантский макет.

Спускаемся по внутренней стенке почти на километр вниз. Дорога грунтовая, местами покрытая щебенкой, очень крутая, узкая. Изредка попадаются расширения для разъезда со встречными автомашинами. Проехать можно только на вездеходе, и то только в сухой период. Дорога идет через лес, но вот он кончается, и мы на дне кратера. Он тоже порос леском, кустарником, высокой травой (местами она выше нашего лендровера), стоят отдельные баобабы, попадаются ручейки и болотца. В общем саванна в чистом виде, сконцентрированная на площади 400 кв. км.

Открыв люк на крыше, я без усталости стрекочу киноаппаратом. Выходить из машины вблизи от диких животных нельзя, таковы правила. Да, по правде говоря, и не очень хочется. Вот идиллическая пара — лев и львица. Они, видимо, неплохо поланчевали и сейчас нежатся в объятиях друг друга. Вид у них самый мирный и располагающий к расслаблению. Но погладить их, пожалуй, было бы рискованно.

Да, немного опоздали. Интереснее было бы посмотреть процесс охоты, а не переваривания ее результатов.

А вот — носорог. У него и вид-то не располагает к расслаблению. Ходит кругами вокруг нашей машины, пригнув голову со страшным рогом к земле, примеривается, с какого бока ему лучше поддеть машину, чтобы перевернуть ее. Я снимаю, а водитель держит ногу на выжатом сцеплении и следит за каждым движением этого чуда природы. Вот, кажется, носорог примерился, как лучше подцепить нас и сделал рывок. Но и водитель наш отпустил сцепление, и мы отъехали от греха подальше. На моей киноплёнке этот маневр отразился в виде сильного качка. Поедем к более мирным тварям.

Слон — это другое дело. Конечно, ему ничего не стоит расправиться с какой-то урчащей железкой. Но зачем ему это нужно? У него свои задачи — побольше листвы и травы отправить хоботом в свои немалые двигатели внутреннего сгорания.

Добросовестно отрабатывая свой гонорар, водитель-проводник показывает все новых животных. Гиена, шакал, кабаны... А вот и знаменитая антилопа гну, прославленная Остапом Бендером и Адамом Козлевичем с помощью Ильфа и Петрова. Бородатое создание, крепкое и быстрое.

Помимо 30 тыс. экземпляров различных видов диких животных, обитающих в Восточной Африке, в кратере живет¹⁹ несколько семей масаев со своими стадами. Они их пасут, пьют свой излюбленный напиток — коктейль из коровьего молока с коровьей же кровью — и обороняют скот от диких хищников. В общем кратер Нгоронгоро — это кусок дикой саванны в первоизданном виде с человеком в качестве элемента природы. Одним словом, гомеостаз.

Выбирались из кратера уже затемно. По дороге в Арушу остановились передохнуть. Густая тропическая ночь. Стрекочут цикады. Какие-то мелкие зверушки попискивают-похрюкивают в придорожных кустарниках. И вдруг как будто гром прокатился, но не по небу, а по земле. «Симба»²⁰, — уважительно говорит водитель. И все затихло. Ну, ладно, зверушки из страха затаились от царя зверей. А инсектам-то что? Ну, и стрекотали бы как ни в чем не бывало. Но нет — затихло все. Вот что значит — царь.

Жаркое солнце — это очень приятно. Оно радует день, два, даже три. Но когда солнечный режим продолжается подряд месяц за

¹⁹ Еще раз напоминаю, что все здесь описываемое, относится к 1962 г. Что там сейчас — не знаю.

²⁰ Симба — лев (суахили).

месяцем, это начинает удручать человека, выросшего в умеренных широтах. Когда на пятом или шестом месяце моей жизни в тропиках я, проснувшись, увидел за окном густую стену дождя, я испытал чувство радости. Такое же чувство испытываешь, когда длительная московская непогода, наконец, сменяется солнечными днями.

Это началась тропическая зима — сезон Больших Дождей. Примерно с мая по август. Каждый день, в одно и то же время — потоки воды. Жара немного спадает, но влажность воздуха возрастает.

Рабочий день во всех учреждениях Дар-эс-Салама начинался в семь утра и продолжался до часу. Во второй половине дня из-за жары работа практически прекращалась. Кондиционеры существовали, но далеко не везде.

Такого же режима придерживалось и советское посольство. Официальная длительность рабочего дня в тропиках — шесть часов.

Часов до пяти город замирал. Палящее солнце и высокая влажность не способствовали активной жизни. А вот часам к пяти, когда солнце закатывалось за макушки пальм, и с океана начинал дуть освежающий бриз, люди выползали на берег океана. От дарэссаламской гавани на север тянется полоса изумительных песчаных пляжей — «Серебряные пески», «Пальмовый берег» и др.

Англичане — а их тогда было еще довольно много в Дар-эс-Саламе — обычно совершали неторопливый моцион вдоль кромки воды. Белая рубашка с короткими рукавами, длинные белые шорты, белые гетры до колен и рыжие башмаки. Это типичный городской наряд белого человека в колониальной Восточной Африке. Если выезжали за город (в «сафари»), все то же самое, только цвета хаки. Идут, покуривают трубочки, раскланиваются друг с другом, разглядывают всякую живность, оставшуюся на берегу после отлива. Спокойные, невозмутимые. Как же вы, ребята, такие поднаторевшие в управлении заморскими территориями, допустили, что рухнула ваша империя, владычица морей?

По примеру своих бывших хозяев выползали на берег и местные индусы. Они приезжали всеми своими многочисленными семьями и дышали воздухом, не вылезая из машин. Откроют двери и окна и сидят, дышат воздухом, медитируют. Он, она и целый выводок детей.

Индусы появились в Африке еще до Первой мировой войны, когда англичане использовали их в Африке сначала как рабочую силу, а потом как надсмотрщиков за африканской рабочей силой. Индусы оседали в Африке, а к ним присоединялись их родственники

и односельчане из перенаселенной Индии. С местным африканским населением индусы не смешивались. Заработав денег, посылали детей за образованием в Дели, а то и в Лондон. Те возвращались адвокатами, врачами, представителями различных фирм. В конце 50-х — начале 60-х годов вся торговля в Восточной Африке находилась в руках индусов.

В Танганьике мне не приходилось наблюдать расовой ненависти к белым. Главным объектом такой ненависти были индусы. Именно они занимали те позиции и в экономике, и в других областях, на которые стали претендовать африканцы. Вскоре дело стало доходить до погромов. Но это началось позже.

Танганьику населяет 120 различных африканских племен. Причем среди них нет племени настолько большого, которое претендовало бы на главенствующую роль в стране. Каким-то образом танганьикцы умудряются различать племенную принадлежность друг друга. Я не раз проверял это на нашем шофере — Базиле. Спросишь его: «Из какого племени этот парень?». Он без колебания отвечает, как о само собой разумеющемся: «Этот чагга. А тот — луо».

Конечно, некоторые племена невозможно спутать ни с какими другими. Это, прежде всего, масаи. Высокие, стройные, в экзотических нарядах — красноватые накидки, большое количество украшений, в основном разноцветные бисерные бусы на шее и руках. Масаи занимаются скотоводством и в городах не живут. Но даже когда заходят по своим масайским делам в город, не расстаются с копьями, которые они используют как посохи и вообще как знаки достоинства. Городской одежды они не признают. Из предметов цивилизации я видел у масаев лишь транзисторные приемники. Они любят музыку местных радиостанций.

Живописные масайские украшения можно приобрести в любой лавочке, торгующей изделиями народного творчества. Правда, если внимательно их рассмотреть, в самом незаметном месте можно найти надпись микроскопическими буквами: «Made in Germany». Один знающий человек, из местных, утверждал, что фирмы поставляющие эти изделия, дарят их масаям, чтобы, с одной стороны, отбив у них охоту заниматься трудоемким производством своих племенных украшений, закрепить свою монополию на рынке сувениров для туристов, а, с другой — чтобы придать своим собственным продуктам статус аутентичности.

В целом у танганьикцев, в том числе и у масаев, характер миролюбивый, неагрессивный. В этом отношении Танганьика выгодно

отличается от некоторых других африканских стран. Те случаи погромов, которые я упоминал выше, не идут ни в какое сравнение с тем, что происходило, да и сейчас еще происходит, например, в Конго или Зимбабве. По-видимому, это можно объяснить и тем (помимо этнических особенностей), что в Танганьике нет крупных естественных ресурсов, из-за которых обычно идет война между международными корпорациями, использующих в этой борьбе местные конфликты. Нефть, уран, медь, алмазы, выигрышное географическое положение на мировой шахматной доске — вот что сильно способствует обострению этнических и религиозных противоречий и конфликтов. Ничего этого в Танганьике не было. Поэтому несмотря на племенное и религиозное многоцветье (католичество, протестанство, мусульманство), кровь здесь почти не лилась.

Главный предмет экспорта Танганьики — сизаль. Это растение из семейства агав. Его завезли сюда немцы в конце XIX века из Мексики. Из него делают прочные канаты, веревки, мешковину. Остальной экспорт — по мелочи. Арахис, кешью, кофе. На севере Танганьики сохранились залежи пенки, из которой делают курительные трубки, высокоценимые европейскими курильщиками. Население худо-бедно перебивается работой на плантациях. В большинстве районов сохраняется натуральное хозяйство.

В западной литературе об Африке можно встретить выражение — *mango tree mentality*. Смысл его в том, что, мол, африканец может лежать под манговым деревом и ждать, когда упадет плод манго. Съест его и снова лежит — до следующего упавшего плода. Какой же тут стимул к труду? Лежи и ничего не делай. Так объясняют неразвитость африканских стран. Понятно, что эта теория встречала гневную отповедь в Советском Союзе. Колониализм — вот причина неразвитости колоний. Конечно, колонизаторы не из филантропических соображений завоевывали колонии. Но возникает вопрос: почему европейцы колонизовали тропические территории, а не наоборот? Очевидно, потому, что европейские страны были значительно более развиты, и там развивалась промышленность, которая требовала сырья. А почему они были более развиты?

А потому что умеренный климат оказался оптимальным для развития человечества. Он стимулировал усилия людей в их взаимодействии с природой. Первобытным людям, населявшим то, что сейчас зовется Европой, не приходилось ждать, что сверху упадет нечто питательное. Им приходилось быстрее бегать за своими

первобытными антилопами. А подсмотрев, что из случайно обро- ненного в землю дикого злака произрастает такой же злак, они, чтобы не умереть с голоду, соображали, что можно не все собран- ное съесть, а часть сеять.

В самом деле, благодатная природа дает все, чтобы африканец не погиб от голода и холода, не прикладывая для этого никаких уси- лий. Почему от холода не погибают, это ясно. А от голода не поги- бают потому, что на каждом шагу можно сорвать какой-нибудь дико растущий плод и поддержать свою жизнь. Мне не раз прихо- дилось видеть, как бредущий по дороге африканец, решив переку- сить, лезет на кокосовую пальму, срубает пару орехов и тут же под- крепляется. Сначала выпивается сок — всегда прохладная аромат- ная мутноватая жидкость. Потом выскабливается внутренность — сладкая мякоть. Если кокос достаточно крупный, его выскоблен- ную половинку можно потом надеть на голову — чтобы солнце не припекало.

В чем действительная проблема с питанием в Африке — это с не- достатком протеиновых продуктов, прежде всего мяса. Животновод- ство там неразвито. Дикие животные не могут обеспечить потреб- ность быстро растущего населения. Несмотря на меры, принимае- мые против браконьерства, их поголовье неуклонно сокращается.

Великое дело — море, а уж тем более океан. С ним я общался так много, как только позволяли мне обстоятельства. Вода теплейшая и за исключением дождливых месяцев прозрачная. Дно — живо- писнейшие кораллы, поросшие подводной растительностью. А среди всего этого великолепия разноцветные, всех цветов радуги рыбки, рыбы и рыбищи. Рай для подводной охоты.

Обрядившись в маску и ласты, с ружьем в руках уплывал я по субботам и воскресеньям на несколько часов, следя лишь, чтобы не заплыть за гряду рифов, за которой можно столкнуться и с аку- лой. Улов раздавался потом аборигенам, околавившимся на бе- регу. Судя по тому ажиотажу, который возникал у них при дележе моей добычи, рыбы были вполне съедобные, хотя я совсем не ори- ентировался в их разновидностях.

Океан манил не только по нерабочим дням. Но однажды я при- ехал на берег поздновато. А, надо сказать, что ровно в шесть часов вечера солнце полностью отключалось, и наступала полнейшая темнота. В тропиках не бывает «серых сумерек», т.е. времени, ког- да солнце уже зашло, а ночь еще не наступила. Только что солнеч-

ные блики играли на воде, и вдруг — темень, как будто кто-то вырубил гигантский рубильник. Теоретически я об этом знал, но увлекся и оказался довольно далеко в открытом океане. И вдруг наступила полнейшая темнота. Я повернул назад. Однако с достоверностью можно было лишь сказать, что я повернул, а куда именно, это было неясно, так как берег, как, впрочем, и все остальное, полностью растворился в тропической ночи. Ощущение было не из приятных. Моей ноги что-то коснулось. Скорее всего это была безобидная медуза, их много там. Но воображение, конечно, нарисовало акулу. Я замолотил руками и ногами по воде, как будто мог удрать от акулы, если это была именно она. Вот тогда я понял, что тонут в основном от страха. Очень скоро я выдохся. Одновременно в голову пришла спасительная мысль: поскольку, мол, меня пока никто не перекусил, значит, это не акула. Я немного успокоился, и стал просто болтаться в воде, пытаясь определить в какой стороне находится берег. Глаза привыкли к темноте, на небе стали зажигаться звезды, а вот и мелькнул вдалеке огонек, — это, видимо, проехала автомашина. В общем я благополучно выбрался на берег, хотя довольно далеко от того места, где начинал свой заплыв.

Чтобы отметить свое спасение, я отправился к Леониду Солякову. Это был корреспондент ТАСС, очень славный человек. Он был лет на десять-пятнадцать старше меня. В Африке он был впервые, но до этого много лет проработал в Бирме и других тропических странах Юго-Восточной Азии. Вообще человек он был бывалый, не лишенный авантюрной жилки, любознательный. Мы как-то сразу нашли друг друга.

Из своей юго-восточной жизни Леонид вынес убеждение, что в тропиках, в медицинских целях, необходимо принимать джин, запивая его (а не разбавляя) хинным тоником. Чистый джин дезинфицирует организм, а тоник предотвращает заболевание малярией. Я же, основываясь на своем опыте празднования независимости Танганьики, отдавал предпочтение виски. Пожалуй, это было единственное серьезное расхождение между нами. Впрочем, и оно не носило антагонистического характера. Те количества, которые мы могли в то время поглотить, вполне позволяли сочетать не только эти два напитка.

Конечно, мое купание и последовавшее спасение были достойно отмечены.

Впрочем, не обязательно было каждый день тонуть, чтобы был повод для дружеского общения. Основания, причем довольно вес-

кие, возникали довольно часто. Тропики, субтропики, нечерноземная полоса... Какая разница? Была бы хорошая компания.

Вскоре к нашей компании стали присоединяться новоприбывшие Вася и его жена Маша. Они жили в посольстве, при начальстве, и не каждый вечер могли выбираться наружу. Вася был шофером, а Маша работала в посольстве уборщицей.

Вася попал в посольство по рекомендации райкома. До того он работал, как он говорил, «на живорыбке». Иными словами, он водил грузовик с цистерной, где плескались карпы, которых он развозил с базы по магазинам. Видимо, Вася давал хорошие производственные показатели и был морально стоек. За это его рекомендовали на работу за границей.

Африканская экзотика была Васе до лампочки. Он приехал заработать себе на «Волгу». Но однажды, дойдя до точки от заточения в посольских стенах, он попросил меня свозить его вечером в город, посмотреть, как люди живут. От посольства до города — километра три-четыре. Поехали по Оушн-роуд (дорога, идущая вдоль океанского берега). Примерно в километре от посольства — «белый» отель «Палм-Бич». Первая остановка. Заходим в бар. Заказываю два двойных виски. Вася говорит мне:

— Пусть он воды не наливает. И льда не надо.

Двойная порция — это примерно четверть стакана.

Вася продолжает:

— Пусть полный нальет.

Бармен сначала не понимает, что хочет белый бвана, но потом наливает полный стакан. Чокаемся, и Вася одним духом выпивает («знай наших»), косясь на реакцию бармена. Тот смотрит с любопытством, но без экзальтации. Пока Васю не развезло, увожу его из бара. Едем дальше. Кстати, дальнейшее общение с Васей показало, что выпивание полного стакана неразбавленного виски было чистым пижонством. Он пил, как все, т.е. обычными порциями и много.

Приближаемся к дому (четырёхквартирный «мэншн хаус»), где живу я и Соляков. Предлагаю включить осмотр моего жилища в программу поездки. Вася с удовольствием соглашается. По пути приглашаю Леонида присоединиться. Вскоре Вася запевает: «Средь высоких хлебов затерялся...». Голосок у него слабенький, но мотив выводит правильно. Подпеваем, как можем.

Вася говорит:

— Надо Машку привезти, а то она потом мне морду набьёт.

Конечно, набьет. Вася маленький, шупленький, а Маша крепкая, статная и явно в более высокой весовой категории.

Леонид исчезает и вскоре появляется с Машей. Она для порядка бранит Васю (пьяница, мол, и все такое), но довольна, что о ней вспомнили и избавили ее от посольского застенка.

Поскольку в доме, помимо Солякова и меня, живут еще люди, которые могут не оценить (или оценить неправильно) наш вокал, решаем перенести музыкальную часть встречи в автомашину, а заодно и искупаться на дальнем пляже.

«Слышен звон бубенцов издалека, это тройки знакомой разбег, а кругом расстился широко белым саваном искристый снег». У Маши оказался сильный красивый голос. Она стала и запевалой, и солисткой.

Встречи наши, а происходили они довольно часто, сильно скрашивали тропические вечера. Подзарядившись в стационарных условиях и взяв с собою для дозаправки, ехали кататься, петь песни и купаться.

«Слона не задави!» — кричат водителю подгулявшие пассажиры. Слава Богу, ни одного не задавили. Пели обычно старинные русские песни, а из современного репертуара чаще всего исполнялась неизвестно кем написанная песня на африканскую тематику. Пелась она на мотив популярного в то время «Албанского танго»²¹.

Помню некоторые строчки:

*В Катанге был убит Патрис Лумумба,
И Конго без него осиротело.
И эта весть ужасная, как бомба,
Весь мир земной тотчас же облетела.*

Во время наших автомобильных прогулок Васю, профессионального шофера, за руль не допускали. Да он к этому и не стремился. А не допускали потому, что за время работы на «живорыбке» у него выработалась манера вождения, которая, может быть, нравилась «живорыбке», но никак не устраивала пассажиров, душа которых требовала скорости. А он разгонит машину до 60 км в час, и пустит ее на нейтралке, пока скорость не снизится километров до тридцати. И снова: легкий разгон и длительный накат.

²¹ Спасибо Алексею Козлову за воспроизведение этой песни. Правда, слова, запомнившиеся ему и мне, несколько не совпадают. Но это неважно.

Вообще васины профессиональные привычки сильно мешали ему в работе. Он был очень старательный, но его старательность была связана со спецификой его прежней работы. Это приводило к неприятным казусам. Привыкнув ухаживать за своей полуторкой, Вася те же методы перенес и на попавший в его распоряжение «Опель», а потом — и на представительский «Мерседес». Машины всегда были чистыми, вымытыми. Но помимо мытья, он густо смазывал дверные замки и порожки солидолом. Наверное, чтобы не ржавели.

Первой жертвой стал белоснежный смокинг посла (по тропическому протоколу допускалось черные смокинги заменять на белые). Вернувшись с какого-то парадного обеда, посол обнаружил у себя на рукаве большое жирное пятно. Васе было разъяснено, что он не прав. Тот в принципе признал, что хорошая вещь (белый смокинг) пропала. Но буркнул при этом, что не хрена, мол, вываливаться из машины, как... Далее следовало образное, но не вполне печатное сравнение.

Конечно, как человек дисциплинированный (это его качество, наверняка, было отмечено в рекомендации райкома), Вася стер избыток солидола. Но остатки его еще долго оставляли следы на брючинах и рукавах тех, кто рисковал, будучи в европейских костюмах, садиться в обслуживаемые Васей авто.

Возникали у Васи и другие профессиональные проблемы. Обычно, высадив посла у нужного подъезда, он отъезжал в тень и крепко засыпал. После окончания визита послу не всегда удавалось сразу разыскать свою автомашину для обратного следования.

Васе было предписано брать пример с Базиля. У этого малого была прекрасная школа. Только выйдешь из подъезда, перед тобой откуда ни возмись, как сказочный Конек-Горбунук, появляется авто, из него выскакивает Базиль и открывает тебе заднюю дверцу.

Приведение Базиля в пример воспринималось Васей как жуткое оскорбление. Однако поскольку стоимость «Волги» еще не была собрана, приходилось идти на компромисс. И в общем постепенно Вася перестал обмазывать автомашины солидолом и даже старался не засыпать в ожидании посла. Но от чего он так и не отучился, это от манеры езды в накат. Разгон — накат, разгон — накат.

Иногда к нашей компании присоединялся Януш Левандовский, посол Польши. Он был примерно моего возраста, но имел гораздо более богатый дипломатический опыт. Его трезвые оценки и критический склад ума очень импонировали мне. И много позже,

после Дар-эс-Салама, мы поддерживали с ним эпизодические контакты — и прямые (во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН), и через общих знакомых. В новый польский режим Януш не вписался. Кстати, по моим наблюдениям, люди критического склада ума в бывших социалистических странах, как правило, испытывали большие трудности при новых режимах. Видимо, эти новые режимы не терпели критического отношения к себе в еще большей степени, чем прежние, социалистические. А, между прочим, ортодоксы обычно находили свое место значительно легче, становясь ортодоксальными сторонниками новых режимов. Мог бы привести множество примеров, но это отвлекло бы меня слишком далеко от темы этой главы.

Однажды Януш пригласил меня на прием, который он устроил для местного польского community²². Дело в том, что в Дар-эс-Саламе и его окрестностях проживало несколько сотен поляков, оказавшихся здесь после Второй мировой войны. Это была небольшая частица того, что некогда составляло армию Андерса.

Армия эта была сформирована генералом Андерсом на территории СССР частично из поляков, попавших в советский плен в 1939 году, частично из тех поляков, которые оказались на российской территории задолго до войны (многие из них были потомками поляков, сосланных в Сибирь после подавления восстания в Польше в конце XIX века). Андерс собирался воевать против Гитлера, но отказался подчиняться советским генералам, претендуя на самостоятельную роль. Армии Андерса была предложена возможность покинуть, вместе с семьями, Советский Союз. Она совершила переход через Иран и оказалась в Африке, где приняла участие в военных действиях англичан против немецких войск. После войны андерсовцы остались в эмиграции, в основном в Англии и ее колониях. Некоторая часть андерсовцев осела в Танганьике.

На приеме Януш говорит мне:

— Я хочу познакомить тебя с любопытным человеком. Он русский, был женат на полячке, жил в Польше, попал в армию Андерса и оказался здесь.

Так я познакомился с Петром Арсентьевичем. Сухой, прокаленный тропическим солнцем. Видимо, он был высоким, но этого было не видно, так как стоять он мог только сильно согнувшись,

²² В данном контексте — землячество.

держа верхнюю часть туловища параллельно земле. Какая-то травма в сочетании с простудой — следствие армейской жизни.

Мы разговорились. Да, он русский, очень скучает по русской речи, рад, что теперь появилась возможность время от времени поговорить на родном языке. Да, был женат на полячке. Где она теперь? Да вон она стоит, со своим нынешним мужем. А живет мой собеседник на своей «ферме», недалеко от Дар-эс-Салама (Петр Арсентьевич говорил на прекрасном, немного старомодном русском языке, но некоторые слова произносил на английский манер). Выращивает цыплят, поросят и прочую живность. Будет рад, если я загляну к нему.

И вот я на «ферме» Петра Арсентьевича. Она недалеко, километров двадцать от Дар-эс-Салама. Здесь уже начинаются холмы, и воздух совсем не такой влажный, как на побережье. Красная латеритовая дорога ведет меня через густой буш²³ на вершину одного из холмов. На очищенном от буша пространстве — деревянный дом с мезонином. Резные наличники, деревянные ставни, печная труба. Дом большой. Это, конечно, не изба, а, скорее, небольшая усадьба. Такие дома можно, наверное, еще увидеть в Западной Украине или Западной Белоруссии.

Петр Арсентьевич знакомит меня с пожилой женщиной. Это мать его бывшей жены, теща. Когда ее дочь покинула Петра Арсентьевича, она прокляла ее и осталась с зятем.

Идем осматривать хозяйство. Оно небольшое, но интенсивное. Курятники, свинарники, стойло для коров. Все добротное, чистое. За сараем сидят и лежат человек шесть работников-африканцев. Увидев хозяина, они нехотя поднимаются и изображают возобновление работы после короткого перерыва. Петр Арсентьевич резко говорит им что-то на суахили. Мол, ах вы тудыт вашу растудыт. Мне: — Такие бездельники. На пять минут нельзя оставить их без присмотра. А с каждым днем становятся все хуже и хуже. Ухура²⁴ совсем их развратила. Я ведь все это своими руками сделал — и буш вырубил, и дом сложил, и все хозяйство... А сейчас того и гляди, как бы не спалили.

Прошли в дом. Мебель добротная, массивная, старомодная.

— Откуда такая мебель? — спрашиваю.

²³ Буш — высокий и очень густой кустарник, переплетенный лианами. В общем это буш, а не кустарник.

²⁴ Ухура — свобода, независимость (суах.).

— Да как откуда? Сам все сделал. Примерно такая же у нас была, когда жил в Польше.

Хозяин предлагает отведать его домашнего напитка. Разливает в стопочки желтоватую жидкость. Поясняет: гонит ее из местных слив. Самогон очень крепкий и чистый. Пока теща готовит что-то очень вкусно пахнущее, мы сидим в гостиной, время от времени воздаем должное напитку, и Петр Арсентьевич неторопливо рассказывает свою историю. Как жил до войны, как попал в армию Андерса, почему не остался в России.

До революции отец Петра Арсентьевича был помещиком в Западной Белоруссии, которая отошла потом к Польше. Когда в 39-м Красная Армия вошла в Западную Белоруссию, семейная усадьба с землицей была национализирована. К тому времени Петр Арсентьевич уже служил в польской армии. В Катынь он, по счастью, не попал, но слухи о трагедии распространились быстро. Поэтому у него не было сомнений: оставаться в России или уходить с армией Андерса.

Рассказывая все это, Петр Арсентьевич время от времени смотрит на часы. Поясняет: ждет самолета из Найроби, по его заказу должна прибыть партия цыплят какой-то особенной породы, надо встретить. Действительно, вскоре раздается стрекот самолетика. Петр Арсентьевич извиняется и на обшарпанном пикапчике едет в аэропорт за цыплятами. Отсутствует недолго, аэропорт недалеко. Вскоре беседа возобновляется, уже за обеденным столом. Потом вновь переходим в кресла.

Откуда-то сверху, с высокого буфета на плечи к Петру Арсентьевичу прыгает существо, похожее на кота, но огромных размеров и с кисточками на ушах. Устраивается вокруг его шеи, образуя красивый воротник, посверкивает дикими глазами.

— Кошка моя нагуляла от какого-то дикого собрата в буше. Дикий совсем. Признает только меня.

Видимо, под влиянием сливовицы, разговор приобретает все более ностальгический характер. Петр Арсентьевич вспоминает родные места, друзей. Я рассказываю ему, что сталинские времена ушли в прошлое. Двадцатый съезд, и все такое... Спрашиваю Петра Арсентьевича, куда бы он съездил, если бы вдруг у него оказалась в руках крупная сумма денег. Ни секунды не задумываясь, он отвечает:

— В Париж бы махнул. Погулял бы там как следует и вернулся бы к своим цыплятам и пороссятам.

Париж он, оказывается, неплохо знает. Бывал там до войны неоднократно.

В скором времени Петр Арсентьевич станет другом советского посольства, постоянным поставщиком первоклассных цыплят-поросят. Не знаю, что с ним и его фермой случилось потом, когда политика африканизации набрала обороты.

Когда через восемнадцать лет — в 1980 г.— я прилетел в Дар-эс-Салам, там были серьезные трудности с питанием. Вошло в оборот слово «достать». Посол Юрий Юкалов жаловался мне, что только благодаря умению посольского повара «доставать» продукты и превращать их в нечто съедобное, удается как-то питаться самим и устраивать сносные представительские ланчи и обеды. А где же Петр Арсентьевич, с его свежайшей и нежнейшей живностью, произросшей в естественных условиях? Об этом в посольстве никто не знал. Африканский социализм не приветствовал частное индивидуальное предпринимательство, тем более со стороны белокожих.

Но во времена моего «открытия Африки» жить в Танганьике было еще можно. Были замечательные индийские ресторанички, где я приобщился и к разным видам кари, и к блюдам тандури, пири-пири и многим другим. Знаете ли вы, что такое «чикен пири-пири»? Это нежнейший цыпленок, промаринованный в острейших специях. Он тает во рту, но при этом обжигает неимоверно. Ты хочешь заесть остроту чем-то менее острым, отправляешь в рот немного риса и получаешь ощущение взрыва атомной бомбы — рис-то еще более острый, чем цыпленок.

С нежным чувством вспоминаю французский рестораничек мадам Марго. Лучшего лобстера-термидора я больше нигде не едал. Их вылавливали тут же, на ваших глазах из садка с морской водой. Да и в садок они попадали не издалека: ресторан-то стоял прямо на берегу.

Очень недурен был и китайский рестораничек. Душноватый, грязноватый, мухи жужжат. Но: вливаешь в себя шестидесятиградусного маотая, закусываешь черными²⁵ яйцами, и благолепие наполняет тебя. А дальше можно суп из плавников акулы или лапшу с трепангами, ну и так далее. Для перечисления всех превосходнейших китайских блюд места не хватит.

²⁵ Черные они потому, что приготовлены по китайскому рецепту: пролежали в земле, смешанной с чем-то (кажется, с известью) при специальном температурном режиме, не менее полугода.

Конечно, не могу не вспомнить и ресторан «Аквариум», который держал пан Стан Субботник. Хозяин был выходцем из Польши, говорил по-русски, хотя и с сильным еврейским акцентом. В его ресторане была «живая музыка», т.е. там по вечерам кто-то играл и иногда пел. Ресторан не относился к числу «чистых», да и расположен он был там, где уже начинались африканские кварталы. Но зато в меню бывала селедка, соленые огурцы и прочие близкие русской душе деликатесы. Разумеется, под охлажденную прозрачную. Субботник время от времени звонил мне и говорил примерно следующее:

— Господин Назаркин, что-то давно вы у нас не были. А я только что получил свежую партию малосоленной селедочки. Заходите с вашим другом, не пожалеете. Может быть, сегодня на вечер замариновать шашлычка для вас?

И вот однажды приходим мы с Соляковым в «Аквариум», хозяин усаживает нас за столик поближе к эстраде, официанты приносят и селедочку, и все, что к ней положено, а оркестрик урезывает «Очи черные». Стало быть, в нашу честь. Через какое-то время на эстраду выходит молодая и весьма привлекательная певица и начинает петь, причем поет очень хорошо. В перерыве между песнями Стан Субботник подводит ее к нашему столику и представляет ее нам как начинающую певицу из Южной Африки Мириам Макебу. «Поверьте мне, — говорит он нам, — у Мириам большое будущее». Да что же тут спорить? Мы слышали, как она поет, прекрасно поет. Приглашаем ее за стол. Потом по очереди танцуем с ней. Она очаровательна. А через несколько лет я убедился, что Стан Субботник как в воду глядел. Мириам Макебу стала очень известной певицей далеко за пределами Африки. Лет десять назад я видел на женевских улицах афиши о ее предстоящих выступлениях. По фотографиям на афишах узнать ее было довольно трудно: сорок лет, прошедшие после нашего знакомства, сделала свое дело. Ах, время, время...

Вроде бы Танганьика — английская территория, англичане там живут, а где же английская кухня? Можно было, конечно, при большом желании найти в Дар-эс-Саламе и английские блюда. В ресторане «Твига» предлагали, например, «айриш стю»²⁶ — жемчужину островной кухни. Более невкусного варева есть мне не приходилось. И в дальнейшем, пробуя это блюдо ради эксперимента в лучших лондонских ресторанах, я каждый раз удивлялся

²⁶ Мясо, тушеное по-ирландски.

вкусу англичан. В общем, айриш стю в гастрономии — это примерно то же самое, что шотландская волынка в музыке. Дань традиции, наверное.

И все-таки, несмотря на то, что было где в Дар-эс-Саламе в прежние времена скоротать вечерок, чувство оторванности от мира часто гнало пришлых людей в аэропорт. Дважды в неделю здесь приземлялся часов в девять вечера «Боинг» компании «Эр-Франс», следовавший с Мадагаскара в Париж. Каждый раз к этому времени здесь собирался практически весь немногочисленный дипкорпус Дар-эс-Салама. Никто никого не встречал и очень редко провожал. Просто собирались, чтобы посидеть на террасе, выпить пивка или еще чего-нибудь, заесть орешками и проводить глазами улетающий в большой мир лайнер. Так в нашем российском захолустье собирались (а может быть, и сейчас собираются) на станцию «Разъезд 2» окрестные жители, чтобы проводить поезд дальнего следования Владивосток-Москва. Пьют водку и пиво, лузгают семечки и вспоминают, что помимо их колхоза «Заветы Ильича» и деревни «Недоплюйка» есть еще большой мир и они — часть его.

С «Боингом» Мадагаскар-Париж улетел и я в конце сентября 1962 г.

Лично мне горьковатый привкус оторванности от мира только добавлял каких-то эмоциональных нюансов в палитре моей африканской жизни. Мне нравилось в Дар-эс-Саламе. Но всему хорошему приходит конец скорее, чем хотелось бы. В данном случае конец пришел в виде квоты, которую Танганьикское правительство ввело для иностранных посольств — десять человек. А штат советского посольства состоял из девятнадцати единиц, которые были распределены между несколькими соответствующими ведомствами. Сокращение штата вдвое потребовало, конечно, межведомственного перераспределения.

И, вот, когда квота уже была выбрана, Москва запросила визу еще на одного человека. Поскольку, будучи нижним дипломатическим чином (третьим секретарем), я выполнял самые различные функции, включая консульские, именно мне было поручено отвезти ноту с запросом о визе в МИД Танганьики. В нем тогда работали восемь человек, шестеро из них были англичане. Мистер Нис, третий калач из Colonial and Commonwealth Office, прочитав ноту, сказал, что виза будет выдана, если один из дипломатов посольства покинет Дар-эс-Салам. В соответствии с инструкциями я сообщил ему, что как раз собираюсь в ближайшее время отбыть в Москву, так

как никак не могу привыкнуть к тропическому климату (чувствовал я там себя отменно). Мистер Нис внимательно посмотрел на мой отнюдь не изможденный тропиками вид и, подмигнув, сказал:

— А! Повар ваш едет.

Здесь требуются пояснения. В то время в местном дипкорпусе большой популярностью пользовался фильм Питера Устинова «Романов и Джульетта». Его действие происходило в маленькой вымышленной стране Конкордия, многим напоминавшей Танганьики. Туда на каникулы приезжают дочь американского посла Джульетта и сын советского посла Романов. Разворачивается романтическая история, которая происходит на фоне очень метко схваченных и с большим юмором воспроизведенных черточек быта и нравов маленьких посольств двух сверхдержав. Конечно, и ЦРУ, и КГБ играют в этой истории не последнюю роль. Так вот, в советском посольстве резидент КГБ маскируется под посольского повара — здоровущую, слоноподобную бабу, с которой связано в фильме немало комических сцен.

То ли мистер Нис моментально просчитал ситуацию, то ли имя нашего первого секретаря, на которого запрашивалась виза, было знакомо ему из досье английской контрразведки, но попал он в точку безошибочно. Тем не менее, виза ему была дана, а я отбыл домой.

По дороге домой удалось провести два дня в Кении, которая тогда еще была английской колонией, и неделю в Париже. Погулял по улицам Найроби, который в то время был красивым и очень чистым городом, съездил в национальный парк под Найроби и полюбовался там дикими животными. Но после Нгоронгоро этот парк не производил слишком сильного впечатления.

И вот я в Париже, где до этого не бывал. Вспоминаю Петра Арсентьевича, который «бросил бы все к чертовой матери и маханул бы в Париж». Впрочем, об этом прекрасном городе написано столько, что я вряд ли что-нибудь могу добавить.

А в Москве, отгуляв положенный мне отпуск, я продолжил занятия африканскими делами.

Африканское послесловие

Занимаясь африканскими делами, я как-то получил предложение от одного солидного издательства (кажется, оно называлось «Мир») написать «внутреннюю» рецензию на книгу одного южноафриканского автора, которая называлась «Последние секреты

старой Африки». У издательства было намерение перевести эту книгу, но смущало то, что автор был белый (а, следовательно, наверное, расист). Ему требовалось заручиться мнением какого-нибудь официального лица, хотя бы и высказанным в приватном порядке, что, мол, издавать можно.

Книга мне понравилась. В ней были собраны различные занятные истории, связанные с Африкой. Например, рассказывалось о том, как с помощью звуковых (там-тамы) и визуальных (дым от костров различной степени интенсивности и окраски) сигналов в Африке передаются новости, причем гораздо быстрее, чем по обычному телеграфу. Приводились случаи группового гипноза, когда фокусник-гипнотизер подбрасывал вверх веревочную лестницу, она якобы повисала в воздухе, и он (тоже якобы) взбирался по ней. Много было интересного в этой книге, и я с легким сердцем дал ей путевку в жизнь. Ну, а что касается мнимого расизма автора, я написал, что ни в чем дурном он, вроде бы, замечен не был, да и вообще книга к политике не имеет отношения, а африканцы предстают в ней мудрыми людьми, глубоко знающими и хорошо понимающими и человеческую психологию, и окружающую их природу.

По прошествии какого-то времени вновь звонит мой заказчик-редактор и говорит, что книга переведена, готовится к изданию, но у издательства возникла неожиданная проблема. Оно заказало предисловие одному ученому — эрудиту во многих областях, но он представил такое предисловие, которое исключает опубликование книги. В нем утверждается, не много — не мало, что автор книги ниспровергает теорию Дарвина, замахивается на марксистскую философию и объективно льет воду на мельницу расистов, поскольку в одной из глав утверждается, что африканцы происходят не от одной общечеловеческой обезьяны, а от своей собственной африканской обезьяны, к которой европейцы отношения не имеют. Редактор просил меня как автора сугубо положительной рецензии либо попытаться написать совместное предисловие, сгладив углы, либо написать параллельное предисловие, в котором оспаривались бы жуткие обвинения эрудита-ортодокса. На мой вопрос, как мне встретиться с автором предисловия, редактор сказал: «А я сейчас передам ему трубку».

Из последовавшего разговора выяснилось, что никаких телефонов — ни домашнего, ни рабочего — у автора предисловия нет, но что он прямо сейчас готов договориться о времени и месте

встречи. Тут же и договорились: встретимся на следующий день в шесть вечера у входа в метро «Библиотека Ленина», что с Калининского проспекта. На мой вопрос «А как я вас узнаю?» мой собеседник ответил: «Очень просто. Я буду в темно-коричневом плаще, какие носили до войны». Я, конечно, прекрасно помнил эти плащи. Они были жесткими, как будто сделанными из кровельного железа, и сильно пахли резиной. Узнать в таком плаще нужного человека в середине 60-х годов было действительно проще простого: ничего подобного тогда, конечно, уже не носили.

Человека в темно-коричневом плаще довоенного образца я увидел издалека. Шел он с определенным трудом. В руках держал, под стать плащу, сильно потрепанный портфель. Был он весь как бы вышедшим из далекого прошлого. А когда заговорил, обнаружилось, что зубов у него почти нет.

Познакомились. Если мне память не изменяет, звали его Алексей Иванович Решетников. Он мне передал текст своего злополучного предисловия. Условились, что попытаемся сделать его совместным, для чего я приготовлю к следующей встрече необходимые дополнения и поправки. А встречу он предложил провести у него дома, пояснив, что по причине нездоровья предпочитает из дома лишний раз не выбираться.

В назначенное время я был на Аминьевском шоссе, в «хрущобе», где проживал мой потенциальный соавтор. Дверь открыла женщина, примерно моего возраста, т.е. лет тридцати с небольшим. Обстановка квартиры, прямо скажем, о достатке не свидетельствовала.

Как выяснилось при дальнейшем знакомстве, до войны Алексей Иванович занимался археологией. Участвовал в раскопках, писал научные труды. Круг его интересов был весьма широк: изучал историю цивилизаций, происхождение жизни на Земле. В 37-м был арестован. Работал на рудниках в Средней Азии, сначала как заключенный, потом как ссыльный. В 56-м был реабилитирован и вернулся в Москву. Из родных осталась лишь дочь (она и открыла мне дверь).

Часа за два мы согласовали совместное предисловие. Соавтор мой оказался не только эрудированным, но и умным, наша совместная работа доставила мне большое удовольствие. Мы довольно быстро поладили на том, что хотя в книге много спорных утверждений, в целом она будит мысль читателя. Эта нехитрая концепция и легла в основу совместного предисловия. При этом наши роли

распределились таким образом: мой соавтор оспаривал то, с чем был не согласен в книге, а я объяснял, почему должна пробудиться мысль. На протяжении всей нашей работы я пытался найти объяснение крайней ортодоксальности его первоначальной версии предисловия. Что это — идеологическая зашоренность или запуганность? Наверное, было и то и другое, причем спаянное воедино.

Книга вскоре вышла, была быстро распродана, стала раритетом, и я не успел приобрести ни одного экземпляра. Поэтому пишу по памяти, и даже имя моего соавтора, с которым я больше не встречался, воспроизвожу очень приблизительно. Но очень хорошо помню ощущение трагедии этого человека — искалеченная жизнь, подорванное здоровье, изломанная личность. За что? Ради чего? А таких были миллионы...

В скором времени я перешел в Отдел международных организаций (об этом — в следующей части). Моя работа там почти не касалась отношений Советского Союза со странами Африки, за тем исключением, что они участвовали в ООН и других международных организациях и, следовательно, с ними нужно было поддерживать контакты. Учитывая мое африканское прошлое, эту задачу часто поручали мне. Я с удовольствием за это брался, особенно, если речь шла о поездках в африканские страны (мои коллеги по ОМО предпочитали более цивилизованные континенты и, таким образом, наши интересы гармонически совпадали).

Каждый год, обычно в июле-августе, проводились консултыации со многими странами по вопросам очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Цель этих консультаций заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой других стран на предстоявшей сессии. В результате я побывал в Нигерии, Гане, Конго-Браззавиль, Анголе, Верхней Вольте (ныне Буркина Фасо), Танзании, Египте. Впечатлений было масса, но я, к сожалению, не записывал их. Но кое-что память сохранила.

Итак, я лечу в Верхнюю Вольту, а прилетаю в... Буркина Фасо. Дело в том, что за время моего перелета старое колониальное название было заменено на древнее название государственного объединения, которое существовало на той территории до прихода туда французов.

Столица — Уагадугу. На окраине или, можно даже сказать, вне города — прекрасный комфортабельный отель (там я и располагаюсь). В центре города несколько современных зданий, где раз-

мешаются правительственные учреждения. Все остальное — типичная африканская деревня с грязью и лужами на латеритовых улицах²⁷.

На улицах — баррикады из чем-то набитых мешков. За ними — вооруженные солдаты. Оказывается, несколько дней назад здесь была попытка переворота, и власти опасаются рецидивов.

Мои коллеги из посольства предлагают мне прокатиться по окрестностям Вагадугу. Едем. Ну, это, конечно, не Восточная Африка. Ландшафты меня совсем не впечатляют. Выжженная солнцем равнина с чахлыми кустиками. Но главная цель впереди. Это аттракцион под названием «кормление крокодилов». Как я понял, это основная достопримечательность, которой потчуют заезжих гостей. Происходит он у какой-то заболоченной речки. На берегу лежит в ожидании туристов верхневольтиец (или буркинафасец?), а рядом сооружен небольшой плетеный загончик с дюжиной полудохлых цыплят. Получив соответствующую мзду, означенный абориген берет цыпленка, привязывает к его ногам веревку длиной с полметра и заходит в воду. При этом он что-то кричит и размахивает цыпленком, а цыпленок верещит. Откуда ни возьмись, из воды показываются крокодильи морды. Они хотят цыпленка. Поболтав цыпленка перед каждой мордой, человек скармливает его наиболее шустрому крокодилу, а сам быстренько выбирается на сушу.

Возникает вопрос: почему крокодилы пренебрегают человеком? Понятно, конечно, что цыпленок вкуснее, но неужели нельзя вовремя сообразить, что одного цыпленка на всех не хватит?

Возникает и другой вопрос: если здесь цыплятами кормят крокодилов, то, значит, не так-то уж плохо дело обстоит с питанием местного населения? На этот вопрос я тут же получаю ответ от сопровождающего меня коллеги: на деньги, которые туристы платят за скармливание одного цыпленка можно купить по крайней мере, десяток других цыплят.

Наше посольство размещается в небольшом неказистом здании. Вечером еду туда пообщаться с соотечественниками. Штат очень небольшой — я насчитал человек десять-двенадцать. Все очень рады гостю из Москвы. Я уже знаю: чем меньше точка и чем дальше она от Москвы, тем сильнее там общее радушие и гостеприимство.

²⁷ Латерит — красная глина.

Сегодня в посольстве — большой день: через час начнется кино. Кинозал организуется во дворике посольства: натягивается экран (по-моему, он был шит из нескольких простыней) и расставляются скамьи. Совсем как в сельском клубе где-нибудь в деревне Недотыкомовке. В луче проектора вьется огромное количество мошкары и прочей тропической нечести. Фильм древний, что-то из жизни советских животноводов. Тоска полная. Каково-то проработать в таком посольстве года три-четыре? А тут еще антиалкогольная кампания.

Но это еще не все: завтра лечу в Гану.

Чтобы перелететь из бывшей французской колонии в бывшую английскую, нужно сначала полететь в Париж, оттуда — в Лондон, а потом уже — к месту конечного назначения. В этом случае летишь французскими и английскими авиакомпаниями. Но это долго и дорого. Поэтому мидовские специалисты по экономии государственных средств из валютно-финансового управления нашли мне маршрут африканскими авиалиниями с двумя пересадками — в Абиджане и Лагосе. Все бы ничего, да в Абиджане разрыв между рейсами всего тридцать минут. Успеют ли перегрузить багаж? А если в Абиджан прилечу с опозданием?

Готовлюсь к тому, что с чемоданом, который предстоит сдавать в багаж, мне придется расстаться. Несмотря на жару надеваю на себя костюм, в котором буду наносить визит министру иностранных дел, а сумку — «ручную кладь» — набиваю всем жизненно необходимым. Перед посадкой в Уагадугу делаю отчаянную попытку пронести свой чемодан в салон, чтобы в Абиджане, не ожидая разгрузки, нестись с ним на «стыковочный» рейс. Куда там! «Не положено». Прощай, мой верный спутник, мой ярко-желтый кожаный чемодан болгарского производства. Когда-то я тебя увижу, да и увижу ли вообще?

Проходит в самолет элегантный экипаж — весь в белом, красиво контрастирующем с черной кожей. Осторожно интересуюсь у провожающих меня коллег из посольства, как обстоят дела с подготовкой местных кадров для летных дел. Они меня успокаивают, говорят, что в составе каждого местного экипажа на должности второго пилота есть какой-нибудь неафишируемый европейский ас. Его основная задача — поднять самолет в воздух, а потом посадить его. Ну, ладно.

В Абиджан мы опаздываем совсем немного — минут на пятнадцать, но этого вполне достаточно для того, чтобы мой чемодан

не был перегружен на лагосский рейс. Поэтому несколько не удивляюсь тому, что ни в Лагосе, ни в Аккре, конечном пункте моего полета, чемодана, конечно, нет. Тем, кого взволновала судьба моего чемодана, сообщаю: я все-таки с ним встретился. Но это произошло через два месяца в Москве, когда мне позвонили из Шереметьево и пригласили приехать за чемоданом. Помогла бирка с моим адресом и телефонами, которой он был снабжен.

Любопытная деталь: выходишь из самолета на трап и видишь расположившиеся полукругом военные джипы с направленными на тебя крупнокалиберными пулеметами. Как мне потом объяснили, в Гане недавно произошел переворот, и новые правители опасаются попыток реставрации старого режима.

После нервной поездки хорошо отдохнуть среди коллег в кондиционированном помещении посольства. Ну, что там в Москве-то? Какие веяния сверху идут? Новый генсек как себя показывает? А в МИДе-то что нового? Вопросы сыпятся со всех сторон.

Ну, и меня, конечно, просвещают по местным делам. После недавнего переворота обстановка стабилизировалась. Недавно на главной площади Аккры повесили предыдущих вождей, демонстрировали казнь по телевидению. К нам отношение хорошее, особенно после начала перестройки. Недавно кто-то поджег автомобиль нашего сотрудника, припаркованный на улице. Преисполненное лучших чувств местное население нашло преступника, повесило ему на грудь плакат «Я сжег автомобиль советских друзей», облило бензином и сожгло перед посольством.

Гана, как, впрочем, до этого и Верхняя Вольта, произвела на меня унылое впечатление. Вообще Западная Африка, с ее скучными однообразными пейзажами и общим убожеством, не идет ни в какое сравнение с Восточной Африкой. Но особенно гнетущее впечатление произвела на меня Нигерия. Там тоже незадолго до моего приезда произошел переворот (да что они, сговорились что ли, как только куда едешь, так перед этим надо свергнуть кого-то?). Предыдущим министрам удалось сбежать в Лондон. А в Лагосе было объявлено чрезвычайное положение. Вечернее и ночное движение по городу было запрещено, а днем через каждые несколько сот метров приходилось проезжать через контрольно-пропускные пункты, где либо проверялись документы, либо твоя благонадежность проверялась по каким-то внешним признакам. Но в любом случае на тебя были направлены дула автоматов. Должен сказать, что что-то в этом есть неприятное, когда на тебя направлено огнестрельное оружие.

Благодаря такому режиму мне мало что удалось увидеть в Нигерии. Свободное время провел на берегу океана и в общении с коллегами внутри посольского комплекса. Поужинали, конечно. Помимо кое-каких местных овощей, все остальные продукты были советского происхождения, доставляемые в Лагос дважды в год нашим пароходом. Как мне сказали, рыбу достать трудно (это на берегу океана-то!) и она очень дорогая. Попотчевали меня советской говядиной, которая, несмотря на длительное хранение в замороженном состоянии, в общем поддавалась прожевыванию. И тут мне раскрыли секрет, который до сих пор занимает почетное место в моей кулинарной кунсткамере. Оказывается, чтобы сделать жесткое мясо съедобным, его надо выдержать несколько часов завернутым в листья папайи. Так делают местные жители с мясом, скажем, гиппопотама или других малосъедобных животных.

В дальнейшем я попробовал этот рецепт при приготовлении шашлыка, когда мясо не выглядело достаточно нежным. За неимением листьев папайи клал в маринад немного мякоти плода. Получалось отменно. Но тут важно не переборщить и с количеством папайи, и со временем маринования. Важно ни в коем случае не передержать: мясо станет хотя и очень мягким, но дряблым.

Другая моя африканская поездка происходила по маршруту Каир — Бразавиль — Луанда. Конечно, мне больше всего понравился Каир. Моя поездка к пирамидам окончательно убедила меня, что они были построены веземными пришельцами, обладавшими какой-то мощной техникой. Думаю, что и сейчас притащить черт знает откуда гигантские каменные глыбы, обтесать их и соорудить из них эти грандиознейшие мавзолеи было бы далеко не просто. А ведь строили их несколько тысячелетий назад, когда ни инструментов, ни механизмов — подъемных и транспортных — никаких не было. Мой совет тем, кто сомневается в инопланетном происхождении египетских пирамид: поезжайте в Египет и своими глазами убедитесь, что люди их построить никак не могли.

А какие замечательные люди — египтяне: улыбчивые, приветливые, доброжелательные. Обмануть, конечно, могут. Даже обязательно обманут. Но все это весело, легко, с улыбкой. Даже и не жалко, что обманули.

Самое интересное место в Каире — базар. Огромный, город в городе, очень восточный, как из сказок Шехерезады.

Главные туристические развлечения — катание на верблюдах между пирамидами и танец живота. Катание понравилось. Сидишь на верблюде как на корабле («корабль пустыни», как никак), а он плывет себе, покачиваясь с носа на корму. А вот танец живота я не прочувствовал. Крутят животом и прочими местами упитанные восточные теткы, ну и что?

После Каира Браззавиль — дремучая провинция, деревня. Вечером деваться абсолютно некуда В Лагосе или Аккре хоть на берег океана можно выехать, морскими брызгами подышать, на закат поглядеть. Здесь, кроме как в родное посольство, никуда не пойдешь. На спортивной площадке заканчивается игра в волейбол. После волейбола — пиво. Больше — ни-ни, антиалкогольная кампания. Только смотрю, попившие пиво граждане небольшими кучками (примерно по-трое), а то и в одиночку тянутся за ворота. За воротами — маленькие лавчонки. Вот одна компания втиснулась в лавочку и, смотрю, в окне вырос силуэт горниста. Из горла, стало быть, в целях гигиены. Очень было интересно, что именно сограждане употребляют, но из деликатности удалился. А то подумают, что гость из Москвы обеспечивает выполнение установки партии на трезвую жизнь.

В посольстве меня приветствует временный поверенный (посол в отпуске). Мы с ним в лицо друг друга знаем, но ближе не пересекались. Поэтому он, как опытный дипломат, начинает общение осторожно, с прошупывания. Дескать, то да сё, главная задача — обеспечить выполнение решение Пленума о борьбе с пьянством. Со своей стороны говорю, что были случаи перегибов, а они компрометируют мудрое решение. Собеседник с энтузиазмом подхватывает тему перегибов. Говорит, что у них в посольстве понимают их опасность, и поэтому партбюро приняло решение, запрещающее подачу виски и водки на протокольных мероприятиях, но разрешающее подачу джина. Воздерживаюсь от комментариев, чтобы не бросить критической тени на решение партбюро, но не могу скрыть вопросительного выражения лица. Шарже дафер поясняет, что в полученном из Центра разъяснении допускается подача на приемах, обедах и ланчах сухого вина как слабого алкогольного напитка, но поскольку в посольстве нет сухого вина, то его решили заменить джином, который, по интерпретации посольского партбюро, невозможно пить, не разбавляя тоником.

Вспоминаю, сколько этого «легкого» напитка без всякого тоника я выпил в свое время с Соляковым («для дезинфекции»), а вслух

говорю, что, по моему мнению бывшего африканиста, решение партбюро удачно отражает местную специфику. Таким образом, наш диалог, приобретая консенсусные очертания, логически подводит нас к практическим действиям. «Катя! — кричит поверенный в сторону кухни. — Давай!». Из двери появляется столик на колесах, уставленный бутылками, стаканами и легкими закусками.

Аперитив проходит в теплой непринужденной обстановке. Она еще больше усиливается, когда мы перебираемся за стол, прихватив с собой бутылку джина. Крохотная бутылочка тоника тоже стоит на столе, но скорее символически.

подаваемые блюда оставляют желать много лучшего во вкусовом отношении. Поверенный поясняет: «У нас повар с узкой специализацией». Оказывается, он прибыл по путевке комсомола, а дома работал в шашлычной в качестве резчика лука. «Режет лук он артистически, — продолжает поверенный. — Но при этом курит, не выпуская сигареты из губ, и пепел сыпется в лук, который получается как бы со специями».

Другая, более крупная проблема, — категорическое нежелание жен находиться вместе со своими мужьями на передовой линии внешнеполитического фронта. Вкусив в течение нескольких месяцев все прелести африканской жизни, под любым предлогом уезжают домой и возвращаться не желают. В других африканских посольствах я слышал то же самое.

Из Браззавиля перебираюсь в Анголу. Луанда, должно быть, раньше, до гражданской войны была очень красивым городом. Когда я увидел ее с высоты сторожевого холма, где все еще стоят старинные пушки, я замер от восхищения. Красивейший ансамбль белоснежных ажурных зданий, буйная тропическая растительность, живописная набережная с полоской пляжа, омываемого прибоем. Казалось бы, живи и не тужи. Но когда, спустившись с холма, мы приблизились к этой красоте, она растаяла как мимолетное видение. Вблизи вся эта красота выглядела ужасно. Выбитые стекла, кучи мусора, полное запустение. Электричество и вода подаются несколько часов в сутки и не во все районы города.

С антиалкогольной кампанией пришлось столкнуться и в Луанде. Недавно пришедший советский пароход, который вышел из Одессы до постановления о начале кампании, привез большое количество разных запасов, в том числе и алкогольных напитков. Сообщение из Москвы о постановлении пришло после того, как пароход был разгружен, но еще не ушел из Луанды. Все спиртные

напитки были погружены обратно. Как мне говорили коллеги из посольства, дешевле было бы утопить ящики со спиртным, но тогда в Москве могли бы заподозрить, что утопление симитировано, а напитки остались в посольстве. А антиалкогольная кампания проводилась с таким рвением, что секли и правых, и виноватых по одному подозрению. Несмотря на попытки осуществить перестройку система не сдавалась и наибольшую стойкость проявляла в отстаивании права на идиотизм. Эксперты считают, что последний смертельный удар советской экономике был нанесен именно антиалкогольными мерами, поскольку госбюджет лишился крупнейшей статьи доходов — от продажи алкоголя, — причем эта потеря не была компенсирована какими-либо иными доходами.

Перед отлетом в Москву в посольстве меня предупреждают, что хотя у меня и зарезервировано место в первом классе, надо будет поехать в аэропорт пораньше, так как этим же рейсом полетят наши рыбаки, сменившиеся в Луанде. Это значит, что, во-первых, никакого первого класса не будет (для увеличения числа посадочных мест салон весь перекомпонован в экономкласс), а, во-вторых, мест вообще может не хватить, так как обычно в таких случаях в самолет набивается пассажиров больше, чем продано билетов.

Мы успеваем вовремя, а уже через минуту салон наполняется грохотом и шумом: это ворвались наши морские волки. На нумерацию мест никто внимания не обращает, и каждый занимает первое попавшееся кресло. Такое впечатление, что самолет взят на бордаж. В общем, сарынь на кичку! Многие пассажиры уже под газом (вот тебе и антиалкогольная кампания!), но главное веселье еще впереди.

На ребят смотреть одно удовольствие: веселые, крепкие, с обветренными, продубленными солнцем и ветрами лицами. Заняв места, они, не ожидая милостей от Аэрофлота, тут же достают бутылки, фляжки и прочие емкости и возобновляют прерванное посадкой празднование окончания плавания. Весь полет, а он продолжается часов десять, в салоне не смолкают песни.

Мои соседи не моряки. Он инженер, отработавший несколько лет на медных коях Замбии, она, его жена, преподаватель английского языка. Возвращаются в Москву после окончания контракта. Замбия им нравится, но в последнее время ухудшилось отношение к белым.

«Черный» расизм — явление, к сожалению, довольно распространенное в африканских странах, где есть белое население. А его больше всего в Южной Африке, Зимбабве, Замбии, Кении. Перво-

начально главным объектом вражды со стороны черного населения были «белые поселенцы», но постепенно она распространилась вообще на всех белых.

«Белые поселенцы» — потомки тех поселенцев, которые начали переселяться в Африку еще с XVII века сначала из Голландии, а потом из Англии и некоторых других европейских стран. Конечно, они занимали наиболее благоприятные для сельского хозяйства земли. Процесс этот был насильственным и сопровождался, как правило, кровопролитием.

Юг Африки по своему географическому расположению в южном полушарии и, соответственно, по климатическим характеристикам может сравниться со своим северным антиподом — Грецией²⁸. Именно поэтому он первым привлек европейцев. Высадившиеся там в 1650-х гг. голландские поселенцы стали продвигаться к северу, захватывая землю у местных племен либо обманом (обычно земля выменивалась на абсолютные безделушки), либо силой. В начале XIX века к бурам²⁹ (так называли себя голландские поселенцы) стали присоединяться англичане.

Наиболее упорное сопротивление оказали зулусы. Войны с ними велись постоянно и сопровождались большими жестокостями.

Позже — на рубеже XIX и XX веков — возник конфликт между бурами и англичанами. Местные африканские племена, выбирая из двух зол меньшее, выступили на стороне англичан: от буров им доставалось сильнее. Видимо, это можно объяснить тем, что англичане, чувствуя за своей спиной поддержку великой державы — «владычицы морей», — имели возможность проявлять по отношению к африканцам большую гибкость. Буры же, утратившие связи с родиной, могли полагаться лишь на собственные силы и шли ва-банк. Даже когда не было открытых войн между ними и африканцами, буры держали отряды командос, которые терроризировали черное население, захватывали африканские земли, скот и приводили из своих набегов африканских детишек, которых превращали в рабов.

²⁸ Может возникнуть вопрос, почему в Греции возникла древняя цивилизация, в то время как юг Африки оставался диким. Видимо, дело было не только в климате, но и в географическом положении: Греция находилась в центре большого региона, соседствуя и взаимодействуя с другими развивающимися народами, а юг Африки долгое время был полностью оторван от такого общения.

²⁹ Бур — по голл. фермер.

Тем не менее, российская «прогрессивная общественность» проявляла, как известно, большие симпатии к бурам в их войнах с англичанами. Несколько романтиков, потерпевших поражение на любовном фронте или проигравшихся в карты, даже отправились сражаться на стороне буров. И долгое время тема свободолюбивых буров будоражила русские души. Я еще помню песню «Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горишь в огне», а Питер Мориц — юный бур из Трансваала, был моим любимым героем в довоенном детстве.

Если, скажем, стремление помочь сербам можно было объяснить какими-то этническими и религиозными мотивами (братства славяне, православные!), опять же извечная борьба с турками за проливы, то симпатии к бурам ничем иным, кроме как исключительно романтическими мотивами объяснить невозможно. Может быть, правда, сыграло свою роль и стремление насолить англичанам (ведь «англичанка гадит»!). Должен признаться, что когда во время моих африканских странствий мне приходилось знакомиться с южноафриканцем бурского происхождения, я всякий раз вспоминал: «Трансваль, Трансваль, страна моя, ты вся горишь в огне!».

В общем на юге Африки происходило примерно то же самое, что происходило и в будущих Соединенных Штатах Америки, когда белые пионеры точно такими же методами оттяпывали у краснокожих земли. Но, в отличие от чернокожих южноафриканских аборигенов, американские и канадские индейцы оказались менее стойкими в отношении привезенных из Европы болезней и алкоголя.

В конце концов, однако, «порядок» в Южной Африке был навешен, и назвали этот порядок апартеидом. Немало ушат гневной критики было вылито советской пропагандой на это безобразное явление, но вот что характерно: в основном обличались (кстати, часто справедливо) последствия апартеида, но на том, что же такое сам апартеид, внимание не очень заострялось. Объяснение этому я нахожу в том, что южноафриканский апартеид при ближайшем рассмотрении очень сильно напоминал наши собственные порядки. Только в Южной Африке он был основан на расовой дискриминации, а у нас — на социальной. Ведь апартеид — это система, основанная на паспортизации с пропиской. Чтобы покинуть свою резервацию, черный африканец должен был получить разрешение администрации в виде пропуска (там он назывался не паспортом, а пропуском, но сути это не меняло). В районах проживания белого населения он мог оставаться только до тех пор, пока ему это разрешалось (обычно пока требовался его труд на каких-то черных

работах). Точно так же советский колхозник не мог покинуть свою деревню, не получив на это разрешения в виде паспорта. Если ему удавалось это сделать, но в городе его не прописывали, наш абориген вынужден был возвращаться в свою резервацию, т.е. родную деревню.

Любопытный факт: при апартеиде население Южно-Африканской республики выросло более чем в три раза: с 12,5 млн в 1951 г. до 38,9 млн в 1991 г. Рост происходил в основном за счет черного населения, относительная численность которого поднялась с 68 до 76 процентов³⁰. Если учесть, что рост рождаемости обычно бывает связан с улучшением материальных условий жизни и здравоохранения, то, видимо, придется признать, что порядок, каким бы плохим он ни был, все-таки лучше, чем беспредел.

Более или менее компактный слой белых поселенцев сложился также в Восточной Африке, в основном Кении. Здесь селились главным образом англичане. И здесь их отношения с коренными жителями были далеко не безоблачными. Именно в Кении возникло в 1952 и продолжалось до 1956 года так называемое движение «Мау Мау». Племя кикуйю, доведенное до отчаяния притеснениями со стороны белых поселенцев, создало партизанские отряды, которые убивали поселенцев и сотрудничавших с ними кикуйю, совершало поджоги, угоняло скот. Белые поселенцы, видимо, так смогли организовать себя, что находились в относительной безопасности: за четыре года их погибло 32 человека, т.е. меньше, чем в автомобильных авариях за тот же период времени. Значительно больше пострадали сотрудничавшие с ними африканцы: погибло около двух тысяч лойяльных англичанам кикуйю. Зато повстанцев было убито 11,5 тысяч³¹. Для подавления восстания англичане, в помощь местным полицейским силам численностью в 46 тыс., перебросили одиннадцать батальонов и эскадрилью бомбардировщиков. Достаточно, чтобы залить страну кровью.

И все-таки нужно признать, что и в Южной и в Восточной Африке белые поселенцы вложили много труда и капитала в освоение земель, сделали их плодородными. Именно они построили замечательные города — Кейптаун, Йоганесбург, Найроби. А сами они стали частью коренного населения. И если для белых поселенцев

³⁰ Reader John. AFRICA. A Biography of the Continent. Penguin Books. London. 1998. P. 674.

³¹ Ibid. P. 641.

английского происхождения Африка стала второй родиной, то для буров она, несомненно, родина единственная. Они и современный голландский язык-то почти не понимают. А говорят они сами на языке, который называется африкаанс. Он образовался на основе старинного голландского под влиянием южноафриканских языков — кафрского, зулу, банту, ну, и, конечно, английского.

Общаясь с белыми поселенцами, я ловил себя на мысли, что они чем-то напоминают наших казаков. Оказавшись во враждебном окружении, один на один с дикой природой, они, хлебопашцы и воины, закалились в борьбе и с «немирными» туземцами, и с природными невзгодами и выковали передаваемые из поколения в поколение качества — выносливость, стойкость, силу духа. Но, что касается белых поселенцев, это уже перевернутая страница. Госпожа история не простила им их лихого дебюта и в эндшпиле ударила обратным концом — черным расизмом.

Вот такие мысли возникли у меня, когда, работая над этой книгой, я вспоминал рассказы моих случайных попутчиков по путешествию из Лусаки в Москву об их жизни в Замбии.

А дальше, как я и обещал, мы сейчас перейдем к совершенно новым страницам моей профессиональной биографии.

Глава вторая

Новые горизонты — многосторонняя дипломатия

Тысяча первая

В сентябре 1966 г. закончил я с африканскими делами и стал сотрудником отдела международных организаций (ОМО). Оказался я в референтуре по разоружению, а помещалась она в кабинете под номером 1001.

В небольшой комнате стояло восемь больших канцелярских столов и диван. Приписано же к комнате было двенадцать сотрудников. На диван приходилось, таким образом, четыре человека. Тесновато. Мне предложили временно занять стол коллеги, который в то время находился в краткосрочной командировке. Потом, когда он вернулся, я пересел за другой временно свободный стол. Так продолжалось до тех пор, пока один из обитателей комнаты не уехал в долгосрочную командировку. Тогда я стал обладателем собственного стола.

Вообще говоря, пребывание двенадцати человек в комнате, предназначенной максимум для восьми, было возможно только потому, что часть сотрудников всегда находилась в командировках. Сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Комитета по разоружению, МАГАТЭ, другие международные форумы требовали участия обитателей комнаты 1001. Но в конце декабря, когда все переговоры и конференции прерывались, народ собирался. И тогда, конечно, было не до работы. Возвращались из дальних странствий, естественно, с дарами. Обычно — виски. Впрочем, в рабочее время старались воздерживаться от возлияний, хотя это и не всегда получалось. Но обмен впечатлениями и мыслями в любом случае происходил интенсивнейший.

Конечно, и в обычное время, при меньшем скоплении народа, работать в комнате было трудно. Обычно здесь выполнялась рутинная работа (чтение информационных материалов и т.д.), а для творческих дерзаний удалялись в кабинет одного из зам. завов,

который, если он в это время не находился в командировке, освобождал временно помещение, перемещаясь в 1001-ю.

Руководил референтурой в то время Иван Чепров, умнейший человек и светлейшая личность³². Я подружился с ним еще в Комитете информации и был очень рад вновь с ним воссоединиться.

Все мы, обитатели 1001-й комнаты, были примерно одного возраста (35—40 лет), многие хорошо друг друга знали еще с институтских времен и, если хотите, были объединены некоей романтической идеей — подсократить эти чертовы вооружения, которые требуют так много средств на свое совершенствование и производство. Дух товарищества и единомыслия, не говоря уже о корпоративности, очень был силен в лучшие годы «славной референтуры».

Благодаря этому духу скученность наша в одной комнате не была обременительной. Я бы сказал, она в значительной степени способствовала развитию творческой обстановки. Обмен свежими анекдотами вполне мог перейти, например, в обсуждение технических возможностей МАГАТЭ по контролю над ядерным оружием. Порой из того трепа, который велся в комнате, возникали идеи, успешно реализовавшиеся впоследствии в политике. Пример — разработка Договора о нераспространении ядерного оружия. Роланд Тимербаев, Марат Антясов, Володя Шустов, Олег Гриневский — столпы «славной референтуры» — немало своего интеллекта вложили в договор. Р. Тимербаев в своей книге «Россия и ядерное нераспространение» свидетельствует о целом ряде идей, выдвинутых советской стороной на переговорах по Договору о нераспространении ядерного оружия³³. Однако жанр книги, представляющей собой безупречное историческое исследование, не позволил ему рассказать о том, что многие из этих идей рождались и, во всяком случае, первоначально обсуждались в сугубо неформальной обстановке. А это было именно так.

В дальнейшем жизнь, естественно, разбросала нас. Но сталкиваясь на жизненных перекрестках, мы с большой теплотой вспоминаем те замечательные годы, которые мы провели в 1001-й комнате.

³² К большому горю всех знавших его, он умер очень рано — было ему всего сорок лет.

³³ Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945.1968. М. : Наука, 1999.

Нередко в комнате возникали и разговоры на общеполитические темы, причем носили они весьма критический характер. Конечно, никто из нас не был диссидентом. Часто, бывая в западных странах и регулярно читая западную прессу и литературу, мы имели возможность видеть несоразмерность того пропагандистского шума, который поднимался на Западе вокруг советских диссидентов, и их подлинной, почти нулевой роли внутри страны. Критическому, неортодоксальному осмыслению подвергалась не только официальная советская политика, но и политика других стран. Конечно, все мы проводили официальную политику Советского Союза, иного и быть не могло. Но при этом не терялись ориентиры, которые позволяли избегать глупостей.

Конечно, я не думаю, что 1001-я комната была единственной в МИДе, где царил критический дух. Нечто подобное в той или иной форме наблюдалось и в других подразделениях МИДа. Доступ к источникам информации, которой было лишено подавляющее большинство советских людей, делал свое дело. Причем я лично не знаю случаев, когда «вольные разговоры» влекли за собой каких-либо репрессивных последствий.

Возглавлял ОМО в то время Кирилл Васильевич Новиков, человек государственного ума и широкого кругозора. Он предоставлял большую самостоятельность своим воспитанникам, и «птенцы гнезда Кирилла» не подводили его.

Про Кирилла Васильевича ходило много легенд. И про то, как в 1943 г. он сопровождал Черчилля в Тегеран на конференцию, и как попал он в поле зрения Сталина, который ценил его советы (на знаменитой фотографии за круглым столом на Потсдамской конференции 1945 г. он сидит прямо за Сталиным), и про многое другое. Я про это слышал из вторых или третьих уст и поэтому не берусь пересказывать эти истории. Я же застал Кирилла Васильевича уже в пожилом возрасте, поседевшего в дипломатических баталиях, но отнюдь не утратившего живой ум, цепкую память и способность моментально ухватить суть вопроса. Уважительное отношение к своим подчиненным, независимо от занимаемых ими должностей, и доверие к своим заместителям и помощникам подкрепляли его непререкаемый авторитет в отделе. Эта непререкаемость, однако, ни в коей мере не мешала нам высказывать и отстаивать свои точки зрения. Надеюсь, что мои бывшие коллеги и соратники по ОМО, значительно лучше меня знавшие Кирилла Васильевича, еще расскажут о нем в своих воспоминаниях.

В 1973 г. К.В. Новикова, ушедшего на пенсию, сменил Виктор Леонович Исраэлян. Сначала он сильно возмущился тем, что в его отделе существует какая-то каста неприкасаемых «разоруженцев», к тому же поклоняющаяся его предшественнику — Новикову. Он попытался доказать, что незаменимых специалистов не существует и поклялся разогнать 1001-ю комнату. Однако, как умный человек, он скоро понял, что в его же интересах этого не делать. Любой, самый верный и преданный тебе человек не станет специалистом в одночасье. А с другой стороны, никто из нас не рассматривал свою работу как служение кому бы то ни было персонально — будь то наш кумир К.В. Новиков или малознакомый пришелец В.Л. Исраэлян. Надо сказать, Виктор Леонович сам вскоре увлекся разоруженческой проблематикой, и наши отношения полностью отладились.

В советском МИДе, я в этом неоднократно убеждался, работали высококлассные профессионалы (надеюсь, эта школа не утеряна и в российском МИДе). Подавляющее большинство — выпускники МГИМО.

Конечно, чтобы стать специалистом по какому-то вопросу, нужно не один год проработать на соответствующем направлении. Но для тех, кто занимается военно-политическими вопросами, этот срок должен быть более длительным. Дело в том, что эти вопросы требуют сочетания знаний в различных областях. Помимо обычной гуманитарной подготовки, достаточной для многих других внешнеполитических направлений, здесь необходимы и чисто технические познания в делах, связанных с вооружениями. Причем в то время приобрести их можно было только на практической работе. Не исключаю, что сейчас, когда стало возможным почерпнуть какую ни на есть информацию по военным делам из различных публикаций, приобрести военно-политическую квалификацию стало легче. Но тогда, вплоть до 90-х годов царил полная секретность.

Управление кадров, следуя своей концепции ротации, неоднократно провозглашало крестовый поход против окопавшихся в треугольнике Москва-Женева-Нью-Йорк разоруженцев, пытаясь отправить их послужить в посольствах в странах Африки и Азии, а на их место посадить специалистов по слаборазвитому развитию. И никто вроде бы не возражал против концепции ротации. Однако каждый раз, когда кого-либо из нас вызывали в кадры и предлагали, в порядке расширения профессионального кругозора, поехать в какую-либо экзотическую страну (разумеется, с повышением в должности), разыгрывался следующий сценарий.

Вызванный благодарил за лестное предложение и обещал подумать. Потом он шел к своему начальству и вопрошал, чем же он прогневил его и за что же его списывают с корабля. Начальство приходило в ярость из-за того, что «кадры опять партизанят» и без согласования с ним дергают людей. После этого начальство звонило кадровому начальству и изливало эту ярость, а заодно сообщало, что сотрудник, о котором идет речь, — высококлассный специалист в области ядерных, обычных и всех прочих вооружений и их сокращения, и о его уходе из отдела может пойти речь только при условии адекватной замены. Адекватная же замена может придти только из наших представительств в Нью-Йорке (при ООН) или Вене (при МАГАТЭ — Венском атомном агентстве), а также из посольства в Вашингтоне. Кадровое начальство огрызалось, конечно, но при этом понимало, что в случае дальнейшего развития конфликта в его разрешение может быть введена тяжелая артиллерия — министр, а он-то не даст в обиду «разоруженческую мафию».

Действительно, А.А. Громыко лелеял разоруженческое направление (оберегал и поощрял он также американистов, которые, впрочем, в значительной степени тоже занимались разоруженческой проблематикой). Интересное свидетельство отношения Громыко к этому направлению советской внешней политики можно найти в воспоминаниях его сына Анатолия, который воспроизводит следующие слова отца:

«На фоне гонки вооружений с обеих сторон договор 1968 года (о нераспространении) был особенно важен. Он показал, что с США и Англией, двумя столпами НАТО, мы можем решить важную проблему. После подписания в Сан-Франциско Устава ООН это была моя вторая по значению подпись под историческим документом. Очень рад был достижению этого соглашения Брежнев, да и все советское руководство»³⁴.

На Западе Громыко, руководивший советской внешней политикой почти три десятилетия, прочно вошел в сознание людей как «мистер нет». Это понятно, но, безусловно, несправедливо. Понятно, потому что Громыко всячески подчеркивал свою жесткость по отношению к Западу, непримиримость в отстаивании «социа-

³⁴ Громыко Анатолий. Андрей Громыко. В лабиринтах кремля: воспоминания и размышления сына. М. : Автор. 1997. С. 49. Цит. по книге Р.М. Тимербаева «Россия и ядерное нераспространение». М. : Наука. 1999. С. 284-285.

листических ценностей». Таковы были «правила игры» в высшем советском руководстве того времени. Конечно, Громыко был действительно тверд. Но в то же время он умел идти на компромиссы, хотя всегда подавал их как «очередную победу Советского Союза».

Участие Советского Союза в переговорах по сокращению и ограничению вооружений и другим вопросам международной безопасности положительно сказывалось не только на оздоровлении политического климата в мире, но и на внутренних порядках, способствуя развитию правовых основ, большей открытости, вовлечению гражданских экспертов в рассмотрении военно-политических вопросов.

Вспомним хотя бы процесс многолетнего формирования Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Участие Советского Союза в этом процессе, несомненно, подготовило почву для реформ, которые начались в середине 80х годов. Уверен, что и А.А. Громыко и руководитель советской делегации на переговорах по подготовке хельсинкских документов заместитель министра А.Г. Ковалев прекрасно понимали значение хельсинкского процесса для демократизации внутренней жизни советского общества. Через достигнутые международные договоренности Советский Союз принял на себя обязательства в отношении цивилизованных норм в области прав человека, свободы слова и передвижения и т.д. Это повлекло за собой и вполне практические действия: например, советское руководство вынуждено было пойти на некоторые послабления в режиме выезда за границу.

Свидетельствует участник переговоров Ю.Б. Кашлев: «После того как Л.И. Брежнев вместе с 34 лидерами других стран подписал в Хельсинки Заключительный акт СБСЕ, ряд членов нашей делегации были награждены орденами, А.Г. Ковалева же М.А. Сулов занес в черный список за то, что он “пропустил” обязательства по свободе передвижений, правам человека и т.п., звучавшие тогда для Москвы как фантастика»³⁵. В результате А.Г. Ковалев так и не стал членом ЦК КПСС.

В 1977 г. 10 принципов взаимоотношений между государствами из хельсинкского Заключительного акта целиком вошли в новую Конституцию СССР. По свидетельству Кашлева, инициатива этого включения исходила от А.Г. Ковалева.

³⁵ Кашлев Ю.Б. Человек разрядки. Дипломатический вестник. 1998. № 7. С. 61.

Вернусь, однако, к тому, чем я занимался в МИДе на протяжении 25 лет, после того как ушел с африканского направления, — к разоружению.

Этот термин — «разоружение» — не нужно, конечно, понимать слишком буквально. В контексте деятельности МИДа это не более чем профессионально-жаргонное обозначение широкого круга военно-политических вопросов и связанных с ними проблем мирного использования атомной энергии и космоса. Именно этими вопросами занимался Отдел международных организаций (ОМО)³⁶, когда я пришел туда в 1966 г. В конце 80-х годов они перешли во вновь созданные Управление по ограничению вооружений и разоружению (УПОВР) и Отдел по мирному использованию ядерной энергии и космоса (ОЯЭК).

Итак, что же означало это «разоруженческое» направление советской внешней политики для политики внутренней?

Как видно из приведенной выше цитаты из книги Анатолия Громько, советское руководство высоко оценило Договор о нераспространении ядерного оружия. Его заключение показало, что Советский Союз может решать важные международные вопросы со «столпами НАТО» — США и Великобританией. Договор закрыл вопрос о допуске ФРГ к ядерному оружию, будь то через создание многосторонних ядерных сил (МЯС) или в какой-либо иной форме.

Однако выполнять этот договор должны были не только неядерные государства, но и ядерные, в том числе, разумеется, и Советский Союз. Для наблюдения за его выполнением была создана Межведомственная комиссия, в которую вошли МИД, Минсредмаш³⁷, Минобороны, КГБ и некоторые другие ведомства. Международное право договоров предусматривает, что каждый участник международного соглашения обязан привести свое внутреннее законодательство в соответствие с принятыми международными обязательствами. Очень скоро, однако, выяснилось, что в Советском Союзе законодательства в ядерной области практически нет.

³⁶ ОМО занимался также и другими политическими вопросами деятельности ООН и других международных организаций.

³⁷ Министерство среднего машиностроения было создано в 1953 г. в качестве преемника Первого главного управления при Совнарком СССР для осуществления «атомного проекта». Оно ведало развитием не только ядерного оружия, но и вопросами мирного использования ядерной энергии.

Вместо него существовал набор сверхсекретных инструкций, которые хранились в сейфах Минсредмаша.

Для разработки «атомного» законодательства была создана специальная рабочая межведомственная группа. Ее возглавил заместитель министра иностранных дел Г.М. Корниенко (потом он стал первым заместителем министра). В нее входили сотрудники МИДа (и я в том числе), Минсредмаша, некоторых других ведомств, а также несколько юристов из Института государства и права Академии наук СССР. Из последних мне запомнился своей юридической грамотностью, осведомленностью в сфере ядерной деятельности и умением находить точные формулировки Б.А. Йорыш.

Главная трудность, с которой столкнулась рабочая группа, была связана с нежеланием руководства Минсредмаша превращать свои сверхсекретные внутриведомственные инструкции в общесоюзное законодательство. Конечно, гораздо удобнее жить, когда издаешь сам для себя правила жизни: ты их подгоняешь под свои удобства, не очень заботясь о неудобствах для других, и можешь, когда захочешь, их изменить. Если, скажем, тебе удобно просто закапывать ядовитые радиоактивные отходы без их изоляции от внешней среды, то пишешь себе подходящую инструкцию и загаживаешь землю и ее недра на сотни лет вперед. Земли у нас много. А то, что эти ядерные могильники могут помешать провести через их территорию дорогу или построить там что-нибудь, это уж не твоя забота.

Захоронение радиоактивных отходов — это, разумеется, лишь один пример. Секретность, которая с самого начала сопутствовала всему «атомному», предотвращала утечку военных секретов, но, будучи в ряде случаев чрезмерной и неразумной, сильно вредила в мирной жизни.

В конечном счете законодательство, регламентирующее деятельность в ядерной области, было разработано. Я не берусь судить, в какой мере оно было эффективно. Но во всяком случае это законодательство положило конец вредной и опасной монополии одного ведомства, создавшего по сути дела государство в государстве. А инициировало это законодательство заключение Договора о нераспространении ядерного оружия.

Вообще говоря, переговоры по разоружению способствовали вовлечению в процесс подготовки решений по военно-политическим вопросам довольно широкого круга специалистов, в том числе из невоенных областей. Это создавало основу для принятия более взвешенных решений. Эти переговоры постепенно размы-

вали «закрытость» советского общества, помогая преодолевать иррациональную манию секретить все и вся, не делая различий между тем, что представляет собой действительно секрет, а что можно и нужно предать гласности, чтобы не навредить государству и обществу.

К сожалению, гласность, официально провозглашенная в конце 80-х — начале 90-х годов, дошла в конечном счете до абсурда. Думаю, немало ценнейших сведений в различных областях утекло из нашей страны в результате вакханалии выбалтывания и распродажи информации, которую каждое нормальное государство держит за семью замками. И тем не менее, разумная открытость — это необходимое условие существования любого нормального общества.

Конечно, понимание значения тех дел, которыми мне предстояло заниматься на новом для меня направлении, приходило не вдруг. Да и сама политика в области разоружения сильно меняла свой характер.

Начиная с создания ООН обсуждение вопросов разоружения прочно вплелось в ткань международных отношений. Долгое время, однако, это обсуждение использовалось всеми сторонами в чисто пропагандистских целях.

Помню, что, изучая в институте историю международных отношений, в которую, разумеется, входили и «великие миролюбивые инициативы» Советского Союза по разоружению, я не мог отделаться от недоумения: ну, как же можно рассчитывать на принятие предложений об уничтожении того, чего у нас нет, а у них есть? Именно такими были советские предложения о полном уничтожении атомного оружия, выдвигавшиеся в ООН с самого начала создания этой организации. И хотя преподаватели объясняли нам, что даже не будучи принятыми, эти предложения несут в себе огромную пользу, так как сам факт их отклонения западными державами вскрывает звериную сущность империализма, эти предложения не воспринимались как нечто серьезное.

Конечно, при той высокой степени идеологизации международных отношений, которая длительное время существовала в мире, практически любой вопрос становился предметом острой пропагандистской борьбы. Но, по-моему, предложения по разоружению даже на том фоне выделялись своим оголтело пропагандистским характером.

Весьма, конечно, схематически дискуссии по разоружению в 1945—1949 годах, т.е. до создания Советским Союзом ядерного

оружия, можно изобразить в виде следующего диалога между США и СССР.

США: Хотя у нас есть атомное оружие, мы готовы поставить его под международный контроль. А заодно под этот контроль давайте поставим и любые работы по его созданию, а также все сырье, из которого оно может быть создано.

СССР: Ишь, чего придумали! При механическом большинстве в ООН, полностью подчиняющемся США, международный контроль означает американский контроль. А вот давайте лучше вообще уничтожим атомное оружие.

США: Как бы не так, уничтожим... У вас-то нет его, а у нас есть. Уничтожим наше атомное оружие, а у вас останется огромная армия, вооруженная до зубов обычным оружием, да к тому же занявшая пол-Европы. Давайте тогда обсуждать сокращение и обычных вооружений.

СССР: Сокращение? Чего там мелочиться? Давайте все оружие уничтожим — и обычное и атомное. И вот вам наш проект Договора о всеобщем и полном разоружении.

США: Ну, знаете... Это уж слишком. А, впрочем, вот вам наши встречные предложения по всеобщему и полному разоружению. Мы считаем, что оно должно осуществляться так, чтобы ни на одном этапе ни у одной из сторон не было военных преимуществ. Мы готовы к обсуждению.

Это обсуждение вполне могло занять не одно десятилетие, причем конечный результат был бы заведомо нулевым. Но некоторые события и обстоятельства изменили умононастроения сторон. Во-первых, в результате случившегося осенью 1962 г. кубинского кризиса едва не произошла ядерная катастрофа. Во-вторых, появилось осознание того, что целый ряд стран, помимо уже обзаведшимися ядерным оружием постоянными членами Совета Безопасности ООН, приобрел технический потенциал для создания такого оружия.

Кубинский кризис сыграл роль шоковой терапии: его основные участники, а с ними и все человечество, заглянув в ядерную бездну, обратились к поиску путей, ведущих в сторону от нее.

Известно, что кризис достиг апогея 27 октября, когда президент Дж. Кеннеди одобрил план воздушного удара по пусковым ракетным установкам, аэродромам и установкам ПВО, расположенным на Кубе. План должен был быть приведен в исполнение 29 октября. Р. Макнамара, который был в то время министром обороны США, много лет спустя вспоминал: «Действия, которые

мы предприняли в субботу (т.е. 27 октября — Ю.Н.), были действиями, которые могли бы повести и, вероятно, повели бы к военному ответу с советской стороны... Я помню, как я уходил из Белого Дома в тот вечер, шел через сад к автомобилю, чтобы вернуться в Пентагон, и задавал себе вопрос: увижу ли я еще субботний вечер»³⁸. Отнюдь не впечатлительность, а доскональное знание реальной обстановки и ее трезвая оценка стояли за этими мыслями министра.

Уже в тех посланиях, которыми обменялись Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди 27 и 28 октября и в которых речь шла, естественно, в первую очередь об условиях урегулирования кризиса, оба руководителя согласились с необходимостью срочного осуществления мер разоружения.

Кубинский кризис породил здравую мысль и у американского, и у советского руководства о том, что не худо бы им научиться договариваться друг с другом. В июне 1963 г. СССР и США подписали соглашение о «линии горячей связи», которой руководители обеих стран могли бы воспользоваться в кризисных ситуациях. В августе того же года был подписан Московский договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой.

Наконец, в середине 60-х годов в Комитете восемнадцати государств по разоружению и между его сопредседателями — СССР и США — завязались практические переговоры по подготовке Договора о нераспространении ядерного оружия (эта проблема обсуждалась и ранее, но из-за существенных расхождений в позициях сторон переговоров как таковых не велось). Кроме того, с 1964 г. американская сторона инициировала контакты с советской стороной, зондирующие возможность двусторонних переговоров в отношении стратегических вооружений (об этом — в следующей части).

Это может показаться парадоксальным, но кубинский кризис, стимулировав стремление сторон к переговорам о разоружении, в то же время дал сильный толчок гонке вооружений. Инициатором гонки выступило советское военное руководство. Считая, что Советский Союз, согласившись вывезти ракеты с Кубы, оказался униженным, оно видело причину этого унижения в том, что в то время у Советского Союза было в семнадцать раз меньше ядерного оружия, чем у США. Военные требовали новых и новых вооружений, военная промышленность поддерживала

³⁸ International Herald Tribune, 28 October 1982.

эти требования, Хрушев, чьи внутренние позиции сильно пострадали в результате кубинского кризиса, шел им навстречу, и новые военные программы росли, как грибы после дождя. Американский военно-промышленный комплекс тоже не сидел сложа руки, и США отвечали своими новыми программами вооружений. Уже накопленного ядерного оружия было достаточно, чтобы несколько раз уничтожить весь земной шар, а безумная гонка продолжалась.

Конечно, фехтование на пропагандистских шпагах не прекратилось. По-прежнему каждая сторона стремилась к тому, чтобы заработать политические очки. Но та безудержная демагогия, которая сопровождала обсуждение всеобщего и полного разоружения, поутихла. Правда, этот вопрос продолжал фигурировать в повестке дня Комитета восемнадцати в качестве важнейшего. При этом ни советская сторона, ни американская формально не снимали своих предложений о заключении договора о всеобщем и полном разоружении. Но все-таки завязавшиеся переговоры о нераспространении сильно изменили обстановку и отвлекли внимание от пропаганды к практическим и реальным делам.

Комитет по разоружению

Я впервые прибыл в Женеву в составе советской делегации в Комитете восемнадцати в феврале 1967 г., когда в Комитете как раз и начиналась новая эпоха. Нашей делегацией в то время руководил посол А.А. Рощин, только что назначенный на этот пост вместо уехавшего послом в Бонн С.К. Царапкина.

Служебным помещением для делегации служила вилла на территории советского представительства при Европейском отделении ООН. В то время территория представляла собой довольно неухоженный, но симпатичный парк. Начиналась женеvская весна. Почки, листочки, чирикание птичек и т.д. Идиллия.

Заседания Комитета происходили во Дворце Наций, в зале, где некогда заседал Совет Лиги Наций³⁹. Много, очень много времени

³⁹ Комитет восемнадцати государств по разоружению возник в 1962 г. как преемник Комитета десяти государств по разоружению (1960). В 1969 г. он был расширен и стал называться Конференцией комитета по разоружению (1969–1978). После дальнейшего расширения и реформирования этот орган многосторонних переговоров по разоружению стал называться просто «Комитетом по разоружению».

пришлось мне провести в этом помещении, стены и потолок которого украшены впечатляющей живописью испанского художника Хосе Мариа Серта. Рушащиеся стены и колонны, какие-то огромные зубчатые колеса, разбегающиеся в панике люди... Фантазмагорические сцены эти привлекали особое внимание во время какого-нибудь особенно занудного выступления.

Начал я как «заднескамеечник» в феврале 1967 г., а покинул многостороннюю дипломатию в апреле 1987 г. из «первого», т.е. посольского, кресла.

Вместе со мной рос и Комитет по разоружению. Постепенно увеличивался его состав, менялось название. Сначала он превратился в Конференцию комитета по разоружению. «Конференция комитета» — сочетание странное, не поддающееся логическому объяснению, но таков был компромиссный результат сложных переговоров. Потом логика восторжествовала, и он стал просто Комитетом по разоружению, каковым остается и по сей день. Сейчас в его составе — порядка семидесяти государств, если не больше. Да еще с десятков государств присылает наблюдателей на его сессии. Есть еще много претендентов войти в Комитет, членство в нем престижно, добавляет политического веса. А заседает он по-прежнему в зале Лиги Наций.

Помимо заседаний Комитета пришлось мне много времени провести и на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, и на заседаниях различных органов МАГАТЭ в Вене, и на многих и многих международных конференциях. Все это было многосторонней дипломатией.

Что же это такое — многосторонняя дипломатия?

Не думаю, что нужно давать какое-либо определение многосторонней дипломатии. По-моему, это и так ясно. Да и пишу я не теоретический труд. А вот на некоторых особенностях этой дипломатии остановиться стоит.

Как и в двусторонней дипломатии, здесь присутствует как и стремление достичь каких-то реальных договоренностей, так и «игра на публику», т.е. ставка на пропагандистский эффект. Причем в многосторонней дипломатии этого последнего значительно больше, чем в двусторонней. В самом деле, если двое о чем-то договариваются и хотят сохранить свою договоренность в тайне от других, им это сделать значительно проще, чем трем, четырем и т.д. сторонам. При разглашении двусторонней договоренности ясно, кто это сделал. В случае с многосторонней договоренностью доказать,

кто ее разгласил, практически невозможно. Можно подозревать, предполагать, догадываться, но виновник разглашения всегда может отпереться от обвинений ссылкой на других предполагаемых разгласителей. Поэтому когда порядок проведения какого-либо мероприятия объявляется закрытым, это лишь означает, что журналисты в зал заседания не допускаются. Но любая делегация может найти подходящий способ передачи в средства массовой информации любых сведений о состоявшемся заседании. Естественно, в максимально выгодном свете характеризующем ее позицию.

Вот эта открытость многосторонней дипломатии сильно осложняет достижение конкретных результатов в ходе многосторонних переговоров. Каждая сторона заботится в первую очередь о том, как будут восприняты ее слова и действия на переговорах общественным мнением ее страны, как это скажется на политических позициях правящей партии и т.д. А если учесть, что в переговорах могут принимать участие несколько десятков стран (как, например, в Комитете по разоружению), то легко можно представить себе те сложности, которые возникают на многосторонних переговорах.

На двусторонних переговорах, выслушав какое-то предложение противоположной стороны, принять которое не позволяют имеющиеся у тебя инструкции, ты можешь прямо сказать об этом. Конечно, твои партнеры могут обвинить тебя в несговорчивости и в саботировании договоренности, но, если переговоры ведутся конфиденциально, они сделают это за столом переговоров как бы в порядке предупреждения, что в дальнейшем они могут предать тебя анафеме и публично⁴⁰.

На многосторонних переговорах дело обстоит несколько сложнее. Ведь ты и там не можешь действовать вопреки своим инструкциям. Но, высказывая отрицательную реакцию на неприемлемые предложения других сторон, приходится больше думать о том, чтобы на завтра в прессе не появились обвинения в адрес твоей страны в том, что она лицемерно ведет переговоры, на самом деле пытаясь сорвать их.

Сделать это можно разными способами. Прежде всего, конечно, нужно выдвинуть убедительные аргументы, которые покажут другим участникам переговоров порочность предложений, которые тебе пытаются навязать. Очень хорошо, если при этом ты еще

⁴⁰ Подробнее о тактике на двусторонних переговорах будет рассказано ниже.

сумеешь доказать вредность этих предложений для участвующих в переговорах третьих стран. Можно задать вопросы авторам предложений, уточняющие их суть. Твои вопросы покажут, что ты всерьез относишься к предложениям, хочешь их изучить, но они еще не доработаны, туманны, а вот, мол, когда они станут более ясными и зрелыми, тогда можно будет и поговорить о них.

Существуют и другие приемы и тактические уловки, применяемые на многосторонних переговорах. Часто используются чисто процедурные трюки: перенос заседания, снятие вопроса с рассмотрения и т.д. и т.п. Все это зависит от конкретной ситуации и от тех правил процедуры, которые действуют на данной конференции. Обо всем этом можно было бы рассказать, но это был бы совершенно другой жанр. Это был бы учебник по переговорам. Я же пишу сейчас отнюдь не учебник.

Здесь я ограничусь еще несколькими замечаниями, характеризующими многосторонние переговоры. Сам переговорный процесс, т.е. разного рода заседания, в сопоставлении с конечным результатом занимает значительно больше времени, чем на двусторонних переговорах. Ведь каждая сторона — а их много — должна изложить свою позицию, аргументировать ее и т.д. Особенно много времени занимает первоначальная стадия, когда каждая делегация представляет свою позицию. Обычно это — зачитывание заранее подготовленных текстов, т.е. процедура довольно долгая и утомительная, если не сказать нудная. Но, наконец, на многосторонних переговорах наступает стадия живой дискуссии, когда требуется быстрая реакция на происходящее — бывает важно вовремя взять слово и повернуть дискуссию в более выгодном для тебя направлении, какой-нибудь репликой «срезать» зарвавшегося оппонента и т.д. Конечно, эта часть переговоров наиболее интересна, она порой напоминает азартную игру.

Впервые я почувствовал по-настоящему вкус к многосторонним переговорам, когда оказался в «первом кресле». Это произошло задолго до того, как я был назначен послом и главой делегации. В «первом кресле» может оказаться любой сотрудник делегации, которому поручается выступать от имени делегации.

В 1975 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН в Женеве собралась группа экспертов по безъядерным зонам, и я был там советским экспертом. Конечно, за моей спиной сидели два-три помощника. И они, разумеется, помогали. Подсказывали аргументы, искали в документах прецеденты и ссылки, шушукались

с экспертами других стран. Но все-таки все решения на заседании — по тактике, процедуре и т.д. — должен был принимать тот, кто сидел в первом кресле, т.е. я. И, должен сказать, что это было совсем не просто.

Официальной целью группы было обобщить опыт, который уже имелся, для стимулирования создания безъядерных зон в различных регионах мира. К тому времени имелась одна такая зона — в Латинской Америке⁴¹. Договор о такой зоне не был заключен в 1967 г. по инициативе Мексики и некоторых других латиноамериканских стран, чтобы помешать Бразилии и Аргентине обзавестись собственным ядерным оружием. Дело в том, что каждая из этих двух латиноамериканских стран начала осуществлять свою собственную программу по созданию ядерных взрывных устройств.

Не хочется утомлять читателя чрезмерными деталями, но без, по крайней мере, общей характеристики Договора о безъядерной зоне в Латинской Америке не обойтись. Кстати, обычно для кратости этот Договор называется Договором Тлателолко — по тому району столицы Мексики Мехико, где он разрабатывался.

Итак, Договор Тлателолко запретил государствам-участникам испытание, применение, производство, приобретение, хранение, развертывание ядерного оружия или обладание им в какой-либо форме. С другой стороны, ядерные государства должны были принять обязательства уважать статус безъядерной зоны в Латинской Америке (т.е. не мешать участникам зоны соблюдать свои обязательства) и не угрожать ядерным оружием и не применять его против государств-участников зоны. Обязательства участников излагались в тексте самого Договора, а встречные обязательства ядерных государств — в специальном протоколе к нему («Протокол 2»⁴²).

В 1975 г. Советский Союз был единственным ядерным государством, не подписавшим Протокол 2. Одним из существенных мотивов, по которым была создана группа экспертов по безъядерным зонам, было стремление оказать на нас соответствующее политическое давление.

⁴¹ Здесь речь идет только о безъядерных зонах в населенных частях земного шара. Антарктида, дно морей и океанов и космос тоже в соответствии с международными договорами имеют безъядерный статус.

⁴² Протокол 1 относился к тем государствам, которые имели колониальные владения в Латинской Америке, т.е. к США, Великобритании, Франции и Нидерландам, и предусматривал распространение на эти владения безъядерного статуса.

Моя задача в качестве советского представителя в группе экспертов по безъядерным зонам заключалась в том, чтобы всячески демонстрировать положительное отношение Советского Союза к безъядерным зонам вообще (т.е. к тем зонам, которых не было) и обосновывать отрицательное отношение к единственной существовавшей в то время латиноамериканской зоне. Но одно дело иметь такую общую установку, а совсем другое — осуществлять ее на практике перед лицом трех десятков экспертов, которые очень грамотно и логично доказывают тебе, что латиноамериканская безъядерная зона — это существенный вклад в дело уменьшения ядерной опасности.

Было несколько официальных причин, по которым Советский Союз отвергал Договор Тлателолко (об этом немного позже). Но была и причина, о которой вслух не говорилось, но именно она блокировала все попытки изменить отрицательное отношение Советского Союза к этому договору. Она заключалась в категорическом отказе Кубы стать участником латиноамериканской безъядерной зоны.

Кубинцы проявляли большой интерес к ядерным делам: готовили с нашей помощью специалистов по мирному использованию ядерной энергии, построили, опять же с нашей помощью, небольшой ядерный реактор. Но даже если в самом начале кто-то на Кубе и лелеял мечту обзавестись собственным ядерным оружием, вскоре им стало ясно, что собственных ресурсов для этого у них нет, а советские товарищи в этом деле им ни в коем случае не помогут. Тем не менее, до середины 90-х годов Куба отвергала договор, выдвигая в качестве предварительного условия своего участия в нем ликвидацию на Кубе американской базы Гуантанамо⁴³. Как бы ни было нереально это требование, оно, тем не менее, отражало то, что кубинцы рассматривали принятие на себя безъядерного статуса в контексте своих отношений с США.

Видимо, с учетом того конфуза, который получился в результате неудачной попытки разместить советское ядерное оружие на Кубе, советское руководство проявляло определенную деликатность, солидаризируясь с кубинцами в отношении латиноамериканской безъядерной зоны.

В качестве официальных причин отказа от Протокола 2 Советский Союз ссылался на недостатки Договора Тлателолоко. Во-первых,

⁴³ Куба подписала Договор Тлателолко в 1995 г. и ратифицировала в 2002 г.

договор, запрещая ядерное оружие на территории зоны и определяя его как любое взрывное ядерное устройство, в то же время допускал осуществление участниками договора мирных ядерных взрывов. Это было безусловное противоречие, на которое участники договора пошли, чтобы не закрывать дверь для участия в договоре Аргентины и Бразилии, которые в то время имели ядерные программы, объявленные как мирные. Во-вторых, действие договора предполагалось распространить на обширные пространства Мирового океана — далеко за пределы территориальных вод латиноамериканских стран, что ограничивало бы свободу морского судоходства (в практическом плане — свободу плавания подлодок с ядерным оружием). И, наконец, в-третьих, запрещая испытания, применение, производство и приобретение ядерного оружия участниками зоны, договор ничего не говорил о запрете его транспортировки в пределах зоны или транзита через нее (запрет или разрешение на транзит оставался на усмотрение каждого государства, через чью территорию он предполагался). Эта «дырка» оставляла, в частности, возможность для США провозить ядерное оружие через Панамский канал.

В общем эти советские претензии были далеко не беспочвенны, хотя, конечно, дипломатия она на то и дипломатия, чтобы находить пути обхода, казалось бы, непреодолимых препятствий.

Главным «мотором» в продвижении Договора Тлателолко на международной арене был Альфонсо Гарсиа Роблес. Личность, безусловно, выдающаяся. Крупнейший мексиканский юрист и дипломат, он играл лидирующую роль в разработке договора, был много лет представителем Мексики в Комитете по разоружению, одно время занимал пост министра иностранных дел Мексики. Его последовательность, настойчивость и самоотверженность в отстаивании идей мира и разоружения снискали ему широкую международную известность. Совершенно заслуженно он стал впоследствии Нобелевским лауреатом.

Надо сказать, Роблес не был ни хорошим оратором, ни приятным собеседником. Он закатывал длиннейшие выступления с большим количеством утомительных цитат, занудно произнося их своим медлительным скрипучим голосом, с назидательными интонациями. Причем не имело значения, зачитывал ли он свои выступления по бумаге или импровизировал. На случай импровизированных выступлений у него всегда был под рукой его толстенный портфель с заранее заготовленными на все случаи цитатами. Вне заседаний — на приемах, обедах и прочих «протокольных

мероприятиях» он мог говорить только о деле, превращая свою частную беседу в продолжение заседания.

В то же время ребята из мексиканской делегации, признавая замечательные качества Роблеса, отзывались о нем тем не менее, только в превосходной степени — о его уме, образованности, высокой порядочности и — это меня первоначально особенно удивляло — о его душевной теплоте. Поближе познакомившись с Роблесом, я во многом согласился с этими оценками.

О том, как он «пробивал» Тлателолко, расскажу следующую историю. Как-то в Женеве во время сессии Комитета по разоружению зимой 1978 г. на одном из ланчей я оказался соседом Роблеса (в то время я был заместителем главы делегации). Посетовав на то, что Советский Союз остается единственной ядерной державой, не подписавшей Протокол 2 Договора Тлателолко, он, тем не менее, признал, что советские возражения против Тлателолко являются вполне обоснованными. А затем он, как бы размышляя вслух, стал рассуждать, как Советский Союз мог бы подписать и ратифицировать Протокол 2 без ущерба для своей позиции, сделав различные заявления и оговорки.

Конечно, любое ядерное взрывное устройство легко может быть превращено в оружие, — рассуждал Роблес. Но ведь Советский Союз может заявить, что он будет рассматривать использование ядерных взрывных устройств в мирных целях участниками договора как его нарушение. Именно так уже сделали США, Англия и Франция. Распространение зоны на пространства Мирового океана? Помилуйте, — говорил Роблес, — когда это еще будет, да и будет ли вообще? Ведь это распространение оговорено столькими условиями, что цель становится весьма проблематичной⁴⁴. Да, в конце концов, если Советский Союз заявит о непризнании широкой зоны действия Договора Тлателолко, никто не сможет заставить его ее соблюдать, если и когда она станет реальностью. В отношении транспортировки сами латиноамериканские страны дали уже толкование в том смысле, что договор, хотя и не упоминает транспортировку, запрещает ее. Советский Союз может поддержать это толкование. Ну, а что касается транзита, опять-таки Советский Союз может заявить, что будет рассматривать его как нарушение безъядерного статуса и что, если это нарушение случится, он выйдет из Протокола 2.

⁴⁴ Действительно, латиноамериканская безъядерная зона до сих пор ограничена территориями ее латиноамериканских участников.

Здесь рассуждения Роблеса даны, разумеется, в очень кратком, суммированном виде. Вся наша беседа продолжалась часа два.

Идея подписания Советским Союзом Протокола 2 показалась мне очень привлекательной, а юридические хитрости, подсказанные Роблесом, давали возможность пойти на подписание без ущерба для позиции Советского Союза. Должен здесь пояснить, что приближалась первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, посвященная разоружению. Она готовилась как очень важное событие, которое, по замыслу ее инициаторов — группы неприсоединившихся стран, должна была заставить ядерные державы, прежде всего США и Советский Союз, остановиться в своем ядерном безумии. Понятно поэтому, что любая мирная инициатива Советского Союза, особенно в ядерной области показывала бы, какие мы хорошие в отличие от американских империалистов.

Записав беседу с Роблесом, я пошел с ней к главе делегации В.И. Лихачеву. Он был назначен на этот пост недавно и не очень разбирался в разоруженческих тонкостях. Но поскольку он раньше занимался латиноамериканскими делами (был послом в Венесуэле), а еще раньше был помощником А.А. Громыко, Лихачев твердо знал, что ни в коем случае нельзя обижать кубинцев, наш Министр этого не потерпит. И он мне об этом прямо сказал, наотрез отказавшись направить в Москву телеграмму с предложением подписать Протокол 2 (на тех условиях, которые я обсуждал с Роблесом).

Вернувшись после сессии Комитета в Москву, я изобразил идеи Роблеса в виде докладной Министру. А чтобы учесть кубинский аспект, в проект советского заявления было добавлено, что любой акт агрессии, совершенный государством-участником договора при поддержке государства, обладающего ядерным оружием, будет рассматриваться Советским Союзом как несовместимый с безъядерным статусом зоны и может повлечь за собой выход СССР из Протокола 2.

Руководство ОМО идею изменения отношения к Договору Тлателолко одобрило, но вымарало из записки ссылку на Роблеса («Министр его терпеть не может, любое упоминание Роблеса может загубить хорошую идею»). Вскоре записка вернулась с согласием А.А. Громыко и его указанием подготовить материалы для Политбюро. Машина завертелась, и в самый разгар спецсессии — 18 мая 1978 г. — Советский Союз подписал Протокол 2, сделав все те заявления и оговорки, о которых говорилось выше.

Этот шаг был очень хорошо воспринят «третьим миром», особенно латиноамериканскими странами и, вместе с другими советскими «конфетками» (отказ от применения первым ядерного оружия, гарантии безопасности неядерным странам и др.), помог нам выдержать экзамен на миролюбие. Впрочем, уже через полтора года, со вводом советских войск в Афганистан, все это пошло на смарку. Но это уже другая история.

Оглядываясь на «многосторонний» период моей профессиональной жизни, могу сказать, что был он чрезвычайно интересным. Люди, с которыми приходилось общаться, представляли различные страны, принадлежали к различным цивилизациям. Это раскрывало глаза на мир. И при всех своих индивидуальных особенностях это были в основном приличные и интересные люди. Общаясь с ними, я узнавал много нового. Вот, например, кое-что о моих тогдашних встречах.

Одно время заместителем главы американской делегации был Алекс Акаловский. Потомок русских эмигрантов «первой волны», т.е. покинувших Россию после Гражданской войны, он настолько хорошо сохранил русский язык, что несколько лет работал переводчиком на высшем уровне» (по его выражению, был американским «почти Суходревым»⁴⁵). Он иногда вспоминал случаи из своего переводческого прошлого. Вот один из его рассказов.

Во время первого визита Н.С. Хрущева в США в 1959 г. Акаловский сопровождал его во время поездки по стране. И вот, прибывают они в какой-то небольшой провинциальный городок, где мэром был еврей — выходец из России — южной ее части. Естественно, встреча с хлебом-солью, застолье с водкой и малосольными огурцами и прочие российские атрибуты. Во время обеда мэр вспоминал свою жизнь в «черте оседлости».

⁴⁵ Для тех, кто не помнит: более четверти века Виктор Суходрев работал с Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым и А.А. Громыко, восхищая англо-язычных собеседников и журналистов не только блестящими переводами, но и тем, что англичанам он переводил на изысканном British-English, а американцам — на American-English, передавая все специфические особенности американского наречия. Со своей стороны, я как читатель записей бесед высокопоставленных персон, которые делал Виктор, всегда воздавал должное его умению передать суть беседы, что требовало, помимо совершенного знания языка, прекрасного владения предметом беседы. Поясняя: на многих конфиденциальных беседах, помимо высоких собеседников и переводчика, вообще никто не присутствовал.

Другим источником интересных историй был переводчик американской делегации по фамилии Родзянко. Он был правнуком председателя Государственной Думы, лидера октябристов Д.В. Родзянко. Сомнений в их родстве не могло возникнуть хотя бы по причине внешнего сходства — правнук был такой же крупной комплекции, как и его прадед, который сам себя называл «самым крупным человеком в России», а его заклятый враг Г. Распутин иначе как «толстопузым» не именовал.

Так вот Д.В. Родзянко в 1917 г. сыграл важную роль в отречении Николая II (пытаясь спасти монархию, он настаивал на отречении Николая Второго в пользу малолетнего Алексея под регентством брата Николая — Михаила Романова). А после Гражданской войны он оказался в эмиграции в Югославии. Будучи до революции крупным землевладельцем, Родзянко потерял все и в эмиграции жил на пособие, за которым ездил в Белград. Однажды в 1924 г., возвращаясь оттуда, он столкнулся в поезде с группой российских эмигрантов-офицеров. Узнав бывшего председателя Думы, считавшегося несмотря на свой монархизм одним из главных виновников краха монархии, они его избили и выбросили из поезда на полном ходу.

Так закончилась жизнь одного из столпов Российской Империи. Это был один из трагических случаев, когда наиболее умные и дальновидные сторонники сохранения монархии в России становились жертвами тупой фанатической злобы тех, кто хотел сохранения в России своих привилегий, не считаясь с происходившими изменениями. В результате они не только потеряли все, но и ввергли Россию в катастрофу. Впоследствии, познакомившись с потомком русских эмигрантов, родившегося и выросшего во Франции, а потом попытавшегося жить в Советском Союзе, я услышал от него интересное наблюдение: самые глупые аристократии в мире — это российская и французская, потерявшие из-за своей тупости свою основу — монархию. Думаю, что российская аристократия все-таки оказалась намного глупее французской. Черт с ней, с монархией, но из-за тупости российской аристократии Россия понесла огромный материальный и культурный урон, не говоря уж о колоссальных человеческих жертвах.

Интересной фигурой среди моих коллег на Конференции по разоружению был представитель ГДР посол Фердинанд Тун. А в Швейцарии есть городок, который называется Тун. Как-то раз я шутя спросил его, не имеет ли он отношения к этому городу.

На что он вполне серьезно ответил: «Скорее нет, чем да, поскольку те Туны, которые построили замок, вокруг которого впоследствии возник швейцарский городок, откололись от нашей фамилии еще в тринадцатом веке. А наш фамильный замок находится в Судетах. Он существует до сих пор, я его недавно посетил, там сейчас дом отдыха Министерства обороны Чехословакии». И далее он поведал свою историю, которая вкратце такова.

Действительно, он происходил из древнего графского рода. Во время войны, сражаясь на Восточном фронте, попал в плен, где провел несколько лет. Там он научился хорошо говорить по-русски, проникся симпатией и интересом к России (как он говорил, к его изумлению, русские относились к немецким военнопленным лучше, чем друг к другу) и стал коммунистом. После освобождения остался в ГДР, хотя его родители и все остальные родственники жили в ФРГ.

Чувствовалось и по отношению к нему других гедеэровцев, да и по его недомолвкам, что своим в ГДР он не стал. Тем не менее, после Женевы он получил назначение в Тегеран, где тогда правил шах. А Иран всегда был для Германии ключевой страной на Ближнем Востоке. По всей видимости, власти ГДР использовали аристократическое происхождение Фердинанда Туна для установления более близких контактов с шахом и его окружением.

Подобные воспоминания о людях и событиях, связанных с моей работой на Конференции по разоружению, можно было бы продолжать и далее. Много забавного было и внутри нашей собственной делегации с чисто бытовой точки зрения.

В те славные времена, когда я еще не занимал руководящих постов и, следовательно, мой рабочий график не требовал максимально быстрого перемещения во времени и пространстве, я мог себе позволить путешествовать в Женеву и обратно на поезде и даже — иногда (три раза!) — на машине. Прямого железнодорожного сообщения между Москвой и Женевой не было, поэтому использовались два маршрута с пересадками: Москва — Вена — Цюрих — Женева и Москва — Париж — Женева. В результате можно было целый день провести либо в Вене, либо в Париже. Венский маршрут стоил подешевле, поэтому валютно-финансовые органы настаивали именно на нем. Но, несмотря на прелести Вены, Париж манил сильнее. Поэтому была изобретена необходимость доставки в Женеву и обратно «диппочты», которую везли не профессиональные «дипы», а сотрудники делегации. Естественно, для диппочты должен быть обеспечен

максимальный режим безопасности, требовавший минимума пересадок, когда врагу легче всего похитить почту. Поэтому диппочта, а с нею два сотрудника делегации следовали через Париж.

Делегационная «диппочта» состояла из нескольких пишущих машинок (их почему-то регулярно возили туда и обратно), двух-трех ящиков с «представительскими» продуктами (водка, коньяк, икра, крабы) и какого-то набора макулатуры, которая если сразу и не выкидывалась, то уж точно никем не читалась. Все это засовывалось в зеленые брезентовые мешки — «вализы», на которых болтались внушительные сургучные печати. При этом выдавалась бумага («лесе пасе»), удостоверявшая дипломатическую неприкосновенность груза. По правилам транспортировки диппочты полагались «макаровы» («куроч — аж палец свел»), но от них удавалось уклоняться. Благодаря этому мне удалось, многожды посетив Париж, ознакомиться с его основными культурными и гастрономическими достопримечательностями. Да здравствует Теодор Нетте, человек и пароход!

Разумеется, пары дипкурьеров подбирались на основе принципа психологической совместимости. Примерно после Кунцева началась подготовка стола. Понятно, что главные деликатесы каждого путешественника — это вареная курица и крутые яйца. Если к ним еще есть огурцы (свежие или соленые — в зависимости от времени года), то это уже нечто. Бутылка расупоривается в самый последний момент — когда все уже разложено, порезано и посолено, т.е. готово к употреблению. И под мерный перестук колес потекла неторопливая беседа. А там, глядишь, и Смоленск уже проехали.

И вот однажды в Женеве, когда уже приближался конец командировки, выяснилось, что мой напарник вынужден срочно, по каким-то личным причинам отбыть в Москву самолетом. И вот подходит ко мне представлявший в нашей делегации Украину Иван Грищенко и говорит: ни разу не был в Париже, а так хочется. Возьми меня, говорит, с собой в пару. Отчего же не взять? Парень компанейский. К тому же в шахматы хорошо играет, в поезде время хорошо скоратаем, да, глядишь, и подучусь у него дебютам-эндшпилям.

Прибываем мы с ним в Париж, встречают нас на Лионском вокзале посольские молодцы и везут на рю де Гренель. По дороге строим планы, что посетим сегодня, а что завтра (поезд на Москву отходит завтра вечером). Поселяют нас в помещение, предназначенное для «дипов», мы переодеваемся, готовясь к встрече

«праздника, который всегда со мной». В это время в квартиру (она многокомнатная) вваливается еще пара «дипов», настоящих, следующих куда-то в Африку. Знакомимся. Ну, со знакомством, сами понимаете, «по маленькой». Сначала одна сторона угощает, потом другая отвечает. А на столе стоят две шахматные доски и шахматные часы — забота о досуге дипкурьеров.

Садимся играть двое надвое. Ивану попался крепкий орешек. Мой послабее, примерно на моем уровне. Игра идет с переменным успехом, счет меняется то в ту, то в другую сторону. А шахматные блиц-пятиминутки, если кто не знает, это азартнее любой карточной игры. На дворе спускаются сумерки. Помня о гастрономических достопримечательностях Парижа, я робко предлагаю: «Может, выйдем перекусим?». «Да что время терять, — говорит один из “дипов”, — у нас еще московская закуска осталась».

Спать легли, когда над Парижем поднимался рассвет. Просыпаясь, думаю со страхом: «Неужели опять сейчас играть?». Но, нет. Дипы улетели по своему африканскому маршруту, будить нас не стали. Ивану предстоит встреча со своими киевскими коллегами. Договариваемся увидеться на вокзале.

Время для кофе с круассанами давно прошло.

Ну, а с Иваном мы всю дорогу до Москвы играли в шахматы. Шахматная бацилла нас не отпускала.

Накануне перемен

Советскую делегацию на первой спецсессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению возглавил А.А. Громыко. Он выступил в общих прениях, повстречался в двустороннем порядке с главами многих делегаций, собравшихся на спецсессию (в основном премьер-министрами и министрами иностранных дел) и уехал в Москву. Руководить делегацией остался заместитель министра Анатолий Гаврилович Ковалев. Поскольку ОМО не входил в сферу, которую «курировал» Ковалев, мне ранее не приходилось с ним работать. Но слышал я о нем немало. Здесь, в Нью-Йорке, мне пришлось наблюдать его в тесном рабочем контакте.

Мое первое впечатление было не в пользу Ковалева. Сбивчивая, маловразумительная речь, какие-то нервные жесты, слабое рукопожатие потной ладонью — все это как-то не располагало к нему. Первое же его распоряжение, с которым я столкнулся, по просту поставило меня в тупик. Он распорядился не знакомить

с директивами тех сотрудников делегации, которые непосредственно вели переговоры. Вместо этого мы получали от него инструкции на каждый предстоящий день — на что соглашаться, а что отметить. Понятно, что идея Ковалева заключалась в том, чтобы исключить разглашение «развязок» (запасных позиций), предусмотренных директивами, чтобы выложить их под занавес, предварительно выторговав у оппонентов как можно больше уступок. Но дело-то в том, что переговорщиками были как раз те, кто писал эти директивы и сочинял «развязки», т.е. запасные позиции. И мы прекрасно знали, что ушедшие из МИДа в Политбюро предложения о нашей позиции на спецсессии были утверждены без изменений.

Познакомившись с Ковалевым в дальнейшем поближе, я понял, что это был умный, хитрый и осторожный человек, прекрасно владевший искусством «внутренней дипломатии». Конечно, он понимал, что мы хорошо знаем директивы. Скорее всего его запрет на ознакомление с директивами был демонстрацией его жесткости перед высокопоставленными членами делегации, представлявшими другие ведомства, прежде всего КГБ. По-видимому, у него еще не зажили раны, полученные им от битвы за хельсинкские договоренности по правам человека (об этом я уже упоминал).

Интересной особенностью Ковалева были так называемые «бормотухи». Давая поручение сотруднику что-нибудь написать (телеграмму, выступление и т.д.), он, непрестанно куря, прикуривая следующую сигарету от предыдущей и при этом литрами поглощая черный кофе, наборматовывал нечто неразборчивое и бессвязное. Когда я впервые попал на ковалевскую «бормотуху», моей первой реакцией было возмущение тем, как можно так неряшливо и бессвязно давать указания. Потом сквозь шелуху междометий и уходов в какие-то непонятные стороны я стал улавливать блестящие идеи. И в общем должен сказать, несмотря на странную форму, его «бормотухи» всегда содержали мысли с нюансами и подтекстами.

Осознавая труднодоступность своих «бормотух» для новичка, он всегда спрашивал в конце: «Все ли поняли?». И если получал ответ «нет, не все», терпеливо, хотя столь же путанно, объяснял непонятое.

Выступать Ковалев не умел и всячески избегал публичных выступлений. В крайнем случае, когда избежать выступления было нельзя, зачитывал текст по бумажке. Но писать бумаги был великий виртуоз.

Да, я еще не рассказал, что Ковалев писал лирические стихи, причем вполне профессионально. Он их публиковал, а на некоторые из них нашими эстрадными звездами исполнялись шлягеры. По-моему, своей поэтической деятельности он придавал не меньшее значение, чем внешнеполитической.

Как-то во время чернобыльской катастрофы в мае 1986 г. я пытался прорваться к Ковалеву с каким-то очень срочным вопросом (более подробно о роли МИДа в связи с Чернобылем я расскажу ниже). Ковалев же, видимо, был занят еще более срочным делом. Оберегавший врата его кабинета помощник, преградив мне путь, воскликнул: «Да что вы, что вы! Анатолий Гаврилович велел никого не пускать к нему. Он разрешил соединять его по телефону только с членами Политбюро и Аллой Борисовной!». Видимо, в то время Алла Борисовна (Пугачева, конечно) готовила к исполнению очередное поэтическое произведение Анатолия Гавриловича.

В 1978 г. на совещании заместителей министров иностранных дел социалистических стран в Берлине (перед спецсессией по разрушению) нашу делегацию разместили в уютном особнячке в правительственном квартале города. После заседания и ланча Анатолий Гаврилович удалился передохнуть в свой апартамент, а его помощник поставил на стоявший в холле проигрыватель какую-то пластинку и включил звук чуть ли не на полную мощность. Кресла в холле были удобные, покидать помещение не хотелось, но и оставаться при бьющих по ушам децибеллах было тяжело. «Не помешает ли отдыху шефа столь громкий звук?» — намекнул я на желательность более низкого уровня воспроизведения грамзаписи. Помощник посмотрел на меня как на полного несмышленища. «Да это же песня на слова Анатолия Гавриловича! Для него лучший отдых услышать свои песни». Не помню, как назывался этот шлягер, но хорошо запомнил, что женский голос все время повторял страстный призыв: «Дай губы мне!». У меня на языке вертелось сказать, что не лучше ли проигрыватель перенести в комнату Анатолия Гавриловича. Однако я вовремя сообразил, что для автора, видимо, важно не только услышать свои песни, но и знать, что их любит народ, в данном случае сотрудники делегации.

Американцы не привезли на спецсессию каких-либо выигрышных идей и предложений, но зато включили в состав своей делегации популярного киноактера Пола Ньюмена и мамонта американской дипломатии Аверелла Гарримана. Пол Ньюмен демонстрировал ослепительные улыбки и раздавал автографы, а Гарриман,

видимо, самим своим присутствием должен был олицетворять интеллектуальную мощь и респектабельность американской дипломатии. Но уже тогда, хотя в президентском кресле еще сидел Джимми Картер, с американской стороны потянуло холодным ветром: Пентагон закладывал новые программы вооружений и им требовалось соответствующее пропагандистское обеспечение. Подписанный в 1979 г. советско-американский Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) так и не был ратифицирован американским сенатом. Сенаторы, ссылаясь на «несбалансированность» договора, его явно не хотели. Советский Союз сильно им помог в этом, начав в декабре 1979 г. афганскую войну. Проект договора был отозван из сената. Избранный в 1980 г. президентом Рейган окончательно закрепил курс на конфронтацию. Международный небосклон все более затягивался темными тучами.

Тем не менее, переговорный процесс набрал столь большие обороты, что даже в те тяжелые для диалога времена прервался не сразу: в октябре 1980 г. начались советско-американские переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе, а в 1982 г. — по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Однако в конце 1983 г. и те и другие переговоры были прерваны, не приведя к каким-либо положительным результатам. Этот исход был предрешен нежеланием каждой стороны сделать первый шаг навстречу другой стороне.

Переговоры замерли. Договариваться стало не о чем. В Комитете по разоружению и на других сохранившихся международных форумах советские и американские делегации оттачивали свое полемическое мастерство. Первая половина 80-х годов осталась у меня в памяти как мрачная и крайне неприятная полоса. Работа международных форумов не только не вела к каким-либо полезным договоренностям и соглашениям, но часто превращалась в перепалки между западными и социалистическими странами.

Процесс пошел

К 1985 г. с обеих сторон стало наступать отрезвление. 12 марта 1985 г. начались советско-американские переговоры по ядерным и космическим вооружениям. А тут подоспела и советская «перестройка». В советской внешней политике стали выдвигаться новые подходы, освобождавшие ее от идеологических пут. Это именовалось новым мышлением. И хотя перестройка и новое мышление

пропагандировались с той же назойливостью, с какой незадолго до этого вдалбливались основы ленинизма и доказывался общий кризис империализма, безусловно, повеяло свежим ветром.

Правда, в начале на Западе к этому процессу отнеслись с большим подозрением, как к очередной большевистской хитрости. Но Маргарет Тэтчер и другие умные люди Запада скоро поняли, что грядут перемены.

Вскоре после избрания М.С. Горбачева Генсеком по МИДу поползли слухи о предстоящей смене министра. Называлось несколько имен — и из системы МИДа, и извне. Шеварднадзе среди них не было до самого последнего момента. Для большинства мидовцев его назначение было полной неожиданностью. И первое время отношение к нему в министерстве было очень настороженное.

Прямо скажу, меня многое возмущало в политике Шеварднадзе как президента Грузии. Но я пишу о Шеварднадзе — министре иностранных дел Советского Союза и хочу быть объективным. И я должен признать, что он, будучи абсолютным новичком во внешнеполитических делах, довольно скоро завоевал себе авторитет в министерстве (в данном случае я пишу о личностном восприятии Шеварднадзе и не собираюсь анализировать его внешнеполитическую деятельность⁴⁶).

Первое, чем Шеварднадзе произвел благоприятное впечатление на МИД, было то, что он не привел с собой «варягов». С ним в МИД пришел только один его помощник и спичрайтер Теймураз Степанов.

Правда, Шеварднадзе убрал из своего близкого окружения (из секретариата министра и Коллегии) «людей Громыко», причем, как правило, это были высококлассные профессионалы (у Громыко был хороший нюх на людей). Думаю, что наибольшей потерей для МИДа был уход первого заместителя министра Г.М. Корниенко.

⁴⁶ Эта деятельность основательно и весьма критично проанализирована Г. М. Корниенко в упоминаемых мною книгах, а также рядом других исследователей. Думаю, наиболее крупной ошибкой Шеварднадзе, плоды которой он пожинает до сих пор, было его согласие на вывод наших войск из Германии в абсолютно нереальные сроки. Западные военные, с которыми мне в свое время приходилось беседовать на эту тему в личном порядке, выражали свое удивление пзцией Шеварднадзе. В результате огромный воинский контингент оказался на новых местах дислокации на советской территории в совершенно неподготовленных для жизни условиях. Восстановив против себя Советскую армию, Шеварднадзе впоследствии, уже на посту президента Грузии, столкнулся с соответствующим отношением и российского генералитета.

Мне кажется, Шеварднадзе не хотел иметь под боком столь крупную и неудобную для себя фигуру, каким был Корниенко.

Но главное, за счет чего Шеварднадзе сумел приобрести авторитет в министерстве, заключалось в его способности довольно быстро освоиться в непростых и совершенно новых для себя вопросах. Вызывая к себе специалистов по различным международным проблемам, он буквально часами въедливо допрашивал их, делал какие-то пометки, задавал уточняющие вопросы. Руководя делегациями на переговорах сначала по запрещению химического оружия, а потом по сокращению стратегических вооружений, мне неоднократно приходилось докладывать Шеварднадзе очень сложные вопросы, имеющие долгую предысторию и тяжелую техническую фактуру, и каждый раз я находил в нем исключительно внимательного сначала слушателя, а потом и собеседника, который стремился постичь, и в конечном счете постигал эти вопросы и принимал по ним решения.

Очень важным этапом в изменении советской внешней политики стало сделанное 15 января 1986 г. М.С. Горбачевым заявление по вопросам разоружения, которое стало манифестом «нового мышления». Мне кажется, этот документ — несомненно, очень противоречивый — недостаточно проанализирован в нашей литературе. Попробую внести свой вклад.

В то время я работал заместителем заведующего отдела международных организаций, в ведение которого входили и вопросы разоружения. В связи с тем, что 31 декабря 1985 г. истек срок объявленного Советским Союзом одностороннего моратория на ядерные взрывы, было решено подготовить предложение о его продлении и о том, чтобы М.С. Горбачев сделал публичное заявление на этот счет.

В.Ф. Петровский, который был тогда заведующим отделом международных организаций, поручил мне возглавить небольшую группу для подготовки проекта заявления. Главная установка заключалась в том, чтобы придать документу «высокое политическое звучание». Нами изготавливались все новые и новые варианты заявления, но все они, как видно, звучали недостаточно высоко.

И вот, однажды прибывает В.Ф. Петровский в очередной раз из «высших сфер» и привозит указание подготовить программное заявление, которое включало бы в себя не только ядерные испытания, но и другие основные вопросы разоружения. Для выполнения этого задания была создана специальная бригада во главе

с В.Ф. Петровским, и работа закипела. На мою долю, помимо ядерных взрывов, достался также раздел по химическому оружию.

Подготовка заявления давала хороший шанс привлечь внимание высшей политической власти страны — а тогда она воплощалась в лице генсека ЦК КПСС — к тем проблемам, которые МИД безуспешно пытался решить путем межведомственного согласования. Мощнейшим оружием в руках Министерства обороны и ВПК была секретность. Для разговоров с представителями этих ведомств нам часто приходилось оперировать информацией о наших вооруженных силах и военном потенциале, публиковавшейся на Западе (за неимением у нас иной информации). Как я узнал впоследствии, когда завеса секретности стала не столь плотной, многие данные, появлявшиеся в западной печати, были довольно близки к истине. Однако иногда публиковались и сильно завышенные цифры, что давало основания военным и военно-промышленным оппонентам МИДа объявлять все западные данные о наших секретах провокационными. Кстати, начиная с конца 90-х годов некоторые «рассекреченные» бывшие сотрудники ЦРУ в своих публичных выступлениях признавали заведомую фальсификацию данных ЦРУ о советских вооружениях, которые сознательно завышались в целях увеличения американских военных ассигнований. Однако оценки независимых аналитических центров США, как правило, были близки к действительности.

И подготовка заявления М.С. Горбачева и потом выполнение содержащихся в нем предложений показали, что внешнеполитическая линия Горбачева — Шеварднадзе сталкивается с упорным сопротивлением военного и военно-промышленного руководства. Но в то время еще действовала сила партийной дисциплины. Еще никто не мог открыто выступить против генсека. Правда, в отличие от прежних времен, уже делались попытки переубедить его. Но если это не удавалось, внешне подчинялись, а потом топили «новое мышление» в бюрократической трясине.

По мере подготовки заявления в нем все меньше оставалось конкретных предложений, реально нацеленных на свертыwanie гонки вооружений и освобождение страны от ее бремени, и все более усиливалась пропагандистская сторона. Поэтому несмотря на некоторые вполне конкретные и весьма важные шаги, о которых было объявлено Горбачевым (например, продление моратория на ядерные взрывы), заявление было воспринято на Западе довольно сдержанно. Привыкшая к широким и утопичным программам разоруже-

ния — вплоть до «всеобщего и полного», — выдвижением которых всегда злоупотреблял Советский Союз, западная публика не спешила снимать шляпу перед «новым мышлением». Да и само заявление, несмотря на призывы к «новым, смелым подходам» и «новому политическому мышлению», несло на себе печать старых штампов.

Основным пропагандистским грузом в заявлении была программа ядерного разоружения к 2000 г. Конечно, идея освобождения человечества от ужасного разрушительного оружия благородна и красива. Но можно ли было всерьез рассчитывать на ее реализацию в то время, когда в основе военной доктрины США и НАТО лежала (и до сих пор лежит) концепция ядерного сдерживания? Именно ядерное оружие — тактическое и стратегическое — должно было в первую очередь противостоять советской военной армаде. Исходя из этой концепции, США, несмотря на проигрыш политических очков, не поддавались нашему нажиму и не шли на отказ от применения первыми ядерного оружия. Они заявляли, что применят его для отражения агрессии, независимо от того, какое оружие будет применено агрессором — ядерное или обычное.

С интересом узнал я из книги воспоминаний С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко о том, насколько глубоко и тщательно прорабатывалась программа ядерного разоружения в советском Генштабе⁴⁷. В частности, С.Ф. Ахромеев свидетельствует, что программа разрабатывалась в Генеральном штабе в течение 1984—1985 гг. с привлечением широкого круга специалистов. И изложена она была достаточно конкретно — в форме четкого расписания: конечно, в ней было три этапа (святое число) и, конечно, в качестве срока ее полного осуществления назывался год 2000 (круглая дата, да к тому же конец тысячелетия!).

По-видимому, главным результатом проработки Генштабом идеи ядерного разоружения был вывод о том, что безопасность Советского Союза не пострадает в безъядерном мире. При многочисленных и мощных вооруженных силах, которыми в то время располагал СССР, обычных вооружений, наверное, было достаточно. В этом смысле выдвижение нами предложения о полном ядерном разоружении не было блефом.

Но было одно «но»: как известно из бессмертной формулы Ильфа и Петрова, согласие есть продукт непротивления сторон.

⁴⁷ Ахромеев С., Корниенко Г. Глазами маршала и дипломата. М. : Международные отношения. 1992. С. 86-90.

А другая — американская — сторона исключала полностью такое «непротивление». США заведомо не могли обсуждать наше предложение, поскольку полное уничтожение ядерного оружия в принципе противоречило их основной концепции. Поэтому как бы тщательно наша программа ни прорабатывалась, она от этого не становилась более приемлемой для другой стороны, а, следовательно, более реалистичной и менее пропагандистской.

Очевидно, в Генштабе не могли не знать позицию США и, соответственно, не понимать, что серьезного разговора на эту тему не получится. Видимо, рассудили так: прижмем американцев, пусть покрутятся. Следовательно, исходили с самого начала из того, чтобы заработать политические очки. Кстати, сам С.Ф. Ахромеев признавал: «...Мы надеялись, что если и не удастся за предлагаемый срок полностью ликвидировать ядерное оружие на Земле, то можно будет значительно сократить его количество и уменьшить опасность ядерного противостояния, что тоже имеет значение»⁴⁸. Как видно из этой цитаты, начальник Генерального штаба все-таки имел сомнения по поводу реалистичности своего предложения, по крайней мере в отношении сроков его выполнения. Как показал в дальнейшем опыт выполнения обязательств по Договору о сокращении наступательных стратегических вооружений (СНВ-1), для уничтожения всего одной трети только стратегических носителей ядерных вооружений (договор не предусматривал уничтожения ядерных боезарядов) потребовалось семь лет. Да и то — американцы помогли. А ведь по советскому предложению 1986 г. предстояло уничтожить не только все стратегическое, но и еще и тактическое ядерное оружие. Причем не только средства доставки, но и боезаряды.

И тем не менее, это заявление стало первой попыткой М.С. Горбачева повернуть довольно резко руль внешней политики, чтобы изменить в благоприятную сторону отношение Запада к происходившим в Советском Союзе процессам. Однако, чтобы оно не превратилось полностью в пропагандистскую хлопшушку, необходимо было реализовать те конструктивные идеи, которые хотя и в затухшем виде остались в заявлении.

В МИДе была создана специальная межотдельская группа по наблюдению за осуществлением предложений от 15 января 1986 г. Ее основная задача заключалась в том, чтобы докладывать Э.А. Ше-

⁴⁸ Ахромеев С., Корниенко Г. Глазами маршала и дипломата. М. : Международные отношения. 1992. С. 88.

варднадзе, недавно назначенному министром иностранных дел, о заторах и о возможных путях их преодоления в повороте к позициям здравого смысла в деле разоружения. Я не знаю, по чьей инициативе была создана эта группа, но если бы ее не было, заявление от 15 января осталось бы очередной пропагандистской хлопушкой. Однако оно стало рычагом, с помощью которого осуществлялся важный и нужный поворот в советской политике.

В эту группу — от отдела международных организаций — был включен и я.

Впервые я увидел Э.А. Шеварднадзе на совещании этой группы. Не скрывая своей неосведомленности в обсуждавшихся вопросах, он дотошно и заинтересованно расспрашивал выступавших, стремясь схватить суть. Что-то записывал в блокнот.

Участники совещания не скрывали от министра, что заявление, которое замышлялось как документ эпохального значения, воспринимается западной аудиторией не адекватным этому замыслу. Да было видно, что и сам он знал об этом из тех материалов, которые ему докладывались помощниками. Знал и пытался доискаться до причин.

А причин было две: заведомая невыполнимость одних идей, прежде всего полного ядерного разоружения, и наши собственные действия, шедшие вразрез с выдвинутыми нами реальными и конкретными предложениями. И если первую причину можно было списать на то, что нужны какие-то долгосрочные цели, путеводные звезды, то вторую причину ничем нельзя было объяснить, кроме как нашими чисто внутренними нестыковками между словом и делом.

Ну, как, например, объяснить, почему мы, выступая на высшем уровне за скорейшее заключение конвенции о запрещении химического оружия, говоря о необходимости «свежего взгляда на вещи», на переговорах сохраняем старые, не поддающиеся объяснению позиции? Ведь до марта 1987 г. у советской делегации на Конференции по разоружению, где разрабатывалась конвенция о запрещении химического оружия, не было разрешения признать очевидное — что у Советского Союза есть химическое оружие и имелось предписание отводить предложения о международных проверках на местах. Такая ситуация сохранялась более года и после того, как М.С. Горбачев сделал свое заявление, в котором, в частности, говорилось: «Мы готовы обеспечить своевременное объявление местоположений предприятий по производству химического оружия

и прекращение его производства, начать выработку процедур по уничтожению соответствующей производственной базы, а также приступить, в скором времени после вступления конвенции в силу, к ликвидации запасов химического оружия. Причем все это осуществлялось бы под строгим контролем, включая международные проверки на местах»⁴⁹. Складывалось совершенно нелепое положение, когда делегация в силу своих устаревших инструкций по сути дела должна была вести себя прямо противоположно тому, что говорил высший руководитель государства. Только в марте 1987 г. делегация получила разрешение признать наличие в Советском Союзе химического оружия. Чтобы такое запоздавшее признание не выглядело слишком одиозным, это было сделано как бы между прочим: в очередном выступлении главы советской делегации было сказано, что, ну, мол, конечно, Советский Союз уничтожит свое химическое оружие, об чем, дескать, речь. Примерно тогда же была поправлена позиция и в отношении международных инспекций.

Эти и другие соображения я изложил в своем выступлении на совещании у Э.А. Шеварднадзе. Примеры того, как наши переговорные позиции расходились, а порой и противоречили тому, что декларировалось 15 января 1986 г., видимо, привлекли внимание Э.А. Шеварднадзе. Во всяком случае я отчетливо ощущал его интерес.

На том же совещании высказал я и идею о том, чтобы снять в качестве предварительного условия заключения Договора по стратегическим наступательным вооружениям требование о юридически оформленном отказе США (и СССР) от своего формального права на выход из Договора по ПРО, что означало бы их отказ от СОИ. Главный аргумент заключался в том, что само заключение Договора по СНВ будет расшатывать основу, на которой строили свою позицию сторонники СОИ. Видимо, эта идея совпадала с ходом мыслей Э.А. Шеварднадзе, хотя в то время он ее прямо и не поддержал. Однако в дальнейшем, когда я был назначен руководителем делегации на переговорах по ядерным и космическим вооружениям (1989 г.), эта идея стала частью нашей позиции, реализованной на встрече министров иностранных дел СССР и США в Вайоминге в сентябре 1989 г.

Что бы сейчас ни говорили и писали о М.С. Горбачеве, а в конце 80х годов он породил большие надежды в стране, уставшей от застоя, переходившего в маразм. Не берусь судить обо всем народе,

⁴⁹ Правда. 16 января 1986 г.

но в среде интеллигенции Горбачев был очень популярен в то время. Даже вину за антиалкогольную кампанию, нанесшую сильнейший удар и по без того дышавшей на ладан экономике страны, многие склонны были списать на дурные советы «плохих бояр» «хорошему царю». Да, вскоре отношение к нему сильно изменится. Отсутствии четкой линии в реформировании страны, ошибки, нерешительность, многословие начнут беспокоить и раздражать многих его сторонников. Но в 1986 году его звезда была в зените. И в это самое время происходит страшнейшая трагедия, последствия которой сказываются до сих пор, — Чернобыль.

Чернобыль

Взрыв на Чернобыльской АЭС, помимо тяжелейших и многочисленных внутренних проблем, вызвал и большие международные сложности для Советского Союза. В европейских странах справедливо опасались радиоактивных последствий. А во всем мире зрел вопрос: а способны ли вообще эти варвары, то есть мы, иметь дело с атомной энергией? Естественно, что в улаживании возникших международных проблем ведущую роль играл МИД. В то время я руководил отделом по мирному использованию ядерной энергии и космоса и в силу этого своего служебного положения оказался, как говорится, в эпицентре событий.

При Политбюро была создана межведомственная комиссия, которая занималась всеми аспектами чернобыльской катастрофы. МИД был представлен в ней первым заместителем министра А.Г. Ковалевым. А в самом МИДе сформировалась межотдельская рабочая группа, занимавшаяся сбором информации по всему миру и обобщением откликов на наши невеселые дела. Я был координатором этой группы. В этом качестве мне приходилось в то время регулярно, по нескольку раз в день общаться с Ковалевым, докладывая ему результаты работы группы. Сначала ежедневно, потом раз в три дня группа составляла сводки с обзором откликов и с предложениями как на них реагировать, и Ковалев рассылал эти сводки всем членам Политбюро.

Главное, что беспокоило мир, — почти полное отсутствие информации о том, что же произошло в Чернобыле, каковы подлинные размеры катастрофы и что предпринимается в Советском Союзе по ее ликвидации и предотвращению или ограничению опасных последствий. Да и то, что публиковалось, встречалось с сомнением и подозрением в обмане. И, надо сказать, для этих

сомнений и подозрений были веские основания. Достаточно сказать, что о самом факте взрыва было объявлено с задержкой в несколько дней, после того, как в некоторых западных странах уже было зафиксировано сильное повышение радиоактивности.

Взрыв возмущения и у нас, и на Западе вызвало выступление на пресс-конференции вскоре после чернобыльского взрыва председателя Госкомитета СССР по атомной энергии А.М. Петросянца. Он довольно долго уходил от неприятных вопросов, что же произошло в Чернобыле, а потом имел неосторожность заявить: «Ну, что же вы хотите? Наука требует жертв». Эта короткая фраза, воспроизведенная многими западными средствами массовой информации в качестве примера цинизма и безответственности советского руководства, стоила ему его поста. Он был уволен через несколько дней.

А.М. Петросянец был калач тертый. И эта фраза выскочила у него, скорее всего, потому, что она отражала настроения руководства Минсредмаша⁵⁰ в тот период. В этом я убедился вскоре во время визита к министру среднего машиностроения Ефиму Павловичу Славскому. Об этом визите стоит рассказать особо.

Вообще Славский был фигурой легендарной. Соратник Буденного по Первой Конной, он без малого тридцать лет руководил Минсредмашем и был осыпан ливнем наград и почестей за секретные свершения в выковывании атомного щита Родины. Одних звезд Героя соцтруда у него было не счесть. В 1986 году ему было уже за девяносто, но, как я лично убедился, он был невероятно энергичен и темпераментен. В то время в виду его возраста Славского пытались оградить от текущих дел. Но, как мне говорили знакомые минсредмашевцы, это было очень трудно сделать, так как он продолжал во все вступать и руководить.

Нужно было получить его подпись под запиской в Политбюро, которую МИД подготовил совместно с Минсредмашем в связи с Чернобылем. Эту миссию должны были выполнить заместитель министра иностранных дел В.Ф. Петровский и зав. отделом по мирному использованию атомной энергии и космоса Ю.К. Назаркин.

⁵⁰ Министерство среднего машиностроения занималось всеми вопросами использования ядерной энергии, в первую очередь ядерными вооружениями. Госкомитет по атомной энергии был создан как филиал сверхсекретного Минсредмаша для общения с внешним миром по вопросам мирного использования атомной энергии. Его председатель был одновременно заместителем министра среднего машиностроения.

Навстречу нам из-за письменного стола поднялся крепкий седовласый человек. Видно было, что он в возрасте, тем более, что недавно я сам читал в газетах о его очередном награждении в связи с девяностолетием, но язык не поворачивается назвать его стариком. Глаза были живые, а от всей его фигуры исходили энергия и динамизм.

Усадив нас в кресла и распорядившись насчет чая, он, узнав, с чем мы пришли, сказал: «Конечно, Чернобыль — это беда, но это же пустяк по сравнению с тем, что произошло в Кыштыме, вот там это был полный...». Эту фразу он произнес значительно образнее, чем она воспроизведена здесь, используя ненормативную лексику, которую, кстати, он широко применял и в ходе дальнейшей беседы. Начало разговора меня ошеломило, но не формой, хотя она была довольно острой для официальной встречи с незнакомыми людьми, а содержанием. Дело в том, что я абсолютно ничего не знал, что же произошло в Кыштыме. Если о достижениях в ядерной области мы узнавали из скупых официальных сообщений, то любые неполадки, а тем более аварии были великой тайной за семью печатями.

Овладев таким образом вниманием собеседников, Ефим Павлович повел свой рассказ.

А в Кыштыме произошло вот что. В 1957 г. в районе секретного городка Челябинск-65 взорвался резервуар-хранилище высоко-радиоактивных отходов. Радиоактивному заражению подвергся огромный район.

Рассказ о Кыштыме изобилует интереснейшими подробностями, связанными с ликвидацией последствий взрыва. Рассказывая, Ефим Павлович явно любовался героической самоотверженностью, иногда доходившей до безрассудства людей, боровшихся с аварией. В нем так и проглядывал лихой буденновец с шашкой в руке, еще не остывший от пыла сабельной рубки. Откровенно говоря, я, умом понимая с высот совершенно другого исторического измерения различие между саблей и ядерным оружием, любовался рассказчиком, хотя и ужасался при мысли о том, что могло бы произойти, если бы с ядерным оружием обходились так же просто, как и с саблями. Шашки наголо и марш-марш на врага... Да, верно сказал поэт: гвозди бы делать из этих людей, крепче не было б гвоздей.

Покончив с Кыштымом, Ефим Павлович решил просветить нас и по некоторым другим деликатным вопросам деятельности Минсредмаша, от которых, признаюсь, волосы порой вставали дыбом. Не берусь воспроизводить эту часть его рассказа, во-первых, потому, что

не уверен в раскритичности этой информации, а, во-вторых, потому, что, не записав в свое время беседу для будущих мемуаров, боюсь что-нибудь напутать. Жаль, очень жаль, что рядом со Славским не оказался в свое время, как рядом с Молотовым, свой Чуев, который донес бы до потомков страницы неотретушированной истории. В данном случае — истории создания советского ядерного оружия.

Часа полтора просидели мы у Славского. Конечно, его рассказ хватило бы и на большее. Но надо было возвращаться в МИД. В.Ф. Петровский, воспользовавшись каким-то удобным поворотом в ходе мысли Ефима Павловича, дипломатично свернул дело к нашей записке. Тот ее подписал и с сожалением (так мне показалось) распрощался с внимательными слушателями. Провожавший нас до выхода ответственный сотрудник по режиму, проявив интерес к длительности нашей беседы, с улыбкой делал легкие намеки на то, что, мол, старик умом поехал и может часами рассказывать разные небылицы. Нет, ребята. Умом Ефим Павлович никуда не ехал. Просто ему хотелось поделиться хотя бы крохами того изобилия информации, которая теснилась в его голове, с окружавшим Минсредмаш миром.

Обогащенный сведениями, полученными от Е.П. Славского, я вернулся к текущим вопросам. А они, как это понятно, все замыкались на Чернобыль.

Основной смысл рекомендаций, которые включались в сводки, рассылавшиеся членам Политбюро, сводился к тому, чтобы побудить советское руководство давать больше информации, какой бы горькой она ни была, о том, что произошло в Чернобыле и что происходит в связи с этой катастрофой. Беспокойство других стран по поводу нашей закрытости — это не попытки выведать наши секреты, а естественное желание знать правду, чтобы обезопасить себя от последствий катастрофы. Если мы хотим быть цивилизованными соседями в общеевропейском доме, не следует скрывать, что у нас в квартире начался пожар. И не нужно гнушаться помощи других соседей, даже если ими движет не симпатия к нам, а стремление обезопасить себя. Соккрытие же правды лишь создает большие дополнительные осложнения для Советского Союза.

Вода камень точит, и в общем постепенно жалкий информационный ручеек стал приобретать более удовлетворительные размеры. Особенно полезную роль сыграло наше согласие на сотрудничество с МАГАТЭ в анализе причин катастрофы и подготовке рекомендаций по предотвращению подобных аварий в будущем. И хотя в докладе о чернобыльской катастрофе, подготовленном нашими

специалистами, и содержались некоторые темные пятна, все же он послужил началом полезного для всех сторон сотрудничества.

И тут я не могу не упомянуть имя Валерия Легасова. Академик, первый заместитель директора Курчатовского института (директором был престарелый Александров), он был основным составителем доклада и представлял его в Вене в МАГАТЭ. Мы были знакомы и до Вены, а там познакомились ближе. Необыкновенно симпатичный, честный и очень умный человек. Был. С потрясением узнал я впоследствии о его самоубийстве. Версии, которые выдвигались о причинах самоубийства, в основном сводились к причастности Валерия Легасова к разработке проекта реактора для Чернобыльской АЭС. Знаю, что сочетание нескольких причин вызвало катастрофу. Недостатки проекта были отнюдь не решающими. Да и был ли Валерий ответственен за них? Не берусь об этом судить. Но, видимо, другие причастные к катастрофе лица в стремлении обелить себя перегрузили В. Легасова.

Гоним, ямщик...

Как я уже упоминал, после многих лет работы в качестве советника, а потом заместителя главы делегации стал я послом-представителем Советского Союза на Конференции по разоружению. Произошел этот поворот в моей судьбе в январе 1987 года. В то время Конференция занималась, главным образом, разработкой конвенции о полном запрещении химического оружия.

Собственно новым было то, что я оказался в первом кресле, в качестве посла, руководителя большой делегации. Все остальное — и проблема химического оружия, и жизнь в Женеве — было хорошо знакомым.

Пожалуй, стоит рассказать о том, как вообще начинались переговоры о запрещении химического оружия. Это может быть интересно с точки зрения того, как вообще порой начинаются международные процессы.

В 1967 году в польской делегации в Комитете восемнадцати государств по разоружению возникла идея предпринять инициативу по запрещению химического оружия. Видимо, эта идея возникла именно в делегации, без указаний из Варшавы. Именно поэтому поляки не обратились официально к советской стороне (нечего и говорить, что без согласования с «советскими товарищами» соцстраны в то время ничего не делали), а провели сначала осторож-

ный и очень неформальный зондаж. Эта идея была, естественно, донесена до Москвы. Там решили: а почему бы нет? Конечно, ради пропаганды.

В результате по инициативе Польши и других социалистических стран Генеральная Ассамблея приняла решение о проведении исследования силами квалифицированных правительственных экспертов проблемы химического и бактериологического оружия. Такое исследование было подготовлено и представлено следующей сессии Генеральной Ассамблеи. Оно, естественно, показывало опасность этих видов оружия массового уничтожения. А поскольку США вели в то время войну во Вьетнаме, широко применяя ядовитые химикаты (в основном для уничтожения растительности, укрывавшей вьетнамских партизан), это был определенный выпад против американцев.

Развивая пропагандистский успех, социалистические страны выступили на той же сессии Генеральной Ассамблеи с предложением уничтожить и полностью запретить навсегда химическое и бактериологическое оружие. Ими был предложен проект конвенции на этот счет. Документ был чисто декларативный, рассчитанный на политический эффект, а не на реальное и эффективное запрещение. Достаточно сказать, что проект не предлагал каких-либо конкретных мер контроля за соблюдением конвенции. Тем не менее, Ассамблея направила проект Комитету восемнадцати государств по разоружению на рассмотрение.

В ходе последовавшего рассмотрения большинство государств, включая США и Англию, склонилось к тому, что запретить химическое оружие не получается, а бактериологическое — можно попробовать. В результате переговоров была разработана и подписана в 1972 году конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия. Она не предусматривает системы контроля за своим соблюдением, поэтому время от времени возникают яростные споры о ее нарушении. Споры эти, однако, ничем не заканчиваются, так как проверить справедливость обвинений невозможно ввиду отсутствия механизма контроля. Начавшиеся во второй половине 90-х переговоры по разработке протокола о контроле за соблюдением биологической конвенции уперлись в категорический отказ США от такого контроля. Когда документ был готов, США заблокировали его принятие.

Надо сказать, что если бы в начале 70-х годов США согласились на запрет и химического оружия, они поставили бы нас

в сложное положение. Обладая самыми крупными в мире запасами такого оружия, Советский Союз, видимо, отводил ему важное место в своем военном планировании. В первую очередь — для защиты огромной по протяженности границы с Китаем. В Поднебесной в то время шла «культурная революция», был пик обострения советско-китайских отношений, на границе происходили кровопролитные стычки (инцидент на о-ве Даманский!). Китайская сторона практиковала направление через границу огромных толп невооруженных людей. По-моему, у наших военных возникла идея (это мое предположение, никакой информацией на этот счет я не располагаю) создать вдоль границы с помощью некоторых видов химического оружия некую «непроходимую линию». Однако у США в то время были свои причины, чтобы не запрещать химическое оружие.

Позиция США, тем не менее, эволюционировала. Закончилась война во Вьетнаме, в Белом Доме менялись администрации. В 1974 г. американская сторона дала согласие на проведение двусторонних консультаций с нами в отношении химического оружия. В нашу и в американскую делегации в Комитете по разоружению стали приезжать эксперты-химики — военные, производственники и ученые — и мы обсуждали возможные подходы к запрещению химического оружия. Это были не переговоры, а именно обсуждения. Их результатом становились не договорные тексты, а лучшее понимание проблем, стоявших на пути к запрету химического оружия.

Наконец, в 1980 г. результаты советско-американских консультаций были представлены Конференции по разоружению (так к тому времени стал называться Комитет по разоружению), и там с 1981 г. началась многосторонняя работа над элементами будущей конвенции (но еще не над самим ее текстом). Разработка текста будущей конвенции началась лишь в 1984 г.

Разработка текста происходила на основе так называемого «крутящегося текста». Сначала «прокручивалась» схема будущей конвенции. «Прокручивание» выглядело примерно следующим образом. Председательствующий предлагал высказать соображения, что должно войти, скажем, в преамбулу. Те делегации, которые были готовы к этому, высказывали свои соображения. Если какая-либо из делегаций возражала против какой-либо формулировки, эта формулировка ставилась в квадратные скобки. Затем переходили к первой статье. Что в ней должно содержаться? По-видимому, то, что

должно подлежать запрету, т.е. определение химического оружия. Потом — из каких элементов должен состоять запрет: производство, передача, испытания, разработки, исследования, применение. И так далее. Спорные формулировки заключались в квадратные скобки. «Прокрутив» таким образом весь текст, начинали опять с преамбулы, исходя из того, что какие-то делегации могли получить новые инструкции. Текст крутился постоянно, постепенно обрастая новыми формулировками. Одновременно председатель пытался «расскобить», т.е. согласовать спорные положения, находя сам или с помощью других делегаций компромиссные формулировки, которые могли бы устроить спорящие стороны. В общем процесс был длительным, требовавшим большого терпения, но в общем дело потихоньку двигалось.

У советской стороны с самого начала возникли две крупнейшие проблемы. Во-первых, она ни в какую не соглашалась на инспекции, называя их шпионажем. И, во-вторых, мы не признавали, что у нас есть химическое оружие.

У меня есть сильные подозрения, что наши ведомства (минобороны, химпром) боролись против инспекций не из-за боязни разглашения наших секретов (в конце концов, и другие страны стали бы объектом инспектирования), а из-за нежелания раскрывать отсталость и пренебрежение экологическими нормами на наших химических предприятиях и других объектах. Наверное, это и было нашим главным секретом.

Вообще с нашей секретностью происходили дивные казусы. Помню, как на одном из заседаний Конференции по разоружению английский представитель стал приводить данные о советском химическом оружии (в то время мы категорически отрицали его наличие у нас) и, в частности, упомянул Шиханы — место в Саратовской области, где находился объект по исследованиям и разработке химического оружия и полигон для его испытаний. Наш военный эксперт-химик повернулся ко мне белый, как мел: «Откуда они это знают? Это же совсекретная информация!». Позже те же англичане рассказали нам, что Шиханы известны на Западе еще со времени создания этого объекта в 20-е годы, так как помогали нам его строить и до 1933 г. участвовали в его использовании немецкие специалисты. Вернувшись домой, они, естественно, представили подробнейшие доклады своему начальству. В то время немцы были заинтересованы в сохранении в секрете факта своего участия в строительстве военно-химического объекта, так как Версальский

договор накладывал жесткие запреты на подобную деятельность. Однако в дальнейшем эта информация просочилась наружу. Мы же продолжали хранить эту тайну, и поэтому у нас в делегации никто, в том числе и военные эксперты, работавшие в Шиханах, ничего не знал об истории строительства Шихан. А остальные ничего не знали и о существовании такого объекта⁵¹.

Но постепенно открытость пробивала себе дорогу. В 1986 году удалось получить от Политбюро согласие на включение в проект конвенции положения об инспекциях на местах с согласия инспектируемой стороны. Запад, однако, продолжал добиваться большего, а именно нашего согласия на автоматическое проведение обязательных инспекций на местах в случаях возникновения подозрений в нарушении конвенции. И вот, наконец, в августе 1987 году Москва дала согласие на такие инспекции. Когда об этом было заявлено на заседании Комитета по разоружению, эффект был необыкновенным. Оказалось, что США, в течение ряда лет добивавшиеся нашего согласия на автоматические инспекции, попросту блефовали: сами они были не готовы к таким инспекциям, и вынуждены были заблокировать включение в проект конвенции положений на этот счет. Американцам потребовалось несколько месяцев, чтобы получить у Вашингтона согласие на автоматические инспекции.

Двенадцать лет спустя, в октябре 1999 года, университет штата Огайо устроил конференцию «Окончание холодной войны», куда съехались бывшие советские и американские участники переговоров конца 80-х — начала 90-х годов. Все мы уже были отставниками, не связанными правительственными инструкциями, и разговор шел откровенный. Американский посол Линн Хансен, который представлял США на переговорах по запрещению химического оружия в 1987 году, красноречиво поведал участникам о том шоке, который он испытал, услышав согласие Советского Союза на автоматические инспекции. Как он говорил, в Вашингтоне были уверены, что Москва ни в коем случае не пойдет на это.

⁵¹ В 1924 г. на берегу Волги в Шиханах, на территории бывшего имения графа Орлова, был создан танковый полигон. С 1926 г. он начал функционировать в качестве химического, став Центральным военно-химическим полигоном (ЦВХП). До 1933 г. работы на полигоне проводились при помощи немецких специалистов. Данные приводятся по материалам журнала Центра политических исследований «Ядерный контроль» №25, 9–16 июля 2003.

Выходит, и госдеповские аналитики, и ЦРУ прохлопали это дело. Видимо, сыграло свою роль и то, что хотя наша делегация давно уже бомбила Москву телеграммами, пробивавшими согласие на автоматические инспекции, все мы, кто был посвящен в содержание этих телеграмм, даже в самых неофициальных разговорах с партнерами по переговорам, категорически отвергали возможность автоматических инспекций.

После столь красивого поворота в нашей позиции дело оставалось за малым: признать то, что у нас есть химическое оружие. Сейчас это может показаться невероятным, но, ведя переговоры о запрещении химического оружия, мы все время твердили, что у нас самих такого оружия нет. Наши западные оппоненты представляли нам факты, а мы называли их антисоветскими домыслами. Кто бы стал подписывать конвенцию о запрещении химического оружия, если бы мы продолжали отрицать, что оно у нас есть, когда всем было известно, что Советский Союз располагает самыми крупными запасами такого оружия?

Уже будучи назначенным на пост главы делегации в январе 1987 года, мне удалось получить согласие на формулу: «Мы не подтверждаем и не отрицаем наличия у нас химического оружия». Поскольку такую формулу широко использовали американцы в ответ на вопросы о нахождении американского ядерного оружия на базах за рубежом и на борту своих морских судов, она в общем принималась на Западе как имевшая право на существование. Но на переговорах неотвратимо приближалось время, когда все участники должны были выложить карты на стол, объявив размеры своих запасов химического оружия.

Наконец, делегация получила разрешение признать, что, да, действительно, у Советского Союза есть химическое оружие, причем в огромном количестве — аж 50 тыс. тонн. Больше чем у кого-либо другого. У США — 30 тыс. тонн, у всех остальных — значительно меньше.

Наше согласие на автоматические инспекции и опубликование размеров запасов химического оружия означали, что советское руководство приняло политическое решение об отказе от химического оружия. Применение его стало неоправданным, а хранение чересчур обременительным. А чтобы другие участники переговоров поверили в необратимость намерений Советского Союза, был сделан такой жест: все участники переговоров, по два человека от каждой делегации, приглашались посетить военно-химический

объект, где велись основные разработки и испытания нашего химического оружия, в Шиханах.

И вот весь Комитет по разоружению дружно грузится в чартерный самолет, присланный Министерством обороны, и мы летим в Шиханы. Там нам предстоит ознакомиться с образцами советских химических вооружений и понаблюдать уничтожение их некоторой части. В Шиханах! Всем этим мероприятием руководит генерал-полковник Пикалов Владимир Карпович, командующий войск химической, бактериологической и радиационной защиты. Прекрасный организатор и умнейший человек.

Поездка удалась на славу. Четкая организация, открытость и размах. Самолет делает вираж на посадку, и через иллюминаторы мы видим цепочку военных автобусов, подруливавших к месту разгрузки самолета. Уже через несколько минут после приземления весь кортеж отправляется к Волге, где нас ждет комфортабельный круизный теплоход, пригнанный сюда, чтобы служить гостиницей. Красота и ширь нашей природы впечатлили даже самых отъявленных скептиков. А прекрасный обед с дарами Волги довершил впечатление.

На следующий день — основная программа. Аккуратными штабелями сложены бомбы, снаряды, распылители и прочие емкости, начиненные различной химической гадостью. К микрофону по очереди подходят офицеры и четко докладывают характеристики демонстрируемых вооружений. Дублируют устный доклад таблицами с теми же данными. Если не слышишь, читай. Если не видишь, слушай. Естественно, ответы на вопросы. Офицеры грамотные, четкие, подтянутые.

Вечером участников поездки приглашают ознакомиться с культурным отдыхом военнослужащих в местном клубе. На сцене — военная самодеятельность. Думаю, что вся она была позаимствована у хора Александрова или других равнозначных коллективов. Профессионализм высочайший. Гости потрясены.

На второй день, после осмотра лабораторий объекта, когда уже участники поездки погрузились в автобусы, чтобы следовать к самолету, один занудливый эксперт стал жаловаться на то, что ему не открыли дверь в одном помещении, где, по его мнению, могло скрываться что-то предосудительное, что советские военные хотели утаить. Доложили Пикалову. Своим громовым голосом он спросил: «Почему не открыли? У нас же ничего секретного здесь нет». Ему отпортовали, что дверь ведет в подсобку, где хранятся

метлы и прочая утварь для уборки, а ключ у сторожа, которому было предписано не болтаться под ногами во время осмотра лабораторий. «Вскройте дверь и покажите господину метлы», — последовал приказ. «А успею ли я на самолет?» — встревожился эксперт. «Если не успеете, полетите со мной на моем личном самолете». Метлы эксперту были продемонстрированы, их осмотр много времени не занял, и эксперт под шутки коллег из других делегаций успел погрузиться на общий самолет.

В Женеве коллеги из других делегаций стали просить меня предоставить те данные, которые демонстрировались в Шиханах, в письменном виде. Мол, мы не все успели записать. Эту просьбу я передал в Москву, наивно полагая, что раз они были показаны, значит ничего секретного в них нет. Никакого ответа не последовало. Впоследствии, оказавшись в Москве, я спросил у Пикалова, в чем дело. Лукаво улыбнувшись, Владимир Карпович объяснил, что он получил разрешение рассекретить характеристики химического оружия только на три дня. «Конечно, никаких секретов в этих данных нет, — добавил он. — Но для полного рассекречивания их потребовались бы бюрократические процедуры в течение не менее полугода». Должен сказать, что хотя я и сталкивался уже с нелепостями некоторых дипломатических компромиссов, подобная «военная гибкость» меня ошеломила. В конечном счете материалы показа в Шиханах образцов химического оружия были рассекречены и представлены Конференции по разоружению. Произошло это в феврале 1988 г., т.е. через четыре месяца после оглашения тех же данных в Шиханах.

Думаю, что поездка в Шиханы помогла тогдашнему советскому руководству в его усилиях показать Западу серьезность своих намерений покончить с холодной войной. Помогла она и в нажиме на американцев, пытавшихся оставить в конвенции о запрещении химического оружия лазейку для сохранения химического оружия в бинарном⁵² снаряжении. Вскоре они согласились отказаться от этого оружия.

В Шиханах я услышал романтическую легенду, связанную с созданием одного известного романа. Вот она.

⁵² Бинарное оружие состоит из двух относительно безвредных компонентов, которые, смешиваясь во время применения, дают токсический эффект. Преимущество этого оружия — в относительной (по сравнению с обычным химическим оружием) безопасности при хранении и транспортировке.

То самое место, где в двадцатые годы был создан полигон, ранее принадлежало графу Орлову. У него был бурный роман с петербургской красавицей. Но они расстались. И он уехал в свои Шиханы переживать разрыв. И вдруг он получает известие, что его красавица плывет пароходом вниз по Волге к своему будущему мужу, чтобы отбыть вместе с ним за границу. Граф стремглав несется в Саратов, где пароход делает остановку, чтобы увидеть ее. Он загоняет нескольких лошадей, но подкатывает к пристани, когда пароход уже отчаливает. Трудно вообразить себе его горе. Он, наверное, хочет покончить самоубийством, но, скорее всего, у него под рукой не оказывается пистолета. Тогда он заходит в ресторан, чтобы, по крайней мере, выпить. Там он встречает знакомого поэта и под графинчик-другой изливает ему свое горе. Плачет, наверное, размазывая по небритым щекам скупые мужские слезы. Его рассказ производит столь сильное впечатление на поэта, что он пишет свой роман: «Гони, ямщик, куда глаза глядят. В последний раз хочу ее обнять...».

Еще до поездки в Шиханы мы получили приглашение от Англии посетить английский центр исследований в области химического и биологического оружия в Портон-Дауне. США пригласили нас совершить аналогичную поездку в американский центр Туэле, штат Юта, где хранилась часть запасов химического оружия США. Оба приглашения были приняты, и поездки состоялись. Смысл этих поездок был чисто политическим (как и нашего мероприятия в Шиханах): демонстрировались открытость, добрая воля и т.д. и т.п. С профессиональной точки зрения ни та, ни другая поездка не произвела на меня впечатления. И американцы, и англичане, как только дело дошло до реальной, а не декларируемой открытости, сильно спасовали. Но для меня лично это была возможность посмотреть новые места, где я никогда не был и вряд ли когда-нибудь буду.

С африканского периода своей жизни я сохранил глубокую симпатию к англичанам. Это в массе своей воспитанные, культурные, благожелательные люди. Некоторые иностранцы порой брюзжат на их счет: дескать, англичане слишком любят все английское, и на этой, мол, почве у них пышным цветом произрастает их английский снобизм. По-моему, патриотизм англичан заслуживает всяческого уважения, а снобизм, по моим наблюдениям, присущ многим национальностям. А вот по склонности к самоиронии англичане бывают великолепны. В общем, симпатичные люди, уютная зеленая страна. Есть, конечно, на ней налет некоторого старческого

увядания. Нет у них той пассионарности, которая присуща американцам или нам. Но эта старость выглядит благородно.

Поездка в Портон-Даун была моим первым путешествием за пределы Лондона. Запомнилось посещение Стоунхендж — загадочного нагромождения огромных камней. Подобные нагромождения камней явно неприродного происхождения встречаются и в некоторых других местах, в том числе у нас на Соловках. Стоунхендж — наиболее известное сооружение подобного рода. Кажется, ученые сходятся в одном: эти лабиринты — детище одной культуры. Но зачем и кем они строились? На этот счет существуют самые различные гипотезы.

Экскурсовод, который сопровождает нас в Стоунхендже, рассказывает об этих гипотезах. По его словам получается, что эти камни сооружались как географические и астрономические ориентиры. Действительно, один из камней отбрасывает тень таким образом, что в солнечную погоду вроде бы можно определять время. Но как эти камни попали сюда и кто их обработал и сложил столь причудливым образом? Как и в случае с египетскими пирамидами, трудно поверить, что сделали это первобытные люди. Видимо, поэтому одна из гипотез связывает происхождение камней Стоунхендж с пришельцами из космоса. Почему бы нет?

Другая «химическая» поездка — в США — дала мне возможность познакомиться с мормонами, «столицей» которых является административный центр штата Юта — Солт Лейк-сити. И это было чрезвычайно интересно.

По официальной мормонской истории Церковь Иисуса Христа Святых Последнего Дня ведет свое происхождение от видения, явившегося четырнадцатилетнему сыну американского фермера Джозефу Смиту в 1820 г., когда ему было объявлено свыше, чтобы он, мол, не присоединялся ни к одной из церквей, так как все они не являются истинными. А через три года явился ему некто, назвавшийся Морони — посланцем Бога, который открыл ему «книгу на золотых пластинках», ставшей теологической основой мормонской секты, которая организационно оформилась в 1830 г. под Нью-Йорком. Мормоны развернули активнейшую работу по вовлечению в свою секту местного населения, что вызвало кровавые стычки. В 1833 г. Джозеф Смит с двумястами сподвижников вынужден был покинуть восточное побережье и отправился на запад. После нескольких неудачных (из-за конфликтов с местным населением) попыток обосноваться в различных местах, мормоны добрались в 1847 г. до долины Соленого озера

(«Солт Лейк»). С тех пор этот район стал их главным местом проживания. А общее число мормонов оценивалось в 80-е годы в 4,5 миллиона. Сейчас, конечно, их еще больше.

Что же такое — современные мормоны? В этническом отношении мормоны ничем не отличаются от остального многонационального населения США, они столь же многонациональны. В пригороде Солт Лейк-сити мне показали район, где живет обращенное в мормонство мормонскими миссионерами племя с одного из полинезийских островов. Эти люди переселились сюда несколько десятилетий назад и вполне сохраняют свои полинезийские особенности. Количество мормонов растет не только за счет активной работы миссионеров. Всячески поощряются браки с немормонским населением, причем вступившие в брак с мормонами немормоны автоматически считаются мормонами, не говоря уж об их детях. Кроме того, среди мормонов распространена полигамия. Хотя современное законодательство не признает ее, эта традиция, как мне говорили, хотя и не афишируется, но стойко держится.

Мормоны не употребляют алкоголя, компенсируя это ограничение за счет поедания в изобилии различного рода сладостей. На каждом шагу в Солт Лейк-сити — кондитерские заведения, где подают в широчайшем ассортименте мороженое, пирожные, торты и прочее в том же духе. Более вкусного мороженого, чем там, мне есть, пожалуй, не приходилось (если я и ел более вкусное мороженое, то до войны в подмосковном поселке Томилино, где я тогда жил: добрая тетя в халате выдавала тебе из круглой формочки сладко-холодное чудо в вафлях, на которых было написано какое-нибудь имя — Ваня, Маня и т.д.; впрочем это воспоминание связано, скорее всего, с ностальгией, а не обязательно с вкусовыми качествами продукта).

Еще одна характерная черта мормонов — любовь к хоровому пению. По будним дням они регулярно собираются на спевки, а по воскресеньям устраивают концерты. Я был на одном таком концерте. Репертуар меня не затронул, но профессионализм — да, хотя, как мне сказали, это был чисто любительский хор. Несмотря на то, что мне и вспомнилась «самодеятельность» в Шиханах, я поверил в их любительство.

Но, наверное, главный секрет сплоченности мормонов в том, что мормонская община приходит на помощь попавшему в переплет члену. Потерял работу — помогут устроиться на новое место. Заболел — окажут материальное вспомоществование. И так далее.

Мне показали магазин, куда сдают ненужные вещи (носильные, хозяйственные и т.д.). Здесь за символическую плату в один доллар бедняк-мормон может приобрести себе костюм, пальто, чайный сервиз и пр. Но главным источником помощи служит «общий котел». Чтобы получить помощь, бедняк должен обратиться к главе своей «ячейки» и объяснить свое бедственное положение. В случае положительного решения он получает от него записочку с рекомендацией о форме и размерах помощи. Котел пополняется за счет «десятины» от доходов каждого мормона, а кроме того, туда идут большие отчисления от мормонской промышленности, банковской, страховой и гостиничной деятельности. Церковь Иисуса Христа Святых Последнего Дня очень богата. Она владеет сетью супермаркетов, некоторыми газетам, дюжиной радиостанций, телеканалами и т.д. Кстати, ей же принадлежит распространившаяся по всему миру, в том числе и в России, гостиничная сеть «Мариотт» и многое другое.

Одно время моим партнером на переговорах по запрещению химического оружия был уже упоминавшийся выше посол Лин Хансен, который был мормоном. Человек как человек, только не пил ничего алкогольного, а налегал на сладкое. А однажды русский переводчик американской делегации шепнул мне на каком-то приеме: «Будьте осторожнее с ним, он мормон». Что он имел в виду, я уточнять не стал: я был осторожен и с Хансеном, и с переводчиком. Но вообще-то я слышал, что мормоны имеют репутацию хитрых и коварных людей.

Хочу рассказать в этой главе еще о некоторых нюансах дипломатической жизни. Естественно, каждый дипломат в силу специфики своей профессии довольно часто перемещается по разным странам. При этом, опять же естественно, он пересекает межгосударственные границы, в процессе чего могут возникать различные напряженные ситуации. Вот вам одна из них.

В 1988 г. во время переговоров о запрещении химического оружия мой французский коллега посол Пьер Морель предложил провести двусторонние консультации в Париже с руководством министерств иностранных дел и обороны. Москва дала «добро». И вот я с женой и мой заместитель Сергей Бацанов с женой выезжаем на автомобиле из Женевы в Париж. При пересечении швейцарско-французской границы французские пограничники нас останавливают и просят предъявить документы. А до этого десятки, а, может быть, сотни раз я выезжал на этом самом «Мерседесе» во Францию

(Женева-то прямо на границе с ней расположена) и никаких проверок не было. Ну, ладно, проверка необычна, но, по крайней мере, законна. А дальше начинается целое представление. Нам предлагают выйти из машины и показать, что мы везем. Мы категорически отказываемся, ссылаясь на наш дипломатический статус и требуем дать нам возможность позвонить по телефону (я имею в виду связаться в первую очередь с нашей миссией и Морелем). Два часа нас держат фактически под арестом, не разрешая ни подойти к телефону, ни двинуться дальше во Францию, ни возвращаться обратно — в Швейцарию. Наконец, без всяких видимых причин нам говорят, что мы можем следовать во Францию. Из ближайшего телефона-автомата я звоню французскому послу, рассказываю, что с нами произошло, и говорю, что возвращаюсь в Женеву, чтобы немедленно доложить в Москву о нанесенном оскорблении. Морель в шоке, говорит, что виновные будут наказаны и умоляет ехать в Париж.

Действительно, в Париже мне были принесены все возможные извинения со стороны французского МИДа. Но в чем же все-таки была причина происшедшего инцидента? Позже я узнал, что, оказывается, наши пограничники «прижали» где-то французских дипломатов, и наше задержание французами было ответной мерой.

Вспоминается еще один казус, связанный с пересечением границы. Дело было в 1987-м или 1988-м году, точно не помню. В Восточном Берлине было организовано совещание заместителей министров иностранных дел социалистических стран по вопросам, рассматривавшимся Комитетом по разоружению. Естественно, в совещании принимали участие и послы этих стран. В Восточный Берлин я прибыл беспрепятственно, поскольку, вылетев из Женевы, сделал пересадку в Будапеште и венгерской авиалинией добрался до места назначения. После совещания наиболее удобным для возвращения в Женеву был рейс «Люфтганзы». Но он отправлялся из Западного Берлина. Как мне объяснили в нашем посольстве, мне следовало подготовиться к определенному спектаклю при прохождении погранконтроля при посадке там в самолет, поскольку у меня не было визы ФРГ. «А что, разве трудно получить эту визу?» — спросил я, не будучи знаком с тонкостями нашей позиции в отношении Западного Берлина. «Да нет, — отвечают мне. — Западные немцы с радостью выдают такую визу, так как тем самым мы вроде бы согласимся, что Западный Берлин — это часть ФРГ. А ведь мы-то не признаем там юрисдикцию ФРГ».

И мне рассказали, как все будет происходить и какую роль мне предстоит сыграть в западноберлинском аэропорту.

Итак, наш консул везет меня на автомашине через «Чек-поинт Чарли» в западноберлинский аэропорт. Предупреждает меня, что он будет находиться где-то поблизости на всякий случай, пока я не пройду через КПП, т.е. до окончания спектакля, но что в нем принимать участие он не имеет права, таковы правила игры. Я подхожу к КПП и подаю паспорт и билет. Пограничник категорическим тоном заявляет, что не может меня пропустить, так как у меня нет визы ФРГ. Я говорю, что лечу не в ФРГ, а в Швейцарию, поэтому не вижу необходимости в визе ФРГ. Он еще более грозно провозглашает, что я уже нахожусь на территории ФРГ. А потом, как бы сменяя гнев на милость, предлагает мне обратиться в полицию аэропорта за «временным разрешением», т.е. за так называемой «полицейской визой». Все идет по тому сценарию, который мне нарисовали в посольстве. Полицейский чиновник забирает у меня паспорт и предлагает подождать. Я жду, не сводя глаз с часов, до отлета самолета остаются считанные минуты. Наконец, когда их уже совсем не остается, он выдает мне паспорт и предлагает поторопиться, я остаюсь последним пассажиром, не поднявшимся в самолет. Поспешаю на КПП, и когда пограничник ставит в мой паспорт штамп, вижу, как из-за колонны высовывается наш консул, который делает мне прощальный жест рукой. Комический триллер доведен до конца. Эти комедии прекратились лишь с разрушением берлинской стены и воссоединением Германии.

Период многосторонней дипломатии в моей жизни был очень интересен. Я своими глазами наблюдал функционирование механизма взаимодействия государств в международных организациях. Но я варился в этой кухне двадцать лет. Это многовато. Поэтому когда представился случай сменить область деятельности, я, не колеблясь, сделал это. А произошло это так.

В январе 1989 года французы организовали в Париже конференцию министров иностранных дел стран, участвовавших в переговорах по запрещению химического оружия. Очевидно, они преследовали цель подстегнуть переговоры и заодно показать свою активную роль на них. На этот раз я поехал железной дорогой. Скоростной поезд ТЭЖЭВэ проходит 600 км от Женевы до Парижа за три с половиной часа. Не трясет, не качает, шума не слышно. В этой комфортабельной обстановке можно спокойно почитать, отдохнуть, а при

желании и перекусить. Дорога прошла без приключений. Так же гладко протекла и конференция. А вспомнил я об этой поездке лишь потому, что именно в Париже в январе 1989 года совершился поворот в моей профессиональной жизни. Дело было так.

По окончании конференции договорились мы с Виктором Карповым, моим давнишним знакомым еще по Комитету информации, прокатиться по Парижу и поужинать. Виктор был в то время заместителем министра иностранных дел и в этом качестве курировал все переговоры по разоружению. Именно поэтому он и оказался в Париже — в составе делегации, которую возглавлял Шеварднадзе.

Для ужина я предложил закусочную «Петроград», что на улице Дарю как раз напротив православного собора Александра Невского. Войдя в дверь, ты сначала попадаешь в небольшую лавочку, где можно купить кое-какие русские продукты или, по крайней мере, продукты а ля рюс, т.е. произведенные во Франции, но напоминающие русскую пищу. Если же повернуть направо, то попадешь в небольшое помещение, где стоят несколько столиков, а за ними сидят наши соотечественники бело- или иного эмигрантского происхождения. Здесь можно спросить рюмку водки и соленый огурец на закуску, а можно заправиться и более основательно. Борщ, битки по-казацки с гречневой кашей и прочие хорошо знакомые названия напоминают заурядную столовку советских времен, но по качеству сильно превосходят свои советские аналоги. В свое время это славное место было основано для удобства православных прихожан каким-то нашим эмигрантом, который в свое время доблестно, но безуспешно сражался против конницы Буденного.

Заказали мы, как сейчас помню, водки «Терса» (может быть, выходцы из терских казаков ее придумали?), соленых огурцов и по шашлыку. Налили, закусили, поговорили о судьбах русской эмиграции. Потом Виктор говорит:

— С химией у тебя дело неплохо идет. А вот по стратегическим вооружениям⁵³ руководителя надо менять. Так договор не подготовишь. Министр хочет тебе предложить возглавить делегацию. Ты как?

Я говорю:

— Давай возьмем еще графинчик, а я пока подумаю.

⁵³ Имелись в виду переговоры с США по сокращению стратегических вооружений.

В общем из нового графинчика мы налили уже для того, чтобы отметить мое согласие. А на следующий день, прощаясь перед отбытием в аэропорт, Шеварднадзе сказал мне, что «есть мнение...». Я уже знал, какое есть мнение, и не возражал.

В конце апреля 1989 года в Женеву пришла телеграмма с официальным извещением о назначении меня руководителем советской делегации на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям. Именно так с 1985 года назывались переговоры, на которых разрабатывался договор по сокращению стратегических вооружений. Космические вооружения попали в название переговоров потому, что параллельно с разработкой договора обсуждались еще вопросы «обороны и космоса»⁵⁴.

Устроив прощальный прием, я передал дела своему заместителю и преемнику Сергею Бацанову и отбыл в Москву готовиться к новым переговорам и формировать делегацию.

А конвенция по запрещению химического оружия была подписана через три с половиной года. В то время я уже занимался совсем другими делами.

⁵⁴ Об этом направлении будет подробно рассказано в следующей части «Дела двусторонние, стратегические».

Глава третья

Переговоры о стратегических вооружениях

Хочу сделать некоторые предварительные пояснения. Первоначальный вариант этой главы был написан вскоре после завершения переговоров по стратегическим вооружениям, по свежей памяти. Другие главы, относящиеся к более ранним этапам моей профессиональной жизни, были написаны позже. В результате получилось, что записанное по свежей памяти явно выпадает из общего стиля. Оно изобилует техническими подробностями, которые могут быть интересны лишь для узкого круга специалистов, профессионально следивших за ходом переговоров, в то время как другие главы носят более популярный характер. Поэтому я постарался максимально освободить ее от профессионализмов. Но, должен предупредить, что полностью это сделать мне не удалось. Предмет такой. Иначе будет непонятно.

Делегация, в которой я оказался на этот раз, была очень не простой. Неожиданностью для меня это не было. Занимаясь смежными вопросами в течение предыдущих двадцати двух лет, я имел общее представление о сложном характере обсуждавшихся на них проблем, хотя и не знал деталей. До моего прихода переговоры по стратегическим вооружениям велись уже двадцать лет — сначала об ограничении, а потом и о сокращении этих вооружений. Конечно, делегация постепенно обновлялась, но основной костяк ее оставался прежний — аж с 1969 г. Выросли высококвалифицированные эксперты, сложились свои традиции. И хотя, повторяюсь, я не был полным новичком в этом деле, в общем я входил в «чужой монастырь». Конечно, я не собирался входить в этот «монастырь» со «своим уставом». Но смена руководителя делегации предполагала, что новый глава должен ускорить заключение договора. А для этого требовались какие-то действия, которые вели бы к этой цели.

Главная проблема, которая стояла передо мной, — по возможности скорее постичь суть вопросов, по которым велись переговоры. Думаю, что такая же проблема была и у моего американского партнера Ричарда Берта, который тоже был вновь назначенным руководителем делегации (до этого назначения он был послом в Бонне, а еще ранее — заместителем госсекретаря США). В общем мы оказались с ним в равном положении: и он и я не были полными новичками в вопросах сокращения вооружений, но были «свежими» в тех конкретных вопросах, по которым нам предстояло вести переговоры.

Разумеется, оба новых главы делегации опирались на высококвалифицированных заместителей, советников и экспертов, которые многие годы «вываривались» в котле переговоров по стратегическим вооружениям.

Наше знакомство с Бертом произошло в Москве в мае 1989 г. во время первой встречи госсекретаря Дж. Бейкера и министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе в особняке МИД СССР на ул. Алексея Толстого. В конце встречи министры предложили главам делегаций заняться обсуждением практических деталей предстоявшего раунда переговоров. Я и Берт в сопровождении нескольких советников удалились в другую комнату. И тут Берт выкинул номер. Лишь только мы расселись за столом, Берт говорит:

— Прежде чем мы начнем наши деловые консультации, я хочу передать вам, г-н Назаркин, привет от вашего бывшего коллеги Аркадия Шевченко.

Речь шла о том самом Шевченко, бывшем советском после и заместителе Генерального Секретаря ООН, который сбежал в 1978 г. в США. Чего угодно, но такого начала я не ожидал. Что я и не замедлил высказать Берту, выразив сожаление, что наше знакомство начинается столь неудачным образом:

— Воспоминания, связанные с «холодной войной», могут только осложнить наши переговоры. Поэтому давайте не отвлекаться на перебежчиков и предателей и займемся порученным нам делом.

Видимо, Берт хотел проверить мою реакцию. Не знаю, какие выводы он извлек из нее. Но я думаю, что он совершил ошибку, начав с провокационного «привета». Тем самым он сразу насторожил меня против себя. Это замедлило налаживание наших деловых отношений.

Как начинались переговоры

Переговоры, на которых я оказался, имели свою историю и предысторию. Первые контакты по вопросу о стратегических вооружениях между советскими и американскими представителями произошли вскоре после кубинского кризиса и под воздействием его. Впервые идеи, направленные на понижение военно-стратегического противостояния США и СССР, были высказаны директором Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению У. Фостером в беседе с советским послом в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г. Летом того же года эти идеи были повторены У. Фостером в беседе с тогдашним представителем СССР в Комитете восемнадцати государств по разоружению С.К. Царапкиным. Выступая как доверенное лицо министра обороны Р. Макнамара, У. Фостер изложил их в сверхдоверительном порядке. Идеи эти сводились к тому, чтобы договориться о взаимном отказе от строительства систем противоракетной обороны. Как свидетельствует В.Ф. Добрынин, «время от времени в течение 1966 г. Фостер вновь поднимал этот вопрос в частных разговорах со мной»⁵⁵. Естественно, все эти американские заходы докладывались в Москву, но Москва реагировать не спешила.

Как раз в то время в США приобрела большую остроту борьба вокруг системы ПРО «Найк-Икс». Противники создания системы, основным идеологом которых был тогдашний министр обороны Р. Макнамара, считали, что ее развертывание могло бы лишь дестабилизировать военно-стратегический баланс, не обеспечив сколько-нибудь реальной защиты США. Они справедливо исходили из того, что строительство ПРО в США заставило бы Советский Союз принять контрмеры. Причем средства противодействия американской ПРО стоили бы Советскому Союзу, по американским оценкам, дешевле и могли бы быть созданы быстрее, чем американская система ПРО вступила бы в действие. Противники системы ПРО указывали, что главным уязвимым местом системы были радиолокаторы, которые могли бы быть выведены из строя и «ослеплены» надатмосферными ядерными взрывами.

В конце 1966 г. между сторонниками и противниками ПРО в США была достигнута компромиссная договоренность, в соот-

⁵⁵ Anatoly Dobrynin. In Confidence. NY. 1995. P. 149.

ветствии с которой выделялись средства на отдельные боевые компоненты системы «Найк-Икс», но их расходование откладывалось до выяснения возможности договориться с Советским Союзом об ограничении систем ПРО.

В 1966 г. американская сторона вполне определенно поставила перед советской стороной вопрос о достижении договоренности в отношении взаимного, совместно с Советским Союзом, отказа от широкого развертывания систем ПРО. На этот раз советская сторона ответила, хотя довольно осторожно. Да, мол, дело хорошее, но, конечно, одновременно надо и сокращением наступательных стратегических вооружений заняться и уж, само собой, в контексте всеобщего и полного разоружения. В переводе с дипломатического языка это означало проявление сдержанного интереса к возможности рассмотрения оборонительных и наступательных систем в их взаимосвязи, однако увязка со всеобщим и полным разоружением переводила этот интерес из практической плоскости в умозрительную. В общем — спасибо за предложение, можно подумать, но пока не время.

В ходе обмена мнениями по этому вопросу в первой половине 1967 г. советская сторона смягчила свою позицию, сняв увязку со всеобщим и полным разоружением. Не отвергая возможности ограничения систем ПРО, она продолжала настаивать на том, чтобы эта проблема рассматривалась во взаимосвязи с сокращением наступательных стратегических вооружений. Американская сторона согласилась, чтобы на переговорах рассматривались как оборонительные, так и наступательные виды стратегических вооружений, но в отношении последних предпочитала говорить об их выравнивании, а не о сокращении.

Интересное место в предыстории переговоров по стратегическим вооружениям занимает встреча президента Джонсона и премьера Косыгина в Гласборо. В июне 1967 г. в Нью-Йорке состоялась специальная сессия по Ближнему Востоку. Советскую делегацию возглавлял премьер А.Н. Косыгин. Американцы предложили использовать его пребывание на американской территории для организации встречи с ним президента Джонсона. Но Косыгин не хотел ехать в Вашингтон, чтобы не демонстрировать заинтересованности во встрече с Джонсоном. По той же причине тот не хотел ехать в Нью-Йорк. Тогда кто-то из американцев догадался предложить организовать встречу в маленьком городке Гласборо (шт. Нью-Джерси), который находится ровно на полпути

между Вашингтоном и Нью-Йорком. Официальная повестка дня встречи состояла из вопросов, не имевших отношения к стратегическим системам. Однако на ланче, который Джонсон дал советской делегации, Макнамара, очевидно, по согласованию с Джонсоном, завел большой и обстоятельный разговор, в ходе которого постарался убедить советского премьера в тяготах и опасностях соревнования в области противоракетной обороны (ПРО) и в необходимости договориться о взаимном отказе от этих систем.

Мои попытки разыскать в архивах запись этой беседы, к сожалению, оказались безуспешными: в МИДе ее не оказалось, а в архивы ЦК (мои поиски происходили в 1989–90 гг.) пробиться не удалось.

Американские источники, в том числе руководитель американской делегации на переговорах ОСВ-2 (1969–1972) Джерард Смит, считают, что аргументы Макнамары заставили Косыгина пересмотреть свое отрицательное отношение к идее отказа от оборонительных систем, и в результате Советский Союз согласился на проведение переговоров. Советский посол А.Ф. Добрынин, который участвовал во встрече, пишет в своих воспоминаниях, что Макнамара не смог донести до Косыгина убедительность своей концепции, и Косыгин как был, так и остался противником отказа от оборонительных систем. Хотя Добрынин и признает, что «дискуссия в Гласборо была первым толчком, который помог начать переговоры по ограничению стратегических вооружений, что в конечном счете привело к заключению договора об ограничении систем противоракетной обороны в 1972 г.»⁵⁶. Виктор Суходрев, который принимал участие во встрече в качестве переводчика, в своих интереснейших воспоминаниях⁵⁷ свидетельствует, что Макнамара, сидевший рядом с Косыгиным, использовал этот шанс для того, чтобы переубедить советского премьера, а тот по возвращении в Москву доложил содержание беседы Политбюро. Думаю, что эта беседа сыграла если не решающую, то довольно существенную роль в изменении советской позиции.

Как бы то ни было, к лету 1968 г. в подходах сторон к предмету переговоров осталось лишь одно расхождение: советская сторона

⁵⁶ Anatoly Dobrynin. In Confidence. NY. 1995. P. 166.

⁵⁷ Суходрев В.М. Язык мой — друг мой. М., 1999. С. 217.

настаивала на том, чтобы речь шла лишь о системах обороны против баллистических ракет, а американская добивалась включения и систем ПВО. Как свидетельствует участник переговоров Пол Нитце, президент Джонсон, следуя совету Макнамары и Раска, согласился принять советскую формулировку, чтобы переговоры смогли начаться до окончания его президентства⁵⁸.

Хорошо помню день 1 июля 1968 г. Как один из участников переговоров по нераспространению ядерного оружия, я присутствовал на церемонии подписания Договора о нераспространении. В Доме Приемов на Ленинских горах, где происходило подписание, было торжественно, парадно. А.Н. Косыгин сделал небольшое выступление, в котором отметил важность этого Договора и объявил о договоренности относительно советско-американских переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ): «Между правительствами СССР и США достигнута договоренность вступить в ближайшее время в переговоры относительно комплексного ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического оружия, так и систем обороны против баллистических ракет».

Церемония завершилась под звон бокалов с шампанским. А, между тем, приближалось 20 августа 1968 г. Советское вторжение в Чехословакию помешало США сесть за стол переговоров во время президентства Джонсона. Они начались только в ноябре следующего, 1969 г.

Напомним основные этапы этого советско-американского переговорного процесса.

В 1972 г. были заключены бессрочный Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения СНВ (сроком на пять лет).

На продолжившихся вскоре переговорах был разработан Договор ОСВ-2, который должен был заменить Временное соглашение. Он был подписан в 1979 г., но в силу не вступил из-за отказа Сената США его ратифицировать. Международный небосклон все более затягивался темными тучами конфронтации. Ввод наших войск в Афганистан дал прекрасный повод американцам отказаться от этого договора.

Тем не менее, переговорный процесс набрал столь большие обороты, что даже в те тяжелые для диалога времена прервался

⁵⁸ Paul H. Nitze. From Hiroshima to Glasnost. NY. 1989. P. 290.

не сразу: в октябре 1980 г. начались советско-американские переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе, а в 1982 г. — по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Однако в конце 1983 г. и те и другие переговоры были прерваны, не приведя к каким-либо положительным результатам. Этот исход был предрешен нежеланием каждой стороны сделать первый шаг навстречу другой стороне.

Первая половина 80-х годов осталась у меня в памяти как мрачная и крайне неприятная полоса. Работа международных форумов не только не вела к каким-либо полезным договоренностям и соглашениям, но часто превращалась в перепалки между западными и социалистическими странами.

Однако соображения безопасности подталкивали каждую из сторон к возобновлению переговоров. После смерти Ю.В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС стал практически недееспособный по состоянию здоровья К.У. Черненко. Думаю, что в это время А.А. Громыко оказывал безраздельное влияние на определение внешней политики Советского Союза. А он, по-моему, всегда считал, что с США надо жить в мире. С другой стороны, и в США Р. Рейган, пришедший к власти в 1980 г. под лозунгом борьбы с «империей зла», к концу своего первого президентства стал осознавать необходимость достижения компромиссов с Советским Союзом. Переизбранный в ноябре 1984 г. на второй срок, он получил большую свободу рук для корректировки внешнеполитического курса. В конце ноября 1984 г. СССР и США договорились вступить в новые переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений. На встрече в Женеве министров иностранных дел СССР и США в январе 1985 г. стороны условились провести такие переговоры по трем направлениям: по ракетам средней дальности, стратегическим наступательным вооружениям и обороне и космосу. В виду естественной взаимосвязи этих трех направлений переговоры должны были вестись единой делегацией с каждой стороны, но в трех подгруппах. Эти переговоры начались в Женеве 12 марта 1985 г.

В конце 1987 г. переговоры по ракетам средней дальности завершились подписанием советско-американского Договора о полном запрещении и уничтожении ракет средней и меньшей дальности, а переговоры по двум другим направлениям продолжались. Вот эту двуетидневную делегацию я и возглавил в апреле 1989 г.

Технология переговоров

В сущности переговоры — это основа всей дипломатии. Ведь одна из главных задач дипломата, будь то на собственно переговорах или при работе в посольстве, договариваться о каких-то взаимоприемлемых вещах со своими иностранными партнерами. В этом принципиальное отличие профессии дипломата от профессии военного. Военный, в руках которого оружие, добивается выполнения поставленной задачи силой, а дипломат — нахождением компромисса. Конечно, каждая профессия накладывает свой отпечаток на менталитет. Это было очень заметно в тех делегациях, в которые включались военные эксперты. У военных — жесткость и четкость, у дипломатов — гибкость и склонность к более расплывчатым формулировкам. Взаимодействие того и другого подходов часто приводило к весьма плодотворным результатам. А если такое взаимодействие продолжалось достаточно длительное время, то оно оказывало благотворное воздействие на менталитет обеих сторон.

Особенно хорошо я прочувствовал этот процесс на переговорах по стратегическим вооружениям, где более половины делегации состояла из военных.

Так случилось, что большая часть моей дипломатической карьеры была связана с переговорами — как многосторонними, так и двусторонними. Сначала на третьих, вторых ролях, а потом — во главе делегации.

Конечно, переговорная практика по-настоящему начинается только тогда, когда оказываешься в «первом кресле», т.е. когда ты в качестве «первого номера» представляешь свою сторону — будь то на пленарном заседании, в рабочей группе или подгруппе. Твои советники и эксперты могут давать тебе дельные и толковые советы. Но только ты определяешь, каким советом воспользоваться, как вести себя в той или иной ситуации, как прореагировать на выступление представителя другой стороны. Реакция должна быть мгновенной. Она иногда может заключаться и в том, чтобы промолчать. Но и такой образ действий должен быть осознанным, а не вызванным тем, что не нашелся, что сказать.

Очень важным качеством переговорщика является умение понять позицию партнера по переговорам («оказаться в его ботинках», как говорят американцы), определить, что в его позиции совместимо с твоей позицией, и как совместить то, что несовместимо. А уж

если найден какой-то компромисс, то его обязательно надо зафиксировать, хотя бы самым неофициальным образом, но на бумаге.

В институтах — и у нас, и на Западе — разрабатываются теории переговорного процесса, читаются курсы лекций о том, как надо вести переговоры. Но когда я вступал на переговорное поприще, то еще не слышал о таких теориях. А когда узнал, что они существуют, то уже был достаточно уверенным в себе практиком.

Впоследствии мне даже пришлось прочитать курс лекций в Дипломатической академии, в которых я пытался поделиться со слушателями своим переговорным опытом. В заключение же я им сказал, что не представляю себе, как можно научиться вести переговоры, не посидев в «первом кресле» хотя бы в какой-нибудь рабочей группе, разрабатывающей не учебный, а самый настоящий, пусть не «судьбоносный» документ, например, проект резолюции.

Разумеется, каждые переговоры имеют свою специфику, связанную прежде всего с их предметом.

К тому времени, когда я был назначен главой делегации, советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям продолжались уже 20 лет. За это время были отработаны формы и методы, которые, базируясь на международной практике, учитывали и специфику данных переговоров.

Специфика состояла, прежде всего, в громоздкости готовившихся документов и избытии военно-технических деталей. Текст самого договора был относительно невелик — страниц 50. Но различного рода приложения и приложения к приложениям, договоренности, оформлявшиеся путем обмена письмами, заявлениями, и др. документы составляли в общей сложности более 800 страниц. Причем отдельные части этой машины разрабатывались параллельно в различных рабочих группах.

Такой порядок работы требовал тщательной координации действий переговорщиков в различных рабочих группах. Кроме того, необходимо было тщательно следить за тем, чтобы разрабатываемые документы «стыковались» друг с другом (изменения в тексте одного документа могли вызывать необходимость корректировки и других документов). Эта задача осуществлялась на регулярно проводимых совещаниях делегации.

Механика подготовки договора и связанных с ним документов выглядела следующим образом. Каждая из сторон представляла свой текст. Они как бы накладывались один на другой. То, что совпадало, становилось согласованным текстом. То, что не совпадало,

помещалось в квадратные скобки с пояснениями, из которых становилось понятно, чья позиция отражена в скобках (в русском тексте наша позиция отмечалась значком ¹⁾, а позиция США — значком ²⁾; в английском тексте значки соответственно менялись).

В тех случаях, когда несовпадение было чисто словесным, находились формулировки, которые отражали согласованную позицию. Если же расхождения касались существа, то согласование, естественно, становилось более сложным. Поиск преодоления расхождений и составлял суть переговоров.

Каждый раунд начинался и завершался пленарными заседаниями, на которые делегации собирались в полном составе. На них зачитывались заранее подготовленные заявления довольно общего характера. На заседании при открытии раунда стороны декларировали свои намерения, выражали надежды и т.д. На заключительном заседании подводились итоги и выражались надежды на сближение позиций на следующем раунде.

После первого пленарного заседания начиналась работа двух основных групп — по наступательным вооружениям (советскую часть группы возглавлял посол Л.А. Мастерков) и по обороне и космосу⁵⁹ (нашими основными представителями здесь были посол Ю.И. Кузнецов и генерал-лейтенант Н.Н. Дединов). При этом американцы каждый раз подчеркивали, что они участвуют в работе группы по обороне и космосу в качестве самостоятельной делегации, не связанной с их делегацией в группе по стратегическим наступательным вооружениям. Администрации Рейгана, а затем и Буша в то время были озабочены получением от Конгресса средств на «стратегическую оборонную инициативу» (СОИ). Они пытались доказать, что заключение договора по СНВ не должно снизить ассигнований на ПРО. Это-то обстоятельство и побуждало делегацию США делать такие ритуальные заклинания.

Мы, со своей стороны, исходя из неразрывной связи наступательных и оборонительных вооружений, подчеркивали, что делегация у нас одна и что наш представитель в группе по обороне

⁵⁹ Название этой группы было компромиссным и совершенно противоречивым: американцы настаивали на обсуждении Договора по противоракетной обороне (ПРО), имея в виду согласовать его расширенное толкование, мы же, категорически возражая против этого, предлагали обсуждать запрет на использование космоса в военных целях, что было неперемлемо для американцев, поскольку они планировали, в частности, размещать в космосе элементы своей ПРО.

и космосу полностью подчинен руководителю всей делегации, как и представитель в группе по наступательным вооружениям.

Группы делились на подгруппы, каждая из которых занималась разработкой текста отдельного документа.

Первоначально группа по обороне и космосу образовывала свои символические подгруппы. Но постепенно мы сократили свою делегацию в ней до трех человек и практически отказались от подгрупп. Американцы, число которых в этой группе превышало 20 чел., пытались протестовать, но в конце концов приняли ситуацию как она есть.

Группа по СНВ делилась на подгруппы, каждая из которых разрабатывала и согласовывала текст порученного ей документа — самого договора, протокола об инспекциях, протокола о переоборудовании или ликвидации СНВ, протокола об уведомлениях о сокращении и ограничении СНВ, протокола о забрасываемом весе, протокола о телеметрической информации, протокола о Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям, Меморандума о договоренности об установлении исходных данных. По мере необходимости создавались и какие-то еще более мелкие подгруппы для подготовки решения конкретных узловых вопросов. Конечно, очень важную роль играли всегда встречи глав делегаций.

Общая схема механизма переговоров была рациональна. К моему назначению на переговоры существовал уже солидный задел в виде текстов основных документов. Правда, значительная их часть находилась «в скобках», т.е. была несогласована. Перед делегацией была поставлена задача находить выходы и представлять свои предложения в Центр.

По своему предыдущему опыту на Конференции по разоружению, где я участвовал в различных переговорах, в том числе по запрещению химического оружия, я знал, что без неофициального зондажа трудно найти варианты, которые вели бы к договоренностям. Достижение договоренностей на переговорах по сложным и деликатным вопросам невозможно без неофициальных контактов, в ходе которых стороны пытаются достичь договоренности *ad referendum*, т.е. на свой страх и риск для доклада в свои столицы. За столом переговоров это сделать невозможно, т.к. каждое слово фиксируется. Формально никакого протокола не ведется. Но каждая сторона делает для себя подробные записи, на которые она в случае чего может сослаться. И даже если кто-то за столом переговоров предупреждает: «Я хочу сейчас сказать кое-что неофици-

ально, не для протокола», всем, в том числе и говорящему, ясно, что все его слова будут зафиксированы, даже если все участники положат свои ручки и отодвинут блокноты.

Другое дело — неофициальные встречи на нейтральной почве — в кафе, ресторане и т.д. Конечно, и там можно организовать запись разговора. Современные технические средства позволяют записать разговор даже во время прогулки в лесу, хотя там это сделать гораздо сложнее, чем в помещении. Но это уже сфера спецслужб. Во всяком случае, контакты вне официального переговорного стола дают больше свободы для отказа от достигнутых предварительных договоренностей, если они не будут одобрены соответствующими правительствами.

Примерно раз в неделю главы делегаций вместе с их заместителями встречались за ланчем в каком-нибудь ресторанчике, где подводили итоги прошедшей недели, уславливались об основных направлениях работы на следующую неделю, обсуждали какие-либо конкретные вопросы, протупывали возможные подходы к их решению, готовили так называемые компромиссные «пакеты». На этой форме «пакетных» договоренностей следует остановиться подробнее.

Конечно, классическим компромиссом является договоренность по какому-то конкретному вопросу, для достижения которой каждая сторона уступает в равной мере. Это, однако, не всегда оказывается возможным в силу характера того или иного вопроса, когда он может быть решен на основе «или-или»: либо предложение принимается, либо снимается. Бывает и так, что по отдельным элементам «пакета» компромисс может быть найден, но не посередине, а ближе в ту или иную сторону. В таких случаях составляется набор вопросов, и договоренность достигается путем «размена озабоченностями» — «в пакете»: по некоторым стороны уступают друг другу в разной степени, а в целом получается примерный баланс уступок. При этом действует принцип: пока не согласовано все, не согласовано ничего. Иными словами, условием любого «пакета» является то, что если не принимается хотя бы одно его условие, весь «пакет» считается несогласованным («рассыпается»).

Можно, конечно, привести конкретные примеры таких «пакетов», но объяснение их смысла со всеми нюансами было бы столь узкотехническим, что, боюсь, любой читатель, за исключением разве что нескольких специалистов, на этом закрыл бы эту книжку. А вообще схема таких «пакетов» примерно такова: я тебе частично уступаю по вопросу А (скажем, 30:70), ты мне по вопросу Б (70:30),

а вопросы В и Г, по которым компромисс невозможен, «размениваюся», т.е. снимаются вообще.

Для того, чтобы выторговать у другой стороны побольше уступок в рамках «пакета», переговорщики иной раз придерживают полученное из Центра разрешение дать на что-то согласие, чтобы это согласие включить в очередной «пакет». Иногда это бывает связано с риском.

В течение длительного времени американцы настаивали на включение в Договор положения, разрешающего строительство и передислокацию стационарных ПУ МБР в пределах устанавливаемых Договором суммарных количеств на стратегические носители. И вот в конце 1989 г. делегация получила разрешение дать на это согласие. Это изменение нашей позиции, видимо, продиктовано было намерением иметь возможность перевести наши железнодорожные мобильные пусковые установки современных ракет СС-24 на шахтное базирование. Естественно, возникло желание выторговать эту «уступку» за встречную уступку со стороны США. Но случая все не представлялось.

Как-то приходит с очередной встречи со своим американским коллегой один наш переговорщик и докладывает мне, что американец завел с ним разговор о том, что американская сторона могла бы, мол, отказаться от своего предложения о возможности передислокации шахтных пусковых установок, если бы советская сторона в чем-то пошла навстречу американцам. Иными словами, в Вашингтоне происходил тот же процесс, что и в Москве, только в обратном направлении. Очевидно, у США отпала необходимость в строительстве новых ШПУ, а, с другой стороны, они могли узнать или вычислить то, что мы захотим наши железнодорожно-мобильные СС-24е или часть их спрятать под землю.

Пришлось срочно заготавливать официальное согласие на принятие американского предложения о возможности передислокации ШПУ, естественно, без выторговывания уступок, теперь уж было не до них. Американские коллеги были очень этим раздосадованы, так как, по всей видимости, им пришлось указание из Вашингтона снять предложение о возможности передислокации ШПУ, и они решили за это что-нибудь выторговать у нас.

Очень полезной формой неофициальных контактов были ежедневные утренние встречи с Бертом (кроме субботы и воскресенья) на «нейтральной территории» — за чашкой кофе в кафе, расположенном недалеко и от американской и от советской миссий.

Обычно встречались двое на двое, вместе со своими заместителями. На таких встречах согласовывались планы обеих делегаций на день, устранялись всяческие сложности, шероховатости, возникавшие в отдельных рабочих группах, обсуждались различные проблемы (если эти проблемы носили технический характер, приглашали на такое обсуждение соответствующих экспертов).

Порой осложнения в группах возникали на чисто личностной основе. Тогда приходилось выступать посредниками, чтобы помирить повздоривших между собой советского и американского переговорщиков. Иногда приходилось улаживать о перестановке в группах, чтобы устранить психологическую несовместимость переговорщиков с той или другой стороны.

В одной из рабочих групп американскую делегацию представляла весьма корректная дама, а с нашей стороны ей противостоял человек, которого никак нельзя было причислить к категории джентльменов. Природная резкость сочеталась в нем с отсутствием элементарной воспитанности, хотя, надо сказать, предмет, по которому велись переговоры в этой группе, он знал хорошо. На одной из встреч «за чашкой кофе» Берт мне говорит:

— Наша мадам пришла ко мне в слезах и говорит, что она долго терпела грубость своего советского визави, но терпению ее пришел конец, когда он во время последнего заседания группы вместо того, чтобы просто сказать «нет», сунул ей в физиономию кукиш. Я прошу тебя что-то предпринять.

— Согласен, — говорю я, — что кукиш — это не средство дипломатического общения. И я знаю, что манеры у нашего представителя не очень изысканные. Но не думаю, что я смогу его перевоспитать, в его пятьдесят с лишним лет. Можно, конечно, развести твою деликатную мадам и моего грубияна по разным группам, но тогда потребуется время для вхождения новых людей в детали незнакомых для них вопросов. Можем ли мы на это пойти?

В результате улаживаемся, что каждый из нас проведет со своим представителем беседу на предмет повышения сдержанности одной высокой договаривающейся стороны и понижения уровня обидчивости другой.

Не знаю, что говорил Берт обидчивой мадам. Я же, объяснив своему грубияну неуместность использования жестов в переговорной практике, посоветовал каким-то образом загладить свой «дипломатический промах». Сам ли наш переговорщик догадался или ему кто-нибудь посоветовал, но на следующем заседании

(оно приходилось на 8 марта) он преподнес мадам О. букет цветов⁶⁰. Как свидетельствовали очевидцы, мадам чуть не упала со стула от потрясения. Так они и работали вместе до конца переговоров.

Еще одной формой неофициальных контактов с Бертом стали пешие прогулки в горы по воскресеньям.

В то время большой популярностью пользовался американский фильм «Прогулка в лесу». В начале 80-х годов руководители американской и советской делегаций на переговорах по ракетам средней дальности Пол Нитце и Юлий Квицинский совершили в окрестностях Женевы несколько прогулок, в ходе которых они попытались нащупать компромиссную договоренность, которая не была предусмотрена официальными позициями как той, так и другой стороны. Между собой они нашли решение, но ни американский президент, ни советское руководство не приняли его. Впоследствии прогулка была подробно описана П. Нитце в его мемуарах и вошла в историю как пример мужества двух дипломатов, рискнувших личным положением ради достижения договоренности на благо своих стран. По этому мотиву и был впоследствии поставлен фильм.

Этот фильм, который, впрочем, не имел ничего общего с подлинными событиями, а лишь использовал тему личного риска ради общего блага, сильно преувеличивал риск, которому подвергались оба дипломата. Во всяком случае, несмотря на неудачу своей попытки, ни тот, ни другой не только не пострадали, но успешно продолжали свои карьеры (Юлий Квицинский был назначен послом в Бонн, а затем стал первым заместителем министра иностранных дел СССР, а Пол Нитце продолжал занимать положение советника номер один по вопросам разоружения при президенте США). Как бы то ни было, тема «прогулки в лесу» была весьма популярной среди женевских дипломатов конца 80-х — начала 90-х годов.

Таких прогулок мы совершили 5–6. Нас сопровождали заместители и помощники. Выезжали по воскресеньям на машинах в Швейцарскую Юру, километров за 20 от Женевы, и карабкались вверх, к уютному кафе «Les Bareillettes». Там перекусывали, отдыха-

⁶⁰ В те далекие времена движение американских женщин за свою эмансипацию еще не достигло верха своего идиотизма. А вот сейчас, говорят, надо быть очень осторожным в проявлении знаков внимания к американке. Иная за подаренный ей букет может привлечь дарителя к суду за «сексуальное домогательство».

ли, записывали некоторые формулировки, которые удавалось обговорить по дороге, и спускались обратно к машинам. 2,5–3 часа — туда, час — отдых, час — обратно.

Во время этих «прогулок в горах» было, в частности, подготовлено заявление Буша и Горбачева о будущих переговорах по стратегическим вооружениям, которые должны были последовать за подписанием Договора СНВ-1 (это заявление было сделано на вашингтонской встрече в верхах летом 1990 г.).

Идея заявления возникла еще в Вайоминге, в сентябре 1989 г., где проходила встреча министров иностранных дел США и СССР. Смысл такого заявления, по моему мнению, должен был состоять в том, чтобы, во-первых, обеспечить непрерывность процесса, а во-вторых, получить возможность отводить обвинения в том, что что-то не решено или решено не так в Договоре. Заявление должно было показать, что если в Договоре что-то не так, то все это будет исправлено в ходе последующих переговоров.

Этими соображениями я поделился с Бертом, гуляя с ним по живописным тропинкам вокруг Теттон-Лодж, где проходила министерская встреча. Условились вернуться к этой теме в Женеве.

В Женеве, куда мы съехались после непродолжительного перерыва после вайомингской встречи, оказалось, что ни ему, ни мне не удалось получить официальных инструкций о разработке заявления. Мои московские начальники сказали мне, что официальные инструкции (в то время они должны были проходить утверждение в Политбюро) могут быть мне даны только после того, как я представлю возможный текст такого заявления. В аналогичной ситуации оказался и Берт. Поэтому условились вести подготовку проекта заявления в ходе прогулок.

Между тем необходимость совместного заявления о будущих переговорах возрастала в связи с тем, что летом 1990 г. предстояла встреча в Вашингтоне на высшем уровне. Первоначально была надежда, что на ней можно будет подписать Договор. Но с каждым днем эта надежда убывала, и скоро стало ясно, что Договор не будет готов. И тогда было решено подготовить к вашингтонской встрече два совместных заявления — о достигнутом прогрессе в деле подготовки Договора и относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Таким образом, заявление о будущих переговорах должно было сослужить роль оптимистического наполнителя встречи.

Сложность подготовки этого совместного заявления состояла в том, что позиции сторон расходились по трем основным вопросам: по взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (США настаивали на продолжении переговоров по ПРО и космосу с целью пересмотра Договора по ПРО), уменьшению концентрации боезарядов на МБР с РГЧ ИН и дальнейшему сокращению тяжелых МБР, а также по вовлечению в дальнейшие переговоры других ядерных держав (США должны были проявлять здесь аккуратность из-за своих союзнических отношений с Великобританией и Францией, которые не хотели сокращать свои ядерные вооружения).

Совместное заявление о будущих переговорах (во всяком случае, его концептуальный подход) в дальнейшем сыграло свою роль при подготовке Договора СНВ-2, хотя бурные события, начавшиеся 19 августа 1991 г., привели к таким последствиям, которые поломали все те осторожные компромиссные конструкции, которые с таким трудом были разработаны для будущих переговоров. Достаточно вспомнить хотя бы следующую формулу из Совместного заявления: «В частности, стороны будут вести поиск мер, которые уменьшат концентрацию боезарядов на стратегических носителях в целом, включая меры, относящиеся к вопросам тяжелых МБР и МБР с РГЧ ИН». По Договору СНВ-2 российская сторона ради политической поддержки США режима Ельцина согласилась полностью ликвидировать тяжелые МБР — монополию России, и все МБР с РГЧ ИН, в том числе современные десятизарядные ракеты СС-24, составлявшие основу стратегической триады России. Иными словами, США получили все то, о чем могли лишь мечтать во время разработки Совместного заявления 1990 г.

Если сделана ошибка...

Ходы назад брать нельзя. Это шахматное правило вполне приложимо к переговорам. Может выручить лишь заранее оговоренный «пакетный» подход, когда стороны идут на уступки друг другу по нескольким вопросам, составляющим «пакет», и уславливаются, что «пока не согласовано все, не согласовано ничего». Но и эта палочка-выручалочка срабатывает не без труда.

Поучительна в этом отношении история согласования вопросов, связанных с тяжелыми бомбардировщиками.

Вообще решение этих вопросов заняло на переговорах больше всего времени. Другие проблемы как-то решались или на какое-то время «подвешивались», а вопросы ТБ по сути дела обсуждались на протяжении всех переговоров. Как только удавалось достичь принципиальной договоренности по какой-то части проблемы ТБ, как тут же всплывали новые детали, требовавшие согласования. Это была какая-то гидра, с которой никак не удавалось окончательно справиться.

Причина этого, видимо, заключалась в том, что американцы, имевшие крупное преимущество по этому виду СНВ, стремились не допустить его ослабления, а мы с такой же настойчивостью добивались хотя бы некоторой нивелировки.

Проблема ТБ была связана с огромным количеством чисто технических деталей и нюансов. Поэтому неудивительно, что военные специалисты различных рангов — от полковников до маршала — не только принимали участие в переговорах, как это было по всем вопросам СНВ, но и часто занимали «первое кресло» в рабочих группах, занимавшихся теми или иными элементами проблемы.

С самого начала на переговорах возник вопрос: как засчитывать вооружения ТБ в устанавливаемые Договором уровни 1600 носителей и 6000 боезарядов? С баллистическими ракетами такого вопроса не возникало, а в отношении ТБ приходилось учитывать, что они вооружены и ядерными вооружениями, и неядерными, и крылатыми ракетами большой дальности, и ракетами ближнего действия, и бомбами свободного падения. Разумеется, нельзя отрицать, что степень эффективности этих вооружений различна. Для пуска ядерной КРВБ большой дальности не требуется, чтобы несущий ее самолет, приближаясь к цели, преодолевал ПВО противника. Будучи в состоянии преодолевать расстояние до 2,5 тыс. км, КРВБ может быть пущена с самолета по дальней цели из безопасной зоны. Причем благодаря низкой траектории полета (50—100 м над поверхностью Земли) и небольшой отражающей поверхности она с трудом поддается обнаружению радарам. Бомба же свободного падения должна быть сброшена непосредственно над целью, что делает несущий ее самолет весьма уязвимым для средств ПВО.

Вообще по вопросу о том, распространяется ли Договор на неядерные вооружения (стратегического назначения, разумеется) или нет, спор шел все время, постепенно усиливаясь. Чем дальше, тем более упорно США настаивали на том, что Договор распространяется только на ядерные СНВ.

В отношении баллистических ракет американцы согласились засчитывать боеголовки вообще, не уточняя, что засчитываются только ядерные боезаряды. В то время и МБР и БРПЛ существовали у обеих сторон только в ядерном снаряжении. Хотя впоследствии по мере возрастания точности таких ракет появился практический смысл в их оснащении и неядерными зарядами⁶¹.

Сложнее дело обстояло с тяжелыми бомбардировщиками, так как любой ТБ, оснащенный для неядерных вооружений, поддается переоснащению для ядерных. Но самые большие трудности возникли при урегулировании вопросов, связанных с КРВБ: что такое КРВБ большой дальности и как отличить ядерные КРВБ от неядерных.

Основа для решения вопроса о засчете была заложена еще в 1986 году в Рейкьявике — на встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана. Было условлено, что ядерные вооружения, не являющиеся ядерными КРВБ большой дальности, будут засчитываться за каждым ТБ, оснащенный для таких вооружений, как один боезаряд, сколько бы их ни было на ТБ. Что же касается правил засчета ядерных КРВБ большой дальности, то было признано, что они должны быть другими, а какими именно — это предстояло определить в ходе последующих переговоров (об этом ниже).

Договоренность о правиле засчета ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, конечно, была очень крупной нашей уступкой США, может быть, самой крупной за все время переговоров. В результате США, у которых значительно больше ТБ, чем у нас⁶² получали большое преимущество по фактическому количеству ядерных боезарядов, выходящему за пределы согласованного для обеих сторон потолка в 6000 боезарядов. Разумеется, и СССР, пользуясь тем же правилом засчета, получил право выйти по фактическому количеству ядерных боезарядов из шеститысячного лимита. Однако, обладая парком ТБ, превышающим парк СССР в 3,5 раза, США при таком засчете получали преимущество более чем на 1000 боезарядов.

⁶¹ Эта проблема возникла со всей остротой на переговорах в 2009–2010 гг., когда разрабатывался новый Договор СНВ, заменивший Договор СНВ 1991 г., действие которого истекло в 2009 г.

⁶² На 1 сентября 1990 г. у СССР было развернуто 162 ТБ, в т.ч. 63 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, а у США — 574, в т.ч. 385 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности.

Была ли эта уступка ошибкой?

Для объективного ответа на этот вопрос нужно учитывать, по крайней мере, два обстоятельства.

Обстоятельство первое. В Рейкьявике, договариваясь о правиле засчета, советская сторона (в рабочей группе по ограничению вооружений ее представлял маршал С.Ф. Ахромеев, бывший в то время начальником Генерального штаба), одновременно ставила вопрос и об определении «большой дальности» для КРВБ. Согласие с американским правилом засчета увязывалось советскими представителями с установлением для КРВБ рубежа в 600 км, свыше которого дальность действия считалась бы «большой» и соответственно КРВБ относилась бы к категории «большой дальности».

По результатам рейкьявикской встречи не принималось каких-либо согласованных документов. Каждая сторона фиксировала их сама для себя. После этой встречи, когда на переговорах стали излагать договорным языком рейкьявикские договоренности, американская сторона стала отрицать, что дала согласие на 600 км. Поскольку я не принимал участия в рейкьявикской встрече, не берусь судить, что было допущено — ошибка с нашей стороны или вероломство с американской.

Рубеж дальности в 600 км несколько уравнивал нашу уступку по засчету, т.к. сужал категорию ракет ближней дальности с учетом возможностей нашей ПВО. И тем не менее вопрос оставался: стоит ли это объективное различие в военной эффективности той разницы в засчете, которая была согласована?

Второе обстоятельство может помочь ответить на этот вопрос. В 1986 г., когда проходила рейкьявикская встреча, маховик конфронтации, набравший большие обороты в первой половине 80-х годов, продолжал вращаться. Заявление М.С. Горбачева от 15 января 1986 г., несмотря на объявленный односторонний мораторий на ядерные испытания, все-таки воспринималось на Западе как пропаганда. Для преодоления инерции конфронтации и гонки вооружений нужны были реальные шаги, а не пропагандистские утопии типа «программы полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г.», которая была основой этого заявления.

В повороте к налаживанию отношений с остальным миром, к сокращению расходов на вооружения, очевидно, были больше заинтересованы М.С. Горбачев с его еще неразмежевавшимися соратниками, только что провозгласившие перестройку, чем Р. Рей-

ган, далеко не сразу воспринявший новые веяния из Москвы. Естественно поэтому, что инициатива исходила от советской стороны. Приняв американское предложение о порядке засчета ядерных вооружений на ТБ, она сделала реальный шаг, показавший серьезность ее намерения заключить Договор по СНВ.

Да, США в этом случае получили возможность иметь большее количество ядерных боезарядов, чем Советский Союз. Но ядерные вооружения подчиняются иным законам, чем обычные, неядерные. Формула ядерного паритета значительно сложнее, чем соотношение 1:1. Во время «кубинского кризиса» в 1962 г. соотношение по боезарядам было 1:17 в пользу США. Однако и тех ядерных средств, которые имелись у Советского Союза, оказалось достаточно для сдерживания США. Кризис не перерос в войну. Видимо, американская сторона сочла, причем весьма справедливо, что и те ядерные заряды, которыми Советский Союз мог бы поразить территорию США, причинили бы им «неприемлемый ущерб». Неясно, на каких весах взвешивался этот возможный неприемлемый ущерб. Наверное, все-таки не по «формуле Макнамары»: одна пятая — одна четвертая часть населения и от половины до двух третей промышленного потенциала. Уверен, что в то время Советский Союз не мог нанести такого удара. Но и значительно меньший ущерб оказался неприемлем для США. И слава Богу.

Вместе с тем, в ходе разработки Договора по СНВ обе стороны исходили из иного подхода к сохранению паритета. Основу Договора составили равные для каждой стороны уровни и по носителям и по боезарядам. Таким образом, Договор должен был не только понизить существующие уровни, но и закрепить соотношение 1:1. По носителям это соотношение было выдержано, а по боезарядам сделаны отступления, в основном за счет вооружений воздушного базирования. По сути дела Договор снизил количественные уровни боезарядов у обеих сторон, сохранив их соотношение (1,3:1 в пользу США).

Очевидно, С.Ф. Ахромеев, который был в 1986 г. начальником Генерального штаба, давая в Рейкьявике согласие на правило засчета, исходил из того, что безопасность государства не пострадает, если за США сохранится преимущество по боезарядам. Уверен, что он был прав. Ошибка была допущена, с моей точки зрения, лишь в том, что не была каким-либо образом — скажем, в неофициальном документе — зафиксирована увязка правила засчета ядерных вооружений на ТБ с установлением рубежа дальности в 600 км для КРВБ большой дальности. Но это была переговорная ошибка, которая в дальней-

шем — правда, ценою немалых усилий, была устранена. Это произошло в мае 1990 г. во время встречи в Москве Дж. Бейкера и Э.А. Шеварднадзе. Но это было позже. А пока решался вопрос о том, как же все-таки засчитывать ядерные КРВБ большой дальности.

В совместном советско-американском заявлении на высшем уровне от 10 декабря 1987 г. эта задача ставилась в качестве одной из первоочередных. «Делегации определяют конкретные правила в этой области», — говорилось в заявлении. В совместном заявлении по визиту Р. Рейгана в Москву в мае 1988 г. вскользь упоминалось, что в ходе встречи «удалось значительно расширить области согласия, в частности, по вопросу о КРВБ»... Некоторое расширение областей согласия, действительно, произошло, но оно касалось лишь второстепенных деталей (наиболее важная договоренность предусматривала, что все существующие КРВБ будут считаться ядерными, а будущие КРВБ в обычном оснащении должны быть отличимы от ядерных). По главному же вопросу — о правилах засчета — в документе «Области согласия по вопросу о КРВБ» от 1 июня 1988 г. лишь подтверждалось то, что эти правила необходимо согласовать: «Тяжелый бомбардировщик, оснащенный для крылатых ракет “воздух — земля” большой дальности в ядерном оснащении, будет засчитываться как одно средство доставки в предельный уровень в 1600 единиц и как согласованное количество боезарядов в предельный уровень в 6000 единиц».

После полугодичного перерыва делегации съехались в июне 1989 г. в Женеву, имея в своих портфелях по засчету КРВБ следующие позиции: мы настаивали на засчете КРВБ по реальной максимальной оснащенности каждого типа ТБ, с ограничением и контролем развернутых и неразвернутых КРВБ, и с установлением подуровня в 1100 единиц для вооружений ТБ (в рамках уровня в 6000 единиц для боезарядов); американцы добивались засчета 10 КРВБ за каждым ТБ, независимо от его типа, и отвергали ограничения на КРВБ и ТБ⁶³.

⁶³ По данным, приведенным в Меморандуме о договоренности об исходных данных на 1 сентября 1990 г., у США имелось 574 ТБ, а у СССР — 162 ТБ. Таким образом, по носителям у США был перевес в 3,5 раза. При этом у США из указанного числа 189 ТБ были оснащены крылатыми ракетами большой дальности (96 ед. «В-52G» и 93 ед. «В-52Н»). У нас имелось всего 99 ТБ в аналогичном оснащении (57 ед. — «ТУ-95 МС 16», 27 ед. «ТУ-МС 6», и 15 ед. — «ТУ-160»).

Самолеты типа «В-52G» оснащены для 12 КРВБ (на внешних узлах крепления). Самолеты типа «В-52Н», помимо 12 внешних подвесок, имеют

Конечно, обе позиции были «запросные». Вряд ли американцы рассчитывали на принятие нами их позиции. Нам тоже было понятно, что американцы не согласятся на «зажатие» своего воздушного компонента в результате принятия нашей позиции. Но каждая сторона отстаивала свою запросную позицию, стремясь в конечном счете побольше выторговать. Человеческая психология проявляется одинаково — что на международных переговорах, что в базарном торге.

Разумеется, ни одна, ни другая сторона в реальной жизни не могла использовать свои ТБ с максимальной загрузкой их крылатыми ракетами, т.к. такая загрузка существенно снижала бы радиус действия. И если у США еще была какая-то возможность использовать свои стратегические базы за пределами своей территории, то у СССР такой возможности не было.

Надо учесть и то, что США придавали большое значение своему воздушному компоненту в планах на будущее, строя новые самолеты «В-1В» и «В-2». Одной из причин этого было, очевидно, намерение США противопоставить свои ТБ наращивавшимся нами мобильным МБР (конечно, авиасредства более эффективны против движущихся целей, чем баллистические ракеты). Мы же традиционно делали упор на развитие наземных МБР прежде всего в виду отсутствия у нас зарубежных баз⁶⁴.

Понятно поэтому, что наши предложения о засчете КРВБ по максимуму и особенно о подуровне в 1100 ед. для боезарядов на ТБ заставили бы США более чем в три раза сократить флот своих ТБ и почти не подвергли бы ограничениям наш воздушный компонент. Должен сказать, что на той стадии переговоров, на которой я начал в них участвовать, практически никто всерьез не воспринимал подуровень в 1100 ед. для ТБ. И американцы, и мы были уверены, что это предложение будет нами снято, настолько он было «запросно». Да и предложение о засчете КРВБ

во внутренних отсеках узлы крепления еще для 8 КРВБ. Таким образом, максимальное количество КРВБ, которое могли поднять американские ТБ в 1990 г., составляло 3012 единиц.

Наши самолеты «ТУ-95 МС 16» могли нести 16 КРВБ (10 — на внешних подвесках и 6 во внутренних отсеках), «ТУ-95 МС 6» — 6 (только во внутренних отсеках) и «ТУ-160» — 12 (только во внутренних отсеках). Таким образом, максимальное количество КРВБ на наших ТБ составляло 1254 единицы.

⁶⁴ США в то время уже отказались от своего проекта развертывания мобильных МБР.

по максимуму тоже не выглядело убедительным. Жесткая «запросность» нашей позиции по ТБ и КРВБ определялась стремлением военного руководства страны отыгаться за рейкьявикскую уступку по засчету ядерных боезарядов, не являющихся КРВБ большой дальности. Но стремление это было совершенно нереалистичным.

Со стороны МИДа была предпринята попытка поправить эту позицию к встрече министров иностранных дел СССР и США в Вайоминге в сентябре 1989 г. Сделать этого, к сожалению, не удалось. В результате делегация повезла в Теттон-Лодж (гостинично-туристический комплекс, где проходили переговоры, штат Вайоминг) старую позицию по засчету КРВБ и, разумеется, по рубежу их дальности (600 км). А чтобы наша позиция по авиационному компоненту не выглядела как саботажная, была сделана следующая уступка: мы соглашались не засчитывать ТБ несовременных типов, переоборудованные под обычные вооружения в уровень стратегических носителей 1600 единиц при условии установления на них отдельного подуровня в 100 единиц при соответствующем контроле (США предлагали 115 ед.).

Этот сдвиг, не имевший непосредственного отношения к КРВБ, в сочетании с некоторыми словесными манипуляциями в отношении засчета КРВБ, дал возможность включить в «Совместное заявление министров» фразу: «по вопросу о КРВБ советская сторона выдвинула новую идею, касающуюся ее подхода к тому, как решать проблему КРВБ и тяжелых бомбардировщиков»⁶⁵.

По настоящему сдвинуть проблему КРВБ и ТБ с мертвой точки удалось лишь в ходе московской встречи министров 7—9 февраля 1990 г. Но сдвиг этот был очень странным, что, в свою очередь, создало новые проблемы. Эта история, по-моему, любопытна и заслуживает более подробного рассказа.

Прибыв 4 февраля из Женевы в Москву, я с разочарованием узнал, что ни по одному вопросу наши позиции к переговорам министров готовы не были и что предстоит еще серия межведомственных совещаний для согласования предложений, которые могли бы быть выдвинуты нами. Совещания на различных уровнях — от экспертного до «зайковского»⁶⁶ — заполнили все три дня — 5—7 февра-

⁶⁵ Правда. 25 сентября 1989.

⁶⁶ В то время Л.Н. Зайков возглавлял Межведомственную комиссию по разоружению Политбюро («Большую пятерку»).

ля. Проходили они мучительно и закончились практически безрезультатно. Военно-промышленный комплекс грудью закрывал путь к заключению Договора. Было ясно, что ни одно серьезное предложение, приближающееся к этой цели, не пройдет сквозь многослойный фильтр межведомственного чиновничьего согласования. Требовались решения высшего политического руководства страны. А оно, прежде всего М.С. Горбачев, было занято внутренними проблемами. Острой была обстановка в Азербайджане, Литве. Приближался пленум ЦК КПСС. Так что забот у М.С. Горбачева хватало. Но нужно было решать и проблемы крылатых ракет.

Переговоры начались встречей министров один на один вечером 7 февраля. Уже на этой встрече Дж. Бейкер передал Э.А. Шеварднадзе детальные предложения США по КРВБ с тем, чтобы у советских экспертов было время их изучить. Ко мне они попали часов в 9 вечера с поручением к 8 утра следующего дня доложить результаты изучения Э.А. Шеварднадзе.

Американские предложения предусматривали засчет за каждым «Б-52» и каждым «Б-1», оснащенными для КРВБ, по 10 боезарядов. За каждым «ТУ-95» и каждым «ТУ-160», оснащенным для КРВБ, засчитывалось бы по 8 боезарядов. За будущими ТБ — и американскими и советскими — засчитывалось бы по 10 боезарядов. Вместе с тем, предлагалось установить предел на оснащение ТБ для КРВБ — не более чем в два раза по сравнению с засчитываемым числом КРВБ. Таким образом, максимальное число для американских бомбардировщиков составило бы 20, а для советских — 16 единиц. Тем самым американцы в некоторой степени учли то обстоятельство, что советские бомбардировщики по объективным причинам не могут взять такой же груз, как американские. Ведь американские самолеты могут совершать посадку для дозаправки на американских базах вблизи советской территории, а ракетный груз советских бомбардировщиков определяется тем, что они должны приблизиться к американской территории, а затем без посадки вернуться назад.

Чем было вызвано такое «усредненное» правило засчета, допускаящее оставление вне предела в 6000 боезарядов определенного количества КРВБ и было ли оно оправдано? Американцы аргументировали его тем, что хотя теоретически на ТБ можно нацепить и 20 и даже более КРВБ, но на практике этого не произойдет, т.к. каждая лишняя КР «съедает» примерно 700 км дальности ТБ. В реальной жизни на американских ТБ может быть как минимум

8 КРВБ (в роторной установке, которая, находясь в фюзеляже, не сказывается на аэродинамических качествах самолета), а на внешних подвесках — еще 4 КРВБ. Увеличение их числа при загруженности самолета другими видами вооружений — ракетами малой дальности, ядерными бомбами — практически невозможно. То же самое, как считали американцы, справедливо и по отношению к советским ТБ с поправкой в меньшую сторону — с учетом географического фактора.

В качестве критерия дальности для определения КРВБ большой дальности американцы впервые официально назвали 1000 км, вместо прежних 1500 км.

Они принимали наше предложение о контроле, который позволял бы отличать неядерные КРВБ от ядерных. Он должен осуществляться не только с помощью национальных технических средств, но и путем инспекций на месте. Для этого требовалось, чтобы неядерные ракеты содержали внешние отличия, которые могли бы увидеть инспектора.

США подтверждали неприемлемость для них наших предложений о подуровне в 1100 единиц для вооружений ТБ и ограничений для неразвернутых КРВБ, ракет малой дальности и бомб.

Этот последний «негатив» был воспринят нашими военными как должное. В ходе ночной проработки американских предложений они высказались за то, что этот наш «запрос» можно было бы снять, если бы рубеж дальности был 600 км («Ведь мы уже договорились об этом в Рейкьявике») и если бы удалось договориться об удовлетворительном засчете КРВБ. А по произведенным подсчетам получилось, что США, несмотря на некоторый сдвиг в нашу сторону, получали бы вне засчетного числа значительно больше КРВБ, чем мы.

На следующее утро Э.А. Шеварднадзе было доложено, что, несмотря на некоторые положительные изменения в американской позиции, расхождение слишком велики, чтобы при нашей нынешней позиции можно было бы рассчитывать на договоренность.

В 10 часов утра в особняке МИДа на ул. Алексея Толстого собрались обе делегации во главе со своими министрами. После обычного в таких случаях позирования перед теле-, кино- и фотокамерами, как только за последним журналистом закрылась дверь Белого зала, где проходили переговоры, началась работа.

Дж. Бейкер — уже на этот раз официально, «для протокола», изложил американские предложения, переданные им накануне Э.А. Шеварднадзе. После этого он перешел к другим вопросам —

о телеметрической информации, неразвернутых баллистических ракетах, этапах сокращения СНВ и др. Нельзя сказать, что в излагавшихся Дж. Бейкером позициях по этим вопросам были какие-то «прорывы». Так, легкая косметика. Но подавалось все это таким образом, чтобы создать впечатление грандиозных усилий американской стороны с целью ускорения заключения Договора.

Что ж, демагогия применяется и на закрытых переговорах. Тем более, что потом журналистам можно говорить, что, мол, нами были выдвинуты конструктивные предложения по более чем дюжине важных вопросов.

Мы, к сожалению, даже такого демагогического «вала» не смогли наскрести: портфель наш был пуст.

Вечером, покидая особняк, Р. Берт сказал мне, что удручен результатами, что, видимо, советское руководство целиком занято внутренними делами, что оно теряет интерес к Договору и т.д.

Я ответил, что разделяю его пессимизм, но что не могу никак согласиться с тем, что советское руководство теряет интерес к Договору. Те легкие косметические штрихи, которыми американская сторона подкрасила свою позицию, никак не означает движение вперед по существу. «А что же ты хочешь, — возразил Берт, — чтобы мы согласились на 600 км⁶⁷? Может быть, еще и Аляску вам вернуть впридачу?» — «Насчет Аляски я лично не знаю, — сказал я, — а то, что без вашего согласия на 600 км у нас ничего не получится, это я знаю точно». На том и расстались.

На следующий день М.С. Горбачев принимал Дж. Бейкера. В ожидании результатов этой встречи делегации занялись третьестепенными вопросами, которые носили в основном технический характер.

Около 14.00 решили прерваться на обед и вновь встретиться в 15.00. А вскоре нам была передана команда Э.А. Шеварднадзе провести встречу по КРВБ в узком составе с участием С.Ф. Ахромеева (к тому времени маршал С.Ф. Ахромеев уже оставил пост начальника Генерального штаба и состоял военным советником при М.С. Горбачеве), которому М.С. Горбачев поручил совместно с Э.А. Шеварднадзе, Л.Н. Зайковым и Д.Т. Язовым с учетом нового предложения Дж. Бейкера «найти какое-то решение (вопроса о КРВБ — Ю.Н.), которое устроило бы обе стороны» (цит. по воспо-

⁶⁷ Имеется в виду 600 км как минимальный критерий дальности для определения КРВБ большой дальности.

минаниям С.Ф. Ахромеева «Глазами маршала и дипломата». С. Ахромеев, Г. Корниенко. М. 1992. С.268).

Положение, в котором оказался С.Ф. Ахромеев, было, конечно, сверхсложным. За считанные часы ему предстояло выполнить то, что не смогли осуществить в течение месяца несколько министерств и ведомств. Очевидно, такой спешкой и объясняются те ошибки и несуразности, которые оказались в подготовленных предложениях.

Как свидетельствовал С.Ф. Ахромеев в своих воспоминаниях, он занялся выполнением полученного поручения совместно с Л.Н. Зайковым и его аппаратом. Ни военные эксперты, ни мидовцы не принимали участия в этой работе. Несомненно, маршал прекрасно владел военной стороной вопроса. Думаю, однако, что привлеки он к подготовке предложений кого-либо из экспертов, участвовавших в переговорах, можно было бы избежать тех осложнений, которые возникли впоследствии.

Как бы то ни было, около 16.30 в особняке появился С.Ф. Ахромеев, и без промедления прошел в заранее подготовленную для переговоров комнату. По одну сторону стола сели С.Ф. Ахромеев, заместитель министра иностранных дел В.П. Карпов и я, а по другую — заместитель госсекретаря Р. Бартоломью, Р. Берт и кто-то из американских военных.

Я знал лишь то, что предстояло обсуждать проблему КРВБ, но не имел ни малейшего представления о том, что привез с собой Ахромеев. В таком же неведении был и Карпов (я спросил его, не удалось ли ему хотя бы накоротке переговорить с Ахромеевым до начала переговоров; оказалось, нет, не удалось).

Ахромеев начал с того, что согласился с американским предложением засчитывать за каждым ТБ, оснащенным для КРВБ, по 10 ед. для США и по 8 ед. для СССР. Согласился он и с тем, чтобы американские ТБ оснащались не более, чем для 20 КРВБ. Для советских же ТБ он предложил установить предел не в 16 КРВБ, как это предлагалось американской стороной, а в 12.

Американцы были явно озадачены, поскольку более высокий потолок в 16 единиц, ни к чему нас не обязывая, сохранял бы для нас такую же свободу рук в отношении повышенной загрузки бомбардировщиков крылатыми ракетами, как и для США (и для них и для нас максимальный потолок был бы ровно в два раза выше засчитываемого количества КРВБ). Возможно, они заподозрили какую-то хитрость.

Ахромеев между тем продолжал:

— ...Однако в порядке компенсации за потерю в максимальном количестве КРВБ на одном ТБ Советский Союз должен быть вправе иметь на 40% больше ТБ, оснащенных для КРВБ.

Повторив как заклинание, что критерий дальности должен составлять 600 км, он закончил изложение своих предложений.

Посоветовавшись между собой, американцы задали несколько вопросов. Их интересовало, не собирается ли Советский Союз «прирастить» эти 40% к уже согласованному уровню в 1600 носителей. Ахромеев подтвердил, что нет, не собирается, — эти 40% будут действовать внутри этого уровня. Далее американцы спросили, от какого уровня исчислялись бы эти 40%, ведь, как уже было согласовано, отдельных ограничений для численности ТБ не должно было вводиться, их могло быть сколько угодно в пределах 1600 носителей. В ответ Ахромеев стал развивать идею установления для американских ТБ «плавающих уровней», от которых и исчислялись бы 40 процентов.

Сама по себе концепция, основанная на нашем праве иметь на 40% больше ТБ, выглядела логичной только для тех, кто не знал уже согласованных положений. А в соответствии с ними каждая сторона получала право иметь столько ТБ, сколько она захотела бы — в пределах, разумеется, общего уровня в 1600 носителей. Да и невозможно себе представить, чтобы мы, имея в 3,5 раза меньше тяжелых бомбардировщиков, чем США, смогли бы вдруг превысить их уровень почти в полтора раза. На какие средства? И зачем? В силу особенностей географического положения главным нашим стратегическим компонентом были наземные ракеты.

Идея «плавающих уровней» была совсем странной. Прежде всего, было непонятно, что произойдет с нашими ТБ, построенными в счет дополнительных 40%, если американский уровень «поплывет» в сторону сокращения. Должны ли мы будем ломать наши оказавшиеся вне лимита ТБ, следуя «плаванию» американского уровня? У меня было впечатление, что Ахромеев импровизирует, причем неудачно.

Наверняка, такие же мысли возникли и у американцев. Однако они не стали задавать больше вопросов, видимо, чтобы не спугнуть плывущую им в руки удачу. Вместо этого они попросили сделать перерыв и побежали к Бейкеру. Вернулись они значительно быстрее, чем обычно требуется для согласования с высоким начальст-

вом сложных вопросов, и с порога заявили, что принимают предложение Ахромеева и что сейчас Бейкер предлагает Шеварднадзе немедленно созвать пленарное заседание на министерском уровне для формализации договоренности.

Что и было сделано.

С.Ф. Ахромеев зачитал «для протокола» свои предложения, подчеркнув, что речь идет о «пакете» (с включением в него критерия дальности 600 км). В связи с положением о праве советской стороны иметь сорокапроцентное преимущество по числу тяжелых бомбардировщиков Бейкер заявил, что США могут с этим согласиться, но не принимают какого-либо подуровня для ТБ. На что Ахромеев, подчеркнув, что высказывает свое личное мнение, изложил идею «плавающих потолков». Получив подтверждение, что эта «плаучесть» никак не связывала бы руки США, сколько бы ТБ они ни захотели иметь, Бейкер предложил согласовать последний элемент «пакета» — критерий дальности. Если бы это удалось, весь «пакет» был бы согласован.

Бейкер начал с того, что категорически заявил о неприемлемости 600 км в качестве критерия. Он ссылаясь на то, что позиция США уже сдвинулась с 1500 до 1000 км, а советская позиция застыла на 600 км, что в Вашингтоне его «не поймут», если он пойдет еще дальше, что советская система ПВО гораздо лучше американской и т.д. и т.п.

Со своей стороны Шеварднадзе клялся, что по критерию дальности у него нет в запасе ни одного километра, что в Рейкьявике мы приняли американское предложение по засчету на ТБ боезарядов, не являющихся ядерными КРВБ, что дало им более 100 лишних боезарядов, а сейчас пошли им навстречу по засчету КРВБ, что добавило к их преимуществу еще 1100 боезарядов и т.д.

Все это было святой правдой. Действительно, рубеж в 600 км был исключительно важен для нас, т.к. вся система ПВО СССР была построена на этой основе (этот рубеж был согласован еще в 1973 г. для договора ОСВ-2). Предельный радиус действия самолетов-перехватчиков составлял 600—660 км, а дальность действия зенитно-ракетных комплексов не превышала 400 км. Причем эти средства эффективны только против бомбардировщиков, но не против крылатых ракет, которые летят низко над землей (в 50—100 м от поверхности) и из-за небольшой отражающей поверхности почти невидимы для радиолокационных

средств. Верно было и то, что в результате согласованных правил зачета боезарядов США получали преимущество более, чем в 2100 единиц.

Вообще дискуссия была эмоциональной и сумбурной. Наконец, Бейкер пошел с последнего козыря, заявив, что «был бы готов попробовать договориться на основе дальности в 800 км».

Наступила пауза. Все — и американцы и мы — понимали, что этот ход ставит нас в сложное положение: на переговорах невозможно все время говорить «нет», особенно если другая сторона своими практическими шагами демонстрирует свое стремление к договоренности. Однако затем Ахромеев вновь заявил, что рубеж дальности в 600 км был согласован еще в Рейкьявике. Строго говоря, ответ должен был бы исходить от Шеварднадзе как от лица номер один за столом переговоров. Но он, видимо, решил избежать неприятной миссии и переложил ее на маршала.

Призванные Бейкером в свидетели сотрудники американской делегации, участвовавшие в рейкьявических переговорах, в один голос заявили, что не помнят такой договоренности.

Согласовав совместное сообщение о результатах переговоров, делегации разъехались. В отношении КРВБ в заявлении говорилось: «Что касается крылатых ракет воздушного базирования, стороны достигли значительного прогресса, договорившись на основе пакетного подхода по всем оставшимся вопросам, за исключением вопроса о рубеже дальности».

Следующим важным этапом должна была стать вашингтонская встреча министров (она состоялась 4—6 апреля 1990 г.). До этой встречи за столом официальных переговоров в Женеве вопрос о КРВБ не поднимался, но во время неофициальных встреч Берт время от времени возвращался к нему, подбрасывая мне аргументы в пользу изменения рубежа дальности в 600 км. Каждый раз я ему отвечал, нисколько не греша против истины, что не вижу никакой возможности изменения этой нашей позиции.

Речь шла о рассмотрении этих вопросов на заседании так называемой «комиссии Зайкова»⁶⁸ с последующим утверждением Политбюро директив для поездки Э.А. Шеварднадзе в Вашингтон.

Заседание сначала должно было состояться в субботу 31 марта, но потом его перенесли на 30 марта, о чем я узнал в середине дня 29-го. В результате пришлось добираться с пересадками на каких-то

⁶⁸ См. главу «Внутренняя дипломатия».

случайных рейсах, и в Москву я прибыл в 7 часов утра 30-го. Как бы то ни было около 10.00 я был в «предбаннике» у Л.Н. Зайкова на Старой площади.

Там постепенно накапливались члены комиссии и приглашенные — Председатель КГБ В.А. Крючков, министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, секретарь ЦК по оборонной промышленности О.Д. Бакланов, зампред Совмина и председатель ВПК⁶⁹ И.С. Белосусов, начальник Генштаба М.А. Моисеев, военный советник президента маршал С.Ф. Ахромеев, зав. международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин, секретарь ЦК КПСС по идеологии А.Н. Яковлев, эксперты из министерств и ведомств.

Начали с обсуждения записки по КРВБ (она, как наиболее противоречивая и сложная, шла отдельно от директив по другим вопросам). Как я узнал до заседания, МИД подготовил проект записки, в котором предлагалось утвердить результаты московской встречи министров и добиваться принятия американцами рубежа дальности в 600 км под угрозой «рассыпать весь пакет», т.е. то, что было согласовано в феврале. Однако этот вариант еще до заседания был отвергнут и подготовлен (без участия МИДа) другой, по сути дела дезавуировавший московскую договоренность и, следовательно, Э.А. Шеварднадзе и С.Ф. Ахромеева. В нем предлагался тот же порядок засчета КРВБ, с которым приехали в феврале в Москву американцы (для США — 10 и как максимальный предел — 20, а для нас — 8 и как максимальный предел — 16), но который был ими снят, после того как Ахромеев, ко всеобщему удивлению, предложил, чтобы наш максимальный предел составлял 12 единиц. Кроме того, за будущими типами ТБ обе стороны засчитывали бы максимальное реальное количество КРВБ, для которых они оснащены (это также расходилось с московской договоренностью, которая предусматривала для обеих сторон засчет по 10 единиц). И, наконец, вопреки достигнутой еще в Вайоминге (сентябрь 1989 г.) договоренности, неядерные ТБ предлагалось вновь включить в 1600 стратегических носителей, поскольку, мол, американская сторона не приняла предложенное нами в Вайоминге пакетное решение вопроса ТБ и КРВБ (рубеж дальности — 600 км, правило засчета по реальному оснащению ТБ для КРВБ, незасчет согласованного ко-

⁶⁹ Название этого органа несколько раз менялось, но в то время он, кажется, назывался «Государственная комиссия по военно-промышленным вопросам».

личества ТБ — до 100 единиц — несовременных типов, переоборудованных под обычные вооружения, в уровень 1600 единиц при соответствующем контроле).

Обсуждение этой записки, посвященной одному конкретному вопросу, вылилось по существу в дискуссию гораздо более широкого характера. Нужен ли нам Договор по СНВ — таково было основное направление спора. А за такой постановкой вопроса и за различными взглядами на него явственно были видны разногласия среди высшего руководства страны из-за общей направленности внешней политики и оборонного строительства, да и всего политического курса.

Расстановка сил в высших эшелонах власти прорисовывалась довольно четко.

После общих вводных слов Л.Н. Зайкова взял слово М.А. Моисеев, зачитавший возражения Генштаба против правила засчета КРВБ, которое предлагалось в записке МИДа как дающее США возможность увеличить свое преимущество по боезарядам. Он оспаривал данное нами еще в Рейкьявике на встрече на высшем уровне (1986 г.) согласие на то, чтобы каждый ТБ с ядерными вооружениями, помимо КРВБ большой дальности, засчитывался как единица в оба «потолка» — 1600 носителей и 6000 боезарядов.

Затем выступил маршал С.Ф. Ахромеев, который был предшественником Моисеева на посту начальника Генштаба. Он изложил свое видение ситуации, показав ошибочность ряда подсчетов, содержащихся в выступлении Моисеева. При этом он подчеркнул недопустимость отхода от уже достигнутых договоренностей, тем более принятых на высшем уровне.

Очень резко, с вызовом в адрес президента, прозвучало выступление О.Д. Бакланова. По сути дела не касаясь содержания обсуждаемой записки, он заявил свое «особое мнение» по договору в целом (это его мнение было изложено в приложении к записке). Оно сводилось к тому, что в результате заключения Договора по СНВ соотношение СССР и США по числу боезарядов стало бы 1:1,93 в пользу США (вместо 1:1,4 на март 1990 г.), а с учетом ядерных арсеналов Англии и Франции — 1:2,1. Политический вывод не формулировался, но угадывался довольно легко: заключение Договора по СНВ, а, следовательно, и договоренности на этот счет, достигнутые М.С. Горбачевым с Р. Рейганом, а затем — Дж. Бушем, в т.ч. на мальтийской встрече (о заключении договора в 1990 г.) — роковая ошибка, наносящая ущерб безопасности Советского Союза.

А.Н. Яковлев по сути дела ушел от спора по существу вопроса, ограничившись постановкой вопросов: обезоружим ли мы себя в результате заключения договора, не потеряем ли способность для нанесения «неприемлемого ущерба» США и т.д.

Столь же уклончиво и витиевато высказался В.М. Фалин: с одной стороны, гонка вооружений обременяет нас, но, с другой стороны, в какой мере то ядерное оружие, которое у нас есть, решает задачу нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику? И т.д. и т.п.

Вполне определенно за заключение договора выступил В.А. Крючков. Его логика заключалась в том, что без договора гонка вооружений будет продолжена, мы в ней американцев все равно не догоним, а лишь еще больше измотаем свою экономику, а потому у нас нет другого пути, кроме как к заключению Договора.

С этих же позиций выступил и Шеварднадзе. Говоря о теме записки, он заявил, что не поедет в Вашингтон с инструкциями, которые дезавуируют московскую договоренность по КРВБ. «Почему я не должен был верить маршалу Советского Союза, советнику президента по военным вопросам?» — спрашивал он, имея в виду выдвинутый Ахромеевым в феврале вариант развязки. Маршал Советского Союза при этих словах чувствовал себя явно не лучшим образом.

С неожиданных для меня позиций выступил И.С. Белоусов. Сама аббревиатура Госкомиссии по военно-промышленным вопросам — ВПК — могла расшифровываться как «военно-промышленный комплекс». Представители этой организации всегда на моей памяти отстаивали линию, которую не назовешь иначе как направленную на взвинчивание гонки вооружений и вытягивание средств на военные цели. Однако И.С. Белоусов в весьма сильных и определенных выражениях заявил, что Договор по СНВ «нужен нам как хлеб, как воздух». Экономика наша напряжена до предела, говорил он, и мы просто не в состоянии вернуться к гонке вооружений. Единственная возможность сделать это, говорил он, — через возврат к тоталитаризму, через крах перестройки, а это опять — экономический тупик. Обороноспособность же наша обеспечивается благодаря сдерживающему характеру ядерного оружия не только при соотношении 1:2, но и при более выигрышном для Запада соотношении. Выступление Белоусова меня сильно подбодрило: раз уж руководитель ВПК за Договор, значит, он нам, действительно, позарез нужен.

С.Ф. Ахромееву пришлось трудно. Конечно, он, как лично ответственный за московскую договоренность по КРВБ, вынужден был защищать ее. Однако потом, когда началось обсуждение других вопросов, в частности, КРМБ, маршал попытался отмотить этот свой грех, завинчивая гайки до полного предела.

Л.Н. Зайков старался примирить непримиримые позиции участников совещания. «Нужно двигаться вперед, но с оглядкой», — сделал он заключительный вывод.

После четырех часов безрезультатной дискуссии Шеварднадзе уехал на встречу с министром иностранных дел Франции (был его визит в Москву), и директивы по КРВБ были отложены.

Другие вопросы, в т.ч. и КРМБ, прошли довольно быстро, т.к. то, что было подготовлено, не давало никакого выхода на договоренности. Ухудшать было уже некуда, а улучшать невозможно.

Для того чтобы все-таки принять какое-то решение по КРВБ, назначили на следующий день новое совещание в том же составе.

Видимо, этот тайм-аут был активно использован Л.Н. Зайковым для нахождения компромиссного варианта решения. В результате субботнее заседание продолжалось не более получаса. Л.Н. Зайков объявил, что к варианту засчета КРВБ «8–16» добавляется как альтернативный вариант С.Ф. Ахромеева «8–12», а что касается 115 бывших ТБ, то если американцы согласятся на минимальный рубеж для КРВБ большой дальности в 600 км, то делегация даст из Вашингтона телеграмму и весь «пакет», включая и вопрос о бывших ТБ, будет вынесен на решение президента.

Это последнее добавление насчет возможности решения вопроса о неядерных ТБ сверх уровня в 1600 носителей в директиве включено не было. Слова Зайкова насчет вынесения его на президентское решение, очевидно, были предназначены для того, чтобы хоть немного смягчить впечатление от очень жестких директив, не только не приближавших, но затруднявших договоренность.

Суть этих директив была следующей:

1. Отстаивать рубеж дальности КРВБ в 600 км.
2. Подтвердив правило засчета КРВБ, согласованное в Москве (при максимальном оснащении наших ТБ в 12 КРВБ), попытаться вернуть американцев к их предложению о максимальном засчете для нас в 16 КРВБ.

Конечно, на такой основе результативного разговора получить не могло. Отказ от собственных предложений, даже если они входят в несогласованные «пакеты», — дело скандальное. А тут мы отказывались сразу от трех предложений! Введение ограничений на «плавающий» уровень, не оговоренных в Москве при выдвижении предложения о таком уровне, означал отход и от этого предложения.

С этой позицией наша делегация и отбыла в Вашингтон на встречу Шеварднадзе с Бейкером.

Утром 5 апреля на встрече министров в узком составе Дж. Бейкер в резкой форме охарактеризовал наши предложения как движение вспять, ставящее под угрозу июньскую встречу президентов. Завершая встречу во второй половине дня, министры решили поручить Р. Бартоломью и Р. Берту, С.Ф. Ахромееву и мне поискать в течение ночи возможные решения.

Ну какие решения можно найти, когда на руках висят пудовые оковы в виде железобетонных инструкций, а за спиной, в Москве, уже наточили ножи, чтобы разделаться с переговорщиками, если они хоть на йоту отойдут от этих инструкций? Но коль скоро получен приказ «поискать решения», значит, надо искать.

Думаю, что Р. Бартоломью и Р. Берг, как и мы, хорошо понимали бессмысленность нашего ночного бдения. Но, тем не менее, они в течение всей ночи честно вели с нами игру под названием «поиск решения», обозначая добросовестное выполнение министерского приказа.

Быстро договорились о правилах игры («провести обзор всех несогласованных вопросов и посмотреть, где можно сблизить позиции») и приступили к ночному марафону. Заседали в комнате для совещаний, примыкавшей к кабинету Бартоломью, постоянно взбадривая себя кофе из огромных термосов.

Помимо КРВБ, в нашу задачу входило рассмотрение и проблемы КРМБ. И там положение было столь же тупиковое.

Разумеется, никакого продвижения ни по одному из вопросов найдено не было. С.Ф. Ахромеев, обжегшийся в Москве на попытке найти решение по КРВБ, вел себя предельно жестко и ни на какие отклонения от официальных позиций не шел. Конечно, осуждать его за это ни в коем случае нельзя. По сути дела, он стал жертвой той тактики, с помощью которой М.С. Горбачев боролся со своими политическими противниками, пробивая лбами соратников и советников бреши в завалах «старого

мышления». Полученные синяки болели и получать новые не хотелось.

Где-то часа в 3 устроили перерыв, чтобы передохнуть. Немного размялись, поговорили на отвлеченные темы. Не помню, с чего начался разговор, но хорошо запомнил, как Ахромеев вдруг сказал Бартоломео:

— Вы знаете, я убежденный коммунист. Я абсолютно уверен, что будущее за коммунизмом, и я делаю и буду делать все, что в моих силах, чтобы оно наступило скорее. Да, и могу ли я думать иначе? Я, крестьянский сын, которому советская власть дала все — знания, высокое положение, почет.

Впоследствии, когда осенью 1991 г. я узнал о самоубийстве Сергея Федоровича, у меня, ошеломленного, в памяти мгновенно возникла эта сцена — ночь, Вашингтон, Государственный департамент США. Вспомнилась абсолютная искренность, с которой он, утомленный ночной работой, поделился с симпатичным ему собеседником сокровенным. Думаю, что, будучи натурой цельной и искренней, он не мог пережить трагедии крушения того, во что он свято верил. И как ни относиться к убеждениям другого человека, если эти убеждения столь тверды и глубоки, человек этот заслуживает величайшего уважения.

После вашингтонской встречи, в конце апреля — начале мая 1990 г., между Дж. Бейкером и Э.А. Шеварднадзе происходил обмен предложениями по проблеме КРВБ — ТБ, в результате чего наметилось сближение позиций. Но во всех вариантах решения США исходили из того, что критерий дальности для КРВБ должен быть не меньше 800 км, мы же по-прежнему настаивали на 600 км.

16 мая в Москве, в особняке МИДа на ул. Ал. Толстого, началась очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. Мне она запомнилась как связанная, прежде всего, с решением вопроса о рубеже дальности для КРВБ.

Два дня — 17 и 18 мая — американские и наши эксперты бились над узлом проблем КРВБ-ТБ, приводя к единому знаменателю договоренности, наметившиеся в начале мая. Вроде бы, все получалось, за исключением рубежа дальности.

Выше уже говорилось о том, что стояло за нашей неуступчивостью. Была своя причина и у американцев. В США готовилась в производство крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу», дальность действия которой должна была быть более 600, но менее 800 км. Ее не предполагалось оснащать ядерными боеголовками, но в соответст-

вии с уже согласованными положениями⁷⁰ она должна была относиться к КРВБ «будущих типов» и в этом качестве ей следовало иметь видимые для инспекторов отличия от КРВБ в ядерном оснащении — по длине планера, форме сечения, конфигурации стабилизатора, узлам крепления и т.д. С этим, однако, возникали сложности: «Тэсит Рейнбоу», спроектированная еще до того, как возникло требование об отличимости ядерных и неядерных КРВБ будущих типов, в принципе могла быть превращена в ядерную, а у наших экспертов не было уверенности, что это переоснащение поддавалось бы обнаружению обусловленными в Договоре средствами.

Поздно вечером 18 мая переговоры были прерваны, и американцы отправились в посольство докладывать Бейкеру о положении дел. Настроение было мрачное. Договоренность, которая, казалось бы, уже забрезжила, не получалась. Условились, что будем ждать реакции Бейкера на следующее утро.

К 8.00 19 мая, в субботу, вся наша команда была в особняке. Вскоре прибыл Э.А. Шеварднадзе. Стали перебирать возможные варианты на случай отказа американцев от рубежа в 600 км. Что делать в этом случае? Не рассматривался лишь один вариант — о нашем отказе от этого рубежа. Собственно говоря, от американской стороны требовалось, чтобы она, наконец, официально приняла рубеж дальности в 600 км и дала заверения в том, что крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу» не будет нести ядерных зарядов. В этом случае советская сторона в порядке исключения соглашалась бы рассматривать ее как неядерную.

Между тем, до отлета Бейкера из Москвы оставалось несколько часов, а ответа от него все не было.

Выйдя из зала, где проходило совещание, а точнее — коллективное томительное ожидание ответа, я увидел в дверях сотрудника американского посольства, пытавшегося объясниться со швейцаром. В руках у американца был пакет. Распечатав его и быстро пробежав текст, я понял, что все в порядке. Дж. Бейкер подтверждал, что «Тэсит Рейнбоу» является неядерной ракетой и давал согласие

⁷⁰ Первые летные испытания «Тэсит Рейнбоу» были проведены до 31 декабря 1988 г., т.е. до той даты, которая, по достигнутой ранее договоренности, отделяла «существующие типы» КРВБ от «будущих типов» КРВБ. Однако договоренность оговаривала, что имеются в виду летные испытания, проведенные с тяжелого бомбардировщика. Поскольку ракета «Тэсит Рейнбоу» была испытана с самолета другого типа, она должна была рассматриваться как «ракета будущего типа».

на то, что «если неядерная КРВБ когда-либо была бы превращена в ядерную, в этом случае на эту ракету распространялись бы все ограничения Договора СНВ, относящиеся к ядерным КРВБ». Эти заверения давали нам возможность в настоящее время сделать исключение для «Тэсит Рейнбоу», не засчитывая ее в число ядерных боезарядов, что позволяло американцам согласиться, наконец, на 600 км в качестве минимального рубежа дальности и критерия для КРВБ большой дальности.

Конечно, сейчас все эти тревожения могут показаться сильно преувеличенными и попросту странными. Совсем другие, гораздо более крупные заботы волнуют людей. Да и от самой ракеты «Тэсит Рейнбоу», причинившей столько хлопот, США вскоре полностью отказалась, прикрыв программу.

И тем не менее, в истории переговоров по стратегическим вооружениям это был один из драматических моментов. США приняла нашу позицию по рубежу дальности, которую мы отстаивали с самого начала переговоров.

Вообще, надо сказать, американцы на всех уровнях — очень жесткие переговорщики. Но поняв, что уперлись лбом в твердую стену, они, как правило, проявляют гибкость и находят разумные решения, если, разумеется, заинтересованы в договоренности.

Остается рассказать, чем закончилось выправление другой нашей ошибки — о «плавающих» уровнях и засчете КРВБ. Таких уровней в Договоре нет. Вместо них предусмотрены фиксированные уровни — 180 для СССР с засчетом в пределах этого уровня по 8 КРВБ, и 150 — для США с засчетом по 10 КРВБ. Сверх этих уровней засчет ведется по максимальной реальной оснащенности. Максимальная оснащенность для США — 20 КРВБ, для СССР — 16 КРВБ.

Так в конечном счете удалось поправить две ошибки, допущенные в ходе переговоров, — нефиксирование договоренности о рубеже дальности для КРВБ и занижение максимально допустимой оснащенности крылатыми ракетами большой дальности на наших тяжелых бомбардировщиках. И в том и в другом случае помог «пакетный» подход. Но для этого потребовалось много времени и сил.

Московская встреча министров в мае 1990 г. решила основные вопросы, связанные с ТБ и КРВБ. Однако и после нее продолжали всплывать детали, требующие согласования, — вопросы контроля, уточнение понятий и т.д. О некоторых из них будет рассказано в главе, посвященной заключительному этапу переговоров.

Конфиденциальность и «утечки»

В декабре 1989 г. я оказался проездом в Вашингтоне⁷¹. Мое кратковременное пребывание там было решено использовать для неофициального зондажа возможного решения проблемы крылатых ракет морского базирования (КРМБ). В то время это была главная «заноза», которую мы пытались вытащить.

При всей важности этой проблемы она была, конечно, не единственная. Но другие проблемы либо должны были еще «вылежаться» (например, по мобильным МБР, по которым Вашингтон еще не определился — разворачивать или прикрыть проект), либо могли быть пока отложены. А нерешенность проблемы КРМБ тормозила продвижение по некоторым другим направлениям.

Формальных инструкций на эту встречу у меня не было. Было лишь устное благословение руководства МИДа. Конечно, в Москве я провел необходимую подготовку к этому разговору, посоветовавшись со своими коллегами не только в МИДе, но и в Генштабе. В результате я пришел к выводу, что главное для нас — получить гарантии от США, которые позволяли бы учитывать КРМБ большой дальности в связи с Договором по СНВ, для чего необходимо знать их количество на каждый год и установить общий предельный уровень. Разумеется, возникал вопрос о контроле за соблюдением такого уровня.

Мы встретились с Бертом в кафе отеля «Мариот», где я остановился. Уточнив организационные вопросы предстоящего в январе следующего года раунда, мы приступили к обсуждению КРМБ.

Подчеркнув, что собираюсь поразмышлять вслух на эту тему, не имея на этот счет каких-либо инструкций, я просил Берта соблюсти особую конфиденциальность беседы и исключить возможность каких-либо ссылок на мои слова при более официальных встречах.

Подобные беседы в переговорной практике представляют собой определенный риск, поскольку недобросовестный собеседник может в дальнейшем ради выторговывания уступок другой стороны сослаться на допущенные в ходе неофициальной беседы отклонения от официальной позиции как на обещания эту позицию изменить. Однако без такого зондажа порой бывает невозможно выбраться

⁷¹ В этой поездке я возглавлял группу экспертов, которые по приглашению американцев должны были посетить некоторые научно-технические центры США, занимавшиеся подготовкой противоракетной обороны (см. главу 5. «Звездные войны» в космосе и на переговорах).

из тупика и нащупать решение спорного вопроса. Подобные неофициальные беседы помогают обоим собеседникам подготовить предложения в свои столицы о таком изменении позиций, которое ведет к их сближению.

К тому времени у нас с Бертом уже установились вполне доверительные отношения. Я имел возможность убедиться в его добросовестности и порядочности и знал, что он соблюдает правила переговорной игры.

Ко времени нашего разговора в отеле «Мариот» позиции СССР и США по КРМБ были весьма далеки друг от друга.

Советская сторона, хотя и дала согласие на то, чтобы предел ядерных КРМБ большой дальности устанавливался не в тексте Договора, а иным путем (например, с помощью соответствующих взаимных обязательств в связи с Договором), продолжала настаивать на контроле за соблюдением этого предела. Американцы возражали против контроля, ссылаясь на невозможность его осуществления. Для того чтобы повлиять на эту их позицию, советское руководство пошло даже на то, что пригласило американских специалистов на эксперимент, который был проведен на крейсере «Слава» для демонстрации тех методов, которые могут быть использованы для обнаружения ядерных КРМБ. Не знаю, кто у нас додумался до такого эксперимента, во всяком случае он был заранее обречен на нулевой результат. Американцы, конечно, охотно согласились побывать на современном советском ракетноносце (не каждый день выпадает удача — за просто так познакомиться с секретами потенциального противника!), но, естественно, остались при своем прежнем мнении о невозможности контроля.

Не было также согласия ни в отношении характера обязательств об уровнях КРМБ, ни об их значении (мы называли 400 ед. для ядерных КРМБ большой дальности, либо 1000 ед. для всех КРМБ, а США планировали развернуть 4000 ед. КРМБ, в том числе 758 ядерных КРМБ большой дальности).

Наконец, не способствовали решению проблемы и наши попытки увязать КРМБ с сокращением военно-морских вооружений в более широком плане. США категорически против этого возражали.

Наш разговор в отеле «Мариот» Р. Берг начал с подробного объяснения позиции США. Он говорил о невозможности для США принять на себя юридические обязательства в отношении КРМБ — будь то в рамках Договора или вне их, — так как такие обязательства потребовали бы ратификации, но, по его словам, не были бы

ратифицированы. В то же время, говорил он, если бы стороны договорились заранее объявлять, сколько ядерных КРМБ большой дальности каждая из них собирается развернуть, не потребовалось бы контроля, так как, по крайней мере в том, что касается США, они были бы связаны размером тех средств, которые ассигновывались бы Конгрессом США на такие КРМБ.

Я, со своей стороны, пытался выяснить, в каком направлении можно было ожидать развития позиции США. У меня в результате разговора окрепло убеждение, что США не смогут пойти дальше обмена политическими заявлениями, приняв на себя какие-либо юридические обязательства в отношении КРМБ с их последующей ратификацией. Следовательно, поиск решения необходимо было направить на разработку содержания политических обязательств, которые могли бы нас удовлетворить. Вокруг этого и шли наши «рассуждения вслух».

Вернувшись в Москву, я рассказал о беседе с Бертом заместителю министра иностранных дел В.П. Карпову, который, собственно, и поручил мне провести этот зондаж. Он согласился, что о контроле над КРМБ договориться не удастся и добавил, что, ведь, при этом и наши КРМБ не будут контролироваться американцами.

Вскоре состоялась очередная «рабочая пятёрка», на которой обсуждался проект директив к предстоящему XIII раунду переговоров. Дискуссия была острой. Представители МИДа пытались получить какие-то «подвижки» в нашей позиции на переговорах, в т.ч. по КРМБ, а военные на это не шли (в то время Генштаб еще не перестроил своих планов с учетом сокращений по Договору). После моего, видимо, чересчур горячего выступления в пользу изменения позиций ведущий заседание генерал-полковник со словами «а вот я сейчас зачитаю один документ» открыл лежавшую перед ним папку и прочитал, что Ю.К. Назаркин в ходе встреч с Бертом в Вашингтоне вместо того, чтобы отстаивать позиции Советского Союза, отходил от этих позиций, допуская возможность ограничения КРМБ не в тексте Договора, а путем односторонних заявлений, которые носили бы обязывающий характер, но не подлежали бы проверке путем инспекции судов. В этом была суть документа, хотя текст его был значительно более пространный.

Генерал закончил чтение и закрыл папку. Он не пояснил, что за документ он зачитал. Сам прочитанный текст также не содержал ссылок на какие-либо источники и никоим образом не раскрывал характера документа. Но та многозначительность, с которой он

был оглашен, очевидно, предназначена была для того, чтобы заставить думать, что документ является агентурным донесением, что, мол, от нас никуда не спрячешься, что каждое твое слово, сукин сын, нам известно и что поэтому давай-ка ты не рыпайся.

В моей жизни это был первый случай, когда мне зачитали донос на меня. И, конечно, ощущение было не из приятных. Прошло какое-то время, прежде чем я понял происхождение этого документа.

Американские газеты поступали в МИД с запозданием. И вот где-то в начале января 1990 г. ко мне, наконец, попадает «Нью-Йорк таймс» от 19 декабря 1989 г. со статьей военно-политического обозревателя Майкла Гордона под заголовком «Советы смягчают свою позицию по КРМБ, — говорит американский источник». В этой статье была изложена та же информация, что и в документе, зачитанном на совещании «пятерки». А коль скоро это совещание состоялось через несколько дней после 19 декабря, очевидно, в документе, пришедшем в Москву, скорее всего, по «линии Генштаба», была пересказана статья М. Гордона. Неясно было лишь, кто опустил ссылку на статью — зачитывавший депешу генерал или ее авторы.

Эта утечка сильно осложнила согласование вопроса о КРМБ. Генштаб, не дававший санкцию на консультации, использовал ее для обвинений МИДа в несогласованных действиях и заблокировал внесение изменений в нашу позицию по КРМБ. Только через полгода во время очередной встречи министров иностранных дел СССР и США с участием представителей Генштаба удалось развязать этот узел. Кстати, сделано это было на той основе, которая вырисовалась в ходе моих вашингтонских консультаций. В тех заявлениях, которыми стороны обменялись при подписании Договора, СССР и США приняли на себя следующие политические обязательства:

— в течение всего срока действия Договора каждая сторона будет указывать максимальное количество развернутых ядерных КРМБ с дальностью более 600 км на каждый год из последующих пяти лет действия Договора;

— заявляемое количество ядерных КРМБ в течение срока действия Договора не будет превышать 880 ед.

Эти обязательства означали, что каждая из сторон будет знать на пять лет вперед о планах развертывания ядерных КРМБ большой дальности другой стороны, число которых никогда не должно превышать 880 ед.

Кроме того, стороны обязались обмениваться конфиденциальной информацией о том, какие конкретно типы (т.е. какого класса)

надводных кораблей и подлодок способны нести развернутые КРМБ, и о количестве ядерных КРМБ с дальностью между 300 и 600 км, развернутых на надводных кораблях и подлодках. Они обязались также не производить и не разворачивать ядерные КРМБ с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения и продолжить поиск взаимоприемлемых и эффективных методов контроля в отношении ядерных КРМБ большой дальности.

Разумеется, когда перед началом очередного раунда переговоров в Женеве я увидел Берта, то не преминул выразить ему свое возмущение разглашением нашего конфиденциального разговора. Подобные утечки осложняют ход переговоров, сковывают действия переговорщиков в поиске взаимоприемлемых развязок. И уж совсем недопустимо, когда в ходе таких утечек происходит искажение реальной картины, как это произошло в данном случае (мои «рассуждения вслух» были поданы американской газетой как изменение официальной позиции Советского Союза).

Лицо Берта покрылось красными пятнами.

— Я надеюсь, ты не думаешь, что это я дал утечку? — спросил он.

Пикантность ситуации усугублялась тем, что Берт когда-то сам работал военно-политическим обозревателем, причем именно в этой же газете — «Нью-Йорк таймс». И он прекрасно понимал взрывчатую силу подобных утечек.

Я не подозревал Берта в умышленном разглашении информации хотя бы потому, что он сам был кровно заинтересован в успехе переговоров. Но он не обеспечил конфиденциальности, в результате чего кто-то из его коллег разгласил деликатную информацию в ущерб переговорам. Все это в весьма резкой форме я и высказал американцу.

Согласившись с этим, Берт заверил меня, что впредь будет соблюдать все меры предосторожности, чтобы подобных утечек не повторялось. И, надо сказать, он сдержал слово. Конечно, нам еще не раз приходилось вступать на тонкий лед неофициальных поисков развязок — и по его инициативе, и по моей. Но больше ни разу мне не приходилось узнавать из газет о содержании наших доверительных бесед. Разумеется, аналогичную дискретность проявлял и я. Правда, мне было это легче делать, так как в то время наши журналисты еще не научились вынюхивать секреты, а редакции — публиковать их, без оглядки на государственные интересы. Все это по-настоящему началось позже, уже после того, как Договор был подписан.

После того как инцидент был исчерпан и мы заказали еще по одному кофе, Берт стал вспоминать свой собственный журналистский опыт, связанный с добычей информации. Для меня это было чрезвычайно интересно.

Помню его рассказ, связанный с получением им информации о предстоявшей операции освобождения американских заложников в Иране. Как он ее получил, он, естественно, не рассказал, но зато поведал, как его заставили не публиковать эту сенсацию. Его пригласили к высокому начальству в «соответствующие органы» и познакомили с планом операции по освобождению заложников, то есть в общем сообщили то, что он уже знал от своих источников. А теперь, — сказали ему, — если вы опубликуете материал, то разгласите доверенные вам совершенно секретные данные, что будет нарушением не только вашего долга американского гражданина, но и законодательства США. Естественно, эта информация опубликована не была.

Конечно, журналист может купить информацию, может «вычислить» ситуацию. Но часто утечки бывают специально организованными, когда одна из сторон выпускает в средства массовой информации сведения, чтобы повлиять на общественное мнение своей страны, либо на позицию другой стороны на переговорах. Дело это очень тонкое и рискованное, требующее тщательного и всестороннего учета всевозможных последствий, так как порой плохо продуманная утечка может дать эффект, прямо противоположный желаемому. По-английски такие последствия называются коротко и выразительно: *unintended consequences* (непредусмотренные и нежелательные последствия).

За время переговоров, пока разрабатывался Договор по СНВ, американская сторона не раз прибегала к утечкам. Мы же, как правило, шли на раскрытие хода переговоров в порядке реакции на американские утечки, для придания картине «сбалансированности». По сути дела до 1991 г. все то, что появлялось в нашей прессе, идентифицировалось с официальными источниками. Американцы же могли прикрываться «свободой печати»: сами, мол, не знаем, как эти проныры-журналисты докопались до этой информации, ну, а запретить печатать то, что они хотят, не можем, ведь в свободной стране живем.

Вообще внимание к переговорам в мире было очень велико. Приходилось часто выступать на пресс-конференциях, давать интервью, участвовать в различного рода дискуссиях. Каждый раз

нужно было очень тщательно дозировать информацию, чтобы не нарушить договоренность о конфиденциальности переговоров, проявлять осторожность, давая оценки уже найденным решениям: в чью пользу та или иная договоренность — СССР или США? Всегда следовало думать о том, как твоя оценка будет воспринята «по другую сторону баррикады» (не говоря уж о своей собственной стороне).

Р. Берт в своих выступлениях «на публику» был аккуратен. За все время переговоров с нашей стороны к нему не было ни одной претензии. Не возникало таких претензий и у америакнцев ко мне.

Но вот однажды в американской газете «Вашингтон Пост» была опубликована статья о переговорах, которая создала большую угрозу для Договора. Статья появилась 3 апреля 1990 г. Это был сложный период, когда обеим сторонам еще предстояло принять трудные политические решения для того, чтобы подписание Договора стало возможным. Написал статью военно-политический обозреватель газеты Джеффри Смит — обычно хорошо информированный, прекрасно разбирающийся в тонкостях военно-политических вопросов, серьезный журналист.

В статье давались оценки уже согласованным положениям Договора с явным перекосом в пользу США. Договор «позволит США продолжать развертывать примерно такое же количество боезарядов, которым США располагают в настоящее время». Они «получат возможность развернуть средств примерно на 15 процентов больше, нежели имелось в их распоряжении восемь лет назад, когда были начаты переговоры о сокращении стратегических вооружений». «Договор не предусматривает ликвидации практически ни одного из тех американских стратегических вооружений, которые были произведены за последнее десятилетие в ходе процесса интенсивной модернизации. Не ограничивается Договором и производство тысяч американских ядерных крылатых ракет, ракет подводных лодок и авиационных бомб в дополнение к уже существующим». С таких утверждений начиналась статья. Каждое из них было достаточно тонко, даже лукаво сформулировано, чтобы не вступать в явное противоречие с действительностью. В то же время картина в целом была серьезно искажена, причем с очевидным стремлением показать, какие выгоды получают США от заключения Договора в ущерб Советскому Союзу.

Взять хотя бы утверждение о том, что Договор не ограничивает производство американских ядерных крылатых ракет, ракет

подводных лодок и авиационных бомб. Да, действительно, Договор таких ограничений не предусматривает, так как он вообще не касается сферы производства СНВ. Следовательно, оно не ограничивается и для другой стороны. Кроме того, взвесить уступки каждой стороны можно только в контексте всего Договора: в отношении одних видов вооружений преимущества получала одна сторона, а по другим выигрывала другая.

Конечно, статья Дж. Смита подыгрывала тем кругам в администрации США, которые выступали за заключение Договора. И, видимо, внутри США свою положительную роль она сыграла, Но эффект, который статья произвела в Москве, вряд ли входил в расчеты ее автора.

Вскоре после появления статьи я оказался в Вашингтоне, где проходила очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. После окончания одной из пресс-конференций, в которых я принимал участие, ко мне подошел Дж. Смит. Его интересовал вопрос, который он, естественно, не стал задавать во время пресс-конференции — мое мнение о его статье от 3 апреля. Было видно, что его беспокоит резонанс от нее в Москве.

Я откровенно ответил, что статья вооружает противников Договора в Москве дополнительной аргументацией против его заключения, а высокая репутация ее автора, известного своей объективностью и высокой профессиональной квалификацией, усугубляет негативное воздействие статьи.

— Вы считаете, что я искажил какие-нибудь факты? — с беспокойством спросил Смит меня.

— Каждый факт сам по себе вроде бы правилен, хотя некоторые из них поданы не точно. Но самое главное, что картина в целом получилась сильно искаженной: она тенденциозно показывает, какие выгоды получают США от заключения Договора, умалчивая об их уступках в пользу СССР.

В то время я еще не знал, какая угроза на самом деле исходила от статьи. Узнал я об этом, когда вернулся в Москву. Она послужила основанием для секретаря ЦК КПСС по оборонным вопросам О.Д. Бакланова вновь поставить перед политическим руководством Советского Союза вопрос о недопустимости заключения Договора по СНВ, который якобы рубит под корень («и это признают сами американцы») всю обороноспособность советского государства.

Как я слышал, этот вопрос рассматривался на Совете обороны, где после острого обсуждения все-таки были подтверждены позиции,

из которых исходила наша делегация на переговорах. В то время авторитет М.С. Горбачева, хотя уже был сильно подточен, все же оказался достаточно высок, чтобы его слово оказалось решающим. Однако ситуация, возникающая в связи со статьей Дж. Смита, показывает, какие осложнения могут возникнуть из-за односторонних оценок.

Закулисная борьба вокруг договора велась, естественно, не только у нас, но и в Вашингтоне. Иногда кое-что на этот счет просачивалось в печать. Но я расскажу об одном случае, с которым мне пришлось непосредственно столкнуться. Он был связан с тяжелыми ракетами. Но сначала нужно пояснить, что это за проблема — тяжелые ракеты.

На протяжении всех долгих лет, пока велись переговоры, вплоть до их заключительного этапа, вопрос о тяжелых МБР крайне болезненно воспринимался американцами. Дело в том, что эти ракеты были только у нас и, как видно, они представляли грозную опасность для США.

Еще на ранней стадии переговоров стороны условились, что к тяжелым МБР, на которые должны вводиться более жесткие ограничения, относились бы ракеты со стартовым весом, превышающим 106 т. Почему был установлен такой рубеж? Чисто прагматически. Первоначально американцы предлагали, чтобы рубеж проходил немного выше стартового веса их ракеты МХ («Пискипер») — 88,1 т. Тогда все американские ракеты относились бы к легким, а три типа наших ракет — к тяжелым. Договорившись о рубеже для тяжелых ракет в 106 т., мы тем самым включили в категорию легких наши ракеты РС-18 (СС-19)⁷² и РС-22 (СС-24), стартовый вес которых был несколько меньше 106 т. Таким образом, к тяжелым ракетам был отнесен только один тип, имевшийся у нас, — огромная МБР РС-20 (СС-18), и по весу и по габаритам более, чем вдвое превосходившая все другие — и наши, и американские — ракеты⁷³.

Почему мы оказались обладателями такого монстра, а у американцев ничего похожего не было? Видимо, не потому, что американская техника не могла создать столь мощных двигателей, которые требовались для тяжелых ракет. Скорее наоборот: ее более высокий уровень позволял обойтись без них.

Отставая от американцев в точности наведения боеголовок на цель, мы старались компенсировать это отставание более мощны-

⁷² Здесь и далее в скобках даются натовские обозначения наших ракет.

⁷³ Стартовый вес МБР РС-18 — 105,6 т., РС-22 — 104,5 т., а РС-20 — 211,1 т.

ми боезарядами. Утяжеляли наши ракеты и большие допуски, которые требовались, например, для наших теплостойких материалов, которыми облицовывались ракеты, и более громоздкая приборная часть. Ну, конечно, нельзя забывать и того, что в силу особенностей нашего географического положения в стратегической триаде приоритет у нас отдавался наземному компоненту, в то время как США большой упор делала на воздушный и морской.

Как бы то ни было, у нас еще в 60-е гг. появилась тяжелая ракета РС-20, оказавшаяся на редкость удачной. 308 таких ракет, с дальностью действия 11 тыс. км, оснащенных 10 мощными боеголовками с высокой точностью попадания (по американским оценкам, это была в то время самая точная из наших стратегических баллистических ракет), представляли, несомненно, грозную силу. А большой забрасываемый вес (8,8 т. — в два раза больше, чем у американской МБР МХ) создавал хорошие потенциальные возможности для преодоления средств ПРО.

Американцы с самого начала разработки Договора по СНВ попытались добиться полного запрещения и уничтожения ракет РС-20. Для обоснования такой позиции они ссылались на то, что это самый дестабилизирующий вид СНВ. Иными словами, в кризисной ситуации, когда дело дойдет до глобального конфликта, именно они выстрелят первыми, так как в противном случае их ШПУ будут подавлены первым ядерным ударом противника, причем одной боеголовки, ну максимум двух — для подстраховки, достаточно для того, чтобы уничтожить сразу десять мощных боеголовок. Это, мол, обстоятельство делает тяжелые ракеты особо привлекательной целью для первого ядерного удара, что в свою очередь побудит сторону, обладающую такими ракетами, не дожидаясь удара, самой нанести его этими ракетами.

Определенная логика здесь есть, но она применима отнюдь не только к тяжелым ракетам, а к любым многозарядным МБР шахтного базирования. Почему, например, МХ менее дестабилизирующая ракета, чем РС-20? Она тоже шахтного базирования, и тоже с десятью боеголовками. Причем повышенная точность⁷⁴ этой ракеты делает ее не менее, а более опасной по сравнению с РС-20,

⁷⁴ Круговое вероятное отклонение (КВО) ракеты МХ — 90 м, мощность боеголовки — 30 кт. Для сравнения: КВО нашей ракеты РС-20 — 230 м, мощность боеголовки — 500-550 кт. (Данные приводятся по американским источникам).

а следовательно, и более привлекательной как цель первого удара. Следуя той же логике, ракету МХ уж никак не отнесешь к менее дестабилизирующим по сравнению с ракетой РС-20.

Впрочем, оперируя концептуальными подходами там, где это было для них выгодно, американцы становились чистыми прагматиками в тех случаях, когда концепции входили в противоречие с их реальными интересами. Именно такая ситуация сложилась с мобильными МБР, о чем будет рассказано ниже.

Что же касается тяжелых МБР, то в конце концов договорились об их сокращении ровно наполовину: с 308 до 154 (к концу предусмотренного Договором семилетнего периода уничтожения СНВ). Ведь первоначально весь Договор замышлялся как 50-процентное сокращение всех СНВ. Эта договоренность была достигнута на рейкьявикской встрече на высшем уровне в 1986 г. и затем зафиксирована в Совместном заявлении М.С. Горбачева и Р. Рейгана по результатам их следующей встречи — в Вашингтоне в декабре 1987 г. (в Рейкьявике согласовать каких-либо совместных документов не удалось).

Тем не менее, американцы не считали вопрос о тяжелых МБР решенным и продолжали добиваться дальнейших ограничений на них, которые привели бы остающиеся 154 ракеты к постепенному вымиранию. Речь шла о запрете на их летные испытания и модернизацию, что, действительно, привело бы к невозможности поддержания в боеспособном состоянии эти МБР.

Договориться о тяжелых ракетах удалось лишь в начале октября 1990 г. в результате встречи министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и государственного секретаря США Дж. Бейкера, которая состоялась в Нью-Йорке в ходе сессии ГА ООН. Американцы сняли свое требование о полном уничтожении тяжелых ракет, согласившись с некоторыми ограничениями на них — в дополнение к пятидесятипроцентному уничтожению. В результате в Договор был включен запрет на создание новых типов таких ракет (с сохранением возможности модернизации существующих типов без увеличения их стартового и забрасываемого весов), мобильных ПУ тяжелых МБР и тяжелых БРПЛ. Запрещалось понижать засчитываемое за тяжелой МБР количество боезарядов (10 единиц), хотя, разумеется, не возбранялось понижать это число в реальности (если тяжелая МБР была бы оснащена вместо 10 боезарядов, скажем, тремя, за ней все равно засчитывалось в суммарный уровень 6 тыс. единиц 10 боезарядов). Наконец, не допускалось создание

дополнительных ШПУ тяжелых МБР, кроме как вместо ликвидированных.

Таким образом, эти ограничения касались в основном не существующих типов, а будущих, гипотетических вариантов. При всем напряжении фантазии невозможно представить себе какое-либо мобильное средство — железнодорожное и тем более грунтовое — с которого можно было бы осуществить запуск громады весом более 100 т. И длиной в 40 метров. Очевидно, такая задача очень трудно осуществима и применительно к подводной лодке. По сути дела дополнительные ограничения сводились к неувеличению стартового и забрасываемого весов, которые и без того были неминуемо большими, и к сохранению засчета 10 боезарядов независимо от их реального количества, т.е. к распространению на тяжелые МБР того правила, которое должно было действовать и на большинство других ракет как наших, так и американских. Что же касается ограничения в отношении новых ШПУ, то аналогичное ограничение было согласовано для всех МБР с той лишь разницей, что для всех ШПУ действовал общий ограничитель в 1600 носителей и 4900 боезарядов на БР, а для ШПУ тяжелых МБР действовал бы еще один ограничитель, который был уже давно согласован — 154 единицы, или 50% от развернутых МБР.

Наибольшие сложности возникли при согласовании выдвинутого нами условия о строительстве новых ШПУ (как выяснилось, хотя у нас не было определенного намерения передислоцировать ШПУ тяжелых ракет, но хотелось на всякий случай сохранить такую возможность).

Встреча Э.А. Шеварднадзе с Дж. Бейкером происходила в нашем представительстве в Нью-Йорке. Пока они обсуждали другие вопросы (сокращение обычных вооружений, ближневосточная проблема и др.), Р. Берт и я в одной из комнат рядом с залом, где заседали министры, согласовывали предложения для доклада им. Время от времени то он, то я обращались к экспертам, которые располагались неподалеку, в небольшом холле. Когда дело дошло до последнего препятствия — передислокации ШПУ тяжелых МБР, — Берт довольно долго совещался со своими экспертами, а затем сообщил мне, что он мог бы рекомендовать Дж. Бейкеру принять всю договоренность по тяжелым МБР как пакет, включая возможность передислокации, но что Бейкер наверняка поставит вопрос, зачем нам нужна эта передислокация. В наших инструкциях, предписывавших добиваться возможности пере-

дислокации ШПУ, к сожалению, не было никакой мотивировки. Я поэтому, на свой страх и риск, ответил, что готов объяснить ему, Берту, мотивы, но что не советую поднимать этот вопрос на встрече министров, так как в этом случае с нашей стороны потребовался бы официальный ответ, что было бы значительно сложнее и дольше, поскольку потребовалось бы согласование с Москвой. Переговорив с Бейкером, Берт дал согласие и предложил подышать воздухом.

Мы вышли из нашей миссии и пошли вокруг квартала, где было наше здание: Шестьдесят седьмая стрит — Лексингтон — Шестьдесят шестая стрит — Третья авеню — Шестьдесят седьмая. Видимо, Берт считал, что вне родных стен, «которые слышат», я буду более откровенен.

Я, действительно, не знал, зачем нашим военным нужно было сохранить возможность передислокации тяжелых ракет, но решил на свой страх и риск высказать собственные суждения, подчеркнув, что я их высказываю в сугубо личном порядке. Начал я с напоминания об отсутствии в проекте договора аналогичных ограничений в отношении ШПУ других ракет (разумеется, в рамках общего ограничительного «потолка»)⁷⁵. И это естественно, — продолжал я импровизировать, — поскольку нельзя исключать возникновения аварийной обстановки как в связи с длительным сроком эксплуатации, так и в результате землетрясения и др. стихийных явлений, в результате чего дальнейшая эксплуатация шахт могла бы оказаться невозможной. Так почему же для тяжелых ракет должно быть сделано исключение? «Ну, ты же знаешь, что для нас ваши тяжелые — это особый случай», — отреагировал Берт.

— А Казахстан? — спросил Берт. А надо сказать, что к тому времени в Казахстане действительно развернулось сильное антиядерное движение. Оно в первую очередь было направлено против Семипалатинского полигона, где проводились испытания ядерного оружия (в результате этот полигон был закрыт). Но протесты раздавались и против дислоцированного в Казахстане ядерного оружия, основную часть которого составляли 104 развернутых тяжелых ракеты. В то время, однако, советское руководство старалось не выносить сора из избы. Поэтому я уклонился от прямого ответа

⁷⁵ Не помню, почему наши указания предписывали возражать против запрета на передислокацию тяжелых ракет. Возможно, потому, что американцы, одержимые стремлением «зажать» РС-20, настаивали на таком запрете.

(тем более, что я и не располагал информацией на этот счет) и постарался перевести все дело в гипотетическую плоскость.

— Дело не в каком-либо конкретном регионе, поскольку речь не идет о потребности сегодняшнего дня, — отвечал я. — Однако можно представить себе, например, такую ситуацию. Скажем, когда-то какие-то ШПУ были построены на достаточном удалении от населенных пунктов. Однако в дальнейшем эти населенные пункты, разрастаясь, приблизились к этим ШПУ, и население стало проявлять беспокойство опасным соседством. Ввиду существующей техники безопасности такое беспокойство необоснованно. Однако такие эмоции при их достаточно широком распространении могут стать серьезным политическим фактором, который нельзя было бы игнорировать, и в результате потребовалось бы перенести ШПУ в другое место.

Эти неофициальные разъяснения, сделанные в разговоре один на один, вполне удовлетворили американскую сторону. Берт на официальной встрече не поднял вопроса о мотивах возможной передислокации тяжелых МБР. Казалось бы, вопрос был исчерпан. Однако, к сожалению, он имел неприятное продолжение.

Вскоре после возвращения из Нью-Йорка в Женеву Берт попросил срочно с ним встретиться и, с весьма встревоженным видом, сообщил следующее. Министр обороны США Р. Чейни, находясь (уже после Нью-Йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США) в Советском Союзе с визитом, завел разговор с министром обороны Д.Т. Язовым о том, почему, мол, Советский Союз хочет передислоцировать часть ШПУ тяжелых ракет. На что будто бы Д.Т. Язов ответил, что советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР. У Чейни возник вопрос: почему Бейкер согласился на возможность их передислокации, если у советской стороны нет в этом никакой необходимости?) До разъяснения этого вопроса делегация США не может продолжать работу по переводу на договорный язык нью-йоркской договоренности в отношении тяжелых МБР.

Выслушав это тревожное сообщение, я легко представил себе, в какое щекотливое положение попал Бейкер, а вместе с ним и Берт в результате такого ответа нашего министра обороны. Получалось, что и государственный секретарь и руководитель делегации США пошли на неоправданные уступки Советскому Союзу. Сама по себе эта уступка была не Бог весть какой, но при желании вашингтонские «ястребы» вполне могли раскрутить этот случай для

опорочивания всей линии Бейкера на достижение договоренностей с нами. Иными словами, дело пахло не только интригами в высших эшелонах власти США, но и высокой политикой. Вероятно, Чейни и поднял-то в разговоре с Язовым вопрос о передислокации ШПУ тяжелых МБР в провокационных целях. И он в этом преуспел, надо отдать ему должное.

Надо было как-то реагировать. Для начала я выразил сомнение в правильности перевода или передачи слов Язова. Берт уверенно ответил, что исключает это, т.к. беседа велась в присутствии довольно широкого круга лиц и переводилась высококвалифицированными переводчиками, в т.ч. американскими. Я, откровенно говоря, не сомневался, что если потребовалось бы, американцы смогли бы представить нам запись беседы в подлиннике. Тем не менее, я заявил, что немедленно снесусь с Москвой и что не вижу возможности для дальнейшего обсуждения вопроса, пока и другая сторона, т.е. Д.Т. Язов, не внесет ясность в том, что было им на самом деле сказано.

Тем самым закончив официальную часть разговора, я, рассуждая в чисто личном плане, заметил, что даже если бы Язов и произнес приписываемые ему слова, между ними и нашей официальной позицией нет противоречия, т.к. отсутствие у нас сейчас планов строительства новых ШПУ не может исключать нашего намерения сохранить на будущее возможность такого строительства для передислокации шахт в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, о которых мы говорили в Нью-Йорке.

— Вот если бы именно так сказал Язов, то и вопроса не возникло бы, — отреагировал Берт.

Вернувшись к себе (встреча происходила в кафе, расположенном вблизи и от нашей, и от американской миссий), я, естественно, срочно направил в Москву телеграмму с сообщением об обращении Берта и со своей оценкой ситуации. Предложив, чтобы со стороны Язова была срочно внесена ясность в возникшую ситуацию, я изложил ту мотивировку, которую выдвинул в Нью-Йорке в беседе с Бертом, основной смысл которой сводился к тому, что даже если у нас нет сейчас планов строительства ШПУ тяжелых МБР, это не значит, что они не могут возникнуть в будущем. Надо сказать, что в Нью-Йорке я оформил эту мотивировку в виде записи беседы, которая должна была пойти в Москву с очередной диппочтой, но ни в одну из телеграмм, отправленных Шеварднадзе из Нью-Йорка, она включена не была, поэтому Язов о ней ничего

и не знал. Возможно, это было ошибкой, хотя с другой стороны, ведь требование о возможности передислокации шахт для тяжелых ракет было включено в наши директивы именно военными. Следовательно, у них все-таки были планы такой передислокации. К сожалению, до сведения министра обороны эти планы своевременно доведены не были, почему он и отрицал их наличие в разговоре с Чейни.

Москва прореагировала быстро: уже через несколько дней Д.Т. Язов направил Р. Чейни послание, в котором наотрез отрицалось то, что американцы услышали от Язова (советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР) и не использовалась предложенная мною возможность уточнения того, что было сказано. Была допущена и другая ошибка: говоря о том, что мы будем осуществлять строительство ШПУ для тяжелых МБР одновременно с ликвидацией таких ШПУ, сообщалось, что это будет делаться при модернизации наших тяжелых МБР. Подготавливавшийся Договор не лишал нас права на это, но вполне можно было бы обойтись без упоминания модернизации, чтобы не подливать масла в огонь, в котором горел еще не согласованный до конца вопрос.

Конечно, обе эти ошибки были использованы вашингтонскими противниками договора для срыва договоренности по тяжелым МБР. Чтобы ее сохранить, потребовалось готовить еще одно послание, которое на этот раз было подписано не только Д.Т. Язовым, но и Э.А. Шеварднадзе и адресовалось Р. Чейни и Дж. Бейкеру. В нем говорилось, что сейчас у нас нет планов передислокации ШПУ тяжелых МБР, но что мы не можем исключать такую возможность как из-за возникновения аварийной обстановки, так и по соображениям невоенного характера, в частности, в связи с происходящими у нас в стране внутривнутриполитическими процессами.

Кроме того, было согласовано совместное заявление сторон, в котором фиксировалась следующая договоренность:

— замена ШПУ тяжелых МБР производится только в случае их уничтожения в результате аварии или других исключительных обстоятельств;

— при возникновении необходимости в передислокации ШПУ сообщаются причины и планы такой передислокации.

Подозрительность американцев в отношении тяжелых МБР проявилась и еще в одном случае. По условиям Договора процесс уничтожения СНВ должен протекать в течение 7 лет. Возник вопрос,

как пройти этот семилетний путь, чтобы ни на одном из его участков ни у той, ни у другой стороны не возникло военных преимуществ. Каждая сторона старалась перетянуть канат на себя: мы хотели, чтобы вначале ликвидировалось больше тех вооружений, по которым у США было преимущество, а МБР, особенно их современные типы, которые являлись (и являются) нашим главным козырем, оставались бы на потом. Американцы, естественно, добивались прямо противоположного.

Само собой разумеется, решать этот вопрос можно было только при обеспечении полной равномерности процесса ликвидации СНВ, с взаимным учетом существовавшей асимметричности. После того, как обе стороны согласились с таким подходом, довольно просто удалось договориться и о деталях. Весь семилетний процесс ликвидации разделялся на три этапа: первый — три года, второй и третий — по два года каждый. Установлены цифры (они зафиксированы в тексте Договора) уровней носителей, в т.ч. баллистических ракет, боезарядов на них. Казалось бы, вопрос должен быть исчерпан. Однако и здесь американцы подняли вопрос о гарантиях того, что тяжелые МБР будут уничтожаться равномерно, а не в последнюю очередь. И вновь начался торг. Как объясняли наши военные, для них возникала чисто практическая, административная проблема. Ликвидация ракет должна была осуществляться по соответствующим воинским подразделениям. Уничтожили сколько-то ракет, входящих, скажем, в дивизион — расформировали этот дивизион. Не знаю, почему и как в конце концов они сняли эти свои возражения, но в ноябре 1990 г., наконец, договорились уничтожать по 22 тяжелых ракеты в год. Таким образом, к концу первого — трехлетнего — периода из 308 таких ракет у нас должны были остаться 242, к концу второго этапа — 198 и еще через два года — 154. Эта договоренность была оформлена без включения в сам Договор — путем обмена письмами глав делегаций.

«Звездные войны» в космосе и на переговорах

Переговоры, приведшие к подписанию 31 июля 1991 г. Договора СНВ-1, официально назывались «переговорами по ядерным и космическим вооружениям». Дело в том, что помимо разработки Договора, которая осуществлялась в «группе по СНВ», функционировала еще одна группа — «по ПРО и космосу». Но если в «группе по СНВ» действительно велись переговоры в полном смысле

этого слова, то в «группе по ПРО и космосу» происходил процесс, который я затрудняюсь назвать переговорами, поскольку принципиальные подходы сторон были взаимоисключающими, а, следовательно, и переговариваться было не о чем. Тем не менее, вплоть до подписания Договора по СНВ стороны вели на этом «космическом» направлении сложную позиционную борьбу. Смысл ее состоял в том, что Вашингтон пытался набрать политические очки в пользу осуществления «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), а, с другой стороны, Москва стремилась эти очки не дать, сохранить Договор по ПРО в его первоизданном виде и в то же время продемонстрировать конструктивность своего общего подхода к проблеме стратегических вооружений, чтобы не повредить заключению Договора по СНВ.

В этом «непереговорном» процессе позиционного маневрирования советскую делегацию представляли посол Ю.И. Кузнецов и генерал-лейтенант Н.Н. Дединов, а я как глава всей делегации должен был его контролировать. В связи с этим у меня сохранились некоторые воспоминания, которыми я собираюсь поделиться с читателем. Но чтобы они были более понятны, мне придется сделать некоторые пояснения.

Напомню, что в марте 1983 г. президент США Р. Рейган выдвинул сенсационную программу, которая официально называлась «Стратегической оборонной инициативой», а с чьей-то легкой руки, из-за своей фантастичности, была окрещена программой «звездных войн» (по названию нашумевшего кинофильма). В подаче Р. Рейгана, видимо, искренно считавшего, что можно создать над всей территорией США непробиваемый ракетами щит и превратить ядерное оружие в «устаревшее и ненужное», программа и впрямь выглядела фантастичной.

Предполагалось, что с помощью датчиков, размещенных в космосе, ракеты противника будут засекаются в момент старта и уничтожаться эшелонированным комплексом средств космического и наземного базирования. Среди них фигурировали такие экзотические средства, как лазеры с химической или ядерной накачкой и ускорители нейтральных частиц. В дальнейшем появилась концепция «разумных камней», т.е. небольших (длиною порядка одного метра) противоракет, которые были бы развернуты на относительно низких орбитах в количестве нескольких тысяч и держали бы под прицелом баллистические ракеты, которые могли бы стартовать из любой точки земного шара.

Идея противоракетного щита довольно скоро была скорректирована. Американские официальные лица стали говорить, что система ПРО не обязательно должна быть стопроцентной и что ей достаточно иметь возможность уничтожить столько сил нападающей стороны, чтобы лишить ее уверенности в осуществлении успешного нападения. Когда президентом стал Дж. Буш, он трансформировал СОИ в нечто совсем скромное — в Глобальную защиту от ограниченных ударов (ГЗОУ). Теперь речь пошла о перехвате не более 200 боеголовок. Наконец, при Б. Клинтоне вообще перешли от стратегической к нестратегической ПРО. Однако ко времени подписания Договора по СНВ фигурировала концепция ГЗОУ, а она предполагала развертывание в космосе примерно тысячи «разумных камней», что совершенно бесспорно противоречило Договору по ПРО.

Конечно, никаких абсолютных средств — ни оборонительных, ни наступательных — в природе не существует, как не существует, скажем, вечного двигателя. Но, тем не менее, создание оборонительной стратегической системы, даже ограниченного характера, несомненно, повлияло бы на стратегическое соотношение сил, так как такая система нейтрализовала бы какую-то часть межконтинентальных баллистических ракет противника. Каков бы ни был ответ советской стороны на осуществление СОИ — асимметричный или симметричный, — это означало бы новый виток гонки вооружений, расходы на который были бы губительны для советской экономики, и без того загнанной предыдущими потугами.

Между тем на программу СОИ в США стали отпущаться средства. А чтобы финансовый ручеек не оскудевал, а, наоборот, становился все более полноводным, требовалось обоснование СОИ не только с военно-технической точки зрения, но также и с международно-правовой, дипломатической.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны, заключенный между СССР и США в 1972 г., был главным международно-правовым препятствием на пути осуществления СОИ. В частности, его статья 5 прямо запрещала разработку, испытания и развертывание систем ПРО и ее компонентов морского, воздушного, космического и мобильно-наземного базирования. Конечно, США могли выйти из этого Договора (что они впоследствии и сделали). С чисто юридической точки зрения проблем не было: им надо было лишь уведомить другую сторону о принятом решении за шесть месяцев до выхода и представить соответствующие обоснования. Такая возможность предусматривалась Договором по ПРО

в статье XV. Однако в политическом отношении разрыв международного договора — не простое дело. Ведь помимо сторонников СОИ в США были и могущественные противники расходования финансовых средств на эту сверхдорогостоящую программу⁷⁶.

Очевидно, с учетом этого соображения администрация Р. Рейгана решила пойти по другому пути: с помощью изобретательных юристов стали выдвигаться расширительные толкования Договора по ПРО, которые предназначались для того, чтобы снять международно-правовые препятствия для разработки и испытаний в космосе компонентов ПРО в соответствии с СОИ (и соответственно лишить внутренних противников СОИ возможности ссылаться на договорные ограничения).

Главной юридической «защепкой» служило Согласованное заявление «Д», сделанное при заключении Договора по ПРО, которое касалось **будущих** систем и компонентов, основанных на «**иных** физических принципах», в отличие от традиционных принципов, известных в 1972 г. В нем говорилось, что в случае создания в будущем таких систем и компонентов ПРО, их конкретные ограничения подлежали бы обсуждению и согласованию.

Конечно, в 1972 г., когда заключался Договор по ПРО, невозможно было предвидеть все нюансы, связанные с будущими технологическими возможностями в области противоракетных систем. На отсутствии конкретных ограничений и запретов, относящихся к возникшим возможностям, и строили свою аргументацию авторы «широкого» толкования, пытавшиеся доказать отсутствие запрета на разработку и испытания компонентов ПРО в соответствии с СОИ.

Любопытно, что в ходе переговоров ОСВ-1 (1969—1972) американская сторона настаивала на запрете развертывания систем и компонентов ПРО. Основанных на **иных** физических принципах, а советская сторона возражала против этого на том основании, что такой запрет, будучи слишком неопределенным, порождал бы недоразумения, споры и подозрения. Если бы американцы согласились с доводами советской стороны, возникшая у них в 1983 г. проблема международно-правового обоснования СОИ решалась бы значительно проще.

⁷⁶ Впоследствии, когда при президентстве Дж. Буша младшего США стали позволять себе все чаще пренебрегать мнениями других стран, в т.ч. своих союзников, они вышли из Договора по ПРО (2002 г.).

Еще в Рейкьявике в октябре 1986 г. во время встречи на высшем уровне СССР и США советская сторона выдвинула предложение о том, чтобы оба государства приняли на себя юридическое обязательство о соблюдении Договора по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 г. (т.е. без каких-либо расширительных толкований), и о невыходе из него, по крайней мере, в течение 10 лет. Иными словами, речь шла о том, чтобы к Договору по ПРО не применялись расширительные толкования, которые позволяли бы США продвигать СОИ, и чтобы нельзя было воспользоваться правом выхода из него, пока обе стороны не осуществят сокращения своих стратегических наступательных вооружений в соответствии с договором по СНВ.

На вашингтонской встрече М.С. Горбачева и Р. Рейгана в декабре 1987 г., проходившей в эйфорической атмосфере («Горби» был в зените своей зарубежной популярности), удалось согласовать для совместного заявления несколько положений, касавшихся Договора по ПРО. Это был шедевр иллюзорного компромисса, когда с помощью чисто словесных ухищрений совмещается несовместимое, без изменения первоначальных позиций, и стороны толкуют согласованные компромиссные формулировки в соответствии с этими позициями. Вот весь этот пассаж:

«С учетом подготовки договора по СНВ руководители двух стран поручили также своим делегациям в Женеве выработать договоренность, которая обязала бы стороны соблюдать Договор по ПРО в том виде, в каком он был подписан в 1972 году, в процессе осуществления исследований, разработок и при необходимости испытаний, которые разрешаются по Договору по ПРО, и не выходить из Договора по ПРО в течение согласованного срока. Интенсивные обсуждения стратегической стабильности начнутся не позднее чем за три года до окончания согласованного срока невыхода, причем после этого периода, если только стороны не договорятся об ином, каждая из сторон будет иметь право сама определить свой образ действий. Такая договоренность должна иметь такой же юридический статус, как Договор по СНВ, Договор по ПРО и другие юридически обязывающие соглашения. Эта договоренность будет зафиксирована в форме, взаимоприемлемой для сторон. Поэтому они дают указания своим делегациям рассмотреть эти вопросы в первую очередь. Обе стороны обсудят пути обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны».

В то время я еще не был вовлечен в переговоры о стратегических вооружениях и поэтому о том, как появилась на свет приведенная выше формула, я знаю лишь с чужих слов. Интересные детали на этот счет приведены в книге С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко «Глазами маршала и дипломата», опубликованной в 1992 г. в Москве издательством «Международные отношения»⁷⁷.

Ясно, конечно, что эта компромиссная формулировка появилась ради насыщения Совместного заявления важными положениями, относящимися к стратегическим вооружениям. Однако никакого выхода из тупика по ПРО и космосу она не намечала.

Требования советской стороны о юридическом фиксировании объективно существующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями были справедливы, но не реалистичны ввиду той силы политической инерции, которую набрала, благодаря усилиям администрации Р. Рейгана, программа СОИ. Более эффективным путем противодействия этой программе, а, следовательно, новому витку гонки вооружений было заключение Договора по СНВ — при снятии требования о его юридической увязке с Договором по ПРО. Но к этому мы пришли позже.

А пока на переговорах каждая из сторон выдвинула свой вариант осуществления этих «согласованных» положений, которые диаметрально расходились между собой. Советская сторона положила на стол переговоров проект «Договора о соблюдении Договора по ПРО и невыходе из него в течение согласованного срока», а американская — проект «соглашения о некоторых мерах, содействующих переходу на основе сотрудничества к развертыванию будущей обороны против баллистических ракет». И хотя и в советском, и в американском документах речь шла о невыходе из Договора по ПРО в течение согласованного срока, сами заголовки документов достаточно красноречиво говорили о принципиально различных подходах. Достаточно сказать, что в советском документе речь шла о стремлении «не допустить возникновения ситуаций, которые могли бы явиться основанием для одной из сторон считать себя свободной от обязательств по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (т.е. не нарушать Договор по ПРО и не выходить из него), а в американском —

⁷⁷ Ахромеев С., Корниенко Г. Глазами маршала и дипломата. М. : Международные отношения». 1992. С. 135-147.

о стремлении «создать ситуации, которые могли бы привести к развертыванию эффективной обороны (т.е. пересмотреть Договор по ПРО или порвать его) и еще более стабилизирующим сокращениям стратегических наступательных вооружений, чем те, которые связаны с обязательствами по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений».

И к советскому и к американскому документу был приложен проект протокола, в котором речь шла о мерах доверия и предсказуемости. В общем по содержанию этих мер разногласий было не так много, как по содержанию основного документа. Обе стороны были согласны в том, что такие меры могли включать в себя обмен данными, встречи экспертов, взаимные посещения и т.д. Однако то, как каждая сторона рассматривала цель их осуществления, было взаимоисключающим. Советская сторона считала, что меры доверия и предсказуемости способствовали бы соблюдению Договора по ПРО в его первоизданном виде, а американская сторона исходила из необходимости таких мер при создании обороны против стратегических баллистических ракет и, соответственно, при замене Договора по ПРО новым договором, который разрешал бы осуществление СОИ.

Так обстояло дело на «космическом» направлении переговоров по ядерным и космическим вооружениям к 1989 г.

При подготовке к встрече министров иностранных дел СССР и США, которая должна была состояться в сентябре 1989 г., основное внимание в Москве было уделено проблеме взаимосвязи СНВ и ПРО. Конечно, были сделаны попытки сделать наши позиции более гибкими и по другим вопросам, прежде всего, связанным с крылатыми ракетами воздушного и морского базирования, однако тут, как уже выше говорилось, ничего не получилось. Что же касается СНВ — ПРО, то делегация отправилась в США, имея в своем портфеле предложения, которые, по крайней мере, выводили подготовку Договора по СНВ из принципиального тупика.

После встречи в Вашингтоне Э.А. Шеварднадзе с Дж. Бушем и предварительных консультаций экспертов двух делегаций в Госдепартаменте мы отправились в штат Вайоминг, где должны были проходить основные переговоры.

Там, неподалеку от небольшого, стилизованного под «дикий Запад» городка Джексон Хоул, находилось ранчо Дж. Бейкера (по-нашему — загородная представительская резиденция), вблизи которой был расположен туристический комплекс — с комфорта-

бельным отелем и летними домиками. В этом комплексе, носившем название Теттон Лодж, и разместились обе делегации. Переговоры происходили в отеле, где имелись удобные помещения, а встречи министров в узком составе — на ранчо Дж. Бейкера.

Прибыли мы уже затемно. Выйдя на следующее утро на балкон, я был покорен красотой, открывшейся передо мной панорамы. Дикая прерия, зеркальное озерко, а на горизонте — синеватая горная гряда Теттон. Дымок, вившийся из далекого кустарника, рисовал в воображении сидящих вокруг костра индейцев, вигвам и прочие картины, почерпнутые еще в детстве у Фенимора Купера.

Идея проведения встречи министров в этом живописнейшем месте была, конечно, недурна. И не только потому, что позволила повидать этот прекрасный уголок Земли. Обстановка, несомненно, способствовала установлению более близких, доверительных отношений между новым Государственным секретарем США и Э.А. Шеварднадзе. Да и на других участников встречи она воздействовала как-то возвышенно, настраивала на планетарный лад. Под голубым небесным куполом Вайоминга переговорные распри выглядели мелко, незначительно, т.е. так, какими на самом деле они и были.

Конечно, при организации подобных встреч в новых местах, особенно вдали от столицы, возникает много проблем и для хозяев, и для гостей. Хозяевам приходится решать множество организационных проблем, а у гостей могут возникать трудности из-за отрыва от средств закрытой связи со своей столицей. Проблема связи обычно решается в таких случаях с помощью курьеров, которые курсируют в случае необходимости между делегацией и посольством, что в любом случае бывает связано с потерей драгоценного времени.

Но в Вайоминге все было прекрасно. Окончание переговоров еще не просматривалось. Поэтому проблем, требующих немедленного решения, не возникало. Шла расчистка дальнейшего пути, а для этого достаточно было привезенных инструкций и некоторой смелости для несанкционированного обсуждения («мысли вслух») возможных «развязок», которые в дальнейшем могли бы стать основой утвержденных позиций для каждой делегации.

Естественно, такие «размышления вслух» могли обернуться и неприятностями для переговорщика. Однако без неофициальной подготовки будущих официальных договоренностей результативные переговоры, как правило, невозможны. Понимая это, начальство поощряет подобные действия, но само держится от них в стороне, чтобы в случае «прокола» можно было бы легко дезавуировать

переговорщика. Видимо, поэтому в 1989—1990 гг., в период расчистки переговорных «завалов», работалось мне легко и свободно. Это потом, когда переговоры выйдут на финишную прямую, появятся желающие выскочить вперед, приобщиться к заключению договора. В делегации их называли «пенкосниматели». Вот тогда работать станет значительно труднее.

Итак, что же произошло в Вайоминге?

Главные результаты, как и следовало ожидать, были достигнуты в вопросе о взаимосвязи наступательных и оборонительных стратегических вооружений. В совместном заявлении министров говорилось на этот счет следующее:

«В отношении вопросов ПРО и космоса советская сторона предложила новый подход, направленный на решение этой важной проблемы. Обе стороны согласились, что советский подход открывает путь к достижению и осуществлению Договора по СНВ без заключения договора по обороне и космосу. Стороны согласились отказаться от подхода, связанного с обязательством о невыходе, продолжая в то же время обсуждение путей обеспечения предсказуемости развития советско-американского стратегического отношения в условиях стратегической стабильности в целях уменьшения риска ядерной войны. Американская сторона заявила, что она внимательно изучит другие аспекты советского подхода в целом».

Посмотрим, что стояло за этой формулой.

Конечно, при согласовании текста этого заявления был соблюден определенный баланс между нашими и американскими формулировками. Уступкой американцам было упоминание соглашения по обороне и космосу (мы-то ведь настаивали на заключении не этого соглашения, а договора о невыходе из Договора по ПРО). Но коль скоро говорилось о заключении Договора по СНВ «без заключения соглашения по обороне и космосу», на это можно было пойти безболезненно.

Главным же было то, что советская сторона действительно предложила новый подход, направленный на решение вопросов ПРО и космоса. Он заключался в том, что Советский Союз снял юридическую увязку будущего Договора по СНВ и существовавшего Договора по ПРО: с нашей стороны было заявлено, что в целях скорейшего заключения Договора по СНВ Советский Союз будет готов пойти на подписание этого договора и в том случае, если к завершению его разработки не будет достигнута договоренность по проблеме ПРО, но стороны продолжали бы соблюдать Договор по ПРО

в том виде, в каком он был подписан в 1972 г. Американцам было предложено подготовить согласованное понимание о том, что уже зафиксированное в проекте Договора по СНВ положение о праве сторон выйти из него в случае угрозы их высшим интересам подразумевало бы и право на выход из этого договора в случае нарушения одной из сторон Договора по ПРО. Они, разумеется, отказались от такого согласованного понимания. Тогда, в соответствии с инструкциями, с нашей стороны было заявлено, что мы в одностороннем порядке выразим наше понимание на этот счет.

Разумеется, американцы подтвердили «для протокола» свою позицию, которая впоследствии легла в основу их заявления перед подписанием договора. Но они не выдвинули возражений против продолжения переговоров и заключения Договора по СНВ на тех условиях, которые оговорила советская сторона. Это, по моему мнению, было главным результатом вайомингской встречи.

Этот результат в конечном счете и послужил ключом к решению проблемы взаимосвязи СНВ и ПРО. Накануне подписания Договора по СНВ советская сторона, сняв свои предложения о каком-либо упоминании в его тексте Договора по ПРО, включила в официальные материалы переговоров свое заявление о том, что Договор по СНВ может быть эффективным и жизнеспособным только в условиях соблюдения Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г., и предупредила о возможности своего выхода из Договора по СНВ в случае выхода США из Договора по ПРО или его существенного нарушения.

Американская сторона сделала свое заявление, в котором выразила сомнение в юридической и военной обоснованности выхода СССР из договора по СНВ в случае «гипотетического выхода» США из Договора по ПРО. Вместе с тем, в этом же заявлении США признали право СССР на выход из договора по СНВ в случае, если Советский Союз сочтет, что его высшие интересы поставлены под угрозу.

Там же американская сторона оговорила, что согласованные сторонами изменения в Договоре по ПРО не были бы основанием для того, чтобы ставить под вопрос эффективность или жизнеспособность Договора по СНВ. По сути дела эта оговорка, являясь бесспорной (ведь говорилось о **согласованных сторонами** изменениях), означала молчаливое признание того, что односторонние толкования Договора по ПРО вели бы к его нарушению, что подрывало бы его эффективность и жизнеспособность.

Подписание Договора по СНВ заметно ослабило позиции сторонников СОИ в США, что сразу же сказалось на размере ассигнований, выделявшихся американским конгрессом на эту программу. Еще при администрации Дж. Буша старшего было начато сворачивание СОИ: вместо широкомасштабной системы ПРО, предусматривавшей создание эшелонированной системы перехвата МБР для защиты всей территории США в случае *массированной* ракетной атаки речь пошла уже о «Системе глобальной защиты от ограниченных ударов», т.е. от *случайных или несанкционированных* пусков. Администрация Б. Клинтона пошла еще дальше, предложив России договориться о проведении разграничительной линии между стратегическими и нестратегическими системами ПРО, чтобы иметь возможность создавать только последние в условиях действия Договора по ПРО.

Проглотив решение проблемы СНВ-ПРО, предложенное советской стороной в Вайоминге, США, тем не менее, продолжали свои действия, смысл которых заключался в том, чтобы и далее пробивать идею СОИ.

Во время вайомингской встречи Дж.Бейкер предложил, чтобы группа советских экспертов (до десяти человек) посетила две американские лаборатории, занятые исследованиями в области СОИ, — Лос-Аламосскую национальную лабораторию и лабораторию в Сан-Хуан Капистрано. Американская сторона подчеркнула в приглашении, что выдвигает эту инициативу в одностороннем порядке и не обуславливает аналогичными действиями с нашей стороны. Эта оговорка была весьма существенной, так как в противном случае синдром секретности скорее всего побудил бы наши «соответствующие органы» воспротивиться поездке.

Очевидно, с помощью этой поездки американцы хотели дать в руки той части советского ВПК, которая была связана с работами в области ПРО и космоса и была заинтересована в продолжении этих работ, дополнительную аргументацию в борьбе против Договора по ПРО. Следствием этого было бы и «раскачивание» нашей позиции на переговорах по ПРО и космосу.

Решение о поездке по американскому приглашению было принято сравнительно быстро: видимо, многим нашим ведомствам хотелось своими глазами посмотреть, что же там, у них делается с этой СОИ. Но в указаниях, которыми советские эксперты должны были руководствоваться, было строго оговорено, что им следует подчеркивать неизменность нашей позиции о необходи-

мости соблюдения СССР и США в процессе работ в области ПРО Договора по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г., и как следствие — недопустимость отработки и развертывания оружия в космосе.

В группу были включены 10 человек — 8 ученых и технических специалистов и 2 сотрудника МИДа, в т.ч. я. Мне было поручено возглавлять эту группу. Руководство мое должно было сводиться к тому, чтобы «выражать официальную точку зрения», т.е. то, что было записано в инструкциях. Делать это приходилось и в ходе тех собеседований, которые происходили с американскими учеными, специалистами, коллегами, и в интервью журналистам.

14 декабря 1989 г. рейсом Аэрофлота наша группа прибыла в Вашингтон, а на следующее утро специально выделенный для этой поездки самолет ВВС США, взлетев с военно-воздушной базы Эндрюс, понес нас, вместе с группой американцев (ее возглавлял посол Дэвид Смит) на запад, в Калифорнию.

Начать осмотр нам предстояло с лаборатории и испытательной площадки в Сан-Хуан Капистрано, принадлежащими частной корпорации TRW, которая по правительственному контракту вела разработку лазера с химической накачкой для СОИ.

Переночевав в курортном отеле на берегу Тихого океана, на следующее утро мы отправились на объект. Комфортабельный автобус, который был нам предоставлен для поездки, довольно скоро пересек курортную зону с ее пальмами и агавами и стал удаляться от побережья. Четырехрядная дорога сменилась более узкой, пошла в гору. Примерно через час подкатили мы к шлагбауму, преграждавшему въезд на территорию лаборатории.

Хозяева, устроившие для нас двухчасовой брифинг, были корректны и доброжелательны. Они в общих чертах рассказали нам о лаборатории, чем она занимается, что такое проект «АЛЬФА», в соответствии с которым разрабатывался химический лазер. В тех случаях, когда любознательность наших специалистов брала верх над их деликатностью, хозяева, объяснив то, что допускалось их правилами секретности, четко и определенно говорили, что далее начинается «закрытая» информация, раскрывать которую они не могут. Конечно, ничего тут удивительного не было. Я, однако, подумал, что у наших ученых и специалистов, когда они оказываются в положении отвечающих на вопросы, нет такой же четкости в определении грани «закрытого» и «открытого»: одни чересчур зажимаются, боясь сказать лишнее и явно перестра-

ховываясь, а другие, наоборот, увлекаются «открытостью» и «гласностью».

После брифинга нам была показана лазерная установка, которая используется с 1973 г. для исследования в лабораторных условиях различных свойств лазерного луча. Не обладая познаниями в области лазерной технологии, как, впрочем, и в любой другой технической области, я, разумеется, никак не могу судить о качествах этой установки. Она, по-моему, не произвела большого впечатления на наших специалистов, которые ограничились проявлением вежливого интереса. Все-таки, с 1973 года, видимо, много воды утекло...

Поехали на испытательную площадку. Здесь, в гористой и безлюдной местности, глазам нашим открылось загадочное сооружение, вызвавшее в памяти читанное когда-то о гиперболоиде инженера Гарина и прочих фантастических вещах, которые, конечно же, должны сооружаться вдали от людских глаз и выглядеть столь же непонятно. Впрочем, это и был гиперболоид. В сущности и предназначен-то он был для целей, весьма близких тем, что ставил перед собой инженер Гарин — править миром.

То, что мы увидели, было наземной моделью будущего космического лазера, с помощью которого предполагалось в будущем «сбивать», или, точнее, прожигать, выводить из строя советские межконтинентальные баллистические ракеты в случае их пуска для поражения объектов на американской территории. Как нам пояснили, для запуска в космос потребуется воспроизвести эту модель в других, более тяжелых материалах, но общая компоновка останется той же. Научные и технические проблемы, которые возникают в связи с этим, говорили нам наши гиды, уже решены, но нужно еще решить инженерные вопросы.

Пока же для проведения испытаний моделируются космические условия. Те странные цилиндрические сооружения и отходящие от них трубы, которые взмывали вверх и оттуда устремлялись вниз, чтобы впитаться в расположенные внизу кубические конструкции, оказались вакуумными установками. 7 апреля 1989 г. были проведены первые испытания, во время которых была получена фотография луча. Наши гиды с увлечением рассказывали о планирующейся большой серии испытаний. Не знаю, сколько испытаний было проведено впоследствии. Известно лишь, что концепция СОИ в скором времени начала подвергаться существенным изменениям и в результате идея использования лазеров для пора-

жения МБР отпала. А потом была заморожена и вся программа СОИ, во всяком случае в том первоначальном виде, в каком она замышлялась.

Следующий день был воскресным, и наши гостеприимные хозяева доставили нам большое удовольствие, организовав экскурсию в Голливуд — на киностудию «Юниверсал». Здесь мексиканская деревушка соседствует с нью-йоркским кварталом конца двадцатых годов, пруд, где снимался фильм «Челюсти» и где остались макеты и акулы и кораблей, которые она пожирала — с домиком на холме, где происходили зловещие убийства в знаменитом фильме Хичкока «Psycho». Гвоздем экскурсии стало посещение павильона, в котором имитировалась подземная станция метро и все то, что там может произойти во время землетрясения (или ядерного удара?). Вдруг раскололся потолок, стали падать опоры, хлынула вода, засверкали молнии коротких замыканий, все погрузилось в кромешную тьму...Этот впечатляющий аттракцион стал как бы иллюстрацией земных последствий «звездных войн», подготовку к которым мы видели накануне.

Для посещения Лос-Аламосской национальной лаборатории нам нужно было перебраться немного на восток — в штат Нью-Мексико. И вот мы в городе Санта-Фе. Первое впечатление было такое, что мы все еще находимся в Голливуде — среди декораций, имитирующих испанское поселение прошлого века на американском юго-западе. Но все было настоящее. И отель «Эльдорадо», в котором мы разместились, хотя и был стилизован под испанскую старину, обладал современным комфортом. Настоящими, а не ряжеными были и индейцы, расположившиеся по периметру центральной площади со своими традиционными изделиями — серебряными цепочками, тотэмами для отпугивания злых духов, кожаными поясами и пр. Невозмутимо покуривая свои длинные трубки, они, при обращении к ним, односложно называли цену того или иного изделия, не расхваливая его и не сбавляя цену. Назвал цену — и все тут, а ты поступай как знаешь. Их мирный вид и наличие томагавков только среди выставленных на продажу изделий свидетельствовали о том, что конфликт между краснокожими аборигенами и бледнолицыми пришельцами, если не исчерпал себя, то, по крайней мере, приобрел иные формы. Привыкнув к стандартизованности американских городов и городков, я не ожидал увидеть столь необычное для США, очаровательное — пусть и стилизованное — местечко.

Посещение Саета-Фе и Лос-Аламосской лаборатории для меня представляло особый интерес, связанный не столько с СОИ, сколько с историей создания первой атомной бомбы, с началом ядерной эпохи. Как известно, создание этой лаборатории связано с «проектом Манхэттэн», в осуществлении которого она сыграла под руководством Роберта Оппенгеймера ведущую роль.

В Санта-Фе, в небольшой аптеке, принадлежавшей советскому агенту, происходили секретные встречи работавших на советскую разведку сотрудников Лос-Аламосской лаборатории. Именно через этот городок утекали бесценные секреты, ускорившие создание советской атомной бомбы. В то время я знал об этом только из западной печати. Впоследствии, читая мемуары некоторых наших бывших разведчиков, имевших отношение к «атомному проекту», я накладывал приводившиеся ими детали на колоритные улочки городка. Картинка получалась очень реалистическая.

В небольшом музее, созданном при Лос-Аламосской лаборатории, хранятся любопытнейшие экспонаты, относящиеся к 1943—1945 гг., когда осуществлялся этот проект. Имеются там и дубликаты корпусов двух первых атомных бомб — «Малыша» и «Толстяка», — уничтоживших Хиросиму и Нагасаки.

Я не знаю, существует ли у нас подобный музей. Может быть, в бывшем «Арзамасе-16» (Саров) — нашем аналоге Лос-Аламоса? Ведь создание ядерного оружия — это часть нашей истории, причем немаловажная часть.

Лос-Аламосская национальная лаборатория — одна из крупнейших в США. Ее главная специализация — применение научных достижений к практическим проблемам национальной безопасности США. Здесь разрабатывались ядерные боеголовки — W85 для ракеты «Першинг-2», W80 для крылатой ракеты морского базирования «Томагавк», W88 для БРПЛ «Трайидент». В 1989 г. 80% бюджета лаборатории расходовались на военные исследования. Мирные исследования велись в области альтернативных источников энергии.

Роль Лос-Аламосской лаборатории в программе СОИ состояла в экспериментальной отработке пучкового ускорителя нейтральных частиц — еще одного средства против межконтинентальных баллистических ракет. В соответствии с программой СОИ такие ускорители, размещенные в верхних слоях атмосферы или в космосе, а впоследствии, может быть, и на земной поверхности, должны были бы распознавать боеголовки и ложные цели и, при увели-

чении мощности ускорителя, поражать боеголовки. Проект назывался «пучковым экспериментом на борту ракеты», сокращенно — БЭАР (Beam Experiment Aboard a Rocket).

Делегация наша состояла из весьма именитых представителей советского военно-промышленного комплекса — академиков, генералов, лауреатов, директоров и т.д. Список замыкал В.А. Тепляков. Против его фамилии не значилось каких-либо высоких титулов, а лишь указывалось, что он специалист в области ускорительной техники и работает в Институте физики высоких энергий. Когда наша делегация по прибытии в Лос-Аламос знакомилась с руководством лаборатории, В.А. Тепляков подошел представляться, как обычно, последним — в соответствии с местом, отведенным ему в советской научно-технической иерархии того времени, ну и, наверное, личной скромностью. Его имя вызвало со стороны американских ученых реакцию, которая заметно превосходила обычную протокольную вежливость и даже простой человеческий интерес. Теми репликами, которые доносились до меня, и всей манерой поведения они демонстрировали глубокое уважение и даже, я бы сказал, почтительность по отношению к Владимиру Александровичу. Маститые американские ученые вдруг превратились в учеников, воздающих должное своему Учителю.

Затем мы расселись, чтобы выслушать, что такое Лос-Аламосская лаборатория и проект БЭАР, т.е. пройти обычный брифинг. Свое выступление руководитель проекта начал с торжественного приветствия в адрес В.А. Теплякова. Оказалось, что в основе пучкового ускорителя, разрабатывавшегося в лаборатории, лежит открытие, сделанное в свое время в ходе фундаментальных научных исследований Владимиром Александровичем вместе с другим советским ученым — Капчинским (если я правильно записал на слух его фамилию). В то время не думали о возможности использования пучкового ускорителя в военных целях. А потому о достижении двух ученых было сообщено на страницах советской научной печати.

Впрочем, как кажется, проект БЭАР постигла та же судьба, что и проект «Альфа» — вместе со всей программой СОИ он был остановлен.

Поездка наша не оказала сколько-нибудь заметного влияния на работу группы по ПРО и космосу. И хотя некоторые наши представители в этой группе, продолжая лоббистскую работу в пользу тех КБ, которые были связаны с ПРО, пытались как-то оживить

это направление, тупик был слишком глухим, чтобы из него выбраться.

Говоря о том, как развивался наш диалог с США по проблеме ПРО, нельзя обойти вниманием инцидент с Красноярской радиолокационной станцией (Абалаково). Для администрации Рейгана, мечтавшей избавиться от Договора по ПРО, манной небесной стало обнаружение в центральной Сибири, в районе Красноярска, строительство гигантской РЛС с фазированной решеткой.

Впервые вопрос о строительстве Красноярской станции был поднят американской стороной в июле 1983 г. Суть американских претензий сводилась к тому, что эта РЛС представляла собой станцию раннего предупреждения о ракетном нападении, на которую распространяются ограничения по Договору по ПРО в отношении местоположения и ориентации (согласно Договору такие РЛС могут находиться лишь на периферии национальной территории страны и ориентированы во вне ее). Помимо этого, Красноярской РЛС приписывались функции управления боевыми действиями «в системе ПРО всей территории СССР».

Объявив Красноярскую РЛС «материальным нарушением» Договора по ПРО, США выдвинули требование о ее демонтаже, уничтожении зданий приемного и передающего устройств, а также об уничтожении фундаментов этих зданий таким образом, чтобы это поддавалось контролю национальными техническими средствами контроля. Президент Р. Рейган в своем послании на имя М.С. Горбачева 12 августа 1988 г. заявил, что «Красноярская РЛС будет оставаться серьезным препятствием для продвижения в области контроля над вооружениями до тех пор, пока она не будет демонтирована». Конечно, американская сторона использовала ситуацию и для нанесения удара по Договору по ПРО, заявив, что сохранение Красноярской РЛС «ставит под сомнение жизнеспособность Договора по ПРО».

В свое время по периметру СССР были построены восемь РЛС, которые обеспечивали противоракетное предупреждение на всех направлениях, кроме северо-восточного. Эту «дыру» можно было бы закрыть, без нарушения Договора по ПРО, построив РЛС, скажем, в районе Норильска. Очевидно, ее строительство и эксплуатация в суровейших условиях Крайнего севера, было бы крайне дорогостоящим и обременительным предприятием. С этой точки зрения можно, конечно, понять, почему предпочтение было отдано

Красноярску, когда в 1979 г. принималось решение о строительстве РЛС. Неясно другое — почему пошли на заведомое и очевидное нарушение Договора по ПРО? Ведь нельзя же было рассчитывать на то, что это циклопическое сооружение, занимавшее площадь размером в два футбольных поля и возвышавшееся более чем на сто метров, останется незамеченным американскими разведывательными спутниками. Следовательно, сознательно шли на развал Договора?

В ходе свары, которая продолжалась более шести лет, советская сторона защищалась двумя аргументами: во-первых, утверждалось, что Красноярская РЛС предназначена не для предупреждения о ракетном нападении, а с целью слежения за своими спутниками; во-вторых, выдвигались контробвинения в адрес США в связи с сооружением ими РЛС в Гренландии и Великобритании.

Действительно, Договор по ПРО не запрещает слежения за космическими объектами, его цель — предотвращение создания ПРО территории страны. Но если наблюдение за спутниками было единственной задачей Красноярской РЛС, тогда, очевидно, следовало бы предоставить США возможность убедиться в этом. Этот довод использовался нами: Дайте нам достроить станцию, — говорили мы американцам, — мы вас пустим туда и вы увидите, что мы не врем. Почему-то, однако, настойчивости с советской стороны проявлено не было (очевидно, потому, что ввали, а о допуске наблюдателей говорили лишь для «спасения лица»).

Что касается выдвижения контробвинений, то оно имело бы смысл, если бы было реальным улаживанием и того и другого нарушения в «увязке», что возможно лишь при взаимной заинтересованности сторон в решении спорного вопроса. Американская же сторона уже была заинтересована в то время в разрушении Договора. Чем громче были взаимные обвинения в нарушении Договора по ПРО, тем хуже было для Договора.

И, вот, наконец, в Вайоминге в сентябре 1989 г., а точнее в послании М.С. Горбачева Президенту Дж. Бушу в связи со встречей министров в Вайоминге советская сторона заявила о готовности полностью ликвидировать Красноярскую РЛС. Выступая в Верховном Совете СССР 10 октября 1989 г., министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе дал такое объяснение этому решению: «Четыре года мы разбирались с этой станцией. ...Не сразу руководству страны стала известна вся истина. В конце концов уреди-

лись: да, эту станцию построили не там, где это можно было бы сделать».

В этой истории бездарно все — и само решение о строительстве РЛС в нарушение Договора по ПРО, и согласие на ее ликвидацию, которое иначе как безоговорочной капитуляцией не назовешь, а скандальное ее объяснение попросту нелепо.

Г.М. Корниенко, который в течение многих лет был заместителем, а потом и первым заместителем министра иностранных дел СССР, свидетельствует о том, что еще в сентябре 1985 г. он лично докладывал Э.А. Шеварднадзе истинную историю с Красноярской РЛС. Истина же заключалась в том, что руководство страны приняло решение о строительстве РЛС под Красноярском (а не в районе Норильска) по соображениям экономии, проигнорировав мнение Генштаба о том, что это даст США формальные основания обвинять СССР в нарушении Договора по ПРО. «Другими словами, никто не вводил в заблуждение ни старое, ни новое руководство страны. Так что байка насчет четырехлетнего разбирательства в истинной истории Красноярской РЛС остается на совести Шеварднадзе», — заключает Г.М. Корниенко⁷⁸.

Итак, несколько сот миллионов рублей (не нынешних, а тех, доинфляционных!) на строительство плюс несколько десятков миллионов рублей на демонтаж — такова цена этой не поддающейся рациональному объяснению истории. Можно предположить — в попытке найти хоть какое-то объяснение, — что настояли на строительстве РЛС в районе Красноярска те, кто был заинтересован в ассигнованиях на развитие ПРО («нашей советской СОИ») и, соответственно, в срыве Договора по ПРО. Строительство Красноярской РЛС отвечало этим целям. Впрочем, не слишком ли это хитроумное объяснение? Может быть, просто понадеялись на авось пронесет? Не пронесло.

Но почему же, согласившись устранить **наше** нарушение Договора, забыли о **своих претензиях в адрес США**? Нельзя ли было, призвав американцев с их двумя РЛС, построенными за пределами территории США, найти какое-нибудь компромиссное решение в отношении Красноярской станции, чтобы не нести колоссальных расходов? К сожалению, такая возможность использована не была. Но, по-видимому, неблагоприятное для М.С. Горбачева раз-

⁷⁸ Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-Прес». 2001. С. 382.

вите внутренней обстановки настолько поставило его в зависимость от американской поддержки, что тут уж было не до «мелочей», которые могли ослабить эту поддержку. **Так начинался закат великой державы.**

Американские сенаторы и наши парламентарии

Со стороны Соединенных Штатов широко практиковались периодические посещения переговоров по разоружению сенаторами — как демократами, так и республиканцами. Естественно, американские законодатели, которым предстояло ратифицировать тот или иной международный договор, внимательно следили за ходом переговоров и хотели получать информацию о них из первых рук, в том числе и от противоположной стороны.

Сенаторы приезжали обычно либо группами, либо поодиночке, общались с руководством обеих делегаций и отдельно, и в ходе совместных встреч. Как правило, они обладали весьма основательными знаниями о предмете переговоров. На меня особенно сильное впечатление произвели беседы с Ричардом Лугаром, Эдвардом Кеннеди, Альбертом Гором. Широкий политический подход сочетался у них с глубоким знанием технических и военных деталей.

Своеобразно прошла у меня встреча с А. Гором. Еще до его приезда американцы, готовившие программу пребывания Гора в Женеве, спросили меня, согласен ли я сыграть с ним в теннис. Он, как и я, оказался большим любителем этого вида спорта. Я с удовольствием согласился. Гор оговорил условие: мы будем играть без свидетелей, чтобы в случае его поражения не пострадал его престиж.

Матч состоялся в теннисном клубе, членом которого я состоял. Гор играл хорошо, хотя излишний вес сказывался на его подвижности. Поиграв часа полтора, мы перешли в бар. И здесь состоялась беседа, в ходе которой сенатор пытался нащупать пути к сближению позиций США и СССР по вопросам обороны и космоса. Практических последствий для переговоров эта беседа не повлекла, подходы и интересы сторон были прямо противоположны (об этом подробно рассказывается выше). Но беседа была интересна тем, что Гор проявил большую изобретательность в поисках снятия юридических препятствий для продолжения работ в области противоракетной обороны (ведь в то время действовал Договор по ПРО).

Моя же задача заключалась в том, чтобы в условиях чисто неформальной встречи, а, следовательно, исключительно откровенно объяснить безнадежность ожидать изменения советской позиции в этом вопросе. По всей видимости, предлагая «игру без свидетелей», Гор имел в виду прежде всего «разговор без свидетелей».

Расставаясь, Гор пригласил меня на ответный матч в Вашингтоне. Но я этим приглашением так и не воспользовался, тем более, что вскоре сенатор стал еще более занятым человеком — вице-президентом США.

У нас до 1990 г. практики приглашения на переговоры парламентариев не было по вполне понятной причине: чтобы там ни было записано в Конституции, ратификация международных соглашений зависела не от Верховного Совета, а от Политбюро. Но после Съезда народных депутатов в 1989 г., а уж тем более после отмены ст. 6 Конституции о «руководящей роли» компартии положение сильно изменилось. Стало ясно, что ратификация — это дело парламента, а, следовательно, парламентарии должны заранее знать о том, что им предстоит ратифицировать. В 1990 г. в Женеву с этой целью приезжали депутаты Верховного Совета СССР В.Н. Очиров (участник афганской войны, Герой Советского Союза) и В.Г. Афанасьев (бывший главный редактор «Правды») в сопровождении весьма квалифицированных экспертов (один из них, С.М. Рогов, стал впоследствии директором Института США и Канады, членкором Академии наук России). Внимательно следил за переговорами А.С. Дзасохов, неоднократно встречавшийся с членами нашей делегации в Москве.

Надо сказать, наши депутаты довольно быстро ухватили суть основных вопросов, рассматривавшихся на переговорах в Женеве. Разумеется, им хорошо помогли и их эксперты. Помимо встреч с нашей делегацией, депутаты встречались и с американцами. Посетили несколько рабочих заседаний на переговорах.

К сожалению, впоследствии, когда в 1992 г. велись переговоры о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), все делалось в такой спешке, что, видимо, было не до собственных депутатов. Главное было — поладить с американцами, чтобы получить их поддержку ельцинскому режиму. В результате возникли серьезные проблемы при ратификации, и договор так и не вступил в силу. И очень хорошо. По сути своей это был «похабный» договор. Я в переговорах по СНВ-2 не участвовал,

боюсь поэтому выглядеть злопыхателем. Да, впрочем, и не об этом договоре сейчас речь.

Внутренняя дипломатия

Понятно, что каждая делегация, отправляясь на международные переговоры, получает соответствующие инструкции от своего правительства. Но если переговоры с иностранными партнерами — это надводная часть айсберга, то подготовка инструкций — это его подводная часть, которая по объему работы обычно значительно превосходит переговорную часть. Дело в том, чтобы разработать позицию и подготовить соответствующие инструкции, требуется предварительно найти равнодействующую позиций, интересов, мнений и т.д. руководителей отдельных министерств и ведомств. Причем порой это бывает (вернее, было в то время, о котором я веду рассказ) необыкновенно сложно.

Происходил этот процесс при помощи механизма, который на чиновничьем жаргоне назывался «пятерочным».

Начало созданию такого механизма было положено в 1969 г. в ходе подготовки к переговорам с американцами об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), когда была создана «Комиссия Политбюро ЦК КПСС по наблюдению за переговорами, связанными с ограничением стратегических вооружений в Хельсинки». В нее вошли секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам Д.Ф. Устинов (в качестве председателя Комиссии), министр обороны А.А. Гречко, министр иностранных дел А.А. Громыко, председатель КГБ Ю.В. Андропов, заместитель премьер-министра и председатель военно-промышленной комиссии при Президиуме Совета Министров (ВПК) Л.В. Смирнов и президент Академии наук М.С. Келдыш (М.С. Келдыш вошел в комиссию не «по должности», а в личном качестве, через два года он отошел от деятельности Комиссии, и в результате в Комиссии остались главы пяти ведомств). Она стала называться «Большой пятеркой».

Для предварительной проработки вопросов, выносимых на «Большую пятерку», в 1974 г. была создана так называемая «Малая пятерка», которая возглавлялась Первым заместителем Начальника Генерального Штаба и состояла из экспертов на уровне заместителей глав пяти ведомств. Естественно, каждый из них привлекал в помощь экспертов из своего соответствующего ведомства.

Были попытки создать межведомственный секретариат. Дело каждый раз заканчивалось тем, что выделялись по 2—3 дополнительные штатные единицы для МИДа, Минобороны и КГБ, которые растворялись бесследно в общих штатных структурах.

Схематично весь процесс происходил следующим образом (во всяком случае это было так в 1986—1991 гг., когда я принимал в нем участие).

К заседанию «рабочей пятерки» обычно готовился какой-то материал — проект директив и указаний для делегации, справки и т.д. Подготовкой этого первичного сырья обычно занимались эксперты из Договорно-правового управления Генштаба и Управления по разоружению МИДа. Если переговоры уже велись, то, естественно, использовались при этом предложения, присланные делегацией. Этот материал служил основой для обсуждения на «рабочей пятерке» с участием экспертов из других ведомств и затем на «Малой пятерке». Она утверждала указания по техническим вопросам. Проект директив, требовавших политических решений (Политбюро, а после отмены шестой статьи Конституции о руководящей роли партии — президента), направлялись на «Большую пятерку», которая и представляла их на утверждение после решения спорных вопросов.

С 1986 г. «Большую пятерку», т.е. комиссию Политбюро, возглавил Л.Н. Зайков, ставший секретарем ЦК по оборонным вопросам (в 1990 г. эта комиссия стала официально называться «Комиссией по переговорам по сокращению вооружений и безопасности Совета обороны при Президенте СССР»). Его опорой была созданная в оборонном отделе ЦК специальная группа по вопросам сокращения вооружений во главе с В.Л. Катаевым.

При Зайкове в работу межведомственного механизма стали вовлекаться (во всяком случае до отмены шестой статьи Конституции о «руководящей роли партии») и представители международного отдела ЦК. Хотя, должен заметить, что международный отдел, занимавшийся партийными связями, в общем был в стороне от сферы междгосударственных отношений⁷⁹. Впрочем, международ-

⁷⁹ В подтверждение этого могу сослаться на мнение К.Н. Брутенца, который был в свое время первым заместителем заведующего международным отделом. «Международный отдел, — пишет он в своих воспоминаниях, — в целом не играл серьезной роли в собственно внешней политике, в отличие, скажем, от отдела по связям с братскими, то есть правящими партиями социалистических стран». (К.Н. Брутенц: «Тридцать лет на Старой площади», М. : Международные отношения. 1998. С. 164.

ному отделу довелось сказать свое слово в вопросах разоружения, по крайней мере, дважды. Первый раз в 70-е годы, когда благодаря мощной кампании, развернутой в Западной Европе, удалось предотвратить размещение там американского нейтронного оружия. А второй раз в начале 80-х годов, когда аналогичная кампания была развернута против развертывания в Западной Европе американских ракет «Першинг-2». В результате переоценки возможных результатов этой кампании (видимо, под влиянием эйфории от успеха антинейтронной кампании) советское руководство заняло жесткую позицию на переговорах с США по ракетам средней и малой дальности, переговоры были прерваны, и американские ракеты оказались в Западной Европе.

Но давайте вернемся к межведомственному механизму. Постепенно функции Комиссии расширялись. Завязывались переговоры по сокращению обычных вооружений в Европе, по запрещению химического оружия. Комиссия готовила инструкции для советских делегаций и на этих переговорах. В ходе работы Комиссии неизбежно возникали вопросы, связанные с развитием соответствующих родов войск и производством вооружений для них. На ее заседания и на заседания «Малой пятерки» стали приглашаться руководители и эксперты от родов войск и оборонных министерств — Министерства общего машиностроения (МОМ), Министерства среднего машиностроения (Минсредмаш), Министерства оборонной промышленности (МОП), Министерства авиационной промышленности (МАП). Так отлаживался механизм для взвешенного всестороннего рассмотрения вопросов, связанных с безопасностью государства.

«Рабочие пятерки» проводились в Генштабе под председательством первого заместителя начальника Генштаба. Сначала это был С.Ф. Ахромеев, потом после его назначения Начальником Генштаба, В.И. Варенников, В.Н. Лобов и, наконец, Б.А. Омеличев. Мне в основном пришлось работать с тремя последними.

МИД был обычно представлен заместителем министра, ведавшим разоруженческими делами (В.П. Карпов) или отношениями с США (А.А. Бессмертных), а также руководителем той делегации, чьи вопросы рассматривались на данном заседании.

Заседания, как правило, проходили бурно, порой драматично.

Конечно, самые сложные проблемы возникали из-за разногласий в высшем политическом руководстве государства. Нужен

Договор по СНВ или не нужен? Я стал ощущать оппозицию Горбачеву по этому вопросу уже в конце 1989 г. и стал личным свидетелем этой оппозиции в 1990 г. (см. главу «2. Если сделана ошибка...»). За этой оппозицией просматривался и более широкий вызов политике Горбачева — не только во внешней, но и во внутренней политике.

Но были и чисто ведомственные разногласия. На арене сокращения вооружений было три основных «игрока» — МИД, Минобороны и военная промышленность — Министерство оборонной промышленности, Министерство среднего машиностроения (производство ядерных боезарядов), Министерство общего машиностроения (производство ракет), Министерство авиационной промышленности и др. ведомства (между ними возникали свои собственные противоречия, но об этом ниже).

Задача МИДа во второй половине 80-х — начале 90-х годов заключалась в обеспечении внешнеполитических условий для проведения внутренних преобразований, что предполагало развитие нормальных отношений с другими государствами и создание условий для высвобождения материальных средств для таких преобразований. Заключение соглашений об ограничении вооружений соответствовало этим целям.

Министерство обороны и Генеральный штаб должны были продолжать обеспечивать военную безопасность государства. Поэтому военное руководство занимало жесткую позицию, добиваясь того, чтобы наши вооружения подвергались минимальным сокращениям. Странно было бы, если бы они занимали иную позицию. Но, тем не менее, когда политическое руководство ставило задачу достижения договоренностей, решения находились в большой мере за счет умения военных изыскивать резервы для необходимой гибкости.

Каждое министерство, связанное с производством вооружений и военной техники, обязано было обеспечивать производство соответствующих изделий, необходимых для обороны страны. В случае же сокращения заказов перед ними возникала проблема сохранения производственного потенциала. И если производственные мощности можно было бы какое-то время поддерживать за счет конверсии, то гораздо сложнее было предотвратить отток рабочей силы. Ведь сокращение оборонных заказов означало и сокращение премиальных фондов, обеспечивавших привлечение в «оборонку» высококвалифицированных кадров.

Эти три различных ведомственных подхода были объективной реальностью. Их необходимо было совмещать, находить равнодействующую, чтобы и укреплять внешнеполитические позиции государства, и высвободить материальные ресурсы для мирных отраслей, и обеспечивать безопасность страны, и не разрушать военно-промышленный потенциал. Выработка такой равнодействующей происходила при помощи механизма межведомственного согласования, о котором я уже говорил. Но до этого, хочу заметить, не все было так просто и внутри каждого из трех векторов-факторов, упомянутых выше.

В МИДе сложности возникали, в основном, на личностной основе. Первоначально, с начала процесса переговоров по разоружению, конкуренция возникла между отделом международных организаций (ОМО) и отделом США и Канады (ОСША). ОМО занимался вопросами нераспространения ядерного оружия и другими проблемами, обсуждавшимися в ООН и в Комитете восемнадцати государств по разоружению⁸⁰. Впоследствии было создано Управление по ограничению вооружений и разоружению (УПОВР), а потом и отдел по мирному использованию ядерной энергии и космоса (ОЯЭК)⁸¹. Все эти четыре подразделения были так или иначе связаны с процессом переговоров по военно-политическим вопросам. Вопросы их полномочий как-то регламентировались, но, тем не менее, пересекались. Проработав в трех из этих подразделений (ОМО, ОЯЭК и УПОВР), я очень остро чувствовал эту конкуренцию. Думаю, что беды в этом не было. Наоборот, возникал плюрализм мнений и подходов. Думаю, что в отношениях с другими ведомствами они не проявлялись. Этому в значительной степени способствовало назначение заместителем министра заведующего УПОВРом В.П. Карпова (в 1986 г.), который стал представлять МИД на межведомственных совещаниях «Малой пятерки». Благодаря своей высокой компетентности и прочному авторитету в военно-политических вопросах он успешно справлялся с этой задачей.

В Министерстве обороны личностные разногласия, наверное, тоже имелись, но главные проблемы (в связи с переговорами по

⁸⁰ Этот комитет, с расширением его состава, стал потом Конференцией комитета по разоружению, а впоследствии на его основе возник Комитет по разоружению.

⁸¹ В российском МИДе эти четыре подразделения превратились в департаменты, и названия их изменились. Но это уже другая история.

стратегическим вооружениям) возникали между родами войск. Вообще-то говоря, в Генштабе существовало управление, основной функцией которого было участие в разработке позиций по вопросам ограничения и сокращения вооружений — Договорно-правовое управление. В нем работали прекрасные специалисты — ракетчики, летчики, моряки, приобретавшие со временем опыт участия в международных переговорах. Но в межведомственных совещаниях обычно участвовали и представители родов войск, затрагивавшихся возможными ограничениями или сокращениями. И порой было заметно их стремление «перетянуть одеяло на себя». Каждый участник «стратегической триады» (ракетчики, подводники и летчики) стремился обеспечить минимум неудобств в виде различных ограничений — для себя.

То же самое происходило и в оборонной промышленности — между конкурирующими министерствами и КБ. Особо острые конфликты возникали между МОМом (Министерством общего машиностроения) и МОПом (Министерством оборонной промышленности), поскольку предприятия обоих министерств производили различные типы баллистических ракет стратегического назначения. Из споров между представителями оборонных министерств было видно, насколько нерационально и неэкономно создавались наши стратегические системы. Достаточно сказать, что на момент подписания Договора по СНВ США имели на вооружении по три типа МБР и БРПЛ. У нас же было семь типов межконтинентальных баллистических ракет и шесть типов баллистических ракет на подводных лодках.

Обычно между конкурирующими фирмами устраивались конкурсы на лучшее «изделие». Но при Л.И. Брежневем, как об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях Сергей Хрущев, занимавший руководящее положение в одной из ракетных фирм, часто в производство запускался не только победитель конкурса, но и его соперник. Можно предположить, что делалось это ради поддержания занятости всех фирм, работавших на оборону. Во всяком случае средства выбрасывались колоссальные. Но сказывалось ли это адекватно на укреплении обороноспособности?

Такое же объяснение можно дать и другому столь же иррациональному и дорогостоящему явлению. Дело в том, что в Советском Союзе количество ядерных ракет, приходившихся на одну пусковую установку, во много раз превышало действительную потреб-

ность. Теоретически каждая пусковая установка — и шахтная, и мобильная — может произвести несколько пусков. Однако для подготовки каждого следующего пуска требуется не менее 12 часов для шахтной ПУ и не менее четырех часов для мобильной. Значительно больше требуется времени для перезарядки ПУ на подлодках, что возможно лишь в условиях специально оборудованного дока. Трудно представить себе сценарий затяжной ядерной войны. Ну, сколько ракет успеет выпустить даже самая «скорострельная» — мобильная пусковая установка? А даже для ПУ на подлодках ракеты выпускались, по выражению Н.С. Хрущева, как сосиски. И делалось это, чтобы не останавливалось производство, хотя военной необходимости для этого не было.

Вспоминается такой случай, всплывший на одном из заседаний «пятерки».

Готовилась новая стратегическая ракета. Основным ее изготовителем должен был стать завод, входивший в систему МОПа. Однако на кусок пирога претендовал и МОМ, который хотел, чтобы один из его заводов занялся изготовлением одной ступени этой ракеты. В этом случае эта ступень переправлялась бы в другой город — за две тысячи километров, где она и две другие ступени, производившиеся на том предприятии, собирались бы в ракету. И специалистам и неспециалистам было ясно, что гораздо проще и дешевле производить всю ракету в одном месте, где для этого имелись все необходимые условия. Но представители МОМ возражали: «Если мы не получим этот заказ, чем мы будем платить зарплату своим рабочим?»

С точки зрения осуществления готовившегося в то время Договора по СНВ не имело значения, как было бы организовано производство той ракеты — на одном предприятии или на двух. Этот вопрос возник в связи с тем, чтобы в Договоре был учтен либо тот, либо другой вариант для определения того, как контролировалось бы производство ракеты. Однако тяжба эта показала сложность тех проблем, которые парализовывали нашу промышленность, в том числе оборонную.

В ходе возникших на «пятерках» спорах часто обнажалось извечное противоречие между Министерством обороны и оборонной промышленностью: кто главный — заказчик или производитель?

— Мы лучше знаем, что нам нужно для обеспечения обороноспособности страны, — таково кредо военных.

А промышленность отвечает:

— Мы лучше знаем, что мы можем вам дать из того, что вам нужно.

Думаю, что этот вопрос должен решаться ни теми и ни другими. Это, конечно, прерогатива высшей государственной власти, которая обеспечивает обороноспособность государства с учетом многих факторов — и технических, и экономических, и социальных, и внешнеполитических.

Официальной целью в стратегической сфере было обеспечение паритета с США. Причем первоначально паритет понимался в буквальном смысле, без учета ядерного фактора, — как арифметическое равенство. Средства на военные цели отпускались щедрой рукой, за счет удовлетворения потребностей населения. «Мы за ценой не постоим» — эти слова из советской песни того периода точно отражали существовавший в период «холодной войны» подход к проблемам обороны.

В результате оборонная промышленность стала особым, привилегированным миром. Более высокие, чем в других отраслях оклады, премии, социально-бытовые преимущества, наконец, престижность — все это привлекало в нее лучшие научно-технические кадры, создавало советскую техническую аристократию. «Работать в ящике», т.е. на предприятии, имеющего вместо названия номер почтового ящика, значило принадлежать к элитарному слою советского общества, уступавшему разве что партийной элите.

В 90-е годы, когда Россия приступила к радикальному — и не продуманному — реформированию своей экономики, оборонные отрасли пострадали больше всего, а работавшие там люди тяжелее всего ощутили на себе удары судьбы — и материально, и морально. Разорение многих оборонных предприятий крайне отрицательно сказалось и в целом на российской промышленности, так как на них были сосредоточены высокие технологии двойного применения. Кроме того, в отдельных «ширпотребных» цехах военных предприятий выпускались товары мирного назначения — телевизоры, радиоприемники, холодильники и т.д., которые по качеству были на порядок выше своих собратьев, производимых на обычных, «ненумерных» предприятиях.

Понятно, что сокращение военного производства затронуло интересы миллионов людей сверху донизу. Поэтому наибольшие трудности в ходе переговоров возникали со стороны оборонной промышленности. Военные же, видимо, после того, как были при-

няты решения об изменении структуры стратегических сил с учетом предстоящих сокращений, стали вести себя в целом более кооперативно.

Накал страстей на межведомственных совещаниях бывал настолько высок, что они порой превращались в ожесточенные перепалки, доходившие иной раз и до угроз. Обвинения в «предательстве интересов Родины» не были редкостью на таких мероприятиях. Люди попроще, разгорячившись, бросали в лицо оппоненту и такие увесистые «аргументы», что, мол, в добрые старые времена за такие взгляды ставили к стенке и правильно делали. К концу совещания, однако, выкричавшись и охрипнув, его участники все-таки осознавали, что нужно договариваться. В таких случаях обычно создавалась «узкая рабочая группа», которая должна была подготовить проект указаний или иного какого документа «с учетом обмена мнениями». Дальше очень многое зависело от умения участников группы находить взаимоприемлемые формулировки. Действительно же принципиальные разногласия выносились на более высокий уровень.

Должен, однако, отметить, что и среди военных, и среди представителей оборонной промышленности было достаточно много здравых, уравновешенных, по-государственному мыслящих людей, которые в конечном счете выводили на действительно сбалансированные решения. Такую роль играл, например, генерал армии В.И. Варенников, который в качестве первого заместителя начальника Генштаба руководил «Малой пятеркой» в конце 80-х годов. Всегда с глубоко взвешенных и продуманных позиций выступал представитель Военно-промышленной комиссии (ВПК) Совмина СССР Н.Н. Дединов. Очень конструктивную роль играл представитель оборонного отдела Секретариата ЦК КПСС В.Л. Катаев, до работы в ЦК много лет проработавший на крупнейшем заводе-производителе ракет. В оборонном отделе работали, как правило, квалифицированные технократы, переведенные в свое время в Секретариат ЦК из оборонной промышленности и хорошо знавшие обсуждавшиеся вопросы. В тот период представители Секретариата ЦК, особенно оборонного отдела, помогали находить оптимальные решения.

До того, как министр иностранных дел, министр обороны и Председатель КГБ стали членами Политбюро, бывали случаи, хотя и не частые, когда вносимые документы возвращались на доработку или корректировались членами ПБ. После того как эти три

руководителя вошли в Политбюро, таких случаев я не упомяну. Когда эта троица договаривалась между собой, обговорив решение вопроса с Генсеком (обычно в неофициальном порядке, скажем, на охоте), ни у кого из членов Политбюро не возникало желания идти против. Правда, на моей памяти был один случай, когда на решение Политбюро были вынесены два мнения — МИДа и Минобороны. Чтобы под запиской смогли появиться пять подписей, она проходила несколько этапов согласования.

С 1986 г., когда переговоры по сокращению вооружений активизировались, «пятерка» стала по-настоящему эффективным механизмом, способным всесторонне и глубоко прорабатывать подготовлявшиеся решения. Благодаря этому механизму в Политбюро вносились документы, пропущенные через несколько сит межведомственного согласования.

Впоследствии, когда после распада Советского Союза механизм выработки общегосударственной политики был разрушен и российское государство превратилось в конгломерат «суверенных» не только регионов, но и министерств, старые аппаратчики, просидевшие многие сотни и тысячи часов в сигаретном чаду на межведомственных совещаниях, с ностальгией вспоминали, что, несмотря на все шероховатости, дело все-таки делалось — для государственного корабля прокладывался единый курс, и штурвал направлял его в осознанном, обычно оптимальном направлении.

С появлением Совета Безопасности Российской Федерации возникла основа для воссоздания механизма координированного решения военно-политических вопросов. Однако реализована эта возможность, по крайней мере в 1992—1995 гг., когда я работал в аппарате Совета, не была (см. главу четвертую). Одно время роль координатора пытался взять на себя МИД. Формально такие функции ему предоставлялись президентом. Но думаю, что МИД не может быть в военно-политических вопросах координатором по определению: функции Министерства иностранных дел связаны с отношениями с внешним миром, в то время как решение военно-политических вопросов зависит в первую очередь от внутренних экономических и технологических возможностей.

Как было показано выше, межведомственный механизм для решения военно-политических вопросов возник и развился в связи и благодаря переговорам по сокращению вооружений. Сами переговоры и этот механизм вовлекали в процесс подготовки ре-

шений все более широкий круг специалистов из различных звеньев государственного аппарата, в том числе невоенных. Более того, к процессу стали привлекаться ученые, причем не только из технических, но и гуманитарных сфер. В ряде институтов (ИСКАН, ИМЭМО, МИФИ и др.) возникли центры, специализировавшиеся на военно-технических проблемах и вопросах сокращения вооружений.

Благодаря переговорам по сокращению вооружений, прежде всего ядерных, постепенно стали публиковаться данные, которые давали какое-то представление о вооруженных силах Советского Союза (в США аналогичные данные об американских вооруженных силах, но в значительно большем объеме, публиковались независимо от переговоров).

Конечно, секретность во многих вопросах, связанных с безопасностью государства, — вещь неизбежная и необходимая, но порой она доходила до нелепостей. Так, к подписанному в 1979 г. советско-американскому Договору об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) был приложен Меморандум, в котором были названы количества различных видов стратегических вооружений каждой из сторон. Наши данные, которые составляли государственную и военную тайну, были переданы американцам по специальному решению Политбюро (аналогичные данные о своих стратегических вооружениях американцы передали нам). Договор со всеми приложениями, включая Меморандум, был опубликован в США. В СССР был опубликован текст Договора, а Меморандум оставался секретным. Когда на Генеральной Ассамблее ООН возник вопрос об издании Договора со всеми приложениями в качестве документа ООН, было запрошено на это согласие СССР и США. У США, естественно, никаких возражений не возникло, а Москва разрешила опубликовать лишь текст Договора, без Меморандума. В результате на английском языке были опубликованы все документы, а на русском — только текст Договора. По правилам ООН все английские тексты были переведены на все официальные языки ООН, включая русский. Таким образом «секретный» (с точки зрения советской бюрократии) Меморандум все-таки появился и на русском языке, но как перевод с английского, а не в качестве оригинала.

К сожалению, это был далеко не единственный случай абсурдности существовавшей тогда секретомании. Естественно, что полное отсутствие в открытых советских источниках каких бы то ни было данных, относящихся к военно-политической сфере, делало

практически невозможным появление гражданской экспертизы в этой области.

Постепенно, однако, переговоры по ограничению вооружений и осуществление уже заключенных соглашений в этой области, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия, пробивали завесу абсолютной секретности и вовлекали все больше гражданских экспертов в сферу подготовки решений по военно-политическим вопросам.

Эти переговоры имели и еще одно важное положительное последствие. Советские руководители постепенно учились решать вопросы, связанные с оборонным потенциалом государства, более взвешенно и сбалансированно, увязывая интересы безопасности с экономическими возможностями страны. Напутствуя делегацию в Хельсинки на первый раунд переговоров по ОСВ в ноябре 1969 г., Брежнев, по воспоминаниям ветеранов этой делегации, сказал: «Главная ваша задача — не допустить заключения соглашения, которое ограничило бы наши стратегические вооружения». Однако через два с половиной года именно такое соглашение (точнее — соглашения⁸²) и было подписано Брежневым и Никсоном. Очевидно, что в ходе тщательной проработки стали ясны, вопреки первоначальным скептическим настроениям советских лидеров, преимущества ограничений и возможности осуществить их без ущерба для безопасности страны.

К сожалению, однако, приобретаемый опыт не исключал и трагических ошибок, когда важнейшие военно-политические вопросы решались без их тщательной и объективной экспертной проработки. По всей видимости, решение о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. было принято без такой проработки, по крайней мере, на межведомственном уровне. Как свидетельствует Г.М. Корниенко, первоначально это роковое решение было принято во второй половине дня 12 декабря 1979 г. узкой группой — Брежневым, Суловым, Андроповым, Устиновым и Громыко — и лишь потом оформлено опросным порядком как решение Политбюро, причем подпись Косыгина отсутствовала. Корниенко пишет далее: «Начальник Генштаба Огарков просидел часа два

⁸² Результатом переговоров по ОСВ-1 стало подписание в мае 1972 г. в Москве Договора об ограничении систем противоракетной обороны («Договор по ПРО») и Временного соглашения о некоторых мерах в отношении ограничения наступательных стратегических вооружений («Соглашение по ОСВ-1»).

в соседней комнате, его мнением не поинтересовались. Выйдя из комнаты, где шло обсуждение, Устинов⁸³ сказал ему: “Решение принято. Поехали в Генштаб отдавать команды”. Об этом мне рассказывал сам Огарков⁸⁴.

Принятие этого решения не отличалось в сущности от того, как было принято в свое время решение о размещении ракетно-ядерного оружия на Кубе. Как-то в 1962 г. Хрущев, прогуливаясь во время отдыха с министром обороны Малиновским по берегу Черного моря во время отдыха в Болгарии, будто бы сказал примерно следующее: «Вот мы с вами гуляем, а на нас нацелены американские ракеты из Турции. А почему бы нам не разместить наши ракеты на Кубе?». Так было положено начало крупнейшей авантюре, которая могла закончиться всемирной катастрофой.

Из многих воспоминаний известно, что Хрущеву вообще было свойственно, особенно в последние годы его пребывания у власти, пренебрежительное отношение к экспертным знаниям и к мнениям людей, которые располагали такими знаниями и имели свое мнение. Обвинения его в волюнтаризме были, по всей видимости, не беспочвенны. И в случае с размещением ракет на Кубе Хрущев двинул свой проект, не взвесив и не проработав всех возможных последствий. Конечно, помимо особенностей характера Хрущева, сыграли свою роль и соображения об ограничении, в интересах соблюдения секретности, круга лиц, осведомленных о проекте. Но факт остается фактом то, что не было и отлаженного механизма для проработки решений по военно-политическим вопросам.

На всех этапах переговоров по военно-политическим вопросам мидовцев посвящали далеко не во все дела. Подход к нам был такой: задача МИДа — озвучивать за столом переговоров утвержденные позиции и добиваться их принятия, а что кроется за этими позициями, дипломатам лучше не знать.

По свидетельству многолетнего участника переговоров Н.Н. Детинова, первый глава советской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ), заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов считал себя «мостом между советскими военными и американской делегацией» и видел свою роль в том, чтобы представлять в соответствующей форме

⁸³ В то время Д.Ф. Устинов был министром обороны.

⁸⁴ Корниенко Г.М. Холодная война... С. 244.

советскую позицию, определяемую советскими военными, американцам⁸⁵.

Иногда, прибыв в назначенное время на совещание, мы — представители МИДа — обнаруживали, что в кабинете уже полно народу, а судя по густоте табачного дыма, люди собрались не пять минут назад, а значительно раньше. Это военные и «оборонщики» до начала официального совещания заранее готовили общую платформу, обсуждали свои секреты, которые мидовцам знать не положено.

В дальнейшем, по мере того, как в ходе переговоров и подготовки к ним мидовцы, а впоследствии и исследователи в академических институтах набирались военно-технической информации, определение позиций на переговорах все более переставало быть монополией военных.

* * *

«Внутренняя дипломатия», составлявшая подводную часть переговорного айсберга, естественно, накладывала свой отпечаток и на жизнь в делегации.

В делегации были представлены МИД, Министерство обороны (главным образом Генштаб), военная промышленность (Военно-промышленная комиссия, МОП, МОМ) и КГБ.

Вся делегация утверждалась в весьма большом составе — до сотни человек (включая техсостав), хотя не все они одновременно участвовали в каждом раунде: часть экспертов приглашалась по мере необходимости, когда возникали вопросы, требовавшие соответствующей экспертизы.

Однако нужно пояснить структуру делегации. Она состояла из «членов делегации», советников, экспертов и техсостава (машинистки, водители, повар, завхоз и др.). Членов делегации, помимо ее главы, было пятеро — два мидовских посла (Л.А. Мастерков и Ю.И. Кузнецов), представитель Минобороны (В.С. Колтунов — полковник, потом генерал-майор), представитель оборонной промышленности (Н.Н. Детинов, генерал-лейтенант) и представитель КГБ (боюсь упоминать его имя — а вдруг это все еще секрет?). Советники назначались от всех упомянутых ведомств (мидовские

⁸⁵ Aleksandr G. Savel'yev and Nikolay N. Detinov. «THE BIG FIVE. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union». Praeger, Westport, Connecticut, London, 1995. P. 39.

и военные советники вели переговоры в рабочих группах, упомянутых выше). Состав экспертов формировался в основном из специалистов различных родов войск и оборонных министерств и конструкторских бюро (КБ).

Большие трудности возникали из-за того, что военные составляли как бы делегацию в делегации. Все они неукоснительно соблюдали свою собственную иерархию и подчинялись своему старшему — одному из заместителей начальника Договорно-правового управления Генштаба, назначенного членом делегации. В результате такой системы указания руководителя делегации выполнялись военными только с санкции их старшего.

Еще до моего прихода в делегацию такая система «двойного сапога» привела к конфликтной ситуации. Этому в немалой степени способствовали личностные качества генерала, который был тогда старшим в группе военных. За время перерыва, в ходе которого состоялось мое назначение, он ушел на пенсию, и его место занял В.С. Колтунов, человек совершенно иного склада. Он, естественно, придерживался той же системы, установленной руководством Генштаба, однако действовал достаточно деликатно и кооперативно. В результате до поры до времени проблем не возникало. В дальнейшем, однако, по мере того, как переговоры набирали предфинишные темпы, система военного единоначалия стала создавать заторы.

Телеграммы, которые отправлялись в Москву с оценками и предложениями, подписывались, помимо руководителя делегации, другими членами делегации. Такой порядок был оправдан, так как позволял уже на стадии подготовки позиций в делегации проводить первичное межведомственное согласование. Единично я отправлял телеграммы либо чисто информационные, не содержавшие предложений, либо адресованные лично министру иностранных дел.

Но, помимо подготовки телеграмм, было огромное количество работы, связанной с осуществлением уже имевшихся у нас позиций (подготовка так называемых рабочих документов, в которых оформлялись различные предложения с изложением аргументации, проектов выступлений в рабочих группах и т.д.). Все эти материалы утверждались руководителем делегации. Конечно, моя задача упрощалась, когда я видел на бумаге визу В.С. Колтунова. Это была гарантия того, что документ подготовлен доброкачественно.

Однако все чаще и чаще личное участие в нескольких рабочих группах, инструктирование своих военных коллег и другие заботы сужали пропускную способность В.С. Колтунова при всей его исключительной работоспособности и добросовестности. По-моему, он спал всего по несколько часов в сутки, проводя остальное время только на работе — или за столом переговоров, или в своем душном кабинете с крайне скудной вентиляцией (в соответствии с требованиями безопасности окна в наших рабочих помещениях, хотя они выходили во внутренний дворик, не открывались, и приходилось довольствоваться централизованной системой кондиционирования, которая работала с 9 до 22 часов, несмотря на то, что наш рабочий день часто затягивался далеко за полночь).

Мне не оставалось ничего иного, как отдавать указания тому или иному военному советнику или эксперту, минуя В.С. Колтунова. Но и это не ускоряло работу, так как военные не исполняли моих указаний, не доложив их своему старшему и не получив его санкции. Конечно, исключительной удачей было то, что на этом посту при мне был именно этот человек — разумный, скромный, выдержанный, высококомпетентный, работоспособный, высокопорядочный. Ни разу у нас не возникло не только ни одного конфликта, но и малейшей шероховатости. Думаю, что в этой непростой ситуации сильно выручало то, что у нас было прочное взаимное доверие.

Свои сложности были и внутри военной части делегации. Ее костяк составляли сотрудники Договорно-правового управления Генштаба, которое было в свое время создано с целью обеспечения международных связей Генштаба. В составе этого Управления были, как правило, выходцы из оперативных подразделений Генштаба, которые, как бы квалифицированы они ни были, находясь в отрыве от каждодневной оперативной работы, постепенно утрачивали свою прежнюю квалификацию. Поэтому для участия в делегации необходимы были специалисты, непосредственно связанные с военной конкретикой. Тем не менее, ДПУ старалось держать военных экспертов из других подразделений на вторых и третьих ролях, по возможности не допуская их к собственно переговорному процессу, а лишь пользуясь их экспертными знаниями.

Первое время я пытался изменить этот порядок, включая в делегацию вопреки воле руководства ДПУ экспертов из оперативных

подразделений, которых я лично знал не только как хороших специалистов, но и как авторитетных людей, умеющих отстаивать свою точку зрения. Однако каждый раз появление в делегации такого независимого эксперта приводило к сложнейшим интригам с целью «съесть» чужака, добиться его удаления из делегации. И для этого никакими средствами не брезговали. К сожалению, цель, как правило, достигалась.

Примерно то же самое происходило и по отношению к включившимся в делегацию экспертам из научного мира. Некоторое время в делегации работал по моему приглашению молодой ученый, известный специалист по вопросам разоружения А.Г. Арбатов. «Съесть» его традиционными методами было трудно: понимая всю сложность своего положения, держался он предельно осторожно. Но к нему была применена «информационная блокада»: под предлогом сохранения военных тайн его в значительной степени изолировали от рабочих совещаний с участием военных специалистов.

Я не раз прибегал к помощи А.Г. Арбатова, у которого были свои взгляды на многие проблемы, возникавшие на переговорах. Я далеко не всегда с ними соглашался, но считал полезным рассмотрение различных точек зрения для нахождения оптимального варианта. Попробовал как-то пригласить на совещание с его участием несколько военных экспертов. Но они либо хранили молчание, либо отделывались какими-то общими словами.

Эксперты от военной промышленности представляли различные ведомства — ВПК, МОП, МОМ и др. Каждый из них защищал интересы своего ведомства. Часто эти интересы вступали в конфликт как друг с другом, так и с общегосударственными интересами.

Секретариат ЦК КПСС не был представлен в делегации. Однако на встречах на уровне заместителей министров и министров в нашу группу обычно входил представитель оборонного отдела Секретариата Виталий Леонидович Катаев (впоследствии, когда Зайков был назначен Председателем Комиссии Политбюро по переговорам о сокращении вооружений, Катаев стал в Комиссии его правой рукой). До ЦК он долгое время работал в оборонной промышленности и прекрасно знал техническую сторону дела. Он вносил неограничиваемый вклад и в разработку наших позиций на переговорах, и в согласование этих позиций между ведомствами. А личные беседы с ним очень помогали мне лучше ориентироваться в технических джунглях.

На последней прямой

По мере того как переговоры продвигались к завершению, а Советский Союз — к своей кончине, на политическом горизонте все больше сгущались темные тучи, что вызывало серьезные сомнения в возможности заключения Договора.

В Женеву все явственнее доносились отзвуки обострявшейся борьбы в высшем политическом руководстве СССР. Все сильнее и заметнее стали импульсы от тех сил, которые усиливали свою оппозицию М.С. Горбачеву и стремились не допустить заключения Договора. Препятствия возрастали день ото дня. В то же время официально главная задача — скорейшее заключение договора — оставалась в силе.

До тех пор, пока В.А. Крючков был в числе сторонников М.С. Горбачева, представители КГБ демонстрировали максимальную лояльность. Я неоднократно слышал от них, что их главная задача — способствовать скорейшему заключению Договора. Не могу сказать, что они сильно помогали. Представители этого ведомства в делегации не обладали достаточными экспертными знаниями, чтобы вносить свой вклад за переговорным столом. Но по крайней мере до поры до времени они не мешали. Обстановка стала меняться, когда Председатель КГБ стал рулить в сторону от М.С. Горбачева. Соответственно представители этого ведомства в Женеве сменили свою улыбочку на недоброжелательную подозрительность.

Я стал ощущать, что встречи «в узком составе» с руководителем американской делегации привлекают к себе внимание, причем явно неблагоприятное для меня. Я стал расширять состав встреч «за чашкой кофе». Кроме того, располагался за одним и тем же столом, чтобы не создавать дополнительных технических сложностей нашим спецслужбам, если они установят подслушивание. Отказ же от таких встреч грозил затянуть переговоры, т.к. они играли роль дирижера. Стоило по тем или иным причинам пропустить две-три встречи, и на переговорах начинались сбои.

Конечно, работать стало значительно труднее.

Но по-настоящему гром грянул в конце декабря 1990 г., когда Э.А. Шеварднадзе в драматической форме заявил об уходе в отставку с поста Министра иностранных дел. Об этом много в свое время писали, анализировали мотивы отставки и ее последствия. Расскажу о том, как я воспринял отставку Э.А. Шеварднадзе и как она сказалась на переговорах.

Вечером 19 декабря в Женеву пришла телеграмма, вызывавшая меня в Москву «для участия в подготовке позиций». Вызов был очень некстати, так как раунд завершался, и я все равно через несколько дней прибыл бы в Москву, дел было невпроворот, а рутинная формулировка вызова не проливала никакого света на то, почему я должен бросить делегацию в горячие дни завершения раунда. На следующий день я позвонил заместителю министра Карпову и, объяснив ситуацию, спросил, нельзя ли несколько дней, до перерыва, обойтись без меня. На что мне было сказано, что вызывают меня по личному указанию министра и что лучше бы мне не задавать дурацких вопросов, а поскорее ехать в аэропорт. На следующий день я вылетел.

Первое, что я услышал от водителя, везшего меня из Шереметьева, — об отставке Э.А. Шеварднадзе. А дома по программе «Время» я смог увидеть кадры его выступления 20 декабря на сессии Съезда народных депутатов с заявлением об отставке и предупреждением о готовящемся сторонниками «жесткой» линии перевороте.

Впоследствии я узнал, что сразу после выступления Э.А. Шеварднадзе М.С. Горбачев созвал человек шесть близких ему людей и стал советоваться, что делать. На вопрос одного из них, знал ли он о намерениях Шеварднадзе, Горбачев ответил, что о его настроениях уйти он знал, но что, тем не менее, выступление Шеварднадзе 20 декабря было для него неожиданным.

Я так и не знаю, зачем был вызван в Москву. Возможно, Э.А. Шеварднадзе, готовясь к выступлению на сессии, но не с заявлением об отставке, а по внешнеполитическим проблемам, захотел узнать из первых рук о положении на переговорах, об их перспективах, о препятствиях на пути к заключению договора. Об этом остается только гадать.

С февраля 1991 г. в Женеву из Москвы стала навещаться так называемая «группа высокого уровня» во главе с заместителем министра иностранных дел (в ней были также представлены Секретариат ЦК КПСС, Министерство обороны и ВПК). Впрочем, главным действующим лицом был в ней представитель Генштаба генерал-лейтенант Ф.И. Ладыгин, за которым всегда было последнее слово. Это бросалось в глаза и американцам, о чем свидетельствуют Майкл Р. Бешлосс и Струоб Тэлбот в книге «На самом высоком уровне. Закулисная история окончания холодной войны». Говоря о встрече в Женеве 26 июня 1991 г. советской и американской групп на уровне заместителей министров (советская группа

возглавлялась А. Обуховым, а американская — Р. Бартоломью), они пишут:

«Американцы были снова поражены тем, как мало было свободы у советских дипломатов для переговоров. Обухова сопровождал генерал-лейтенант Федор Ладыгин, глава Договорно-правового управления советского Генштаба, который, и это бросалось в глаза, обладал последним словом на любые уступки, которые предстояло сделать»⁸⁶.

Конечно, и у американской стороны были свои сложности. На переговорах они проявлялись в том, что все чаще договоренности, которые достигались в Женеве, дезавуировались американской стороной, и соответственно тщательно составлявшиеся «пакеты» рассыпались. Впоследствии в упоминавшейся выше книге Майкла Р. Бешлосса и Струба Тэлбота я прочитал: «В Женеве Ричард Берт, глава делегации США на переговорах по СНВ, пребывал в полной растерянности. Он направлял администрации одно предложение за другим относительно того, как решить застопорившиеся вопросы. Он достигал предварительных договоренностей со своим советским коллегой Юрием Назаркиным, и все это отклонялось Вашингтоном — часто по личному распоряжению Скоукрофта»⁸⁷.

Надо сказать, Р. Берт был весьма изобретателен в составлении компромиссных «пакетов». Но по мере того, как они отклонялись, у него все чаще портилось настроение и он впадал в пессимизм.

У Берта уже давно было предложение уйти в частный бизнес (речь шла о его участии в крупной консалтинговой фирме), но он откладывал свой переход, рассчитывая на скорое завершение переговоров. Но вот, наконец, он, по-видимому, не видя реальных перспектив заключения договора и опасаясь упустить заманчивое предложение, принял решение покинуть Администрацию, устроил прощальный прием и где-то в марте 1991 г. уехал. Вместо него главой делегации был назначен его заместитель Линтон Брукс.

⁸⁶ Michael R. Beschloss and Strobe Talbott. *At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War*. Little, Brown and Company (UK), 1993. P. 403. (334 рс.).

⁸⁷ Michael R. Beschloss and Strobe Talbott. *At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War*. Little, Brown and Company (UK), 1993. P. 373. (311 рс.).

Симпатичный, очень симпатичный человек. И очень знающий. В прошлом он был капитаном ядерной подлодки. Ушел с флота, как он с юмором говорил, после того как растолстел и перестал пролезать в люк подлодки. Вообще с юмором у него было все в порядке. Помню, как на одном из заседаний он очень сильно закашлялся. Настолько сильно, что, казалось, он сейчас задохнется. Хотели послать за врачом. Улучив небольшую паузу между приступами кашля, Брукс просипел: «В случае моей смерти переговоры продолжит мой заместитель миссис Офаллон».

С Бруксом нам и предстояло вытаскивать договор, который висел буквально на волоске. И в Москве, и в Вашингтоне были силы, которые старались пустить его под откос. Наиболее крупные вопросы были решены, но подписанию договора препятствовало отсутствие договоренностей по нескольким вопросам, которые нельзя было решить без участия начальников генеральных штабов.

Наиболее крупным из нерешенных вопросов было так называемое «снижение количества боезарядов». Суть проблемы заключалась в том, что обе стороны были заинтересованы в том, чтобы иметь право на понижение засчитываемого числа боезарядов на своих МБР и БРПЛ, но никак не могли договориться об условиях такого понижения. Эти условия важны были с точки зрения «возвратного потенциала». Иными словами, в случае разрыва договора ни одна сторона не должна была иметь преимущество, если пожелае- ла бы восстановить пониженное число боезарядов и тем самым увеличить свой ядерный потенциал. А поскольку у каждой стороны были свои планы снижения числа боезарядов как на МБР, так и на БРПЛ некоторых типов, а наши и американские ракеты, естественно, имели свои технические особенности, все это предстояло взвесить на высокоточных весах. Роль таких весов должны были сыграть переговоры тех лиц с каждой стороны, которые не только знали все нюансы своих вооруженных сил, но и имели право принимать решения в отношении этих сил. Такими лицами были начальники генеральных штабов.

Другим нерешенным вопросом оставалось определение нового типа баллистической ракеты. Он был связан с проблемой снижения количества боезарядов, поскольку стороны не имели права зачислять за МБР нового типа количество боезарядов, превышающее наименьшее количество боезарядов, которое числится за любой МБР, за которой данная сторона зачислила уменьшенное

количество боезарядов. Аналогичное правило было установлено и в отношении БРПЛ.

Все существовавшие на момент подписания договора типы баллистических ракет были перечислены с указанием их технических характеристик в приложенном к Договору меморандуме. Но где грань между модернизацией существующего типа и новым типом? Трудности определения этого были связаны с тем, что каждая сторона имела свои планы в отношении создания новых типов баллистических ракет и не хотела, чтобы определение новых типов ущемляло ее интересы.

Были и еще нерешенные вопросы, относящиеся к тяжелым бомбардировщикам и крылатым ракетам воздушного базирования, доступу к телеметрической информации, сбрасываемой с ракет во время испытательных пусков, и некоторые другие.

Для достижения договоренностей по всем этим нерешенным вопросам и вопросам советская сторона предложила провести встречу министров иностранных дел и начальников генштабов, но начальник американского генштаба Колин Пауэлл, сославшись на занятость в связи с операцией «Буря в пустыне», направил на встречу своего заместителя. В виду этого Моисеев, который был в то время начальником советского Генштаба, не поехал на встречу и направил на нее своего зама Омеличева. Встреча окончилась безрезультатно: за исключением нескольких мелочей, ни один вопрос решен не был, полномочия замов оказались недостаточными.

4 июля 1991 г. американцы давали прием по случаю своего национального дня. Дело было днем. В тенистом саду, где находилась резиденция американского посла — представителя при Европейском отделении ООН, играл оркестр морской пехоты, маршировали задорные голоногие маджоретки, выделявая различные кунштюки с жезлами. Рекой лилась кока-кола, которой многочисленные гости запивали хот-доги и другие незатейливые американские яства.

Увидев Брукса, я предложил ему отойти в сторону, сказав, что у меня есть серьезный разговор. Изложил я ему примерно следующее:

— Для того чтобы завершить согласование Договора, нужно решить несколько чисто военных вопросов, которые могут быть решены только начальниками наших генштабов. Если этого не сделать в ближайшее время, делегации могут разъезжаться, так как делать им в Женеве больше нечего. Я понимаю занятость Пауэлла,

но без него и Моисеева, без их непосредственного контакта вопросы решить невозможно. Последняя встреча министров иностранных дел показала это. Я готов направить в Москву предложение о новой встрече министров иностранных дел, если будет гарантия, что на этот раз Пауэлл примет участие во встрече.

Брукс очень внимательно меня выслушал и сказал, что постарается дать мне ответ завтра. Действительно, на следующий день он сообщил мне, что Пауэлл примет участие во встрече, если Моисеев сможет приехать в Вашингтон, так как Пауэлл должен все время держать руку на пульте в своем Генштабе из-за войны с Ираком («Буря в пустыне»). Я отправил в Москву сообщение о беседе с Бруксом с предложением о новой встрече министров иностранных дел с участием начальников генштабов. Такая встреча состоялась в Вашингтоне 11-15 июля.

Указания о вылете в Вашингтон на министерскую встречу я не получил и остался в Женеве дожидаться ее результатов. Вернувшийся из Вашингтона Брукс сообщил мне радостное известие: встреча прошла успешно, по всем нерешенным вопросам достигнуты принципиальные договоренности, встреча на высшем уровне для подписания договора состоится в Москве 31 июля, и делегациям предстоит в срочном порядке перевести достигнутые договоренности на договорный язык, т.е. отразить их в соответствующих договорных текстах. Москва, однако, хранила молчание. Впоследствии я узнал, что в это время Моисеев убеждал руководство нашей оборонной промышленности дать согласие на вашингтонские договоренности. Аналогичные проблемы возникли и у американской стороны, но Пауэлл сумел сломить сопротивление Скоукрофта еще во время вашингтонской встречи⁸⁸.

Наконец, на мой срочный запрос МИД подтвердил сказанное Бруксом и пообещал передать тексты договоренностей. Время, однако, шло, а тексты из Москвы не поступали. Рассудив, что все равно договорные тексты мы будем согласовывать сначала на английском языке, а потом я их буду докладывать в Москву в переведенном виде, я решил не терять время на ожидание и дал согласие Бруксу на встречу всех наших групп и подгрупп для завершения договора и всех связанных с ним текстов. Работа закипела. Шла она в буквальном смысле круглосуточно. Каждый день в Москву

⁸⁸ Michael R. Beschloss and Strobe Talbott. *At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War*. London, 1993. P. 373.

отправлялись новые тексты на апробацию. Одновременно шла проверка ранее согласованных текстов на предмет аутентичности русского и английского вариантов, а также с целью вылавливания разного рода «блох».

Тем временем из Москвы подъехали принимавшие участие в Вашингтонской встрече начальник Договорно-правового управления Генштаба Ф.И. Ладыгин и представитель Л.Н. Зайкова В.Л. Катаев. Они привезли согласованные в Вашингтоне и одобренные в Москве тексты.

29 июля 1991 г. в 11.00 в советской миссии в Женеве началась процедура парафирования договора. Естественно, Брукс и я обменялись приличествующими случаю торжественными заявлениями и взаимными поздравлениями с историческим достижением. А потом начался сам процесс парафирования, т.е. проставления инициалов Бруксом и мной на каждой странице договорного текста. А поскольку текст был огромный и к тому же предстояло парафировать четыре экземпляра — два русских и два английских⁸⁹, процесс занял несколько часов.

На следующий день вся делегация на специально присланном самолете отправилась в Москву. Настроение у всех было праздничное: поставленная задача выполнена, мы победили.

31 июля утром, незадолго до церемонии подписания, я зашел в кабинет В.П. Карпова. Нужно было условиться о некоторых формальностях, связанных с предстоящей церемонией. Вопреки своей обычно сдержанной манере, он бурно приветствовал меня и сказал:

— Я до самого последнего времени не думал, что договор получится. Много, очень много было подводных камней. Ты, может быть, не обо всем знаешь. Поздравляю тебя.

Не скрою, мне было особенно приятно получить поздравления именно от Карпова — профессионала высшей категории, знавшего и понимавшего все тонкости и нюансы, связанные с подготовкой Договора. Пройдя с 1969 г. все этапы переговоров по ограничению стратегических вооружений, он в 1985 г. был первым руководителем той делегации, которую я принял в 1989 г. и которая сейчас пришла к финишу.

А через несколько часов во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца Президент СССР М.С. Горбачев и Президент

⁸⁹ Каждая сторона должна была иметь русский и английский парафированные тексты.

США Дж. Буш подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Эта церемония завершила переговоры, которые были начаты 12 марта 1985 г.

На церемонии присутствовал и Ричард Берт, специально прилетевший из Вашингтона. По-моему, он был сильно расстроен тем, что не довел переговоры до конца и ушел в отставку за несколько месяцев до подписания договора.

Несмотря на большую усталость из-за напряженной работы, нервного напряжения и недосыпа в течение последних штурмовых недель, в первые дни после подписания я находился в состоянии эйфории. К чувству глубокого внутреннего удовлетворения достигнутым добавлялись многочисленные поздравления от всех знакомых и даже многих незнакомых. Поздравляли меня очень многие — в кабинетах, коридорах, лифтах высотного здания на Смоленской площади и вне его. Особенно растрогал постовой ГАИ, остановивший меня в первых числах августа за превышение скорости. Узнав при заполнении протокола, что я из МИДа, и взглядев-шись, он спросил:

— А не вас ли показывали по телевизору, как вы подписывали стратегический договор?

Я объяснил ему, что подписывал Договор М.С. Горбачев, а я незадолго до этого парафировал его, что, действительно, демонстрировалось по программе «Время». Постовой порвал акт о штрафе за нарушение, вернул мне водительские права и сказал:

— Все равно — молодец. Двигайте дальше, только поосторожнее.

Последние его слова, относившиеся, несомненно, к соблюдению правил дорожного движения, я, тем не менее, воспринял как напоминание о тех рискованных ситуациях, через которые мне пришлось пройти совсем недавно на переговорах.

Легкое эйфорическое состояние усиливалось предвкушением предстоящего отпуска (не отдыхал я уже три года). Нужно было сделать лишь два дела — проследить, чтобы были правильно собраны и разосланы депутатам и их экспертам для изучения все относящиеся к Договору документы (один набор состоял более 900 страниц) и ходатайствовать перед руководством МИДа о вынесении благодарности сотрудникам, на чью долю выпала наиболее тяжелая и ответственная работа.

Вся делегация работала на заключительном этапе в каком-то порыве. Многие из сотрудников провели на переговорах долгие

трудные годы. И, увидев свет в конце туннеля, они рванулись к финишу, работая по 17—18 часов в сутки. Этот дух самоотверженного служения цели охватил всю делегацию. Ни о каком «подтягивании дисциплины» не было и речи. Напротив, приходилось напоминать наиболее заработавшимся, что не мешает время от времени передохнуть, чтобы «не сойти с дистанции».

Но вот цель достигнута — Договор подписан. Очевидно, надо было хотя бы сказать несколько добрых слов тем, кто, не жалея своих сил и здоровья, выполнили поставленную задачу. Это можно было бы сделать, собрав делегацию и всех тех, кто помогал подготовке Договора в Москве, скажем, в особняк МИДа на ул. Алексея Толстого. Но все мои попытки организовать такой прием не получались. Министр уехал в отпуск. Ну, если у министра иностранных дел и министра обороны не нашлось бы времени, чтобы приехать туда и поздравить переговорщиков, это могли бы сделать их заместители... Но все мои попытки организовать такой прием не получались. Министр был в отпуске, а его замы, ссылаясь на отсутствие полномочий, советовали подождать его возвращения. А вернулся он, как известно, только 18 августа — по экстренному вызову ГКЧП.

Остались без последствий и все мои заходы — а их было несколько, и официальных и «кулуарных» — к руководству Министерства с предложениями отметить тех, кто вложил немало сил и здоровья в подготовку Договора. А вскоре начались события, которые перечеркнули и эти заботы, и отдых.

Глава четвертая

Соприкосновение с полтичкой

Смутное время

Проснувшись неранним утром в понедельник 19 августа в подмосковном пансионате, я услышал под окном такой диалог:

— Марь Иванна, слышали, Горбачева-то сняли...

— Да ну? Куда ж его теперь? На пенсию, штоль?

Включив радио и узнав о перевороте и составе ГКЧП, я глубоко призадумался. То, что сообщение путчистов о болезни Горбачева шито белыми нитками, у меня сомнений не вызывало. Понятно было и то, что цель гекачепистов — закрутить гайки по всем линиям. Какой ценой? В Китае на площади Тяньаньмынь погибло три тысячи человек. У нас экстренное торможение поезда грозило гораздо более трагическими последствиями. Не мог я не подумать и о судьбе только что подписанного Договора: один из членов ГКЧП Бакланов был самым активным и самым непримиримым противником заключения Договора по СНВ. Понятно поэтому, что когда через день-другой стало ясно, что путч провалился, у меня были основания вздохнуть с облегчением. Облегчение это, однако, было кратковременным, так как очень скоро стало ясно, что провал путча открыл дорогу иной напасти — под знаменами «демократии» во власть ринулась публика, которая не имела представления о том, как управлять государством, но зато хорошо соображала, как откусить от него для себя кусок пожирнее.

События августа 1991 г. встряхнули общество. Разумеется, разные слои встряхнулись по-разному. По-своему встряхнулся и МИД.

Министр (А.А. Бессмертных) отказался войти в ГКЧП, но и не отмежевался публично от путчистов. Благодаря этой осторожной позиции он избежал тюрьмы, но потерял министерское кресло. Впрочем, как показали дальнейшие события, он его все равно по-

терял бы, как это произошло с другими союзными министрами после ликвидации СССР.

Кто будет министром? Что может быть интереснее темы для чиновничьих пересудов! Называлось несколько имен — как из кадровых мидовцев, так и из чужаков. Упоминался и посол в Чехословакии Б.Д. Панкин.

Очевидно, сориентированный своими московскими друзьями, он, как только стало ясно, что путч проваливается, осудил ГКЧП и вышел из КПСС. Крупный партийный номенклатурщик Б.Д. Панкин, в отличие от послов — карьерных дипломатов, имел хорошие связи в коридорах власти, что давало ему возможность своевременно получить необходимую информацию. Даже если бы оценка ситуации оказалась неверной и ГКЧП продержался бы у власти какое-то время, риск был минимальный: все-таки Панкин находился не в Москве, а в Праге, где правил бывший диссидент Гавел.

Итак, за свой «героизм» Панкин был моментально назначен министром. Конечно, М.С. Горбачев, не оправившийся от фаросского шока и подвергшийся публичному унижению в Верховном Совете РСФСР, совершил в то время особенно много ошибок — больше, чем когда-либо. Назначение Панкина было одной из них. М.С. Горбачев отдал важный пост человеку, который никак не мог помочь ему в единоборстве с Б.Н. Ельциным, разбивавшим союзные структуры одну за другой и загонявшим Президента СССР в угол безвластия. На этом посту должен был быть крупный и сильный государственный деятель.

Панкин же в силу своего политического калибра не мог противостоять наседавшим на союзный МИД российским властям. Не пользовался он авторитетом и внутри МИДа, где он не воспринимался ни как профессионал, ни как политик, а как конъюнктурщик. В период его непродолжительного правления (около трех месяцев) последняя союзная опора Горбачева — МИД — была выведена из строя.

В МИДе началась настоящая «охота за ведьмами». Были отозваны шесть послов, которых обвинили в поддержке геккачепистов. По-моему, под эту кампанию в основном сводились личные счеты. Одновременно началась травля союзного МИДа в «демократической» печати. Мол, эти мидовские чиновники, закосневшие в своем тупом усердии, готовы поддерживать кого угодно, лишь бы не потерять свои баснословные привилегии. На самом же деле един-

ственная привилегия заключалась в возможности выезжать за границу, хотя вряд ли можно назвать привилегией работу дипломатов в «горячих точках» таких, как Афганистан, Вьетнам, Ангола и в целом ряде других стран во время вооруженных конфликтов и переворотов.

Клевали МИД со всех сторон. Помню, пришел ко мне корреспондент одной из газет, особо усердствовавшей в этой кампании, и сказал, что имеет поручение редакции осветить работу послов по особым поручениям и что в отделе печати МИДа ему посоветовали начать с меня. Как по характеру задававшихся им вопросов, так и по предыдущим публикациям этой газеты было видно, что у него был «социальный заказ» разоблачить институт послов по особым поручениям как синекуру — прибежище титулованных бездельников.

В ходе интервью удалось объяснить журналисту, что эти послы, состоя в штате центрального аппарата Министерства, обычно возглавляют делегации на различных переговорах и выполняют разовые поручения министра и его заместителей (проводят консультации с иностранными представителями, разъясняют официальную позицию государства по тем или иным вопросам и т.д.). Рассказал ему о тех переговорах, которые пришлось вести мне, и показал набор документов, готовившихся в связи с предстоящей ратификацией Договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений. Не знаю, как насчет сути Договора, но объем его вместе со всеми сопутствующими документами — более 900 страниц — явно произвел впечатление на журналиста.

Сказав, что намерен побеседовать с другими послами и пообещав показать материал до его опубликования, интервьюер отклонялся. Никакого материала я никогда не увидел и ничего о послахе по особым поручениям в этой газете опубликовано не было.

Конечно, антимиловская кампания инициировалась теми, кто пытался выбить из-под М.С. Горбачева последнюю опору, на которой держался фасад Союза. Но, к сожалению, и внутри МИДа нашлось немало желающих половить рыбку в мутной воде и расчистить себе путь наверх. В результате в конце 1991 г. в печати появилось много статей, главным образом анонимных, с персональными нападками на тех или иных руководящих работников МИДа. Обвинения строились на идеологической основе: не годится он, мол, для нового, демократического МИДа и вообще в душе гекачепист.

Конечно, эти писаки не могли пройти мимо того факта, что в МИДе работал Сергей Крючков, сын председателя КГБ. Логика простая: раз отец вошел в ГКЧП, значит, и сын — гекачепист, а МИД, следовательно, — гнездо гекачепизма. Я неплохо знал Сережу по работе в делегации на переговорах по стратегическим вооружениям. Это был толковый, знающий работник, настоящий профессионал. Причем, в отличие от некоторых других детей высокопоставленных родителей, он был скромнен и в своем служебном росте полагался на собственные силы, а не на помощь отца. Видно было, что Владимир Александрович Крючков именно так воспитал сына.

И вот вскоре после драматических августовских событий я встречаю Сережу в коридоре МИДа в ужасном состоянии: осунувшийся, бледный, еле передвигающий ноги. Отец — в «Матросской тишине», собственная судьба Сережи под большим вопросом... Позвал его к себе в кабинет, дал возможность выговориться. Большим, к сожалению, ничем помочь не мог. Сережа говорит:

— Я не вчера родился и понимаю, что мне придется уйти из МИДа. Но ведь от меня мои вчерашние друзья шарахаются, как от прокаженного.

Действительно, в результате трусливо-перестраховочной позиции, занятой руководством американского направления МИДа, С. Крючков был уволен из МИДа. А вот Управление по контролю над вооружениями и разоружению, которым заведовал заместитель министра В.П. Карпов, совершенно иначе повело себя в отношении своего коллеги Александра Грушко, сына первого заместителя председателя КГБ В.Ф. Грушко. Обвиненный в участии в заговоре ГКЧП, В.Ф. Грушко также был арестован и находился в «Матросской тишине». Однако В.П. Карпов отстоял Сашу Грушко, который остался в МИДе и впоследствии стал послом, а потом заместителем министра.

Кампания против союзного МИДа, дополнявшаяся требованиями существенно — в несколько раз — сократить его штат, деморализовывала некогда исключительно работоспособный коллектив, расшатывала десятилетиями отлаживавшийся высокоэффективный механизм. К тому же зарплату стали выплачивать с задержками, так как российские власти время от времени перекрывали поступление денег в союзный бюджет: соображай, мол, кто сейчас главный.

М.С. Горбачев спохватился, когда было уже поздно. Возвращение в МИД Э.А. Шеварднадзе в ноябре 1991 г. ничему помочь, конечно, не могло: до встречи в Беловежской Пуше оставались считанные дни. На этот раз он пробыл министром менее трех недель.

А в канун нового, 1992 г. в высотное здание на Смоленской площади вселились новые хозяева — Козырев со товарищи из российского МИДа (примерно человек сто пятьдесят). Многие из них, включая и Козырева, были выходцами со Смоленской площади. А некоторые из них переместились отсюда на Старую площадь (в российский МИД) буквально накануне обратного переезда, так что даже вещички не успели забрать.

Тем не менее, все те, кто успел своевременно соскочить с тонущего корабля и тем самым продемонстрировал свою лояльность новой власти, были со значительными повышениями (через 2-3 ступени) назначены на руководящие посты и рассредоточены по всем подразделениям. Образовался своего рода институт политических комиссаров — преданных (по крайней мере, на какое-то время) новым хозяевам жизни и профессионально не соответствовавших своим новым постам (большинство из них в дальнейшем были направлены Козыревым на работу в загранточки: и им поощрение, и для центрального аппарата вреда меньше). Даже внешне они успели приобрести черты, отличавшие их от традиционного мидовца: в то время можно было встретить в мидовских коридорах ребят в черных кожаных куртках, красных пиджаках, зеленых брюках, а некоторые отрасли бороды (видимо, в подражание главному комиссару — первому заместителю Министра Ф.В. Шелову-Коведяеву).

В ту пору большую активность в области внешней политики пытался проявлять некий Бурбулис. В свое время он преподавал марксизм-ленинизм где-то в Свердловске, прибил к Ельцину, руководил его избирательной кампанией в Верховный Совет РСФСР и потом стал претендовать на роль «второго лица» в государстве российском. В вице-президенты Ельцин его не взял в виду крайней непопулярности того в стране (в своих мемуарах Ельцин объясняет это свое решение «невьигрышным имиджем» Бурбулиса). Тогда Бурбулис изобрел для себя должность «государственного секретаря». В этом не очень понятном качестве он пытался прибрать к рукам как можно больше власти, в том числе в области внешней политики, на чем в конечном счете и погорел. Но успел, когда еще был в силе, выступить в МИДе с руководящими указаниями. Не могу без смеха вспоминать это выступление.

Бурбулис решил объяснить дипломатам, что такое дипломатия. В его интерпретации дипломатия — это, как оказалось, «пять Д», а именно «добросовестность», «доброта», «дальновидность» и тому подобная ахиня, начинающаяся на букву «Д». И каждое из этих пяти «Д» он стал разжевывать своим скрипуче-гундосым голосом. Сначала аудитория замерла от неожиданности, потом начались перешептывания, смешки и откровенный хохот. Много разных выступлений произносилось в стенах актового зала высотного здания на Смоленской площади. Но в тот день был, я думаю, побит рекорд глупости.

Вообще приход новой власти в Министерство, наверное, напоминал аналогичную ситуацию после 25 октября 1917 г., когда матрос Марков с братишками взял в свои руки вожжи дипломатии. Но тогда это было трагедией, а сейчас и на фарс не тянуло. Скорее это была детская игра в революцию.

Была создана комиссия по проверке на лойяльность новому режиму. Охрана — опять же под наблюдением комиссаров — стала проверять содержимое портфелей и атташе-кейсов выходявших из здания МИДа сотрудников. Появились многочисленные инструкции, запрещавшие, предписывавшие, регулировавшие, а на самом деле создававших дополнительную путаницу.

В общем использовались приемы революционеров-большевиков. Не зря ведь новое демократическое руководство в свое время на зубок учило «Краткий курс истории ВКП(б)», а некоторые из этого руководства даже преподавали науку всех наук — марксизм-ленинизм.

Конечно, ни у кого в союзном МИДе и в мыслях не было саботировать новую власть — прятать шифры и выбрасывать ключи от сейфов в Москву-реку. Конечно, ликвидация Союза и сопутствовавшие события тяжело воспринимались служивым людом (и далеко не только в МИДе), большую часть своей жизни отслужившему своему государству — Советскому Союзу. Но, в конце концов, объективно национальные интересы России в области внешней политики оставались теми же, что и у Советского Союза. А именно этим интересам и служил МИД.

В начале января 1992 г. всем сотрудникам бывшего союзного МИДа были розданы бланки, утвержденные заместителем министра Г.Ф. Кунадзе, которые становились по заполнению заявлением об отставке и прошением о приеме на работу в МИД России. Было не понятно, зачем нужно просить об увольнении из учрежде-

ния, которого уже не было: к тому времени не существовало ни Союза, ни, следовательно, союзного министерства. Но, тем не менее, такие заявления-прошения были поданы, и наступила пора трепетного ожидания результатов их рассмотрения. Для многих это «подвешенное состояние» продолжалось до 1 апреля 1992 г. Все сотрудники бывшего союзного МИДа продолжали выполнять свои функции, но за прежнюю зарплату, которая была в два раза ниже, чем в российском МИДе.

В своем «уволненном» качестве я участвовал в подготовке материалов к ратификации Договора по СНВ и переговорах с Украиной, Белоруссией и Казахстаном о судьбе стратегических наступательных вооружений, которые находились на их территориях. Об этом стоит рассказать подробнее.

Не раз американцы на переговорах использовали такой прием: мол, даже если бы они и согласились на то или иное наше предложение, сенат американский ни за что не пропустит этой крамолы. И многолетние труды переговорщиков пропадут понапрасну. Разумеется, к такому же приему прибегали и мы, тем более, что депутаты нашего Верховного Совета вели себя все более раскованно. Однако в то время никто не предполагал, из-за чего в действительности возникнут трудности при ратификации.

Собравшийся в начале сентября Съезд народных депутатов СССР объявил переходный период для формирования новой системы государственных отношений. Принятые съездом решения, казалось бы, не должны были создать препятствий для ратификации. Однако очень скоро стало ясно, что возникает качественно новая ситуация, в которой уже было не до Договора.

Происшедший в декабре распад Союза, провозглашение на его месте независимых государств и начавшийся процесс разработки новых отношений между ними создали много серьезных проблем, и внутренних и внешних. Естественно, возникли вопросы и в связи с Договором.

Прежде всего, кто теперь должен этот Договор ратифицировать? Только Россия? Все Содружество? Или те государства, на территории которых имеются вооружения, подпадающие под действие Договора, а именно Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина?

Договор по СНВ разрабатывался как двусторонний, что предопределяло симметричность прав и обязательств обеих сторон, а также механизма его осуществления. Нарушение его двусторон-

него характера в результате ратификации более чем двумя государствами создавало бы новые проблемы — необходимость перераспределения квот инспекций и расходов по его осуществлению, корректировки графика уничтожения и т.д. Все это было необходимо не только продумать, но и достичь официальных межгосударственных договоренностей.

Тем не менее, при оформлении СНГ в Алма-Ате 21 декабря 1991 г. в Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия включили ряд положений, которые, противореча друг другу, осложнили достижение взвешенных договоренностей. По Статье 5 этого Соглашения Белоруссия и Украина брали на себя два взаимоисключающих обязательства: по пункту 1 они обязались присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств, а по пункту 2 брали обязательство не передавать кому бы то ни было ядерного оружия! Иными словами, они обещали не передавать другим то, чего у них самих не должно было быть.

Непродуманным было и включение в Соглашение статьи о том, что правительства Белоруссии, Казахстана, России и Украины «обязуются представить Договор по СНВ на ратификацию в Верховные Советы своих государств». Не договорившись предварительно о том, как этот двусторонний Договор будет выполняться пятью государствами, брать такое обязательство было, по меньшей мере, поспешно.

Вообще для действий руководителей новых независимых государств в тот период были характерны скоропалительность, сумбурность и, я бы сказал, неряшливость в отношении деталей. В дальнейшем, приобретя некоторый опыт, обзаведясь экспертами и, видимо, поняв, что сгоряча позаклучали не очень продуманные и отработанные соглашения, они стали закрывать глаза на эти документы: вроде бы они есть, а в то же время вроде бы их и нет.

Естественно, что без разработки процедур и механизма осуществления Договора по СНВ, которые соответствовали бы новым условиям, ратифицировать его было нельзя. Переговоры экспертов с целью подготовки и предварительного согласования таких процедур и механизма между Белоруссией, Казахстаном, Россией и Украиной начались в Москве 27—28 января 1992 г. и затем были продолжены в Минске 6—7 февраля, в Киеве 2—4 марта и снова в Москве 11—12 марта. Мне пришлось возглавлять российскую делегацию на этих переговорах.

Те люди из других делегаций, с которыми непосредственно приходилось общаться в ходе переговоров, не скрывали своей горечи, сталкиваясь с ситуациями — часто нелепыми, — когда из-за разрыва прежних союзных связей несли крупные материальные потери все стороны. Но, разумеется, они действовали сообразно своим инструкциям, которые в ряде случаев предписывали им добиваться решения некоторых вопросов, непосредственно не относящихся к предмету переговоров. Речь шла, в первую очередь, об общих вопросах правопреемства.

К сожалению, и с российской стороны делались попытки протолкнуть с помощью подготавливаемых документов свои претензии, в первую очередь так называемую «концепцию континюитета», в соответствии с которой Россия автоматически принимает на себя выполнение всех прав и обязательств бывшего Союза (другие страны СНГ настаивали на том, что все, в том числе и Россия, должны действовать на основе правопреемства).

На московской встрече экспертов в конце января 1992 г. российская делегация исходила из тех предложений, которые были изложены российской стороной 10 января 1992 г. на совещании министров иностранных дел стран-участниц СНГ, а именно из следующего:

— Договор по СНВ остается двусторонним и ратифицируется США и Россией как государством-продолжателем СССР. Затем между ними произойдет обмен ратификационными грамотами.

— Белоруссия, Казахстан и Украина представят Договор на одобрение своих парламентов и заключат четырехсторонний (с участием России) протокол, в котором, во-первых, уполномочат Россию нести ответственность за выполнение Договора в целом и представлять их в отношениях с США в целях осуществления прав и обязательств, вытекающих из Договора и, во-вторых, подтвердят свое намерение обеспечить гарантии выполнения Договора на их соответствующих территориях. Такое решение и явилось бы по существу надлежащей формой ратификации Договора всеми четырьмя государствами.

В ходе переговоров экспертов очень скоро выяснилось, что и Белоруссия, и Казахстан, и Украина единодушно отвергают континюитет России и настаивают на равном правопреемстве всех четырех государств.

Да, у России были основания настаивать на своем континюитете, но, думаю, отстаивать его надо было, не делая Договор по СНВ

заложником этой концепции. Не потеряй мы тогда время из-за отставания континуитета России, можно было бы избежать многих сложностей, которые возникли в дальнейшем и которые едва не привели к очень тяжелым последствиям.

В первой половине марта 1992 г., после того как российская сторона согласилась не включать положения о континуитете в протокол к Договору по СНВ, удалось договориться о формулировках, которые закрепляли за Россией как за единственным ядерным государством из государств-правопреемников СССР в отношении Договора по СНВ роль стороны Договора и определяли порядок его ратификации (Белоруссия, Казахстан и Украина одобряют Договор, а Россия ратифицирует его и сдает все соответствующие документы Соединенным Штатам при обмене ратификационными грамотами).

В связи с киевским раундом 2-4 марта вспоминается любопытный штрих. В российскую делегацию был включен в качестве одного из экспертов сотрудник Управления по контролю над вооружениями и разоружению МИД России К.И. Грищенко. Еще в Москве было известно, что он собирается переходить из российского МИДа в украинский. Включен он был потому, что, хорошо зная не только российскую позицию, но и нюансы позиции Киева, мог способствовать лучшему взаимопониманию двух сторон. Роль эту он выполнил, хотя уже через день после начала раунда информировал меня о том, что принято решение о назначении его в МИД Украины. На следующий день Константин Иванович переместился в украинскую делегацию. В дальнейшем он занимал ряд крупных постов в МИДе Украины (посол в Брюсселе, заместитель министра, посол в Вашингтоне), а в 2003 был назначен министром иностранных дел Украины. Был послом в Москве, а потом, после победы Януковича на президентских выборах, снова стал министром.

12 марта 1992 г. Соглашение о принципе и порядке выполнения Договора по СНВ и Протокол о механизме выполнения были готовы. Осталась лишь резервация Казахстана в отношении слова «единственное» в положении о том, что Россия как **единственное** ядерное государство в СНГ выступает в качестве Стороны Договора по СНВ. Заместитель министра иностранных дел Казахстана, возглавлявший казахстанскую делегацию на встрече экспертов, переговорив по телефону с министром иностранных дел Казахстана Сулейменовым, заявил, что не возражает против этого слова, но что официальная позиция Казахстана на этот счет будет опреде-

лена к встрече глав государств СНГ, которая должна была состояться через неделю в Киеве.

18 марта из Киева пришел «уточненный» проект повестки дня встречи глав государств. Пункта о выполнении Договора по СНВ в нем не было (в первоначальном варианте он стоял среди первых пунктов). У нас в Москве возникло предположение, что организаторы встречи начали процедурные игры, чтобы помешать подписанию документов, во всяком случае в том виде, в каком они были согласованы ко времени проведения встречи.

Прибыв в Киев на следующий день — 19 марта, я убедился, что предположение соответствует действительности. Несмотря на то, что наша делегация сразу по прибытии в Киев официально предложила восстановить в проекте повестки дня пункт о выполнении Договора по СНВ, секретариат не сделал этого. Вопрос о выполнении Договора был упомянут в самом конце проекта, да и то в виде какого-то примечания, а не пункта повестки дня.

Киевская встреча проходила в здании бывшего горкома КПСС. Стиль всех этих помещений, где располагались руководящие органы КПСС, всюду одинаков: казенная добротность и ухоженность, паркетно-ковровое самодовольство.

Площадь перед зданием была запружена манифестантами с желто-голубыми флагами и лозунгами типа «Украина без Москвы». Они толклись там и скандировали свои требования на протяжении всего дня. Когда встреча закончилась, манифестантам были поданы заказные автобусы, и они уехали, сдав знамена и транспаранты организаторам.

Это была вторая встреча глав государств СНГ, на которой я присутствовал. На предыдущей встрече в Минске я был поражен организационной неразберихой и низкой культурой дискуссии. Правда, там мне удалось проникнуть в зал заседаний — возможно, благодаря неразберихе. Здесь хаоса было не меньше. Но одно было поставлено четко — российских экспертов в зал не пустили. В результате всю информацию о происходившем я получал от знакомых украинских и белорусских экспертов, которые в зал заседаний проникали беспрепятственно.

День близился к концу, когда я узнал, что, так и не допустив обсуждения вопроса о порядке выполнения Договора по СНВ, украинцы подготовили свой вариант соглашения, перечеркивавший все то, что было согласовано до Киева. В соответствии с их проектом Договор по СНВ из двустороннего превращался в пятисторон-

ний, где США, Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан выступали в одинаковом качестве.

Этот проект украинцы без какого бы то ни было предварительного обсуждения напечатали на договорной бумаге и предложили главам государств подписать после окончания встречи.

Заседание закончилось. Прошла пресс-конференция с участием всех глав, начался обед «в узком составе». На нем, по замыслу украинцев, и должно было состояться подписание. Слава Богу, этого не произошло. Возможно, Б.Н. Ельцин не захотел подписывать соглашение, не выслушав мнения своего министра иностранных дел (А.В. Козырев в киевской встрече участия не принимал, так как находился за океаном).

Неспособность лидеров четырех стран СНГ придти к соглашению не на шутку встревожила американцев, которые до киевской встречи вели себя в общем выжидательно. В игру вступил «сам» Дж. Бейкер, который предложил провести встречу министров иностранных дел США, России, Украины, Белоруссии и Казахстана в Лиссабоне в конце мая 1992 г., где он сам в это время должен был быть по каким-то другим — натовским — делам.

23 мая в столице Португалии эта пятерка подписала Протокол к Договору по СНВ и обменялась письмами, которые составили так называемую «Лиссабонскую пакетную договоренность». Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина как государства-правопреемники СССР приняли на себя обязательства бывшего Союза по Договору. Белоруссия, Казахстан и Украина обязались «в возможно кратчайшие сроки» присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных государств. Попытки российской делегации добиться более определенного срока — «не позднее вступления в силу Договора по СНВ» — не были поддержаны американцами и успеха не имели.

Конечно, США и сами были заинтересованы в более сильной и определенной формуле присоединения трех новых независимых государств к Договору о нераспространении. Но, видимо, они еще до Лиссабона сговорились с ними об основных параметрах договоренности, и это их связывало.

Эта «гибкость» США создала в дальнейшем очень опасную ситуацию с присоединением Украины к Договору о нераспространении. Положение удалось урегулировать лишь в январе 1994 г. во время пребывания президента Клинтона в Киеве.

Путь к ратификации СНВ

Между тем, в Москве продолжалось предратификационное обсуждение Договора по СНВ. Проводились слушания в комитетах Верховного Совета Российской Федерации, устраивались различные научные симпозиумы, публиковались статьи, где высказывались различные критические замечания в адрес Договора. Общий накат был — долой Договор. Его подписал Горбачев, значит он плохой. Но, с другой стороны, главный противник Договора О.Д. Бакланов находится в «Матросской тишине» как член ГКЧП, и это вносило некоторый разнობой.

Так что в целом дискуссия носила чисто политический характер, а большинство замечаний основывались на полном незнании и непонимании Договора. Не раз я вспоминал с теплым чувством тех депутатов Верховного Совета СССР — В.Н. Очирова, В.Г. Афанасьева и А.С. Дзагохова, — которые действительно сумели понять суть ключевых вопросов Договора. Но теперь это был другой парламент — Верховный Совет РСФСР, под председательством Хасбулатова.

Я приходил на «слушания» в Белый Дом, пытался что-то объяснить, но революционно настроенные «народные избранники» и не желали рабираться в деталях. Они, как и их предшественники-ниспровергатели времен предыдущего переворота (1917), руководствовались своим «политическим чутьем». Выдвигались замечания, на которые можно было ответить лишь одно: да, Договор в чем-то ограничивает нас, но в других отношениях он более выгоден нам, чем американцам, так что в целом это баланс уступок, компромисс. При разумной, деловой дискуссии, разумеется, можно было либо показать несостоятельность критики, либо объяснить, почему сделана та или иная уступка и какой встречной уступкой она компенсируется. Однако политическая оппозиция пыталась перевести дискуссию в эмоционально-иррациональную плоскость.

Находкой для оппозиции стал некий полковник Д., который несколько лет работал военным экспертом в делегации на наших переговорах. В то время он был известен среди военной части делегации как «левак», выступавший за ускоренное заключение Договора. Я его помню как очень неплохого специалиста, сделавшего много полезного для решения ряда сложных военно-технических проблем, в частности, проблемы использования телеметрической информации в целях контроля за соблюдением Договора. Помню и то, как он не раз обращался ко мне как к главе делегации с раз-

личными идеями, которые должны были помочь нахождению компромиссных решений.

И вот он, уволившись из Генштаба и присоединившись к неправительственной организации, выступавшей против заключения Договора, стал его злейшим критиком, главным козырем наших ортодоксов в борьбе против него. Ну, как же! Эксперт делегации, знающий Договор как свои пять пальцев, говорит народу:

— Договор — это величайшее предательство интересов государства!

Не знаю, в чем причина столь коренной трансформации его взглядов, хотя могу догадываться по аналогии с другим его коллегой. Однажды в Москве, когда в полном разгаре была предрационационная кампания, мне позвонил один отставной генерал, которого я знал и уважал не только как хорошего специалиста в области стратегических вооружений, но и как честного, порядочного человека.

— Юрий Константинович, мне тут заказали статью о Договоре...

— Ну, что же, вы ведь его хорошо знаете, так что рассчитываю на объективную оценку.

— Я потому и звоню вам, чтобы предупредить: не удивляйтесь, когда будете читать статью.

— ?

— Там не будет моей оценки, я выполняю «социальный заказ»... Семью кормить надо.

Мне оставалось только выразить сочувствие этому человеку, совесть которого заставила позвонить мне, чтобы заранее извиниться за тот поступок, который он сам считал непорядочным. Статья вскоре появилась, и в ней, действительно, были такие грубые переделки, что я не поверил бы, что ее мог написать специалист, хорошо знающий Договор.

И вот наступил день ратификации — 4 ноября 1992 г. Год и три месяца прошло со дня подписания Договора. За это время прекратило свое существование одно из государств, от имени которого он подписывался. Россия, принявшая на себя международные обязательства Советского Союза, переживала тяжелые времена.

Р.И. Хасбулатов предоставил слово заместителю министра иностранных дел, который, вместе с заместителем министра обороны генералом Б.В. Громовым, был уполномочен президентом представить Договор на ратификацию. Естественно, в его выступлении освещались в основном внешнеполитические аспекты Договора, поскольку военная сторона дела была оставлена содокладчику —

Б.В. Громову. Тем не менее, как только мидовский зам закончил выступление, на него посыпался град вопросов, связанных, прежде всего, с тем, как Договор повлияет на обороноспособность России. Естественно, что большинство этих вопросов он переадресовал Громову. И это было правильно. Действительно, кто как не Министерство обороны должно оценивать, не будет ли нанесен ущерб обороноспособности государства? Однако ставшая рефреном фраза — «на это, я надеюсь, ответит генерал Громов» — вызвала недовольство депутатов. В зале начался шум. Особенно неистовствовали национал-коммунистические депутаты.

Конечно, председатель заседания должен был бы взять на себя отвод вопросов, относящихся к компетенции следующего докладчика. Однако он этого не сделал. Положение сложилось неприятное.

Наконец, на трибуну вышел генерал Громов. Зачитав заготовленный текст, он приступил к ответам на вопросы. И не сплеховал.

— Как в Договоре учтены ядерные силы Китая, Франции и Англии?

— Конечно, учтены, а как же. Мы же знаем, сколько у них ядерных боезарядов.

— Почему мы должны уничтожить по Договору самые современные ракеты?

— Договор этого не предусматривает. Осуществление Договора не нанесет ущерба нашей безопасности.

И так далее. Коротко, уверенно и четко. Каков вопрос, таков ответ. И спрашивающие и отвечающий знают Договор примерно в равной степени и поэтому говорят на одном языке. Но на плечах отвечающего три большие звезды, а за плечами Афган. Значит, он отвечает за то, что говорит. Конечно, на депутатов подействовала спокойная уверенность, с которой боевой генерал-афганец, заместитель министра обороны объяснил: все будет нормально, ребята, не пострадает наша обороноспособность, не бойтесь.

Итак, 4 ноября 1992 г. Договор по СНВ был ратифицирован. За постановление о ратификации проголосовали 165 депутатов, воздержались 8, против голосов не было. В постановлении было предусмотрено, что обмен ратификационными грамотами будет произведен после присоединения Белоруссии, Казахстана и Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия и после заключения ими с Россией договоренностей о порядке выполнения Договора по СНВ.

Более двух лет потребовалось для того, чтобы эти условия были выполнены. Главной проблемой стало то, что националистические силы Украины настаивали на сохранении Украиной ядерного оружия и, соответственно, возражали против ее присоединения к Договору о нераспространении в качестве неядерного государства. Наконец, к концу 1994 г. украинской администрации удалось склонить политическую чашу весов в пользу неядерного статуса Украины. Большую роль в этом сыграло давление со стороны США, которые совершенно не были заинтересованы в том, чтобы «ядерный клуб» пополнился еще одним государством. 5 декабря 1994 г. она присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, и в тот же день вступил в силу Договор СНВ.

Но в то время я в МИДе уже не работал. О том, как и почему я его покинул, проработав там тридцать семь лет, — в следующей главе.

Совет Безопасности

Думаю, что 92-й год остался в памяти подавляющего большинства российских жителей как мрачнейший период. В стране происходит черте-что, в магазинах пусто, рублевые сбережения превращены в бумажную труху, зарплату надо умудриться истратить как можно быстрее, так как с каждым днем покупательная способность рубля тает, как лед под горячим солнцем. А тут еще и МИД горит синим пламенем. Конечно, какая-то рутинная работа ведется, но по серьезным вопросам Козырев получает указания из Вашингтона. Высказывание любых иных точек зрения ведет к тому, что их авторы отстраняются от ведения серьезных дел.

В общем, работать в МИДе стало невыносимо. И вот однажды, где-то в мае 1992 года, раздается звонок. Мужской голос говорит:

— Я такой-то. Мы с вами познакомились у наших общих друзей в Женеве.

Вспоминаю: действительно познакомились, полковник КГБ, очень неглупый парень, здраво и критично оценивавший происходившее в России.

Из его дальнейших слов выясняется, что Юрий Владимирович Скоков, недавно назначенный секретарем только что созданного Совета безопасности Российской Федерации, создает межведомственную рабочую группу для подготовки проекта концепции национальной безопасности. Он хотел бы со мной познакомиться на предмет моего возможного участия в этой группе. Мой собеседник поя-

снимает, что, поскольку предстоит формирование аппарата Совета безопасности, в дальнейшем имеется в виду предложить участникам рабочей группы, проявившим способность и склонность к продолжению работы в аппарате Совета безопасности, войти в его состав.

По всем бюрократическим канонам Скокову следовало обратиться к руководителям тех министерств и ведомств, участие которых предполагалось в рабочей группе, и попросить выделить соответствующих экспертов. Но он, по-видимому, хорошо понимал, что при этом могут быть выделены не обязательно компетентные и толковые люди, а те, кто не очень сильно занят в своем собственном учреждении. А ему нужны были люди не только для рабочей группы, но и, в перспективе, для своего штата. Поэтому он предпочел действовать методом неофициального наведения справок о кандидатах и личного знакомства с ними.

В назначенное время я был в бюро пропусков у Спасской башни. Крепко сколоченный человек в черной кожаной куртке, представившийся Владимиром Ивановичем — помощником Скокова, проводил меня в главное кремлевское здание, где когда-то заседало Политбюро и был кабинет Сталина, а сейчас размещалось новое российское руководство во главе с президентом. Кабинет Скокова находился на первом этаже. Познакомившись в приемной с другим помощником Скокова — Галиной Васильевной, я был препровожден внутрь. Навстречу мне поднялся хозяин кабинета. Умное интеллигентное лицо, подтянутая спортивная фигура, спокойные уверенные манеры располагали к нему.

Вскоре собралась вся группа, вернее ее костяк. Помимо меня здесь были сотрудники Генштаба, МВД, Министерства внешних экономических связей, разведки и контрразведки. Как я понял, каждый из собравшихся находился здесь, как и я, в своем личном качестве, а не как официальный представитель своего ведомства. После того как Скоков обрисовал задачи группы, нам было предложено подумать, кого еще мы могли бы рекомендовать для включения в группу. Я предложил пригласить двух моих коллег — Лэма Мастеркова и Владислава Чернова. В дальнейшем, когда я перешел в Совет безопасности, Владислав согласился последовать за мной, а Лэм предпочел остаться в МИДе.

Ну, а пока мы занялись подготовкой концепции национальной безопасности. Что же это такое и зачем она понадобилась? В Советском Союзе такие документы не принимались, хотя, конечно, это не значит, что концепций не было.

У Сталина была четкая концепция создания любой ценой (т.е. ценой многих миллионов жизней) могущественнейшего государства, подчиненного его единой воле и власти. Причем безусловный приоритет отдавался именно этой цели, а интересы «мирового коммунистического движения» признавались лишь постольку, поскольку они соответствовали главному приоритету. Эта концепция нигде не публиковалась. А если она и обсуждалась, то в крайне узком кругу.

У Хрущева такой четкости уже не было. Он хотел и мощное государство иметь, и империализм «закопать», и «третьему миру» помогать, чтобы иметь в нем опору, и мир во всем мире сохранить, и некоторые послабления своему народу дать. Все эти элементы не очень стыковались между собой в реальной жизни. Во всяком случае выковывывание «ракетного щита Родины» и огромные материальные средства, бесследно и безрезультатно пропадавшие в черной дыре под названием «братская помощь», явно противоречили цели повышения материального уровня жизни своего народа. Возникали серьезные коллизии и между «закопательскими» настроениями, с одной стороны, и миролюбием — с другой.

При Брежневе эта концептуальная неразбериха дополнилась переговорами об ограничении вооружений — при продолжавшейся их гонке и сохранявшемся стремлении влезать в конфронтацию с американцами в различных районах мира. Именно в этот период линия А.А. Громыко на установление нормальных отношений с США столкнулась с действиями «профессиональных революционеров» из ЦК партии, жаждавших ускорить крах империализма. Брежнев же, с присущей ему склонностью к балансированию между противоположными взглядами, пытался совместить несовместимое, жил и давал жить другим, и это была его «концепция», которая в конечном счете привела страну к кризису.

Очень много писалось и говорилось об отсутствии у Горбачева концепции реформирования страны как об основной причине его поражения. Начавший перестройку по-наполеоновски («надо ввязаться в бой, а там посмотрим»), он получил свою Эльбу, хотя вместо острова Св. Елены ограничился «Фондом Горбачева».

Новые правители, «отхватившие», по выражению Ельцина⁹⁰, огромную страну, решили учесть эту ошибку и уже в начале 1992 г. приступили к разработке национальной концепции безопасности. Попытка перейти от «реактивной» линии к концептуальной была,

⁹⁰ Ельцин Б.Н. Записки Президента. М., 1994. С. 33.

конечно, разумной. Жаль только, что концепции и практическая политика существовали сами по себе, не совпадая.

Та работа над концепцией национальной безопасности, которая началась летом 1992 г., нескоро — лишь в 1997 г. — привела к принятию документа, да и был он очень далек от совершенства. Но сам процесс был, несомненно, полезен, по крайней мере, для ее разработчиков, так как помогал, хотя бы теоретически, уяснить многие вопросы.

Прежде всего, возник вопрос: для какой страны мы сочиняем концепцию? Какой будет Россия к тому моменту, когда документ будет готов? Какими экономическими и военными возможностями она будет располагать? Каков будет ее политический вес в мире? В какую сторону будет двигаться Россия — демократическую или авторитарную? Различия в ответах экспертов на эти вопросы препятствовали и оценке угроз, и разработке путей противодействия им. Те пять лет, в течение которых разрабатывалась первая концепция безопасности Российской Федерации, потребовались потому, что за это время стали более ясны тенденции развития страны. Впрочем, уже в 2000 г., с приходом Путина на президентство, была принята новая концепция безопасности.

Для меня лично начало разработки концепции безопасности стало вступительным экзаменом в новую, завершающую фазу моей государственной службы. Месяца через два после того как я включился в работу группы по разработке концепции национальной безопасности, Ю.В. Скоков сделал мне официальное предложение — перейти из МИДа в аппарат Совета безопасности в качестве заместителя его руководителя и, одновременно, начальника управления одного из двух управлений. Я согласился без колебаний, так как в козыревском МИДе работать я не мог.

И вот еще месяца через четыре, после проведения «глубокой проверки» моей личности, — последовал указ президента о моем назначении. Это произошло в конце декабря 1992 г. Но до этого возник для меня очень острый момент. Это произошло после того как я уже получил согласие Козырева на уход из МИДа, но еще не был назначен в аппарат Совета безопасности. 15 декабря 1992 г. на Съезде народных депутатов состоялось так называемое «мягкое рейтинговое голосование» по кандидатам в премьер-министры. Смысл его заключался в том, что по пяти кандидатам проводился как бы опрос среди депутатов — кого они предпочли бы. Но окончательный выбор оставался за президентом.

Я слушаю радио — ведется прямая трансляция со Съезда. На голосование выдвигается пять кандидатур — Скоков, Черномырдин, Гайдар, Каданников и Шумейко. Я замираю. Скоков получает большинство голосов. Вот тебе раз! А я уже ушел из МИДа. С кем же мне придется работать в Совете безопасности? Да и придется ли там работать? Ведь каждый начальник сам набирает себе команду. Идут томительные минуты, пока Ельцин принимает решение и объясняется со Скоковым, Черномырдиным и Гайдаром (они заняли первые три места). Наконец, новый премьер объявлен: им становится Черномырдин. И я перебираюсь со Смоленской площади на Варварку.

Именно там — в старинном здании первоначально размещался аппарат Совета безопасности. Не знаю, что там было до этого, но в подвальном помещении имелся тир и тренировочный зал. Для аналитической работы это, конечно, не главное. Во всяком случае, служебных кабинетов для размещения немногочисленного (в то время) штата пока хватало. Итак, мои задачи: набор сотрудников, продолжение концептуальных разработок и их координация между различными ведомствами, а также ведение текущей работы, т.е. подготовка материалов к заседаниям Совета безопасности.

Конечно, было бы логичным, приняв концепцию национальной безопасности, на ее основе разрабатывать концепцию внешней политики и военную доктрину. Однако из-за длительности разработки концепции национальной безопасности возникла необходимость принять и концепцию внешней политики, и военную доктрину, не дожидаясь завершения работы над концепцией национальной безопасности. Разумеется, для разработки были использованы те наработки в отношении угроз безопасности, которые были уже сделаны в ходе подготовки концепции. Кроме того, чтобы подчеркнуть предварительный характер обоих документов они были названы «Основными положениями» — «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» и «Основные положения военной доктрины Российской Федерации». Первый документ был утвержден в апреле, а второй — в октябре 1993 г.

Оба документа разрабатывались под руководством секретаря Совета безопасности Ю.В. Скокова экспертами аппарата Совета безопасности, МИДа, Министерства обороны и некоторых других ведомств. В работе принимали участие также представители двух

комитетов Верховного Совета — по международным делам и внешнеэкономическим связям и по обороне и безопасности.

На той стадии открытость еще не стала нормой. Поэтому ни тот, ни другой документ не обсуждался на стадии подготовки на открытых форумах. По той же причине они не были полностью опубликованы. Вместо этого содержание Основных положений концепции внешней политики было подробно изложено в статье заместителя начальника управления аппарата Совета безопасности В. Чернова, которая была опубликована в «Независимой газете» 30 апреля 1993 г., а Основные положения военной доктрины появились в печати в виде изложения (купюры, которые были сделаны в документе, относились к чисто техническим положениям). Вообще, надо сказать, и тот, и другой документы, будучи первоначальными попытками в области концептуализации сферы безопасности, носили на себе заметные следы «первых блинов». Главный недостаток обоих документов — мало конкретных рекомендаций. Впрочем, надо учитывать, что чересчур общие формулировки этих документов явились в значительной степени результатом стремления найти компромисс в интересах общественного консенсуса.

В ходе работы над Основными положениями военной доктрины выявилось два наиболее острых момента — условия для применения ядерного оружия и возможность использования вооруженных сил во внутренних конфликтах.

Напомню, что в 1982 г. Советский Союз заявил об отказе применять ядерное оружие первым. Такое же заявление было сделано Китаем. Три другие ядерные державы — США, Великобритания и Франция — исходили и продолжают исходить из возможности применить ядерное оружие не только в ответ на ядерное нападение. При разработке первой российской военной доктрины («Основных положений») учитывались позиция этих трех западных держав и существенное сокращение обычных вооруженных сил как в результате распада Советского Союза, так и по причине резкого сужения экономических возможностей России. С учетом этих обстоятельств и в целях укрепления позиций сдерживания документ не отрицал возможность применения ядерного оружия не только в ответ на ядерное нападение. При этом также отмечалось, что «факторами, повышающими опасность перерастания войны с применением обычных средств поражения в ядерную, могут стать преднамеренные действия агрессора, направленные на уничтожение или нарушение функционирования стратегических ядерных

сил, системы предупреждения о ракетном нападении, объектов ядерной энергетики, атомной и химической промышленности»⁹¹.

В связи с вопросом о возможности использования вооруженных сил во внутренних конфликтах нужно учитывать, что завершающая стадия разработки военной доктрины совпала с периодом острейшей конфронтации президента и парламента, завершившейся преступным применением вооруженной силы против парламента. Причем доктрина утверждалась всего лишь через месяц после разгрома парламента. К тому же в Чечне, где хотя еще и не начата была полномасштабная война, уже созрел острейший конфликт дудаевского режима с Москвой. Понятна поэтому особая острота указанного вопроса. В конечном счете в доктрину были включены положения, допускавшие и регламентировавшие использование «отдельных формирований Вооруженных Сил» во внутренних конфликтах. В документе говорилось: «Целью применения войск и сил, привлекаемых для локализации и пресечения таких конфликтов, является скорейшая нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка, обеспечение общественной безопасности, оказание необходимой помощи населению и создание условий для урегулирования конфликтов политическими средствами. ... Для содействия органам внутренних дел и внутренним войскам Министерства внутренних дел Российской Федерации в локализации и блокировании района конфликта, пресечении вооруженных столкновений и разъединении противоборствующих сторон, а также в защите стратегически важных объектов, в порядке, установленном действующим законодательством, могут привлекаться отдельные формирования Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации»⁹².

Работа очень интересная. Но ей мешает неотлаженность и чисто административная, и личностно-ведомственная. Поясню последнее обстоятельство.

В аппарате СБ собрались люди из различных ведомств — МИДа, Минобороны, военно-промышленной сферы, разведки и контрразведки. Часть из них временно прикомандирована к аппарату, т.е. сохраняют административную связь со своими ведомствами. Другая часть покинула свои ведомства и полностью перешла на

⁹¹ Приложение к Указу Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833.

⁹² Там же.

довольствие в президентскую Администрацию. У каждого свои интересы и амбиции — и личные, и ведомственные. Но главное — вокруг Совета безопасности с самого начала его создания кипят политические страсти. Ведь это новый орган, и он еще не вписался во властные структуры. Руководитель аппарата СБ, т.е. секретарь СБ, рассматривается (и не без оснований) как новый весьма влиятельный «игрок» на политической сцене, имеющий прямой доступ к «уху президента». А ведь есть и премьер-министр, и руководитель Администрации президента, и госсекретарь (этот пост, созданный для себя Бурбулисом, просуществовал, правда, недолго и канул в Лету вместе с ее создателем). Да и некоторые министры — обороны, внутренних дел, иностранных дел — тоже тянутся к смычку первой скрипки. Ну, конечно, есть еще и вице-президент, и спикер.

Да, идет борьба за власть или, точнее, за влияние на президента. А за этой борьбой стоят и личные интересы, и интересы различных политических сил. Главное противостояние возникает между прозападными «младореформаторами» (Гайдар, Чубайс, и др.), к которым примыкают газо-нефтеэкспортеры, и «красными директорами», т.е. руководителями предприятий военно-промышленного комплекса (оружие, космос, ядерная энергия).

Скоков считается лидером «красных директоров». На него обрушивается шквал обвинений в попытках создать под вывеской Совета безопасности «новое Политбюро». Обвинение, конечно, чисто демагогическое, поскольку в любом государстве должен быть орган, координирующий действия силовых структур, обеспечивающих безопасность. Но во время разгула «свержения коммунизма», когда значительная часть городских слоев (так называемой «интеллигенции») оказалась под влиянием этой «борьбы за свободу», это обвинение работает.

Надо сказать, что решение о создании СБ прошло довольно просто: и левые, и правые, и центристы его поддержали. Именно поэтому Совет был создан не по президентскому указу, а как конституционный орган — в соответствии с принятым парламентом законом. Это означало, что президенту не просто было подгонять Совет под свои нужды и требования. Любое существенное изменение его статуса требовало согласие парламента. Конечно, это не остановило Ельцина, и в дальнейшем он своим указом внес значительные поправки в Закон о Совете безопасности, которые не были одобрены парламентом. Но уж если он мог в октябре 1993 г. перед лицом всего мира, наблюдавшем расстрел по телевидению,

расстрелять парламент, оставшись «борцом за демократию», то на такие «мелочи», как самоличное редактирование закона, вообще никто не обратил внимания.

Надо, однако, сказать, что, согласившись на создание Совета, различные политические силы по-разному видели его роль в системе российского государственного устройства. Либералы рассчитывали, что Совет станет инструментом ограничения президентской власти и влияния на нее со стороны военного руководства и спецслужб. Они рассчитывали, что, будучи подотчетным парламенту, Совет станет эффективным элементом в системе «сдержек и противовесов». Со своей стороны, военно-промышленный комплекс полагал, что с помощью Совета удастся противостоять политике гайдаровского правительства, ведшего курс на ускоренный развал военно-промышленных отраслей. Центристы-государственники считали, что Совет заполнит вакуум в сфере безопасности, образовавшийся после ликвидации Совета обороны, Военно-промышленной комиссии и соответствующих партийных структур, и, будучи автономным и от исполнительной и от законодательной властей, станет руководящим органом в сфере безопасности. При этом уместно вспомнить, что в нашей стране традиционно правительство никогда не занималось вопросами безопасности, сосредоточившись на хозяйственной деятельности. А руководители силовых министерств и ведомств, хотя номинально и входили в правительство, несли ответственность не перед премьером, а перед Главным руководителем (сначала перед Генеральным секретарем ЦК КПСС, а впоследствии перед президентом). Кстати, и их статус, предполагавший соответствующее материальное обеспечение, был выше других министров («силовики» были министрами «первой категории»). Наконец, сам Ельцин рассматривал Совет безопасности как инструмент упрочения своей личной власти в треугольнике президент—правительство—парламент и как «фиговый листок» для прикрытия своих непопулярных решений (именно так он и использовал СБ, например, для начала первой чеченской войны в 1994 г., когда военные действия начались как бы по решению Совета безопасности). Как показало дальнейшее развитие событий, именно Ельцин и преуспел в формировании той роли Совета, для которой он его и создал.

Но в то время, когда я начинал под руководством Скокова свою работу в аппарате СБ, вокруг Совета еще бушевали политические страсти и отдельные ее всплески даже достигали моей скромной персоны.

Вскоре после моего назначения в еженедельнике «Коммерсантъ» появился большой разворот с моей фотографией и под броским заголовком «Ельцин обращается к настоящим профессионалам». В статье живописно (и в общем довольно точно) излагался мой предыдущий послужной список и делался вывод, что, мол, теперь-то дело безопасности России в надежных руках. Конечно, получить мою биографию и фото было несложно, обратившись в пресс-службу МИДа. Но как и кто инициировал эту статью, я так никогда и не узнал, хотя замысел ее угадывался: требовалось бросить тень на «профана» в вопросах безопасности, инженера и «технаря» Скокова. Юрий Владимирович, по-моему, заподозрил, что появление статьи — моих рук дело и первое время стал довольно настороженно относиться ко мне. Но потом он, видимо, убедился в том, что я не имею отношения к появлению статьи. Во всяком случае наше доброе сотрудничество продолжалось.

Позднее в тогда только что созданном журнале «Власть» появилась статья об олигархических группировках России. В ней я с изумлением увидел свою фамилию в составе «олигархического триумvirата», якобы управлявшего российской атомной промышленностью. Работая в МИДе и занимаясь в течение ряда лет вопросами нераспространения ядерного оружия и проблемами мирного использования атомной энергии (одно время я руководил отделом по вопросам мирного использования ядерной энергии и космоса), я контактировал со многими сотрудниками Министерства среднего машиностроения и Комитета по атомной энергии. Видимо, это обстоятельство и навело автора статьи на мысль включить меня в атомный «олигархический триумvirат». Но, положив руку на сердце, могу сказать, что двух других членов триумvirата я знал только по именам и никогда с ними не встречался.

Работа моя со Скоковым продолжалась, к сожалению, недолго — в мае 1993 г. он был отправлен Ельциным в отставку. Произошло это из-за его несогласия завизировать указ президента о запрете на те решения парламента, которые ограничивают полномочия президента России.

Конечно, Скоков не был подготовлен ни своим техническим образованием, ни своим довольно кратким политическим опытом к руководству Советом безопасности. Однако умение быстро схватывать суть вопросов, здравый смысл и государственный подход могли бы выдвинуть его в ведущие политические деятели страны. К сожалению, этого не произошло. И вот почему.

Он с самого начала замахивался слишком на многое. Конечно, вопросы безопасности, которыми должен был заниматься Совет безопасности, охватывают не только внешнюю и внутреннюю политику, включая военные дела, но и экономику, и информационную, и другие важные сферы. Порой у меня создавалось впечатление, что Юрий Владимирович стремился распространить свой контроль на все эти сферы, не выделяя из них то, что относится именно к безопасности. Он замахивался на руководство всем. Это означало, что он хотел стать вторым лицом в государстве — после президента. Ну, а потом, наверное, видел себя и в качестве Высшего лица в государстве. Думаю, что если бы это произошло, это было бы гораздо лучше для государства, чем то, что случилось. Но этого, увы, не произошло.

В стремлении Ю.В. Скокова к расширению своих полномочий я видел не только его личные амбиции, но и его абсолютное неприятие «политики», если ее можно так назвать, Бурбулиса (он занимал тогда созданный им самим пост «государственного секретаря» и претендовал на роль для начала номер два, а потом, наверняка, и номер один в государстве) и Гайдара, руководившего правительством. Политические противники Скокова умело воспользовались тем, что он, с одной стороны, был достаточно принципиален и смел, чтобы возражать против губительной политики Ельцина, которая вела к расколу общества, а с другой стороны, был недостаточно опытен в подковерных играх.

Ю.В. Скоков по своему менталитету был стопроцентным государственнымником. Но он был прибит мутными волнами политического моря, разбушевавшегося в 1990—1991 гг., к ельцинскому берегу, который был ему чужд в принципе. В этом заключалась его проблема и главная причина его политического падения. Между прочим, Скоков не был в Беловежской пушке, где группа негодяев развалила страну. Видимо, это было не случайно: ну, никак не вписывался он в компанию Бурбулиса-Гайдара-Козырева. Это были его принципиальные противники. Но силы оказались неравными. А жаль.

Сменил Скокова Е.И. Шапошников, маршал авиации Советского Союза, в личном плане хороший и, по-моему, честный человек. После августа 1991 г. он несколько месяцев занимал пост министра обороны Советского Союза, а потом еще несколько месяцев министра обороны СНГ. Его взлет из летчиков на политическую орбиту произошел благодаря его решительной поддержке Ельцина во время путча ГКЧП, когда он громко заявил о своей готовности отдать приказ разбомбить Кремль, чтобы покончить с гекачепистами.

После развала Советского Союза, как говорили, Ельцин предложил Шапошникову на выбор пост министра обороны либо СНГ, либо России. Евгений Иванович явно пошел не с той карты, согласившись на СНГ, не учтя, что ни единого Министерства обороны, ни единых вооруженных сил не может быть у государств, разбегающихся в разные стороны. Но, тем не менее, несколько месяцев, пока пост министра обороны СНГ не был ликвидирован, он обладал высшей властью, воплощавшейся в «ядерном чемоданчике». Уже будучи назначенным Секретарем Совета безопасности России, он сохранял этот чемоданчик, пока происходили формальности, связанные с передачей чемоданчика министру обороны России Грачеву.

Как уже упоминалось, первоначально аппарат Совета безопасности занимал старинное здание на Варварке, в котором не было больших начальственных кабинетов с «комнатами отдыха» и индивидуальными туалетами. Эти блага придут после, когда аппарат СБ переедет в бывшее здание ЦК КПСС на Старой площади. А что такое «ядерный чемоданчик»? Это в общем портативная рация, которую постоянно носит человек в военной форме с офицерскими погонами под охраной нескольких до зубов вооруженных прапорщиков. И вся эта команда обязана неотлучно находиться в непосредственной близости от лица, имеющего доступ к «ядерной кнопке», в данном случае от Евгения Ивановича Шапошникова. И вот время от времени из кабинета Секретаря Совета безопасности появляется странная процессия: впереди идет Евгений Иванович, а за ним марширует вооруженный отряд, сопровождающий «чемоданчик». Скрипучие полы старинного дома содрогаются под сапогами, оказавшиеся в коридоре сотрудники аппарата СБ робко жмутся по стенам. Это бывший министр обороны СНГ следует в туалет, находящийся в другом конце здания. Потом та же процессия следует, естественно, обратно.

Всего полтора месяца руководил аппаратом СБ Е.И. Шапошников. Верховный Совет так и не дал согласия на его утверждение в этой должности. Видимо, не простили ему депутаты угрозы разбомбить Кремль. Секретарем Совета стал О.И. Лобов.

Олег Иванович всегда, еще со времен ельцинского княжения в Свердловске, был верным подручным Ельцина. На проводимых им совещаниях главной проблемой было — не заснуть. Он говорил много, монотонно, а, главное, в убаюкивающем журчании потока его слов не было ни единого проблеска мысли. Главным его курсом на посту Секретаря СБ было угадать желание своего босса — Ельцина.

Но, видимо, далеко не чужды были ему и мотивы личного обогащения. Иным трудно объяснить его скандальную поддержку террористической организации Аум Синрикэ.

Чтобы не быть заподозренным в предвзятости, сошлюсь на оценку, данную Лобову человеком нейтральным и в то же время осведомленным — Анатодем Ливеном, английским специалистом по современной России. В своей книге о российской политике в отношении Чечни он пишет: «Между 1994 и 1996 гг. была предпринята попытка превратить российский Совет безопасности в орган, действительно формирующий политику в соответствующих сферах, и в 1995 г. казалось одно время, что он как будто бы становился новым видом надконституционного квази-Политбюро. Но Совет был безнадежно дискредитирован провалами в Чечне, а его Секретарь Олег Лобов не обладал ничем, похожим на интеллект, кругозор и динамичность, которые были необходимы для такой роли»⁹³.

Не могу принять первую часть этой оценки, касающуюся Совета безопасности, но разделяю мнение Ливена о Лобове. Именно потому Ельцин и поставил во главе аппарата СБ такого человека, как Лобов, что Совет нужен был Ельцину для прикрытия ярлыком легитимной коллегиальности своих «единоличных» решений, подсылаемых или, часто, навязываемых ему «семьей», а не для выработки решений государственных.

Вот, например, как происходила подготовка решения о начале военных действий в Чечне в декабре 1994 г.

К этому времени я, хотя и сохранял свой пост начальника управления, но практически был уже не у дел. Набранные Лобовым новые люди, по мере того как они входили в курс дела, постепенно оттесняли и вообще вытесняли из аппарата кадры, набранные при Скокове. К тому же я поддерживал контакты с Юрием Владимировичем, который оказался в оппозиции, и это не могло быть незамеченным. Тем не менее, я с помощью «старой гвардии» подготовил по своей инициативе предложения, направленные на мирное урегулирование чеченского кризиса. Они оставались невостребованными.

Прежде чем перейти к событиям декабря 1994 г., нелишне вспомнить, как возник «казус Дудаева». Сама по себе чеченская проблема имеет, как известно, глубокие исторические корни, но многих кровопролитных последствий можно было бы избежать,

⁹³ Lieven Anatol. Chechnya. Tombstone of Russian Power. Yale University Press, New Haven and London, 1998. P. 95-96.

если бы в 1990—1991 гг. в тлеющий в Чечне костер «демократы» в пылу «борьбы с коммунизмом» не поддали бы жару.

Была в советской Эстонии, под городом Тарту, военно-воздушная база, где базировалось соединение знаменитых бомбардировщиков Ту-22М (по западной терминологии — «Бэкфайер»). Знаменитыми я их называю потому, что на протяжении многих лет они были камнем преткновения на советско-американских переговорах по стратегическим вооружениям. Американцы считали их стратегическими, т.е. способными доставить ядерные боезаряды к целям на территории США, а мы отрицали эту их способность, утверждая, что это бомбардировщики среднего радиуса действия. Но, видимо, эти «Бэкфайеры» были настолько совершенны, что американцы придавали им большое значение в стратегическом ядерном раскладе. Так вот, соединением «Бэкфайеров» в Тарту до 1991 г. командовал генерал-майор Джохар Дудаев.

«Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Этот подстрекательский и крайне недалёковидный клич, брошенный Ельциным, сильно возбудил национальные автономии Российской Федерации. Естественно, не осталась в стороне и Чечня. В конце 1990 г. там возникают структуры, ставившие целью достижение Чечней суверенитета. Сначала это был Чеченский национальный съезд (ЧНС), который потом трансформировался в Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН). Во главе исполкомов ЧНС, а потом ОКЧН стал покинувший Тарту Дудаев.

Возможно, у боевого советского летчика всколыхнулось в душе национальное самосознание, но известно то, что сильно поспособствовали его переезду в Чечню советники Ельцина — Г. Бурбулис, Р. Хасбулатов и Г. Старовойтова. Интрига заключалась в том, чтобы руками Дудаева свергнуть в Чечне советскую власть, которую в 1991 г. возглавлял первый секретарь обкома Д. Завгаев. Операция прошла успешно, но очень скоро стало ясно, что и сам Дудаев, и события в Чечне вышли из-под контроля московских «стратегов». В результате Завгаев оказался в Москве в качестве советника российского президента, а Дудаев стал злейшим врагом Ельцина.

При всем при том вплоть до конца 1994 г. возможность политического урегулирования в Чечне все-таки оставалась.

Понятно, что единственным путем к такому урегулированию могли быть лишь переговоры. Дудаев настаивал на личной встрече с Ельциным. Помимо престижных соображений, за этой позицией было, очевидно, понимание того, что Ельцин окружен теми, кто

был кровно заинтересован в силовом решении. По всей видимости, Дудаев, рассчитывая прорваться сквозь это окружение, надеялся на компромиссное решение. В то время он был готов удовлетвориться автономией в рамках Российской Федерации по типу того статуса, который уже получил Татарстан. Конечно, такое решение было бы гораздо благоприятнее для Москвы, чем заключенное в 1996 г. хасавюртовское мирное соглашение. И, главное, не было бы пролито столько крови.

Я видел, что «партия войны» вокруг Ельцина преобладала. Её глашатаем стал министр обороны Грачев, который уверил президента, что один десантный полк возьмет Грозный за два часа. За этими шапко-закидательскими советами стояла не только некомпетентность, но и чисто шкурные соображения: необходимо было ввязаться в войну, чтобы уничтожить те улики, которые уличали российскую военную верхушку в продаже вооружений дудаевцам. Да и некоторые дельцы, имевшие влияние на «семью», рассчитывали на большой навар от военных действий в Чечне и от их последствий. Но были и здравые люди, которые предлагали мирное урегулирование. Эти импульсы исходили в основном из Думы. Чтобы нейтрализовать их, «партия войны» сделала хитроумнейший ход: Ельцину посоветовали согласиться на переговоры, назначив главой российской делегации... С. Шахрая! Ельцин так и сделал. Сознательно или по недомыслию — мне, естественно, неизвестно. Дело в том, что Шахрай родом из терских казаков — злейших врагов чеченцев на протяжении нескольких последних столетий, был известен как один из самых жестких сторонников решения «чеченского вопроса» и был объявлен Дудаевым «врагом чеченского народа». По сути дела назначение Шахрая главой делегации для переговоров с дудаевцами стало «красным плащом» в чеченской корриде.

Это было в августе 1994 г. Одновременно Москва стала поддерживать оппозиционные Дудаеву элементы — Лабазанова, Гантемирова и Автурханова, которые попытались организовать «марш на Грозный». Это еще более усугубило неприемлемость для Дудаева переговоров с Москвой. 26 ноября 1994 г. дудаевские войска в битве под Аргунью разгромили оппозиционеров. И вновь возник вопрос о переговорах с Дудаевым. Но, разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы со стороны Москвы такие переговоры вел Шахрай.

В начале декабря я вдруг получаю задание подготовить предложения о возможных путях разрешения чеченского кризиса. Поскольку

мое мнение на этот счет, по предыдущим предложениям, было известно Лобову, я счел это поручение за благоприятный знак и, собрав «старую гвардию», с энтузиазмом приступил к работе. Речь шла о докладной записке на имя президента, которая в случае его принципиального согласия могла бы стать проектом решения Совета безопасности.

Сроки для подготовки записки были очень жесткие. Задание было получено в середине дня пятницы, а выполнено оно должно было быть в тот же день, так как на следующий день, в субботу, Лобов отправлялся на доклад к Ельцину, который находился в больнице (на этот раз у него, по официальному сообщению, была проведена операция на сломанном носу).

Конечно, заготовки у нас были, но их надо было освежить с учетом происшедших в последнее время событий. Было известно, что наши войска уже были в «готовности номер один», чтобы начать военные действия. Но все-таки теплилась надежда, что эти действия еще можно было предотвратить. Записка, как и все записки такого рода, состояла из аналитической части и из логически вытекавших из нее предложений. А предложения сводились к тому, чтобы, не начиная военных действий, приступить к переговорам. С учетом уже отвергнутой ранее Ельциным идеи его непосредственных переговоров с Дудаевым в записке предлагалось в общем-то то же самое, но закамуфлированное в некоторые протокольные витиеватости.

Поздно вечером, передав в секретариат Лобову результат наших усилий (сам-то он был уже давным давно на даче), мы выпили по маленькой за успех нашего предприятия и разъехались по домам, договорившись не отходить далеко от телефонов на случай срочного сбора в субботу или в воскресенье для возможной переработки нашей записки в проект решения Совета безопасности. Но оба выходных дня прошли, к сожалению, тихо и спокойно.

А в понедельник утром выяснилось, что, оказывается, аналогичное задание было дано другой группе — из смежного управления. Эта группа подготовила предложения прямо противоположного содержания — о начале военных действий и их пропагандистском обеспечении.

Далее следуют мои чистой воды домыслы, которые можно подкрепить лишь дальнейшим развитием событий. По всей видимости, Лобов пошел на доклад, имея в одном кармане «голубиный», а в другом — «ястребиный» варианты. Уловив настроение шефа,

он извлек «ястребиный» вариант, который и был потом положен в основу решения СБ. На этом заседании Совета (оно состоялось 7 декабря) я не был, туда были приглашены авторы предпочтительного варианта. А 11 декабря началась война.

Не знаю, рассматривались ли 7 декабря альтернативы военным действиям. Но могу предположить, что если даже кто-то и высказал осторожные сомнения в их своевременности из-за недостаточной подготовленности к ним российских вооруженных сил, то они, конечно, не могли повлиять на конечное решение, которое было predetermined заранее.

А через несколько месяцев мне было предложено подать заявление о выходе на пенсию.

Жизнь пенсионерская

Подайте отставному Послу бывшей Сверхдержавы...

Так случилось, что с уходом на пенсию с государственной службы профессиональная моя жизнь еще не закончилась. Разумеется, нечего было и думать, чтобы прожить на ту пенсию, которую мне отвалило родное государство. Ее едва хватало на коммунальные платежи. Чтобы получить хотя бы какой-то приварок, я предложил свои услуги научно-исследовательскому подразделению МГИМО и был там принят. Однако приварок был таким тощим, что пришлось тут же продолжить поиск средств к существованию.

Шел 1995 год. В начале 90-х расплодилось огромное количество разных холдингов, структур, банков и т.д. В результате своих поисков я получил приглашение создать и возглавить аналитический центр в коммерческом банке. Звучало это очень внушительно. Очень скоро, однако, действительность внесла свои коррективы.

Заведение называлось РАТО-банк, который входил в группу Микродин. Заправляла там группа молодых людей, разбогатевших в период первоначального накопления капитала, кажется, на торговле компьютерами. Главным среди них был Александр Ефанов. Ребята были симпатичные, большие любители горных лыж и тенниса. Моим непосредственным начальником был Костя Зуев.

Сам банк размещался на территории завода имени Хруничева, который был мне известен как крупнейший производитель ракет. В назначенное время я явился в главный офис банка в Филях, чтобы быть представленным Ефанову. Он задерживался. Мы сидели с Костей в красивой приемной и пили кофе. Чтобы оправдать опоздание начальства, Костя рассказал, что Ефанов задерживается у Лужкова, с которым он обсуждает важные вопросы, связанные с приобретением ЗИЛа. «Ого, — подумал я, — какими крупными делами ворочают ребята».

Наконец, Ефанов прибыл. Из обмена краткими репликами его с Зуевым я понял, что встреча с Лужковым прошла успешно. Действительно, через несколько дней я прочитал в газетах, что банковский холдинг, в который входил и РАТО-банк, приобрел контрольный пакет акций ЗИЛа, а Ефанов стал главным начальником ЗИЛа (кажется, его пост назывался «Председатель Совета Директоров АО ЗИЛ» или что-то в этом роде).

Подписав контракт, я получил приглашение на «день отдыха», который имел быть в ближайшую субботу на подмосковных дачах, между Усово и Барвихой, которые арендовались руководством холдинга у Управления делами президента. Это были бывшие цековские дачи, которые размещались в огромном живописном парке.

Действо началось часов в двенадцать с теннисного турнира. Тем временем прибывали гости. Среди них было много депутатов и высокопоставленных чиновников. Всего в конечном счете набралось несколько сотен. Играл неплохой джаз-оркестр. В аллеях стояли столы, за которыми официанты предлагали прохладительные и горячительные напитки, а также холодные закуски. Поодаль большая группа крепких бритоголовых охранников забавлялась стрельбой из пластмассовых автоматов пластмассовыми пулями по пластмассовым мишеням. «Во, прикольно!» — доносились оттуда возгласы. Ну, а попозже началось пиршество. Жарились бараны на вертелах, всевозможные шашлыки и осетрина. Французские коньяки и вина, марочные виски, не говоря о водке, лились рекой.

Моим соседом по столу оказался мужчина средних лет в джинсовом костюме. Он отрекомендовался начальником отдела МУРа (не то «убойного» отдела, не то по борьбе с бандитизмом, — сейчас уже точно не помню). Пил он коньяк, причем большими фужерами. Рассказывал о своей тяжелой и опасной профессии, о том, что все время приходится опасаться покушений. В доказательство вытащил из-под куртки «Стечкина», с которым он, по его словам, никогда не расстанется. По-моему, ему хотелось показать свою меткость. Но тут начались танцы, и я предпочел суровому сыщику более нежное общество.

Как я узнал, такие гулянья, или «дни отдыха», устраивались здесь регулярно.

В общем, начало моей новой деятельности было связано с примерами масштабности того заведения, куда я попал. Очень скоро, однако, начались явления совсем другого рода.

История с ЗИЛом имела свое продолжение, причем весьма печальное и для Ефанова, и для РАТО-банка. Уже через несколько

месяцев собрание акционеров переизбрало Совет, выкинув оттуда Ефанова. Его обвинили в том, что он собирается оставить без работы тысячи и тысячи рабочих и инженеров, что он ни разу не удосужился побывать на заводе и не имеет никакого представления о заводских делах и проблемах. Когда же Ефанов попытался разобраться в событиях «на месте», его на завод попросту не пустили. А еще через некоторое время и контрольный пакет перешел к другому владельцу.

Похожая история произошла примерно в то же время и с другой крупной покупкой — «Рыбинских моторов». Приобрели, перевернуть не смогли и вынуждены были отказаться.

Наверное, за этими историями стояли интересы каких-то конкурентов, которые умело воспользовались неопытностью Ефанова и его сподвижников. Но было ясно, что мои любители горных лыж и тенниса вкладывали деньги в предприятия, не имея ни четкой и реалистичной стратегии по их дальнейшему использованию, ни опыта по их практическому освоению.

Мое предположение о бесперспективности той структуры, для которой я должен был налаживать аналитическую службу, подкреплялось и тем, как мои наниматели относились к той задаче, которую они сами же передо мной поставили. Очень скоро выяснилось, что тот аналитический центр, который я как бы должен был создать и возглавить, оказался стопроцентным «как бы». Вообще это выражение — «как бы» — было в большом ходу среди тех людей, с которыми мне пришлось общаться. Все было как бы, а не на самом деле.

Составив концепцию центра, структуру и, прикинув его возможный бюджет, я передал эти бумаги Зуеву. Собственно этим вся моя деятельность и ограничилась, поскольку никакой реакции на них, за исключением слов «давайте подождем немного», не последовало. Я приходил исправно в офис на Тверской улице близ площади Маяковского, общался с коллегами, которые консультировали руководство по юридическим и экономическим вопросам, включал компьютер и осваивал различные электронные игры. В отличие от меня, консультанты-юристы и консультанты-экономисты иногда что-то сочиняли. Как я понял, главной задачей юридического направления было изучение возможностей законного и юридически грамотных путей минимизации налогов. Экономисты разрабатывали какие-то бизнес-планы. Но ни те, ни другие определенно не были перегружены работой, проводя большую часть времени в трепе и электронных играх.

Получение мной первой зарплаты вселило некоторые надежды на то, что обо мне и об аналитическом центре вспомнят. Но надежды эти вскоре угасли, а выплата зарплаты прекратилась. Причем перестали платить не только мне, но и другим сотрудникам.

В конечном счете Костя Зуев признался, что в виду «временных финансовых трудностей» создать аналитический центр пока не представляется возможным и предложил поработать в качестве его помощника как депутата Государственной Думы. Я перебазировался на Охотный Ряд. Поскольку места штатных помощников были уже заняты, я был оформлен как «помощник на общественных началах» при том понимании, что за мной останется та же зарплата, которая была оговорена для начальника аналитического центра. Однако это решение никак не повлияло ни на мою занятость, ни на финансовую обеспеченность. Чем я могу помочь депутату Косте, было не ясно, поскольку его депутатская деятельность так мне и не раскрылась, да и сам он появлялся в Думе изредка и ненадолго. А зарплату по-прежнему не платили.

Понаблюдать Думу изнутри было довольно познавательно. И хотя иллюзий в отношении создания «новой российской демократии» у меня не было, соприкосновение с закулисной стороной «парламентаризма» сильно удручало.

Впрочем, в любом случае приходилось думать о средствах существования. Костявая рука голода все ближе тянулась к моему горлу. Оставалось надеяться на Провидение. И оно не подвело. Об этом — ниже.

Преподавание как способ выживания и как состояние для размышлений

Провидение явило свою благодать в виде приглашения почтить лекции в Женевском Центре по проблемам безопасности.

Еще в восьмидесятые годы на базе Женевского университета были созданы девятимесячные курсы по расширению политического кругозора молодых швейцарских чиновников и офицеров. Потом к ним присоединились молодые австрийские чиновники и офицеры. Дальше больше: круг стран, вознамерившихся расширить политический кругозор, вырос до нескольких десятков. Лекции им читали не только профессора, но и практики, в том числе послы. Среди последних оказался и я. Будучи представителем СССР в Комитете по разоружению, я неоднократно пригла-

шался просветить аудиторию по вопросам разоружения. Официальным лицам, выступающим на курсах, гонорар не платили. И я просвещал иностранную молодежь «за идею», разъясняя ей позицию Советского Союза. Но в дальнейшем, как будет видно из дальнейшего повествования, мое бесребренничество было компенсировано.

В 1996 г. эти курсы были трансформированы в Центр, где помимо девятимесячных курсов были также два трехмесячных курса и несколько двухнедельных. Приглашения прислать своих студентов-участников в Центр стали рассылаться в страны, принявшие участие в программе «Партнерство ради мира», в том числе и России. Каждый год из Москвы прибывают в Женевский центр на обучение один дипломат, двое военных и один сотрудник МВД — так было во всяком случае до 2002 г., когда я там работал).

Состав преподавателей Центра — интернациональный. Помимо нескольких швейцарцев это были, как правило, немец, англичанин, француз, американец и русский. На моей памяти в Центре преподавали какое-то время также швед, финн и венгр. Богатые страны сами оплачивают и своих преподавателей, и своих студентов. А бедные берутся на кошт Центра. Впрочем, в дальнейшем произошли изменения: США и Франция отказались присылать своих преподавателей, упраздненным оказалось и место российского преподавателя (видимо, для баланса).

Я перешел в частный женевский «Университет дипломатии и международных отношений». Можно сказать, собрат нашего МГИМО и Дипакадемии. Обучение здесь платное, хотя есть и места, предоставляемые по специальным стипендиям.

Разницу между этим заведением и предыдущим Центром политики безопасности я почувствовал довольно скоро. Дело в том, что в Центре все время ощущалась некая политическая узда со стороны администрации. Нет, это не было жесткой цензурой. Но время от времени на преподавательских совещаниях делались прозрачные намеки на то, что, мол, негоже использовать преподавательскую кафедру для «односторонней критики» политики некоторых стран (обычно в моем случае имелись в виду США и Израиль).

В частном университете никаких политических или идеологических ограничений я не обнаружил. Здесь главный критерий для преподавателей — занятия должны нравиться студентам. В конце последнего занятия каждого семестра им выдается опросник для

оценки преподавателя по пятибальной системе. Вопросы такие: интересны ли лекции, стимулируют ли занятия критическое мышление и интеллект, хорошо ли преподаватель владеет материалом, насколько ясно и доходчиво излагается материал и т.д. — всего 21 вопрос.

Университет готовит бакалавров, магистров и докторов. Для последних организуются занятия по субботам — «без отрыва от производства». Среди них много сотрудников дипломатических миссий, в том числе послов. Среди моих слушателей — соискателей докторских дипломов были послы Киргизии, Танзании, Замбии, Зимбабве и Анголы. А вообще в Университете учатся студенты со всего света, по каким-либо причинам живущие в Женеве, включая Россию, США, Германию, Францию, Китай, Японию и многие другие страны.

Несмотря на довольно высокий в целом профессиональный уровень аудитории и в первом, и во втором учебных заведениях, мне не раз приходилось удивляться невежественности в отношении России («Как вы живете там в таком холоде? Наверное, поэтому прямо с утра водку пьете?»). Я в данном случае сильно утрирую. Но боязнь России еще со времен «холодной войны» настолько глубоко засела в подкорке западного человека (и не только простого обывателя, но и элиты), что даже западные исследователи России подходят к ней, как правило, с позиции — какую угрозу представляет в настоящее время Россия для западного мира и что сделать, чтобы эта угроза не увеличивалась.

Конечно, западная пропаганда сыграла, да и продолжает играть большую роль в этом восприятии нашей страны (мы-то тоже хороши).

Неоднократно приходилось сталкиваться с очень предвзятыми оценками многими слушателями-студентами роли Советского Союза в событиях мировой истории, прежде всего во Второй мировой войне. То, что она была выиграна благодаря США, многими считалось аксиомой. В ходе возникавших дискуссий российские слушатели буквально из себя выходили, возмущаясь подобной предвзятостью. Общаясь с ними вне занятий, я внушал им, что не эмоции, а факты, ссылки на источники, прежде всего на серьезных западных историков, могут помочь им развеивать догматы западной пропаганды. Конечно, свои лекции я на этой основе и строил. Однако большую роль в учебном процессе занимали споры между слушателями. Они возникали и сразу после лекций, и, особенно,

на семинарах, которые, собственно, и организовывались, чтобы дать возможность слушателям подискутировать между собой. На таких семинарах обычно два-три слушателя из стран с различными политическими ориентациями выступали с заранее подготовленными тезисами, а затем разворачивалось обсуждение. Задача преподавателя на семинарах заключалась в том, чтобы дирижировать дискуссией, а в конце подводить итоги.

Я чувствовал себя достаточно хорошо подготовленным, чтобы противостоять тем нелепостям, которые порой высказывались слушателями из стран Прибалтики и некоторых бывших социалистических стран по поводу истории моей страны. Но гораздо труднее приходилось тогда, когда речь шла о постсоветском — ельцинском периоде. Хотя я, не находясь на российской государственной службе, и не был обязан защищать политику Ельцина, но, будучи российским гражданином, не считал себя вправе поносить ее в иностранной аудитории, хотя преступность этой политики не вызвала у меня сомнений. Собственно говоря, от меня не требовалось защищать ее, но нужно было как-то объяснять. В этом состояла главная трудность. Интересно то, что реакция аудитории меня порой просто обескураживала.

Помню, я проводил занятие, связанное с противостоянием Ельцина с Верховным Советом в 1993 г., трагически завершившимся в первых числах октября расстрелом «Белого Дома». Объяснив в меру своей информированности политическую сторону конфликта, я не мог обойти и правовую сторону. Конечно, при всем моем стремлении придерживаться объективного изложения я не смог сохранить нейтральность, подчеркнув вопиющее нарушение Ельциным не только Конституции России, но и элементарных демократических норм, исповедуемых в западных странах. И здесь мне пришлось столкнуться с оппозицией со стороны большинства слушателей, которые, забыв про всякие демократические нормы, которые столь дороги им в своих собственных странах, стали оправдывать действия Ельцина тем, что он вынужден был бороться с угрозой «реставрации коммунизма» в России.

Очень неприятные моменты возникали в связи с пьяными эскападами Ельцина (дирижирование немецким оркестром, «усталость» в ирландском аэропорту и т.д.). В этих случаях его, конечно, не оправдывали. Основной смысл комментариев сводился к тому, что, мол, как можно иметь дело со страной, которая избрала своим президентом алкоголика, который ведь иной раз в пьяном угаре

и не таких дел может натворить. И вообще имеет ли Россия право в этих условиях обладать ядерным оружием?

Когда пришел к власти Путин, мир замер в ожидании: What are you, Mr. Putin? Ах, он из КГБ! Видимо, ничего хорошего не дождешься. Смена его Медведевым не произвела большого впечатления: все равно команда та же.

Может быть, я утрирую, но за интересом западной аудитории к России я всегда ощущал некую настороженность: что, мол, это за медведь там такой? Что он еще может выкинуть?

Можно ли изменить это настороженное отношение? Конечно. Собственно, оно заметно меняется. И в этом процессе очень большую роль играет развивающееся сотрудничество по линии культуры и образования. Могу сослаться на тот маленький, но вполне конкретный случай, который я наблюдаю, а точнее, в котором принимаю некоторое участие, — на сотрудничестве МГИМО с Женевским университетом дипломатии и международных отношений. Оно осуществляется на основе соглашения, заключенного между двумя Университетами, и проявляется в проведении телемостов по наиболее актуальным вопросам мировой политики. Соглашение было подготовлено с участием Проректора МГИМО В.П. Воробьева и подписано Ректором А.В. Торкуновым и Ректором Женевского университета К. Мёрфи. Сотрудничество вызывает очень большой интерес у моих здешних студентов, для которых общение со своими московским сверстниками, наверное, говорит больше о России, чем мои лекции о ней (хотя я очень стараюсь, поскольку за Державу обидно).

Вообще я только в Женеве обнаружил, какой заряд таим в себе мгимовская закваска и какую мощную миссию в международных отношениях выполняет наш Институт (ну, да, конечно, сейчас — Университет, но я, выпускник 1956 г., к этому титулу еще не привык). Лет шесть назад здесь, среди выпускников МГИМО, возникло стихийное движение за объединение мгимовцев, находящихся в Швейцарии. Помню, Таня Романова просто собрала у себя дома группу наших выпускников. Конечно, шум и крики сотрясли стены таниного дома, не без этого. Но главное — проскочила искра, из которой возгорелось пламя в виде Ассоциации швейцарских выпускников МГИМО. Каким-то стихийным образом возникла инициативная группа — Таня, Сережа Косенко, Володя Грачев и Павел Скоморохин. Почему-то они призвали к себе

и меня. Я согласился на роль зиц-председателя (надуваю щеки и больше ничего не делаю), но постепенно дела Ассоциации меня увлекли.

В 2010 г. мы отметили пятилетие нашей Ассоциации (время-то как быстро бежит!). Под лозунгом «Мгимовцы всех стран, соединяйтесь!» в нее включились, помимо российских мгимовцев, наши выпускники из других стран, которых довольно много в Женеве (сотрудники миссий и секретариатом международных организаций). Мгимовское братство и личная дружба берут верх над нюансами официальных отношений между нашими странами.

Думаю, главное — это чувство локтя, которое помогает что-то делать. Круглые столы, телемосты и другие формы общения мгимовцев с западноевропейской общественностью, средствами массовой информации и студентами помогают строительству настоящих мостов через провалы, возникшие в результате холодной войны между Россией и Западным миром.

Выше я оперирую понятием «Запад», хотя, конечно, оно неоднородно. Интересы США и интересы ее союзников из старушки Европы далеко не всегда совпадают. Есть даже свои интересики и у натовских неопитов. Но я рассказываю в целом об отношении Запада к России. И тут уж ни о какой интеграции, по крайней мере равноправной, говорить не приходится.

Те русские, которые осели на Западе и получили швейцарское, французское или иное западное гражданство, жалуются, что не стали здесь своими. Российские фамилии вызывают настороженность и при приеме на работу, и при приобретении недвижимости, не говоря уж о получении кредитов.

С 67-го года я регулярно ездил и в Западную Европу (в основном в Швейцарию), и в США, но в общем имел о тамошней жизни и об отношении к России западных людей — неважно, европейцев или американцев — превратные представления до тех пор, пока, оказавшись в отставке, не прожил более десяти лет «внутри Запада». Оказалось, что это большая разница. Одно дело, когда ты смотришь на западную жизнь из-под колпака дипломатического, а тем более посольского иммунитета и имеешь чисто эпизодические контакты с аборигенами, и совсем другое — постоянно, и на работе, и в быту, «вариться» в западном обществе.

Люди в Швейцарии, да, наверное, и в других западноевропейских странах, насколько я могу судить по поездкам в эти страны, в основном воспитанные, вежливые. В школе их не столько учат

наукам, сколько приучают жить в обществе — терпимо относиться к другим людям, не собачиться («Куды прешь, козел?»), а улыбаться, в случае необходимости (поломка автомобиля, травма и т.д.) помогать. Хотя в ситуациях, когда бывают затронуты их материальные интересы, эти люди очень напористы, вплоть до хамства.

Много ли между нами и западными людьми общего? Очень много. И не только общечеловеческие природные качества, которые невозможно изменить никаким воспитанием. Но и в мелочах. Закончу эти «высокоумные» рассуждения одним забавным эпизодом.

Уже будучи профессором Женевского университета, как-то в перерыве между занятиями, выйдя в университетский садик, я увидел группу своих студентов, которые стояли кружком и перебрасывали друг другу ногами какой-то небольшой предмет, стремясь, чтобы он не упал на землю. Заметив мой интерес, наиболее бойкая студентка закричала:

- Профессор, присоединяйтесь к нам!
- А во что вы играете?
- Это хаски. Вы играли когда-нибудь в нее?

Взяв в руки предмет, я увидел кусочек меха («хаски» — это северная ездовая собака), к которому приделан грузик. В свое время этой игрой увлекались все мальчишки Советского Союза. В Москве она называлась «чеканкой» или «жесткой», а в Ташкенте — «лянгой».

— Играл, когда мне было лет двенадцать-тринадцать. Только мы играли немного по-другому. Не в кружок, а соревновались, кто больше сделает ударов, причем надо было подбивать хаски на разный манер.

И попытавшись вспомнить навыки шестидесятипятилетней давности, я изобразил несколько наиболее простых подбрасываний — «пары», т.е. попеременные подбрасывания хаски то левой, то правой ногой, и «оборотки» — подбрасывание то внутренней, то внешней стороной стопы (на более сложные фигуры — с подпрыгиванием — я не решился). Студенты тут же стали осваивать новую технику.

По-моему, это был самый успешный мой урок.

Глава шестая

Ароматы детства и отрочества

Написав предыдущую часть о профессиональной части своей жизни, я обнаружил, что бацилла воспоминаний продолжает бурлить меня и требует продолжения. Долго боролся я с этим искушением, но в конечном счете не устоял и записал несколько эпизодов из своей допрофессиональной жизни. Опять-таки вспомнил совет Юрия Карловича Олеси — все бесхитростно записывать. Хотя я и исходил из своей внутренней потребности, надеюсь, что эти эпизоды каким-то образом смогут передать ароматы тех лет, на которые пришлись мое детство и отрочество.

Вставай, страна огромная...

Летом 1941 года я жил под Москвой, в Томилино. Мне было тогда девять лет. Очень хорошо помню 22 июня. Это был выходной. В доме уютно пахло кофе и пирогами. И вдруг по «черной тарелке» объявляют о том, что будет выступать Молотов с важным сообщением. Так для меня началась война.

Дед за домом отрыл «щель» — легкое бомбоубежище. Сдали в поселковый совет шестилампный приемник (чтобы не слушать «вражескую пропаганду»)⁹⁴. Окна вечерами стали занавешивать темной тканью (светомаскировка) и заклеили бумажными крестами (считалось, что они предохранят стекла от взрывной волны, что однажды не подтвердилось: из-за разорвавшейся неподалеку фугасной бомбы вылетели все стекла со стороны взрыва). А потом, в ночь с 21 на 22 июля — первый авиационный налет на Москву. Меня разбудили, чтобы я шел в убежище. Выйдя на крыльцо, я увидел незабываемое зрелище: по небу метались прожекторы,

⁹⁴ Как не странно, в 1945 г. приемник, точнее — его корпус, был нам возвращен. Внутри корпуса остались обрывки проводов и какие-то панели, которые, видимо, трудно было отодрать.

ухали зенитки и прерывисто гудели немецкие самолеты. Вот несколько прожекторных лучей скрестились в одной точке, и в ней оказался серебристый самолет. Очень хотелось посмотреть, как его будут сбивать, но меня препроводили в убежище. Там пахло сырým песком и сеном, которое было настлано на лежаки. Такие детали сохранила память о первом месяце войны.

Авианалеты стали повторяться часто. Меня и трехлетнюю сестру Ирку уже с вечера начали укладывать спать в бомбоубежище. Во время налетов мама и бабушка были с нами, а дед оставался снаружи — караулил, чтобы на дом не упала зажигалка (на этот случай на чердаке были припасены ящики с песком и железные щипцы). Предосторожность эта была отнюдь не лишней: на нашей улице сгорели несколько домов.

Вообще окрестностям Москвы от авианалетов доставалось крепко: не прорвавшиеся в Москву через ПВО немецкие самолеты перед возвращением домой сбрасывали на них весь свой бомбовой запас — и зажигалки, и фугасы. Так что однажды от недалеко разорвавшейся фугаски все стекла с одной стороны дома, вместе с бумажными крестами, вылетели.

У меня появилось новое увлечение — коллекционирование снарядных осколков (до этого я коллекционировал марки, конфетные фантики и спичечные коробки).

В октябре в учреждении, где работала мама, было объявлено о предстоящей эвакуации. И вот 14 октября мама, бабушка и я с Иркой отправились с нашей улицы Карамзина на станцию, чтобы следовать в Москву и далее — в Казань. Дед категорически отказался от эвакуации, сказав, что должен охранять дом. Естественно, я взял с собой свою коллекцию осколков, поместив ее в свой ученический портфель. В то время бомбежки не прекращались ни днем, ни ночью. Так что по дороге на станцию я пополнял свою коллекцию осколков свежими, еще теплыми.

На Казанском вокзале царил дикая паника. Все куда-то метались, орали, толкались. Наконец, мы погрузились в «теплушку» — товарный вагон с трехэтажными нарами. Ехали мы долго (кажется, порядка двух недель), потому что часто останавливались: то пропускали встречные воинские эшелоны, то пережидали, когда возобновится движение после очередной бомбежки. Особенно долго стояли перед станцией Черусти. Наконец, впустили. Там в воздухе летал какой-то пух, а на земле виднелись следы не очень хорошо

засыпанных песком луж крови. Мне разрешили выйти из вагона, чтобы набрать питьевой воды, благо водопроводный кран оказался в пределах видимости от нашего вагона. И только я спустился на землю, как раздался оглушительный взрыв. И все кинулись обратно в вагоны. И правильно сделали, так как состав тут же тронулся. Что это был за взрыв — не знаю.

Воспоминания от эвакуации: малюсенькая комнатка с кроватью, на которой все мы четверо спим поперек (для мамы и бабушки под ноги пододвигаются табуретки). Просыпаемся очень рано от невыключавшегося радио (все время слушали, что там — на фронте). «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» — мороз по коже. Каждое утро в 6.00.

Эвакуация наша длилась недолго. В апреле 1942 года учреждение, где работала мама, вернулось в Москву. Правда, я и Ирка ехали нелегально, так как с детьми въезд в Москву был еще запрещен. Ехали мы на этот раз в пассажирском вагоне, типа нынешних пригородных электричек. Перед проходом очередного контроля проводница нас предупреждала (видимо, она была каким-то образом стимулирована), и мы с Иркой залезали под нижнюю полку, где было оборудовано специальное логово, огороженное от глаз контролеров вещами.

Перед отъездом свою коллекцию осколков я подарил другу Кольке. А он подарил мне штык к винтовке. Штык был настоящий, трехгранный, хотя и сильно ржавый. Оба были счастливы.

Дом в Томилино сохранился, а дед постарел за полгода лет на десять. Участок засадили картошкой. Вернее, посадили кусочки кожуры с ростками («глазки»), а саму картошку съели.

Время от времени мама, нагружившись кое-какими оставшимися вещами, отправлялась по окрестным деревням, где выменивала вещи на нечто съедобное. Деликатесами были кисель из овсяной муки и подсушенная свекла, которую бабушка называла «цукатами».

Подспорьем была крапива, из которой варились «щи». Поскольку в самом поселке ее быстро съели, приходилось ходить за ней довольно далеко. Попутно набирали сучьев — для печки (дров не было).

Летом жить было можно. А вот зима 42—43-го годов была очень тяжела. Холод и голод. В школе сидели, не раздеваясь и не снимая рукавиц. Но была большая радость — победа под Сталинградом.

И хотя и холод и голод оставались, все воспрянули. Это ощущалось и дома, и в школе.

В классе выпускалась стенгазета. Ее разрисовывал Витька Соловьев, а я ему помогал, так как умел рисовать танки и Буденного на коне. Жил Витька в домике, стоявшем около пристанционной столовой. Это последнее обстоятельство, видимо, сыграло важную роль в том, что директор столовой подрядил его написать лозунги к Первому мая. А Витька привлек к этому делу и меня. Несколько дней мы возились над красными полотнищами, намечая мелом тексты и раскрашивая буквы белилами. Видимо, творчество наше было более удачным, чем у Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова на агитпароходе. Во всяком случае, по завершении каждого трудового дня нас кормили картошкой. До сих пор помню восхитительный вкус этого блюда. Это был мой первый гонорар.

Летом 43-го в школе была устроена «детская площадка». Мы там проводили дневное время, а вечером расходились по домам на ночлег. В общем это была форма подкормки детей и отвлечения их от неправильного времяпрепровождения. Школа наша была начальной, в ней было всего четыре класса. Но в них была группа переростков — по 14-15 лет. Они оставались на ночные «дежурства», под руководством нескольких девчушек-пионервожатых. Витька, который был старше меня на три года, дежурил с большим энтузиазмом, а после посвящал меня в тайнства отношений между полами. Конечно, в моем одиннадцатилетнем возрасте эта информация носила для меня чисто академический характер. Впрочем, наложив ее на сведения, почерпнутые из досрочно прочитанных художественных произведений классической литературы, как-то «Воскресение», «Анна Каренина», «Госпожа Бовари» и так далее, я, несомненно, прогрессирувал в своем развитии.

Значительно больший интерес вызывали у меня поездки со старшими ребятами в Люберцы на базу за продуктами для «детской площадки». После каждой поездки всегда что-то перепало в качестве награды — ломоть хлеба, а то и несколько кусочков сахара к нему. Да и само приобщение к элите ребячьего мира, конечно, льстило. Во время одной из таких поездок по громкоговорителю на люберецкой платформе было объявлено о том, что нашими войсками взяты Орел и Белгород и что в ознаменование этого будет произведен салют. А потом и началось — салют, салют, салют...

Весной 45-го я жил в Москве, на Тверском бульваре. 8 мая я уже спал, когда было объявлено о капитуляции Германии. Дед разбудил меня, я никогда не видел его таким радостным: «Юрик, вставай скорее, победа!». Мы пошли с ним к Пушкинской площади, потом по улице Горького к Манежу. Радостные, счастливые толпы. Качают военных, обнимаются, смеются, поют, пляшут... Да, это был великий день.

В общем могу сказать, что войну я пережил не так тяжело, как, скажем, блокадники Ленинграда, так уж судьба сложилась. Но, наверное, цель воспоминаний о войне не только в том, чтобы вспомнить несчастья и тяготы, обрушившиеся на нас, но и воссоздать тот бытовой фон, на котором происходила эта война, окончившаяся великой Победой.

Московские коммуналки

В Москве мы жили в нескольких коммунальных квартирах. Особенно мне запомнился д.6 по Тверскому бульвару. Представьте себе так называемый бывший «доходный дом». Входишь через арочную дверь в красивый подъезд, поднимаешься по широкой лестнице с роскошными перилами (по ним очень удобно было спускаться верхом) до нужного этажа, открываешь дверь и оказываешься в совершенно другом мире — коммунальном. Прежде всего ощущаешь его аромат — это чадят на кухне керогазы, керосинки и примусы. Проходишь по корридору, по стенам которого развешаны тазы, разные стиральные принадлежности, иногда велосипеды и т.д. И достигаешь своей комнаты — одной из семи, которые когда-то (до семнадцатого или восемнадцатого года) составляли жилище какого-нибудь, наверное, адвоката или врача или другого небедного господина. Сейчас в каждой комнате живет семья. Все обитатели, естественно, хотят готовить себе пищу, отправлять естественные потребности в единственном туалете, стирать и сушить (в кухне) белье, умываться по утрам и вечерам (опять же в единственной ванной комнате), а иногда даже, черт побери, даже чего-то еще помыть у себя! Горячей воды в водопроводе в те времена, конечно, не было, поэтому, все помывочно-стиральные потребности требовали кухонного нагрева.

Помимо всех этих бытовых стеснений, само по себе проживание значительного количества людей в замкнутом пространстве требовало, понятно, личностной совместимости. Но, в отличие от

современного подбора космонавтов, в коммунальные обиталища попадали люди без предварительных тестов на эту самую совместимость. По счастью, о серьезных коммунальных коллизиях я знаком больше по литературе, прежде всего по рассказами моего любимого М. Зощенко. Конечно, и у нас образовывались время от времени какие-то альянсы и антанты одних против других. Потом одни союзы распадались и образовывались иные, но до крупных баталий дело не доходило. Но кое-какие шероховатости случались.

В комнатухе при кухне (такие уголки в свое время предназначались для служанок) жила тетя Шура с сыном Колькой. Он был немного моложе меня, и мы общались на основе фантиков, пристеночков и прочих невинных детских развлечений. А к тете Шуре приходил иногда человек в шинели без погон. Тетя Шура поясняла соседям, что он, демобилизованный по контузии, был ее бывшим мужем, который приходил навестить сына Колю. Тем не менее, на время его визитов сына препровождали в мою компанию, и мы играли в фантики-шмантики. Играли до тех пор, пока из тетишуринной комнаты не раздавались крики и звуки ударов мягкого о мягкое и твердого о мягкое.

Конфликт обычно разрешался при помощи соседа дяди Сережи, который до войны занимался боксом (его перчатки висели в коридоре), а потом был демобилизован по ранению и обычно находился дома, так как занимался каким-то инвалидным надомным промыслом. Мордобоя в особо крупных размерах я не помню, хотя дебют обычно бывал бурным, но вскоре он переходил на фронтовые воспоминания, заканчивавшиеся уходом обоих из квартиры.

Другой конфликтообразующий источник находился за стеной нашей комнаты. Там жила пожилая пара бывших чекистов. Вы спросите, ну, откуда я, мальчонка, мог знать, что они бывшие чекисты? Очень просто: в коммунальной квартире **все знали о всех все** (как — не знаю, но это факт). Оба они были на пенсии, причем Василий Андреевич явно по инвалидности. Он выходил к телефону, висевшему в общем коридоре, и очень громко требовал соединить его с товарищем Сталиным. Потом он начинал столь же громко объяснять абоненту вопиющую несправедливость, выразившуюся в увольнении его из органов, а также ошибки более широкого характера, допускавшиеся во внутренней политике. Так я впервые в жизни услышал критику в адрес существовавшего строя.

Болезнь Василия Андреевича прогрессировала, осложнившись манией преследования. Однажды он попытался спастись от преследователей через окно (дело происходило на шестом этаже). Там он замер на узком приступочке (уму непостижимо, как он там смог продержаться). Его жена быстренько позвонила по телефону, и вскоре приехали какие-то люди, которые через соседнее окно сумели втащить Василия Андреевича внутрь и куда-то увезли.

Ташкент — город хлебный

В конце мая 1945 г. мы переезжаем на четыре года в Ташкент, куда командируют отца. После голодной Москвы — это рай земной. Таких восхитительных фруктов и овощей, какие я ел там, больше ни в одной стране мира мне попробовать не довелось. Нежнейший виноград «дамские пальчики», персики, освобождающиеся от своих ворсистых покровов от легкого прикосновения пальцев, чарджоусские и прочие дыни... Да что там говорить! Нигде ничего подобного в мире нет и быть не может.

Как и в Москве во время войны, в Ташкенте за предприятиями были закреплены загородные участки, обрабатываемые сотрудниками в свободное от работы время. Для подкормки в условиях карточной системы. Но было отличие: на подмосковных участках выращивалась в основном картошка, а здесь — все мыслимые и немыслимые овощи и фрукты, дыни и арбузы. Мой приезд в Ташкент совпадает со сбором вишни и урюка. Я, конечно, активно участвую в трудовом процессе и в первое же воскресенье так обедаю урюком, что на многие годы приобретаю к нему стойкое отвращение (сейчас съел бы с огромным удовольствием, да где взять? Европа знает только мясистые абрикосы, а ароматный урюк ей неведом).

Впервые в жизни мы поселяемся в отдельной, а не коммунальной квартире. Это часть одноэтажного четырехквартирного дома дореволюционной постройки. Русские, пришедшие в Среднюю Азию (по современной терминологии — «колонизовавшие» этот край), придумали тип здания, совмещавший местную специфику (опасность землетрясений и изобилие местного стройматериала — глины) с их образом жизни, отличавшимся, конечно, от местного. На фундамент ставился деревянный каркас, а стены делались из самана, т.е. глины, смешанной с высушенным и мелко изрубленным камышом (или его подобия), росшим по берегам местных ре-

чек — «су»⁹⁵. После страшного ташкентского землетрясения 50-х, разрушившего почти весь город, устояли именно такие дома. Деревянный каркас ходил ходуном, саманные стены сыпались, но легкий материал не мог причинить вреда тем, кто не успевал выбежать из дома.

Рядом с нашим — такой же дом, а между ними — большое пространство, где растут огромные деревья с грецкими орехами и протекает арык. Язык не поворачивается назвать это пространство двором, хотя это именно двор, где собирается ребятня из соседних домов. Там мы играем в футбол, а к концу лета, когда созревают орехи, — в орехи (местный вариант игры в «бабки») и на орехи, т.е. в азартные карточные игры, расплачиваясь орехами. Эту валюту добываем тут же, во дворе, залезая на ореховые деревья. Процесс не так уж и прост, он требует некоторой физической подготовки и навыков. Так что орехи как денежный эквивалент вполне сравнимы с красивыми ракушками, использовавшимися с той же целью полинезийскими аборигенами.

Впрочем, для футбола двор маловат. Да и жильцы близлежащих домов недовольны: мяч часто попадает в их клумбы и прочие зеленые насаждения. Кто-то приносит весть: на стадионе «Медик» будет проводиться чемпионат Ташкента среди дворовых команд. Набираем одиннадцать человек и отправляемся на стадион. Записавший нашу команду распорядитель посмотрел на наши босые ноги и спросил:

— А что, тапочек-то у вас никаких нет?

— Да мы все время так играем (тапочек, а также иной спортивной обуви у нас, действительно, не было).

— Ну-ну. Валяйте.

Смысл его вопроса стал понятен сразу же после нашего выхода на поле: все оно было покрыто не травой, а верблюжьей колючкой. Правда, поскольку начиная с апреля все ходили босиком (вне школы, разумеется), у каждого нарастала такая естественная подошва, которая ненамного уступала обувной. И все-таки после каждой игры приходилось извлекать из ступней особо зловредные шипы. Не помню, какое место мы заняли в чемпионате. Но на то лето дворовые клумбы были спасены.

⁹⁵ Я видел, как при приготовлении самана узбеки добавляли в этот замес ослиный навоз (видимо, для большей вязкости). При этом все это размешивается босыми ногами.

А на следующее лето появилось другое увлечение. Самый старший из нас — Генка Рыжий — поступил на работу в электромонтерскую артель и принес оттуда несколько пар монтерских перчаток — из прорезиненного брезента с раструбами. Он сказал, что они могут заменить боксерские.

Обозначили ринг, и начались баталии. Сражались либо один на один, либо двое на двое. Перчатки, действительно, предохраняли фаланги пальцев при ударе, но никак не физиономии при удачном попадании удара. Впрочем, крупных травм не было, так как действовало железное правило: драться до первой крови или прикосновения рукой до земли. Ну, и, конечно, ниже пояса не бить. Нокаутов не было, а легкие нокауты случались.

Все вышеописанные развлечения были, естественно, чисто мальчишечьими. Девочки присутствовали как бы за кулисами. Но возникали и первые романтические ситуации. Несомненная прима — Римма К. Но она была старше меня года на два, поэтому я вне игры. А ребята постарше ходили вокруг нее табуном и били копытами.

Первое жизненное разочарование

Все в жизни когда-то случается в первый раз. Естественно, больше всего этих разов случается в детстве и юности. С годами их становится все меньше и меньше. Конечно, новые ощущения и новые ситуации запоминаются много ярче повседневной рутины, которая чаще всего и не запоминается вовсе.

Городские соревнования по гимнастике. Мой главный соперник — Борька, перенек из одного со мной класса. Мы занимаемся вместе в спортшколе. Уже на третьем снаряде мы, к радости нашего тренера, уходим вперед от ребят из других школ. А наши результаты разнятся между собой на какие-то сотые балла. Но вот на перекладине, любимом борькином снаряде, он обходит меня. Последний снаряд — брусья, моя «коронка». На них вся надежда. И брусья меня не подводят. Ну, не «десятка», но около того. А Борис срывается на соскоке и почти падает. Нечеткое приземление, во всяком случае. В результате я заканчиваю шестиборье с преимуществом в полбалла. Грустный соперник поздравляет меня с первенством. Мы сидим в ожидании официального объявления результатов.

К Борису подходит Витька Х. Он был чемпионом нашей школы, а сейчас учится в институте физкультуры Он мастер спорта по

гимнастике и входит в судейскую коллегию на наших соревнованиях. С Борисом они из одного двора. Еще учась в школе, он всячески опекал Борьку.

— Что грустишь-то?

— Да, вот, проиграл.

— Ну-ка отойдем.

«Наверное, утешает Бориса», — думаю я, глядя на шепчущихся Виктора и Бориса.

Но вот — гонг. Команды выстраиваются, чтобы выслушать официальное объявление судейской коллегии о результатах соревнований.

«...В личном первенстве первое место занял ученик школы № 50 Борис П...».

Я сначала не понимаю этой фразы. Но потом, когда объявляют мою фамилию как занявшего второе место, до меня доходит ее смысл. Борька стоит в строю с каменным лицом.

Это была первая, но, увы, далеко не последняя несправедливость, которую я испытал в своей жизни.

Школьные годы

Конечно, воспоминания о школьных годах неизбежно бывают окрашены теплыми ностальгическими чувствами. И уж, разумеется, нельзя не ощущать благодарности к своим учителям, обучавшим тебя по сути дела не столько наукам, сколько жизненным началам. Мне пришлось поучиться, из-за смены мест жительства, в шести школах. Только в одной школе — в Ташкенте — я проучился подряд четыре года: с шестого по девятый класс. На другие пять школ пришлось соответственно шесть лет. Это значит, что довольно много учителей приложило руку к моему образованию. И, должен сказать, что большинство их было несчастными людьми. По разным причинам, но несчастными. Хотя были, конечно, и исключения. Я начну с них.

В девятом классе английский нам преподавала Лидия Алексеевна. Так мы ее звали в соответствии со школьным этикетом. А на самом деле это была очаровательнейшая Лидочка, красавица, только что закончившая институт. Поголовно все девятые и десятые классы, где она преподавала, были влюблены в нее. Она это прекрасно понимала, ей это очень нравилось, и, видимо, поэтому все ее уроки были окрашены какими-то праздничными цветами.

Сидевший на первой парте перед учительским столом Алик Аллахвердов в начале каждого урока английского языка ронял на пол ручку и, подняв ее, передавал по рядам информацию — какого цвета трусики сегодня на Лидочке. Эта интимная деталь придавала легкую эротичность урокам, но отнюдь не опошляла в глазах недорослей пубертационного возраста образа Лидочки как гения чистой красоты. Учительская карьера ее продолжалась недолго. Она вышла замуж и исчезла со школьного горизонта.

В десятом классе историю нам преподавал Лев Борисович Лифшиц. Он был фронтовик, командовал пулеметным взводом, а после войны закончил исторический факультет педагогического института и поступил в аспирантуру. Одновременно он преподавал, зарабатывая себе на жизнь. Как и Лидочка, Лев Борисович был не намного старше своих учеников. Он был влюблен в историю и уроки вел вдохновенно. Объясняя новый материал, он рассказывал какие-то яркие истории, которых не было в учебнике, ставил вопросы, над которыми советовал подумать и найти ответы к следующему уроку, спрашивая заданный материал, особенно ценил собственные суждения о вечавшего. Все это было захватывающе интересно. А что стало потом со Львом Борисовичем, я не знаю.

Еще одно яркое явление в моей школьной жизни — преподаватель математики Арон Хачатурович Айвазян. По-моему, к школьным математическим премудростям он относился свысока. Быстренько объяснив предусмотренное программой какое-нибудь правило, закон или теорему, он открывал спортивное соревнование — кто первый решит задачку. Тому он ставил пятерку. При этом он хронометрировал скорость, положив перед собой часы. Но особенно Арон Хачатурович мне запомнился своими красочными рассказами о великих математиках. Его любимым математиком был Эйлер. Говоря о нем, он восторженно закатывал глаза. «Это был виртуоз, вот как бывают виртуозы-балалаечники», — кричал он. — «А Хаусс был, конечно, более основательным, чем Эйлер, но такого блеска у него не было», — сокрушался Арон Хачатурович.

Ему было лет тридцать с небольшим, и он еще не погряз в рутине преподавания, куда погружались учителя более старших возрастов.

В ташкентской школе почему-то не было преподавателей-узбеков. Даже узбекский язык преподавал нам русский — Иван Михай-

лович Иванов. Мои одноклассники-узбеки свидетельствовали, что узбекский он знает как родной. Иван Михайлович был известен под прозвищем Виргюль, что по-узбекски значит «запятая». Проводя диктанты, он в тех местах, где требовалась запятая, говорил «виргюль». Некоторые ученики это слово и писали. Так возникло его прозвище, которое прочно приклеилось к нему, тем более что он и похож был на запятую — худой и сильно сутулый. Много позже я с удивлением узнал, что и по-французски запятая — virgule. Что это — совпадение или какое-то непонятное проникновение одного языка в абсолютно далекий другой язык? Эта загадка мне порой спать не дает.

А вот — преподаватель географии Николай Николаевич Федяй. Благодаря ему я прочно заучил названия всех более или менее крупных рек, озер и горных хребтов всего мира. Был он уже в возрасте и вид имел весьма потрепанный. Но иногда, вспоминая свои путешествия (они ограничивались Средней Азией и Сибирью), он оживал и на какие-то мгновения молодел. Помимо географических названий, у меня в памяти осталось от уроков Николая Николаевича его стихотворное воспоминание то ли в связи с Китаем, то ли с Ямайкой:

*В вечер майский
Чай китайский
Очень славно попивать.
Но приятней ром ямайский
В чай китайский подливать.*

Не могу не вспомнить нашего классного руководителя — преподавателя физики Льва Мейеровича. Худой — нет, не просто худой, а изможденный человек, который ходил в любое время года в шинели, застегнутой на все пуговицы. Высказывались предположения, что под шинелью у него больше ничего не было, потому и застегивался на все пуговицы. Был он одинок и жил в школьном здании, в крохотной комнатшке, где стояли кровать, стул и некое подобие небольшого стола. От всего облика этого человека веяло несчастьем, трагедией. Что за этим стояло на самом деле, никто не знал. Был он нелюдимым, немногословным, и более неподходящей фигуры для классного руководителя трудно было придумать. Он был сух и в преподавании, и в общении с подопечными учениками. На его уроках не шалили и не шумели. И не потому что боялись его строгости. Просто он подавлял всех своим трагическим обликом. Хотелось лишь, чтобы скорее закончился его урок и он ушел.

Литературу вела Александра Павловна Коробейникова — интеллигентная, уставшая от жизни женщина. Конечно, она, следуя программе, спрашивала с нас черты «лишнего человека», но подобными схемами в общем не докучала. А однажды, когда один из моих одноклассников с гневом обрушился на сестрицу Татьяны Лариной за ее легкомыслие и «вертихвостничество», она, грустно улыбнувшись, молвила: «Ах, мальчишки, мальчишки... Ничего еще вы в жизни не понимаете...». Любила Салтыкова-Щедрина и часто его цитировала, хотя он и не был предусмотрен тогдашней школьной программой. Вообще я не помню, чтобы в школе нас долбали идеологией, хотя, наверное, в утвержденных учебных программах какие-то установки на этот счет и были.

Физрук Владимир Дронский — «казак Дадонский» был одним из самых популярных преподавателей (почему «казак Додонский», неизвестно, но это прозвище к нему приклеилось накрепко). Маленький, подвижный, очень динамичный, с судейским свистком на шнурке, он не только вел уроки физкультуры и несколько спортивных секций, но и был неизменным судьей на всех наших футбольно-баскетбольно-волейбольных состязаниях. Помимо того, что в школе был прекрасно оборудованный большой спортивный зал, в школьном дворе имелись футбольное поле, баскетбольная и волейбольные площадки, стояло несколько гимнастических снарядов. Думаю, что в этом была немалая заслуга «казака Дадонского». В результате ребята росли крепкими и здоровыми.

Помню, когда в 1949 г. я вернулся в Москву и поступил в 10-й класс, на первом же уроке физкультуры меня поразила разница в физической подготовке моих прошлых ташкентских и нынешних московских одноклассников. Я стоял в шеренге, где преобладали узкогрудые, анемичные юноши, практически лишенные мускулатуры. Правда, как я узнал впоследствии, среди них были чемпионы по шахматам и пинг-понгу, но подтянуться на перекладине смогли только несколько человек.

Как я уже, кажется, упоминал, мне из-за переездов родителей пришлось сменить с десятков различных школ. Но своей родной я считаю ташкентскую — №50 (наши сверстники из других школ звали нас «полтинниками»), где проучился с шестого по девятый класс. Школа была «русскоязычной», т.е. преподавание велось на русском языке (были и «узбекские» школы).

В 80-е — 90-е годы, как при крушении Вавилонской башни, выяснилось не только что население страны состоит из многих национальностей, но и что многие из этих национальностей не очень хорошо друг к другу относятся. А в мои давние школьные годы, несмотря на многонациональный состав ташкентского населения, мысль о национальных различиях в голову как-то не приходила. Перебирая сейчас в памяти фамилии своих одноклассников, я вижу среди них, помимо русских, узбекские, армянские, еврейские, украинские, татарские и иные имена. После страшного ашхабадского землетрясения 1948 г., когда за несколько секунд большой город практически перестал существовать, к нам присоединилось несколько ребят, приехавших из Ашхабада. Их приняли как родных. Мы не понаслышке знали, что такое землетрясение: в 1947 г. Ташкент тоже тряхнуло основательно, хотя последствия были и не такие страшные, как в Ашхабаде⁹⁶.

Из нашего ташкентского класса часть ребят поехала потом учиться в Москву. Помимо меня, это были Сурат Абдурахманов (Бауманский — КБ Ильюшина — Госплан), Боря Голованов (пошел в кибернетику), Игорь Ледогоров (стал актером театра ЦСКА, в кино играл сугубо положительных персонажей с умными уставшими глазами — в основном в звании генералов), Роман Ткачук (театр Сатиры, пан Владек в «Кабачке Тринадцать стульев»), Лева Файнберг (Цветметзолото — геолог — руководитель какого-то НИИ, видимо, секретного). Сурата, Игоря и Романа уже, увы, нет.

Остальные наши одноклассники стали иностранцами — гражданами независимого Узбекистана. Связи с ними осложнились. Слышал, что Марат Ризаев, окончивший Ташкентский медицинский и ставший хирургом, после независимости был какое-то время министром здравоохранения Узбекистана. Вадим Эльчибеков, учась в ташкентском политехе, увлекся альпинизмом, стал заслуженным мастером спорта, залез на все вершины мира, получил звание «снежного барса» и тренировал сборную Узбекистана по альпинизму. К сожалению, рано умер. А где вы сейчас, другие мои друзья-одноклассники — Гена Гольдберг (четыре года за одной партой!), Гена Кузнецов, Славка Шкульгин, Товий Биншток, Галустов и многие другие «иностранцы»?

⁹⁶ Катастрофа, близкая к ашхабадской, случилась в Ташкенте позже — в 1966 г.

Сбор хлопка

1-го сентября 1948 г., когда мы собрались в ташкентской школе для продолжения учебы в восьмом классе, нам объявили, что начало учебного года откладывается и нам следует собираться для отправки в ближайшее время на сбор хлопка. И мы отправились. Но до этого специалисты из минздрава рассказали нам об опасностях, подстерегавших нас в районе нашей предстоящей дислокации, и подробно проинструктировали, какие меры профилактики следует принимать. Помню, что среди опасностей фигурировал бруцеллез и еще многое чего. Родители были в панике, но мы слушали все это вполуха, поскольку предстоящий коллективный отрыв в неведомое от рутины школьных будней выглядел очень заманчиво. И, действительно, те два месяца, что мы провели «на хлопке», остались в памяти ярким пятном. Причем никто и ничем не заболел. А уж как мы обходились с профилактическими инструкциями, расскажу дальше.

Вносить свой вклад в трудовой подвиг республики по сбору хлопка предстояло нам в совхозе «Байяут», в краю, называвшемся Голодной степью. Действительно, не помню, чтобы там что-либо росло помимо несъедобного хлопка.

Поселили нас в школе, где занятий в то время, естественно, не было, так как все школьники тоже были мобилизованы на сбор хлопка, только, наверное, в каком-то другом месте. Во всяком случае мы их за все время в глаза не видели.

Что значит — школа в совхозе «Байяут»? А это значит — одноэтажное сооружение типа барака из самана (саман — это глина, замешанная на соломе и ослином дерьме) и разделенное на несколько комнат — классов. В одной из них разместился наш класс. Каждому сборщику хлопка выдали по матрасу, набитому чем-то — наверное, старым хлопком. Положили эти матрасы на глинобитный пол, разместившись, естественно, в соответствии со своими групповыми интересами. Собственно говоря, это расположение соответствовало тому, как мы размещались в нашем восьмом «А» в Ташкенте. Вообще говоря, наш класс был очень дружный, но, естественно, в нем были свои компании.

Основой нашего питания был густой суп (а, может быть, жидкая каша?) из отрубей. Почему-то мы его называли «рататуй». Привозили его в огромных чанах (ешь — не хочу) и, несмотря на наш подростковый перманентный голод, его оставалось достаточно для

незатейливых шуток. Тем, кто спал под окнами и имел неосторожность заснуть раньше других, привязывали к руке кружку, наполненную «рататуем», и ставили ее на подоконник. После чего с замиранием ждали, когда неосторожное сонное движение обреченного опрокинет содержимое кружки ему на голову. Это, я вам скажу, был триллер!

Много позже, оказавшись во Франции, я, конечно, не мог не отведать французского рататюя. Сходства со своим байяутским однофамильцем я в нем не обнаружил. Хотя не могу сказать, что французский вариант потряс меня своей гастрономической изысканностью (в этом было его единственное сходство с байяутским собратом).

Помимо рататюя, питались теми припасами, которые пересылались из дома. Мы их могли получать примерно раз в две недели: сначала их каким-то образом переправляли в г. Мирзачуль — райцентр, а оттуда автотранспортом типа полуторка/трехтонка через Голодную степь — в Байяут. Так что транспортировка была делом непростым. Вспоминаю, что когда нас везли туда, а потом обратно, по этой самой степи мы ехали часа три, но определить расстояние было бы крайне затруднительно, поскольку признаков какой-либо дороги не было, а маршрут пролегал по «тактыру», т.е. растрескавшемуся от солнца грунту, на котором страшно трясло, из-за чего приходилось время от времени останавливаться, чтобы привести в чувство пострадавших от «морской болезни».

Посылки из дома были, конечно, далеко неравноценные. Да, как кажется, не все их и получали. Многие жили бедно, особенно дети погибших на фронте отцов. Но в классе было два источника, из которого доставалось всем. Сурат Абдурахманов был сыном председателя Совмина Узбекистана. Ему приходили увесистые упаковки (конечно, не только в расчете на Сурата). Никаких деликатесов я не помню, но были в изобилии свежайшие узбекские лепешки, самса (узбекские пирожки с луком и мясом), фрукты, изюм, грецкие орехи, какие-то сладости. А Генка Гольдберг, чей отец работал в торговой сети, выставлял на «общий стол» батоны, колбасу, сгущенку, какие-то консервы. Все садились в кружок на полу, по-узбекски подвернув под себя ноги (в середине комнаты стоял стол, на который водружался бак с баландой и большой чайник с кипятком, но стульев не было), и начиналось пиршество.

Естественно, вся «гуманитарная помощь» съедалась в день ее доставки.

Рядом с нашим баракком был «хаус» — небольшой искусственно вырытый пруд. Там мы умывались. Для питья откуда-то привозили воду в цистерне, но она была теплой и невкусной.

Раз в неделю нас водили в местную баню, где избытком воды не баловали, но все-таки санитарные нормы, видимо, соблюдались. Во всяком случае, внешних проявлений их нарушения не было.

А теперь о собственно трудовом процессе. Начинаясь он очень рано. Будили нас еще затемно. Завтракали тем же рататюем (как бы «поридж»), запивая его «чаем», т.е. теплой желтоватой жидкостью. Потом отправлялись на плантации. Некоторые участки оказывались довольно далеко. Поэтому шли пешком примерно от получаса до часа. Столь раннее начало было вполне оправдано: ведь дело происходило в сентябре-ноябре, а вплоть до ноября солнце там довольно жгучее.

Главная задача была — до наступления припека набрать в мешок хлопка в достаточном количестве для того, чтобы на нем было мягко лежать. Получив нужную кондицию, перебирались поближе к арыку (степь хоть и голодная, но хлопок орошать-то надо) и предавались отдыху. Потом раздавались удары железного о железное — привезли корм, т.е. «ратауй» и «чай». Наиболее вкусным из доступных яств была вода из арыка — холодная и чистая (видимо, химизация выращивания хлопка еще не набрала обороты). Несмотря на предупреждения ташкентских медиков об опасностях бруцеллеза, она пользовалась большим успехом.

После перекуса — еще несколько часов работы. Они использовались для «выполнения нормы». Дело в том, что каждый сборщик должен был собрать в день, если мне не изменяет память, от 30 до 60 кг хлопка — в зависимости от качества участка. И тут нам помог опыт Мамлакат.

Наверное, люди, выраставшие в советские времена, помнят эту узбекскую девочку, которая вместе с пограничником Карацупой и его собакой Индусом, трактористкой Пашей Ангелиной, углеробом Алексеем Стахановым и некоторыми другими замечательными советскими людьми вошли во все хрестоматии для начальной школы как примеры для подражания для подрастающего поколения. Так вот Мамлакат своим замечательным двенадцатилетним умом сообразила, что надо собирать хлопок не одной рукой, дру-

гой придерживая хлопковую коробочку за ее основание, как это делали ее предки в течение столетий, а сразу двумя, не заботясь о судьбе коробочек: хоп-хоп, хоп-хоп. В результате продуктивность возрастала в несколько раз — не только за счет удвоенного количества хлопкового волокна, но и благодаря весу коробочек, которые неизбежно попадали в мешок сборщицы. Конечно, качество хлопка от такой техники отнюдь не улучшалось, но количественные показатели росли, и всем было очень хорошо, кроме тех машин, которые обрабатывали хлопок. Может быть, поэтому бедную девочку по достижении подсудного возраста и посадили за вредительство?

Сейчас, по прошествии многих-многих лет оглядываясь назад, могу лишь сказать: до чего же это было замечательное, веселое и счастливое время.

Первый разговор о политике

Весна 1949-го. Ташкент. Журчат арыки, расцветает белая акация. Я иду с Олей Д. Она красивая и умная. С ней интересно. У нее в доме большая библиотека, большинство книг довоенного издания. Я только что прочитал «Пародии» Архангельского, и мы хохочем, вспоминая их. На А. Жарова: «Мне снится, снится, снится, мне снится чудный сон: роскошная девица евангельских времен. Не женщина — малина, шедевр на полотне. Маруся Магдалина, раздетая вполне... Маруся из Магдалы, я втюрился в тебя... Умчимся же в советские края... И там в стране Советской, сгибая дивный стан, научишь страсти нежной рабочих и крестьян». А вот на Маяковского: «Пропер океаном, приехал — стоп. ...Плюю на буржуев с высокого роста. ...А если не хватит слюны, шлите почтой — Нью-Йорк, Маяковскому». И так далее. А почему Архангельского сейчас не переиздают? Немного обсуждаем эту тему. Вспоминаем ждановское постановление о Зошенко и Ахматовой.

Оля преклоняется перед Ахматовой, я очень люблю Зошенко. Нам непонятно, почему они стали главными жертвами ждановского постановления. Когда я начинаю распаляться, она говорит: «Не будем больше об этом. А с другими людьми вообще не надо такие темы обсуждать». Умная была девочка. Много позже я узнал, что ее родители сгинули в ГУЛАГе, и она росла в семье своего родственника.

Страшная месть

Перед войной я жил в Томилино. У дедушки с бабушкой был дом, вернее полдома на улице Карамзина. Рядом был так называемый «тестовский дом». Когда-то это, видимо, была роскошная трехэтажная дача, с живописными балкончиками и мезонинами, принадлежавшая до революции известному ресторатору Тестову. После национализации дачу заселили «простыми людьми». В основном это были рабочие с близлежащего Центрального склада — Цеэса, как его все называли. Проблема нехватки жилплощади, по мере роста населявших дом семей, решалась за счет различного рода пристроек. Дом был весь облеплен скворечниками, в которых ютились люди.

Я учился в первом классе школы №1, что была около железнодорожной станции. Иногда, возвращаясь из школы домой, я сталкивался с Васькой из «тестовского дома», который шел в школу во вторую смену (он учился в четвертом классе другой школы). Васька подходил ко мне, давал мне пару тычков в лицо и шел дальше. Он был года на четыре старше меня и, соответственно, сильнее, поэтому мои попытки давать ему отпор меня не спасали. Мне оставалось только загораживать лицо портфелем, чтобы «минимизировать ущерб». Конечно, побои были не смертельны, но было очень обидно ощущать свою беспомощность.

Видимо, со стороны Васьки подсознательно проявлялась обида на социальное неравенство. Я все-таки жил в отдельном доме-полудоме с садиком, а он ютился с многочисленными братишками-сестренками и матерью-алкоголичкой в клетушке типа курятника.

Вскоре васькино школьное расписание, видимо, изменилось, и побои прекратились. Но ненависть к Ваське и жажду мщения я сохранил.

Потом началась война, и меня увезли в эвакуацию. Вернувшись, я стал учиться в Москве, а после войны — в Ташкенте. Попав в «город хлебный» из голодной Москвы, я быстро отъелся и пошел в рост. В школе, куда я попал, был большой, хорошо оборудованный спортзал, работали разные спортсекции. Я, конечно, хотел заниматься боксом, чтобы подготовиться к мщению Ваське, но такой секции не было. Я стал заниматься в секции гимнастической. Скоро оброс мышцами и увлекся гимнастикой. Но мысль о боксе не оставляла меня. Мышцы — мышцами, но ведь надо же знать,

как ловчее отмутузить Ваську. К тому времени я уже занимался не в школьной секции, а в городской спортшколе. А там было отделение бокса. Там меня и научили, как бить по морде. И хотя тренер внушал нам, что бокс — это не драка, а тонкий высокоинтеллектуальный спорт, я-то знал, зачем я хожу на тренировки и нередко возвращаюсь домой с побитой физиономией.

Но, вот, отца перевели на работу обратно в Москву. Мне уже было тогда семнадцать. Первый юношеский разряд по гимнастике и вполне прилично поставленный боксерский удар. Я был готов к мщению.

Как-то приехав в Томилино, чтобы навестить бабушку с бабушкой, иду я со станции по улице Карамзина и лицом к лицу сталкиваюсь с Васькой. За прошедшие девять лет он немного подрос, но не сильно. Узкогрудый, какой-то скособоченный и поддатый. Он скользнул по мне безразличным взглядом и прошел мимо. Узнал ли он меня? Кто его знает. Наверное, я в его памяти запечатлелся не так ярко, как он в моей. Я тоже прошел мимо.

Спортом я продолжал заниматься, но уже не ради мщения.

Вместо эпилога

Память вытаскивает и вытаскивает из своих потаенных глубин что-то такое, что, казалось, уж забыл давно. Но пора и остановиться.

Жизнь, конечно, продолжается и после ухода в отставку. Но это уже совсем другая жизнь. Да, игра в домино и шахматы с другими пенсионерами — не единственное занятие на этом жизненном этапе. Можно следить за тем, что происходит в мире, читать газеты и интернет и рассуждать со сверстниками на тему «Путин — это голова» или «Путин и Медведев — это две головы». Но, как бы ни были глубоки высказываемые при этом суждения, происходящее видится уже со стороны. И все яснее проступает та истина, о которой Иван Бунин писал:

*А будут дни — угаснет и печаль,
И засияет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.*

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
<i>От автора</i>	7

Глава первая

Вся жизнь впереди	9
Таинственное начало и немного об Alma Mater	9
Мое открытие Африки	28
В Катанге был убит Патрис Лумумба	45
Африканское послесловие	83

Глава вторая

Новые горизонты — многосторонняя дипломатия	98
Тысяча первая	98
Комитет по разоружению	109
Накануне перемен	122
Процесс пошел	125
Чернобыль	133
Гони, ямщик... ..	137

Глава третья

Переговоры о стратегических вооружениях	153
Как начинались переговоры	155
Технология переговоров	160
Если сделана ошибка... ..	169
Конфиденциальность и утечки	192
«Звездные войны» в космосе и на переговорах	208
Американские сенаторы и наши парламентарии	227
Внутренняя дипломатия	229
На последней прямой	246

Глава четвертая

Соприкосновение с политикой	255
Смутное время	255
Путь к ратификации СНВ	267
Совет Безопасности	270

Глава пятая

Жизнь пенсионерская	287
Подайте отставному Послу бывшей Сверхдержавы... ..	287
Преподавание как способ выживания и как состояние для размышлений	290

Глава шестая

Ароматы юности и детства	297
Вставай страна огромная... ..	297
Московские коммуналки	301
Ташкент — город хлебный	303
Первое жизненное разочарование	305
Школьные годы	306
Сбор хлопка	311
Первый разговор о политике	314
Страшная месть	315
<i>Вместо эпилога</i>	317

Ю.К. НАЗАРКИН
**О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ БУДНЯХ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ**

Серия «*Воспоминания дипломата*»

Редактор *Т.Ф. Тищенко*

Художник *К.Г. Шанкин*

Компьютерная верстка *Н.А. Федорова*

Подписано в печать 6.06.2011.

Формат 60x84¹/16. Усл. печ. л. 19,99.

Тираж 200 экз. Заказ № 222

МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26